

АЛЕКСАНДРА ГЕЙЛ

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ПРИЗВАЛИ

ЛОМЬ

ЧУЖАЯ

После падения, я забыла все, вплоть до лица матери и собственного имени.

И как будто стала совершенно другим человеком. Во всяком случае, чем больше я узнаю о девушке, которой являлась, тем меньше у нас общего с этой лгуньей. Куда и почему она переехала из общежития? Зачем врала об этом родителям? Чье баснословно дорогое кольцо носила в своем рюкзаке? И почему в ночь падения ее вроде как видели в машине одного из близнецов Фейрстах, при том, что оба упорно отрицают этот факт?

Мне нужно найти ответы на все эти вопросы. Наверняка известно лишь одно: я бы никогда не прыгнула с крыши сама!

ХЭ обязателен

Александра Гейл

После. 1. Чужая — я

Открыть глаза удастся с трудом. Они не болят, но есть ощущение, что бездействуют очень давно. Не знаю, откуда оно взялось. Перед взором несвежий потолок. Он всем своим видом намекает, что я в больнице. Беглый осмотр стен, мебели и оборудования доказывает, что догадка верна.

Как я здесь оказалась? Что со мной?

В палате никого. Бросив тоскливый взгляд на дверь, подозреваю, что меня не скоро почтят визитом, а сил гадать нет. Думай, девочка, думай. В голове девственно пусто. Боли нигде не чувствуется. Как так?

Надеюсь, я не парализована?

Дышу я самостоятельно, стало быть перелом позвоночника может быть только ниже шеи. Приподняться на локтях удастся, и я направляю взгляд на пальцы ног, укрытые покрывалом. Шевелю ими, и ткань колеблется. Не парализована. Это хорошая новость. Тогда...

Какое число? Какой месяц? Год? Хотя бы сезон?

Я пытаюсь приподняться выше, чтобы выглянуть в окно. Вдруг там пышная зелень или снег? Но сколько ни тянусь — ничего не видно. А еще ничего непонятно. Разве рядом со мной не должна сидеть мама? Или папа? Или кто-то еще из родственников, кому мое пробуждение небезразлично? Рядом никого. Но на тумбочке рядом с кроватью лежит книжка, а в ней закладка. Кто-то здесь читает. Возможно, читает мне вслух.

Как давно я здесь?

Я тяну на себя каштановую прядь и обнаруживаю, что кончики не секутся. Либо я в больнице недавно, либо у меня отличное здоровье. Пребывание в госпитале — не в счет. Волосы на удивление чистые.

Как мое имя? Сколько мне лет?

Возраст женщины всегда виден по рукам. Мои руки опутаны проводами, но они, кажется... молодые, если так можно сказать про руки. С красивыми ногтями без следов лака, длинными пальцами, суставы которых немного толще фаланг.

От напряженных попыток что-либо вспомнить голова начинает раскалываться. Паника нарастает, пульс подскакивает до отметки ста ударов в минуту. Раздается тревожный писк приборов, и в палату вбегает медицинская сестра.

— Очнулась, — сообщает она очевидное. — Сейчас позову врача.

— Постойте, — прошу. — Как мое имя?

Она смотрит на меня с плохо скрытым раздражением.

— Имя, — произношу и чувствую, как лопаются пересохшие губы. — Как меня зовут?

Девушка поджимает губы и идет за картой. Господи, она *не знает!* Для нее я овощ из палаты X. Как мерзко.

— Тиффани Райт. Я позову врача.

Имя мне совершенно ни о чем не говорит, ничего не проясняет. Пора признать: *я ничего о себе не помню.*

Глава 1

Студентка юридического факультета Тиффани Райт упала с крыши при невыясненных обстоятельствах. Полиция склоняется к версии о самоубийстве.

Бостон Колледж Мэгазин

Стоя перед зеркалом в комнате поистине классной девчонки, коей, без сомнений, являлась Тиффани Райт (девятнадцать лет, рост пять футов и восемь дюймов, цвет глаз — голубой, цвет волос — каштановый, права выданы в штате Массачусетс — прелестное создание, не придерешься), я примеряю форму колледжа. Ткань ее темная и плотная, если бы не белая блуза, то я бы назвала наряд траурным. Клетчатая юбка, которой полагалось доходить до колен, вручную незаметно укорочена на дюйм-полтора. Жакет с отложным воротником и манжетами на тон светлее основной ткани, на лацкане значок, обернутый лентой, напоминающей по расцветке флаг Германии. Мне казалось, что этот унылый прикид способен кого угодно испортить, но мне непостижимым образом идет.

Справа за раму зеркала заткнута фотография со школьного выпускного бала, где я-она в изумительном серебристом платье и короне. Но улыбка у меня-ее очень скромная и сдержанная. Правильная, а не удивленная.

Я была королевой бала и воспринимала это как норму.

Должно быть, в год моего-ее выпуска с чирлидерами был напряг, потому что я-она в группе поддержки не состояла и все равно получила корону. Умница! Обычно такие девчонки не становятся самыми популярными выпускницами. Чем больше я о себе-ней узнаю — тем больше интригует меня вся эта история и я сама. Ненормально, правда?

Ведь кто-то пытался меня убить.

Страшно было несколько первых дней, пока я искренне считала себя беззащитной. Но скоро по настороженности в глазах окружающих начала понимать, что мало кто верит в мою забывчивость. Например, мама не верит. И моя сестра Хилари — тоже.

Кажется, меня считали манипулятором.

Заслуженно, потому что едва я поняла причины недоверия родных — решила поддерживать эту иллюзию. Если противник думает, что у тебя в рукаве козырь, то он действительно есть. Загадочность должна наделить отличной защитой.

Наверняка я знаю только одно: я не суицидница, что бы ни говорила полиция.

Официальная версия гласит, что Тиффани Райт месяц назад бросилась с крыши одного из зданий кампуса. А еще Тиффани Райт удивительным образом почти не пострадала, отделавшись парой переломов, с которых к моменту моего пробуждения уже сняли гипс, и сотрясением мозга, спровоцировавшим кому и ретроградную амнезию.

Мама вбежала в мою палату через тридцать минут после звонка лечащего врача с красными от слез глазами и с порога попыталась обнять, но я так дернулась назад, что чуть не упала с кровати.

Она чужая, я ей не верю.

После этого мама долго кричала на равнодушных докторов, которые без подготовки вывалили на «ребенка» страшную правду, не дав довериться хоть кому-то в этом мире. А я была благодарна им за возможность здраво оценить ситуацию. Откуда такая острая реакция на женщину, которая меня родила? Неужели я забыла не все? Воспоминаний как таковых нет, но что-то осталось.

Тем, кому я не доверяла раньше, я не верю и теперь.

Прискорбно, что в этом списке родная мать, но знать хоть что-то лучше, чем ничего.

С сестрой все намного сложнее. Я уверена, что Хилари не причиняла мне вред, но отношения у нас непростые. Будто я-она ее обидела. Или *обижала*. До встречи с Хил, в основном из-за мамы, у меня были сомнения в том, действительно ли я часть семьи Райт, но после они развеялись. Сестренка очень на меня похожа. Те же волосы — папины, те же глаза, тот же вздернутый носик и губки бантиком. Только она ниже меня, на четыре года младше, а потому еще немного нескладная. Ее бесит, что меня ставят ей в пример. Тем более теперь, когда родители надеются, что перечисление прошлых заслуг во время ужина воскресит во мне воспоминания. Пожалуй, Хилари — единственный человек, с которым мои отношения остались такими же, как были до падения.

— Тиф, — врывается в комнату Хилари. — О, ты... совсем как раньше. — С этими словами она застывает в дверях, не решаясь пройти.

— Врачи отдали вещи, в которых я упала. Надеюсь что-нибудь вспомнить, — предвосхищаю вопрос. — И ничего.

— Слушай, не мое дело. — Чем я дружелюбнее с Хилари, тем настойчивее она держит дистанцию. — Но папа едет в Ньютон. Если что, я ничего не говорила.

Мои родители живут в часе езды от столицы штата Массачусетс, поблизости от которой находится колледж, поэтому я-она снимала комнату в общежитии. До этого дня все думала, как бы туда попасть и осмотреться. А шанс взял и приплыл в руки сам.

— Спасибо, Хил! — благодарю сдержаннее, чем чувствую, и спешу вниз.

Мама с папой спорят жарко, и, едва удостоверившись, что речь действительно обо мне и поездке, решительно вхожу в комнату.

— Я хочу поехать, — перебиваю.

Едва взглянув на меня, мама стремительно бледнеет. Я запоздало понимаю, в каком виде спустилась к родителям. Они видели меня в этой самой форме в день падения. Плохо получилось.

— Послушайте, пока со мной папа, худшее, что может случиться, — я все вспомню. Но не в этом ли смысл?

— Тиффани, детка, ты не готова, — мягко начинает мама.

— К чему не готова, мам? — уточняю, подавляя раздражение. Я правда не понимаю, как можно подготовиться к восстановлению воспоминаний о неудавшейся попытке убийства или самоубийства. — К возвращению памяти? Хочешь, чтобы это случилось постепенно, и у потенциального убийцы был шанс подобраться ко мне поближе еще раз?

Она бледнеет и обвиняюще глядит на отца.

— Я поеду либо сейчас с папой, либо потом — одна. И вы будете кусать губы, переживать. Пойми, я не смирюсь, пока не узнаю правду. Мне нужны ответы.

Я уже не раз обдумала, как попасть в колледж, и теперь просто ставлю на этот план пометку «Б». Интуиция подсказывает, что он мне пригодится.

— Хорошо, — всхлипывает мама.

— Спасибо.

Жертва за жертву: я позволяю ей себя обнять, хоть это и вызывает инстинктивное отторжение. Вижу, как клочок волос Хилари, едва мелькнув, скрывается за дверным проемом.

Отчего-то сестра хочет, чтобы я попала в Ньютон.

Отец — единственный член семьи Райт, с которым мне легко.

Иногда у меня сосет под ложечкой от желания ему довериться, на что-то намекая. Но осторожность — единственное, что у меня теперь осталось, — сильнее.

— В бардачке есть флэшка с твоей любимой музыкой. Включи, — предлагает папа. — Красная твоя, белая — Хил.

Он хранит в машине музыку каждой из дочерей, это многое говорит о нем как о человеке.

Он учил меня-ее кататься на велосипеде. Падение с крыши оставило на моем теле немало шрамов, но на правом колене есть один давно заживший. Папа сказал, что это из детства — я-она свалилась с велосипеда.

Я умею кататься на велосипеде.

Я вставляю флэшку в разъем и удивляюсь. Музыка, которую я находила в комнате, совсем не походит на эту. Будто отвечают вкусам иного человека.

— Это точно моя флэшка? — уточняю я после пятой однотипной мелодии.

Отец бросает на меня странный взгляд.

— Да. Но она старая, — отвечает он уклончиво.

— И когда мои предпочтения поменялись? — почему-то этот вопрос кажется важным.

И ответ мне не понравится.

— Где-то полгода назад или чуть больше.

Сейчас ноябрь, то есть подсказки нужно искать в конце второго семестра. Видимо, в колледже. Опять все упирается в колледж. Все-таки что-то с ним не так.

Или что-то не так со мной.

— Тиффани, — неожиданно говорит он. — За первый курс ты очень сильно изменилась, поэтому полиция и решила, что ты прыгнула сама. Они все время говорили о наркотиках.

От этой новости у меня внутри что-то вздрагивает. Ощущение, будто кто-то решил насильственно навязать мне придуманный образ. Нет, я бы во многое поверила. В сестринства, в шантаж, в поиски способа заполучить независимый доход (конфликт с мамой никто не отменял), но никак не в наркотики и самоубийство. Просто кто-то хорошо продумал легенду, пользуясь моими слабостями, а затем сбросил меня с крыши. Он учел все, кроме одного: что я смогу выжить и с уверенностью заявить, что никогда бы, ни за что на свете не стала наркоманкой. Пусть я и не помню, но тело — не совет. Значит, нужно доказать с точки зрения медицины!

— А что сказали врачи? Они не могли не взять анализ.

— Они ничего не нашли, — отвечает он, к моему облегчению. Но затем мнетя.

— Договаривай, — прошу, прищурившись.

— Еще они сказали, что он не покажет, если ты перестала... принимать.

Именно так завязавшие наркоманы и поступают: едва полностью очистившись, бросаются с крыш. Да уж, полиция явно не очень трудилась над этим делом.

Мне понадобятся доказательства, чтобы снять с себя это ужасное клеймо! А точнее даже два ужасных клейма. Размер моих проблем растет впечатляюще быстро!

Я зябко кутаюсь в кофту, хотя в машине тепло.

— Не мама ли подсказала про наркотики? — словно со стороны слышу свой

бесстрастный голос.

— Тиффани. — Отец бросает на меня усталый взгляд. — Она не святая, но ты к ней несправедлива. Я не знаю, что ты помнишь, но она никогда не желала тебе зла.

— Ясно.

Вот правда и вскрылась.

Мать считает меня бросившейся с крыши наркоманкой. Но несправедлива я.

Остальную часть пути мы проделываем в полном молчании, и я угрюмо таращусь в окно. Обиделась, да. Если честно, с момента пробуждения я впервые испытываю это чувство, потому что считаю слова отца своеобразным предательством. Нет, он совершенно точно был мне небезразличен.

Мне бы очень не помешал сейчас телефон. Да и в принципе было бы очень неплохо заглянуть в него в поисках бывших друзей и связанных с ними подсказок, но в моем родном аппарате на защите цифровой код, вскрыть который не выходит. Я догадывалась, что даты рождения и знаменательные события в случае Тиффани Райт бессильны, но все равно попробовала.

Так подгадать самому себе способен только злой гений. Бедные родители. Даже мне с собой сложно.

Узнав о моей проблеме с мобильником, мама выдала на замену старенький аппарат Хилари, но это только для звонков. Я даже в фэйсбук с него не зайду из-за того, что не знаю пароль. Да и потом, оставлять подсказки в телефоне Хилари не кажется мне блестящей идеей.

Надо найти способ заставить родителей отпустить меня в колледж. Вольготнее я себя не почувствую, но там за мной не смогут следить, прикрываясь семейственностью. И там точно будет кто-то, кто может взломать мобильник.

Я заранее знала, что увижу. Газеты не обошли вниманием мою трагедию. Одни утверждали, что студентка не справилась с напряжением, другие — что в голову ударила студенческая свобода, не менялось только одно, и именно оно меня интересовало: место падения. Площадь, принадлежащая Бостонскому колледжу, огромна, и я хотела заранее знать, откуда именно я якобы спрыгнула. Кто-то скажет, что я лишаю себя таким образом шанса на восстановление памяти, но сейчас все вспомнить как минимум небезопасно. Пока я даже не представляю, к кому бежать за помощью.

Полиция мне не поможет. Мама не поддержит. А отец слишком добродушный и бесхитростный. Иной раз мне самой хочется его защитить.

Как только мы с папой оказываемся на площади перед кирпичного цвета корпусами юридической школы — все становится понятно. Даже не приходится напрягаться: единственный свободный от студентов газон и есть место трагедии. Интересно, сколько еще вещей обо мне-ей знает весь кампус при том, что я — нет?

Мы с отцом ненадолго останавливаемся на развилке дорог, и я, наконец, понимаю, что на меня действительно пялятся. Двое шепчущихся девушек не стесняются даже пальцем показывать. Наткнувшись на мой взгляд, они лишь хихикают. Будто им доставляет удовольствие мысль, кто перед ними или кем та, кто перед ними, стала. Обычно это крест популярных девчонок...

Была ли раньше популярной девочка-самоубийца?

— Нам назначена встреча с твоим деканом. Идем, — напряженно говорит отец, тоже заметивший реакцию студенток.

Для девушки я вполне высокая, но по сравнению с отцом чувствую себя настоящей малышкой. Я с подозрением вскидываю голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Зачем нам к декану? Я не спрашиваю вслух — скоро узнаю. Но почти уверена, что ответ мне опять не понравится. И еще меньше понравится то, что манипулировать собой я не позволю.

— Технически, мистер Райт, ваша дочь права, — разводит руками строгая, пугающе безупречная женщина, возглавляющая юридический факультет. — Этот семестр оплачен, Тиффани имеет право посещать занятия еще целый месяц. А раз ей больше восемнадцати, вынудить ее бросить учебу вы не можете. Но это не означает, что ей не придется нагонять пройденный материал и сдавать зачеты. Максимум, что мы можем сделать — их отложить.

Отец нервно меряет шагами кабинет, не зная, что делать. Я сижу, скрестив руки и упрямо поджав губы. Мне могло бы быть стыдно за устроенную сцену, но решив забрать меня из колледжа по состоянию здоровья, не посоветовавшись со мной, родители основательно перегнули. Наверняка мама именно поэтому не хотела отпускать меня в Ньютон. А когда отпустила, посчитала, что рассорить нас с отцом, поломав последнее сопротивление — тоже отличный план. Она прикидывается хорошей, принося мне вечером молоко и печенье на подносе, и, быть может, совсем не такая железная, какой я ее представляю, но у нее свои игры, и в мои планы они не вписываются.

— Тиффани, послушай, — игнорируя наличие посторонней женщины, отец наклоняется надо мной, заглядывая в глаза. — Врачи предупреждали, что если ты сейчас нагрузишь свой мозг, то воспоминания могут не вернуться никогда.

Господи, этот человек даже не злится. Он искренне переживает, он действительно меня любит!

Даже Хилари понимает, насколько важно все выяснить. Вот почему диковатая сестренка хотела, чтобы я поехала и постояла за себя!

В душе созревает что-то теплое.

— Папа! — начинаю я жалобно. — Меня. Пытались. Убить! И если я сейчас покину колледж — эта попытка сойдет кому-то с рук. Более того, за мной закрепится слава самоубийцы, и моя жизнь будет загублена. Я окажусь на учете у психиатра, не найду нормальную работу, тем более по специальности, не создам нормальную семью, потому что только конченный идеалист или религиозный фанатик доверит рожать детей женщине, которая может в любой момент броситься с крыши вновь. Это значит, что кто-то пытался убить меня, лишил памяти, разрушил будущее, а вы с мамой ему подыгрываете. Я не против не вспомнить, если это даст мне шанс на нормальную жизнь в дальнейшем!

У отца дрожат губы. А я не соврала ни словом! Я действительно согласна не вспомнить. Быть может, в этом даже благо. Чем больше я себя узнаю, тем больше удостоверяюсь, что вполне могла нечаянно узнать секрет, за который поплатилась. Да, я должна его узнать. Но я не обязана помнить то чувство страха, которое гонит молодую девушку на крышу вопреки всякой логике!

— Дай мне эти полтора месяца, чтобы во всем разобраться. Пожалуйста!

Мне жаль, что пришлось проделать этот трюк именно с папой — единственным человеком, которого я хочу обнимать, — но я действительно не вижу другого выхода.

— Хорошо, — говорит он глухо.

— Тогда, полагаю, вопрос улажен, — сообщает декан. — Мисс Райт, как только получите заключение врачей, мы вас ждем.

Как только мы оказываемся на улице, я порывисто благодарю отца, но по

решительности на лице понимаю, что рано.

— Послушай меня, юная мисс! — гневно сводит он кустистые брови. — Я согласен с тем, что моя Тиффани никогда не спрыгнула бы с крыши, но, кроме того, если бы моя Тиффани была ночью в своей комнате в общежитии и училась или спала, как это предписывает устав колледжа, с ней бы ничего не случилось! А это значит, что я запрещаю тебе проводить собственное расследование. Ты каждый день будешь возвращаться в общежитие и звонить нам с мамой из своей комнаты. Если понадобится — делать домашнюю работу под нашим присмотром. Пока мы не поверим, что ты образумилась!

— Но как я тогда узнаю правду?!

— Ты ее уже знала. Ходи по кампусу в учебное время, присматривайся, вспоминай. Если я узнаю, что ты нарушаешь это правило — ты тотчас отправишься домой! И твои гражданские права будут интересовать меня в последнюю очередь.

Надо ли говорить, что такие жесткие ограничения меня разозлили? И пересекая парковку, я непривычно невнимательна, а потому, когда рядом с визгом тормозит машина в паре дюймов от моих ног, у меня чуть сердце из груди не выпрыгивает. Как я ее не заметила? Шумно выдохнув, я тяжело опираюсь о капот ладонями и слышу заполошный крик отца:

— Тиффани!

Он странным образом приводит меня в чувство, и я вскидываю голову, чтобы взглянуть на водителя, который чуть не убил меня. Снова. Быть может, он и есть тот, кто собирался расправиться со мной на крыше? Тогда он должен быть удивлен, напуган или раздражен. Но мой взгляд утыкается в практически непрошибаемую стену. Не в том плане, что стекло тонированное — нет. Просто на лице парня, который чуть не сбил меня, невозможно прочесть ни единой эмоции. От резкого торможения пахнет паленой резиной. Он не мог не испугаться. Не мог не испытать хоть что-то...

Отец, тем временем, стучит в окно, вынуждая моего несостоявшегося убийцу номер два опустить стекло.

— Вы разве не знаете, что на парковке разгоняться не следует? — гневно спрашивает отец.

— Я прошу прощения, — отвечает он тихо и спокойно. — Надеюсь, ваша дочь в порядке?

От такой вежливости папа тут же сдувается, а мне чудится двойное дно в словах парня. Он тоже меня-ее знал. Возможно, шапочно, но все равно.

Судя по всему, папа тоже это понимает.

— В порядке, — кивает он, оглядев меня с ног до головы.

— Ей тоже следует быть осторожнее на парковке. И не только, — с намеком говорит он, и отец свирепеет снова.

— Что вы имеете в виду?!

— Я имею в виду, что ей следует быть осторожнее. Это все.

С этими словами он поднимает стекло и смотрит на меня. А уголок его губ дергается вверх, делая его лицо вызывающе красивым. Но это все меркнет на фоне взгляда: у парня невероятные, прозрачно-светлые глаза, почти бесцветные.

Я готова голову дать на отсечение, что он привлек мое внимание специально.

Стихотворение Лены М

Как же это страшно,

Саму себя не зная,

В зеркальном отражении
Себя не узнавать.
Во тьме среди руин
При свете дня ступать,
В знакомых незнакомцах
Ключ к прошлому искать.
И как в известной песне
Беззвучно умолять:
Верните мне меня,
Пока чуть-чуть осталось
Верните мне меня,
Я всё равно сломалась,
Верните мне меня,
Хотя бы по частицам,
Пока не до конца
Меня склевали птицы.
Из кусков да в целое
Себя я снова сделаю...
И в поисках себя,
Туда-сюда, как дворники,
Я каждый выходной,
От вторника до вторника..

Вернувшись домой, я застаю маму в кухне с полотенцем. Она вытирала посуду, но, заметив нас, замерла, прижав его к груди. Ей страшно, что все прошло не по плану. Я, не говоря ни слова, просто прохожу мимо и, спрятавшись на лестнице, подслушиваю разговор родителей:

— Но она права, Карен! — рычит папа в ответ на обвинения в излишней мягкости. — Отказав в праве разобраться в этой истории, мы разрушим ей жизнь. Полиция не потрудилась даже достоверную теорию сострять. Не ври, что ты им поверила! Спрыгнула сама? Наша Тиффани? Брось!

— Ладно, Уильям, допустим, ее столкнули! Но ты хочешь, чтобы наша дочь вернулась в это ужасное место и кто-то закончил начатое?

Мне становится чуточку неловко за свою злость. Карен Райт рассуждает как любая мать. Пусть наши отношения не столь хороши, как бы мне того хотелось, она просто пытается меня уберечь.

— Нет. Я хочу, чтобы наша дочь не думала, будто ее предают собственные родители. Или, если вдруг память не вернется, не считала себя наркоманкой и самоубийцей. Потому что это не так.

— Ты этого не знаешь, — припечатывает мать. — Вспомни, как она изменилась, похудела, осунулась, как все лето убегала из дома на несколько дней, а, вернувшись, отделялась нелепыми отговорками о друзьях и вечеринках.

— Этому может быть много объяснений! Может, у нее появился молодой человек?

— И зачем тогда это скрывать, Уилл? Ты хоть представляешь, сколько раз я об этом спрашивала? Я была бы счастлива узнать о таком. Даже... даже если бы это был не молодой

человек, а девушка! Но она каждый раз отвечала категоричным «нет».

— Ты права, Карен. И тем не менее Тиффани уже не ребенок. По закону она решает, возвращаться ли в колледж на оставшееся от семестра время. Я запретил ей заниматься самостоятельным расследованием, но на большее ни ты, ни я повлиять не можем.

Досадливо хлопнув носом, совсем как маленькая, я тихонько иду в свою комнату и плотно прикрываю дверь. Посреди кровати валяется мой мобильный и листок бумаги с зачеркнутыми цифрами. Каждый день я начинаю с того, что перебираю четырехзначные последовательности в поисках кода разблокировки. Пять попыток — пауза. Три попытки — пауза и так далее. На сколько хватит терпения. Нужно перебрать всего-то десять тысяч вариантов. Пока что получилось обработать триста. Благо свободного времени у меня нынче много.

Вздыхнув, я падаю на кровать и устало закрываю глаза. Этот день меня ужасно измотал. Поворачиваю голову и вижу на стене мотивирующие лозунги, визуализации института, фотографию значка колледжа.

Я явно верила в силу позитивного мышления.

Эти листки провисели на стене целый год после того, как выполнили свое предназначение.

С тех пор, как поступила, я не удосужилась заняться своей комнатой. А ведь провела здесь целое лето.

Мама права: что-то случилось. Меня-ее перестали интересовать вещи, которые раньше казались важными. Эта комната очень... характеризующая. Школьные фотографии, книги по праву расставлены по линейке, в алфавитном порядке, над столом полка с любимыми фильмами, постер Lorde на стене — ее музыка звучит в машине отца, днем на кровати сидит плюшевый медведь в окружении клетчатых подушек. Здесь все несет в себе отпечаток личности Тиффани Райт — той девушки, которой я-она была до колледжа. А вот после — тишина. Еще бы мама не переживала.

Я поднимаюсь на колени на кровати и снимаю со стены листовки колледжа, но едва успеваю положить на стол, как слышу:

— Тиффани, дорогая, открой, пожалуйста.

На пороге мама с подносом в руках. Принесла мне традиционное теплое молоко и печенье как повод к разговору. Приходится отойти и пропустить ее внутрь. Мама ставит поднос на мой стол, неодобрительно сдвигая им только что брошенные мной как попало листовки. Одна соскальзывает и падает на пол.

— Я прошу тебя, подумай еще раз, — жалобно начинает мама, заламывая руки. — Папа рассказал мне о твоих опасениях, но ты всегда можешь сменить колледж, уехать туда, где никто не будет тебя знать и...

— Нет, — качаю я головой упрямо. — Американская ассоциация юристов никогда не выдаст лицензию наркоманке и самоубийце!

— И не надо, есть множество других прекрасных профессий. Ты должна понимать, что я не считаю правильным рисковать собой. Ты ведь даже не можешь быть уверена, что не спрыгнула сама, — ее голос твердеет. — Мы приняли решение не оплачивать тебе следующий семестр.

Готова поделиться своим наблюдением: я пошла в мать. Она тоже прекрасно знает, как добиться своего. И схема у нее прекрасная, рабочая. Ласковые слова, переходящие в железные аргументы и, наконец, — бах! — ультиматум.

— Я могу быть уверена. Абсолютно. Но с вашим решением я спорить не могу, а это значит, что у меня еще меньше времени, — вздыхаю я, ничуть не удивленная таким решением. Мама мрачнеет, ожидая удара. — Получается, мне нужно ехать в колледж завтра же.

— Тиффани, постой. Врачи...

— Сказали, что мне нельзя на занятия — это так. Но заселиться в общежитие я могу. Вдруг друзья что-нибудь расскажут, и я, наконец, вспомню, что сподвигло меня прыгнуть с крыши. Конечно, кроме наркотиков и прочего разврата, который мне приписывают. И в который ты веришь как в господа нашего Иисуса.

— Тиффани! — ахает она. Что? Начнет уговаривать и причитать? Оборачиваюсь и выжидательно смотрю на маму. — Ты не получишь ни цента, — огорошивает она.

Ушам своим не верю!

Картинка начинает складываться. Если меня-ее и раньше дергали за эту ниточку, то я-она обязана была искать дополнительный источник дохода. Так, пожалуй, недолго вляпаться. Но есть и плюс: если мне-ей не давали денег, то и наркотики взять неоткуда.

Мама смотрит на меня с предвкушением. Ждет, что я буду кричать и возмущаться? Но я не буду. Должно быть, когда-то так и делала, но явно не в последний год. Вот почему она в таком бешенстве: в школе она контролировала меня-ее именно таким образом. Вот почему я не нашла в своей комнате ни одной кредитной карты! Хорошая Тиффани — держи монетку. Плохая Тиффани — отдай обратно. Но с некоторых пор что-то изменилось! И сейчас мама проверяет, сработает ли налаженная годами система подавления.

Вот почему она заливалась соловьем во время семейных ужинов: пыталась протянуть ко мне свои невидимые ниточки снова. Связать этим семейным обожанием по рукам и ногам. А когда не вышло — вернулась к проверенным методам.

— У тебя все? — спрашиваю. — Мне нужно собрать вещи.

Я стараюсь думать о том, что так даже лучше, что теперь папа точно не сможет требовать от меня безвылазного сидения в общежитии, но злые слезы все равно обжигают глаза. Разве родная мать не знает, что я от своего не отступаю? Тем не менее, стоит мне выйти из больницы, она лишает меня денег на расходы, вынуждая искать работу. При том, что где-то ходит мой убийца.

Смахнув слезы, я раздраженно хватаю упавшую листовку и... натываюсь взглядом на записанный на обратной стороне номер телефона. Что это? Сколько бы я ни говорила о том, что нужно узнать правду, сердце начинает биться в горле. Это ниточка к моему падению — я это чувствую так же необъяснимо, как свое отношение к родным. В руках сам собой оказывается телефон Хилари. Минуту я взвешиваю все за и против. Но понимание, что кроме родителей и сестры мой новый номер известен только детективу, который допрашивал меня сразу после пробуждения, чтобы закрыть дело насовсем, перевешивает. Никто не узнает, что звонила именно я.

Пока не успела передумать, я набираю номер и с трудом подавляю стон, потому что абонент не обслуживается. Вздохнув, бросаю телефон на кровать и начинаю просматривать остальные листы в поисках других подсказок или зацепок. Вдруг и там что-то написано? Но нет. Они пустые.

Что это за цифры? Существует вероятность, что я-она звонила в колледж и быстренько записала продиктованный номер человека, который может ответить на вопросы, но тогда почему не подписала именем?

Или я записала этот номер, чтобы ни в коем случае не потерять, потому что он крайне важен?

Странная мысль посещает совершенно внезапно: эти цифры ничем не хуже других. Я хватаюсь за свой телефон и ввожу в качестве пин-кода разблокировки экрана последние четыре цифры с листка. Дисплей загорается, и что-то внутри меня вздрагивает. Чем бы он ни был, этот номер очень и очень важен. И он больше не отвечает.

Я слепо гляжу на усыпанный разномастными оповещениями телефон и чувствую, что упустила что-то очень-очень важное. Я хочу это вспомнить, действительно вспомнить — впервые. Потому что мое незнание отдается необъяснимой пустотой внутри.

Глава 2

Поздно ночью, когда я уже ложусь спать, ко мне в дверь тихонько царапается Хилари. Сестренка смотрит исподлобья, ну точно дикий зверек — это знакомо, но я приветливо ей улыбаюсь и приглашаю пройти.

— Мама сказала, что ты собралась уехать. И что не уедешь, потому что она не дала тебе денег.

— С тобой она делает то же самое? — спрашиваю, озаренная внезапной догадкой.

Хилари неуверенно поводит плечом, протискивается, наконец, в двери и плотно закрывается.

— Вот, — говорит она, протягивая мне ладошку с зажатой в ней стодолларовой купюрой. — Чтобы доехать до Ньютона.

Отбросив крем, которым собиралась намазать руки, я приглашающе откидываю одеяло. Хилари мнетя пару мгновений, но все-таки осторожно забирается в кровать вместе со мной. Некоторое время мы лежим, глядя в потолок.

— Спасибо тебе за подсказку про Ньютон.

Я поворачиваю голову и изучаю профиль сестры с маленьким вздернутым носиком и пухлыми губами. Еще пара лет, и она станет настоящей красавицей. Исчезнут последние неровности кожи, заблестят волосы, а фигура приобретет более женственные очертания, и ноги не будут казаться такими несуразно длинными и худыми. И тем не менее именно нынешняя ее версия вызывает во мне... нежность.

Хилари на благодарность не отвечает. Дернувшись, говорит совсем другое:

— Я не уверена, что возвращаться в колледж тебе во благо. Ты ведь правда не помнишь, да? — поворачивается она ко мне.

— Только то, что мама обращалась со мной плохо, а папа — нет. Ничего конкретного.

Внезапно она начинает откровенничать. Без прикрас:

— Колледж сделал тебя скрытной и заносчивой, ты часто заводилась с пол-оборота. Бесконечно сидела в своем телефоне, чуть что ехала в Бостон на всякие вечеринки. Раньше мы много времени проводили вместе, но этим летом ты будто начала нас стыдиться. Накануне падения приехала домой на выходные и вдруг уже через несколько часов собралась обратно. Сказала, что нужно помочь друзьям. Вы с мамой из-за этого очень сильно поругались. Она ударила тебя по щеке. А ночью нам позвонили и сказали, что ты упала с крыши.

Так вот в чем дело!

— Она винит себя, — озвучиваю догадку.

— Да. Она плакала, не переставая, наверное, неделю. Ей нужно думать, что все из-за наркотиков, потому что иначе ты либо прыгнула по ее вине, либо она не поняла, что ты идешь на встречу со своим убийцей, и подтолкнула тебя к необдуманным действиям.

Еще бы она думала по-другому! Мама мне совсем не доверяет.

— Я бы не прыгнула с крыши из-за мамы, — утешающе говорю я. — Я уверена, что вообще не прыгнула бы.

— Я тоже в этом уверена. Поэтому будь особенно осторожна, хорошо?

— Иди сюда.

Я насильно притягиваю сестру в объятия, она не сопротивляется, но все еще напряжена.

Надеюсь, сумеет простить мне холодность, потому что это не то, что я чувствую по отношению к сестренке. Больше похоже на то, что я пыталась что-то скрыть и боялась не суметь.

— Мне жаль, что мое отношение этим летом тебя обидело. Но я уверена, что тому есть объяснение, и я его отыщу.

— Не сомневаюсь. Тебе досталось все мамино упрямство и чуточку сверху, — дурашливо хихикнув, говорит Хилари и, наконец, расслабляется.

Мы лежим так еще полчаса, болтая о разном и ни о чем конкретно.

— Будешь мне писать? — спрашиваю.

— Если тебя не смущает, что мама проверяет мой телефон, — морщится Хилари.

— Тогда я буду писать глупости.

Кажется, сестру забавляет одна мысль о том, что я могу писать что-то несерьезное, но вслух она ничего не говорит и, опасливо выглянув за дверь, на цыпочках выскальзывает в коридор.

В этот момент меня настигает первое воспоминание: *в детстве Хилари звали мышкой.*

Мой отъезд — одна большая драма. Начиная с завтрака, во время которого можно было услышать полет каждой мушки в доме Райт, и заканчивая криками. Мама пытается вырвать у меня ручку чемодана, плачет, угрожает. В сердцах кричит, что если я выйду за дверь — то могу в этом доме больше не появляться. Если бы не ночной рассказ Хилари, я бы посчитала мать сумасшедшей, но теперь знаю, что разума ее лишает страх. Она боится, что я пойду в полицию и расскажу о пощечине.

Перепуганная сестренка убегает в слезах, наверху громко хлопает дверь ее комнаты. Наконец, отец хватая маму, и она сдувшимся шариком обвисает в его руках. Папа молча мне кивает, и я тут же выскакиваю за дверь, чтобы встретиться с толпой любопытствующих соседей. В чопорных пригородах подобные истерики смакуются долго.

Ошалело оглядев шепчущихся домохозяек, я спускаю чемодан со ступеней и направляюсь к автобусной остановке. У меня никто ничего не спрашивает. И ведут себя так, будто я повредила умом и слухом, а не утратила память. Бросив последний взгляд на дом, я замечаю в окне за тонкой занавеской застывшую фигуру Хилари и машу ей рукой. Если честно, возвращаться в это место после сегодняшнего вообще не хочется.

Едва устроившись в автобусе, я утыкаюсь носом в свой телефон и вставляю в уши беспроводные наушники, которые звучат не на одну сотню долларов. В мозг врывается тяжесть 3TEETH и Disturbed, и я в очередной раз задаюсь вопросом: *когда я-она успела подсесть на такую жесть?* Не могу сказать, что мне не нравится эта музыка, но она определенно что-то тревожит. Примерно так же, как и телефонный номер с оборота листовки. Прежде чем оставить аппарат Хилари вместе с сим-картой в своей комнате этим утром, я звонила еще дважды, но так же безрезультатно.

Каждый раз при выборе трэка вручную телефон раздражает меня избыточными иконками сообщений. Почтовый ящик, мессенджеры, фэйсбук — все переполнено, и отнюдь не спамом. Пройдясь по заголовкам сообщений, я понимаю, что все эти гениальные люди писали мне в надежде узнать, действительно ли я самоубийца, а из нескольких чатов меня попросту удалили. Я пока не нашла в себе сил искать в этом мусоре жемчужину здравого смысла и волшебный ключик к прошлому. Это нужно делать в спокойной обстановке, а именно с ней у меня напряженно.

— Как это отказалась от комнаты после второго семестра? — спрашиваю у охранника общежития, который не спешит пускать меня внутрь.

— Прости, Тиффани. Я знаю только то, что ты выехала из кампуса, — пожимает плечами мужчина.

Это просто невозможно. Может, меня выгнали недавно, из-за падения?

— Хорошо, допустим, но сейчас я могу получить ее назад?

— Новый семестр — все заполнено, — качает он головой, и я понимаю, что этого просто не может быть.

Следовало бы дойти до вышестоящих, но без допуска врача мне едва ли пойдут навстречу. Мне даже занятия посещать пока не позволено. Впрочем, подозреваю, что даже если бы это было не так, нежелание охраны пускать меня внутрь — только первый звоночек. Никто не хочет жить с девочкой-самоубийцей. То есть заставить принять меня в общежитие, может, и получится, но ведь выживут.

— Постой, мне кое-что твое передали для тебя. Где же...

Он скрывается в подсобном помещении и выходит оттуда с рюкзачком в руках.

— Это что?

— Твой рюкзак, — говорит мужчина, глядя на меня с подозрением.

Угу, я не помню, что выехала из общежития, но свои вещи узнавать обязана.

Впрочем, мне уже нет никакого дела до того, что роится в голове у охраны. Я не один раз задавалась вопросом, где вещи, которые были при мне в день падения, и куда их дела полиция. Просто подарок судьбы, что они нашлись! Я размещаюсь на подоконнике, чтобы заглянуть внутрь рюкзака. Натыкаюсь на блокнот, помаду и — бинго! — лаконичные корочки, в которых права на имя Тиффани Райт (жаль, что я их уже восстановила), кредитная карта (хвала небесам!) и немножко наличности. Действительно — мое! Окрыленная, я хватаю блокнот и начинаю перелистывать страницы в поисках хоть чего-нибудь существенного. Записей много, большинство — информация по учебе, сроки, пометки к заданиям... Но есть и другие. От объема, который нужно обработать, кружится голова. Телефон, а теперь и блокнот. И это прекрасно.

Я запускаю руку еще глубже в рюкзак, нахожу пару ручек, помаду, зеркало, прочие совершенно необходимые девушке мелочи, как вдруг пальцы натыкаются на какой-то мешочек. Не понимая, что там может быть, я вытаскиваю его на свет, на всякий случай получше отгородившись спиной от охранника, и развязываю тесемки. В следующее мгновение мне с трудом удается подавить крик.

Потому что в мешочке лежит кольцо.

Не то чтобы я разбиралась, но незамысловатый дизайн, приковывающий все внимание к большому желтому камню в обрамлении бриллиантов, подсказывает, что это далеко не безделушка. И если в жизни Тиффани Райт и может быть такое совершенство, то только на экране! У меня даже мысли не возникает, что оно может принадлежать мне-ей.

Тем более что мама сказала, будто я ни с кем не встречалась.

А это подводит к следующему вопросу: как я-она заработала деньги, которые лежат на кредитной карте? И сколько их там?

Вот она — разгадка падения. На языке становится мерзко. Отличный выбор: воровка, наркоманка, самоубийца или лгунья. Пересечения допускаются. И лгунья, в общем-то, в любом случае. Дрожащими руками я запикиваю кольцо обратно в мешочек, а его — в рюкзак. О том, чтобы завязать тесемки, нет и речи: пальцы не слушаются. Шок настолько

силен, что начинает раскалываться голова.

Я пропала на несколько дней якобы на вечеринках. Срывалась с места и ехала. Ночевала непонятно где. Выехала из общежития... Не потому ли, что там есть комендантский час, который мешает... что, грабить ювелирные магазины?

Стоп! Как это кольцо побывало в полиции и не привлекло внимание?

— Кто принес рюкзак? — спрашиваю я слишком резко. — Полиция?

Я уже знаю, что в полиции он побывать не мог. Потому что они бы точно задавали вопросы о кольце, а их не было. И еще потому, что отдали бы мне вещи лично в руки. Или не отдали вовсе. Скорее второе.

— Какой-то парень.

— Какой парень? — допытываюсь.

На рюкзаке ни дырочки, ни потертости, ничего не пострадало: зеркало не разбито, помада не переломана. Он не падал вместе со мной: его забрали с крыши. Или еще раньше.

Рюкзак в общежитие принес мой убийца. Убийца, который очень не хотел, чтобы кольцо нашлось. Подельник? Иначе почему ему это невыгодно.

— Да это было почти месяц назад, думаешь, я помню?

Мой убийца знал, что я не живу в общежитии, а значит, мои вещи полиция тут искать не станет. По крайней мере та спустя-рукава-полиция, которая занималась моим делом.

Осознание, что здесь, в кампусе, действительно есть человек, который желает мне смерти, заставляет колени подкоситься. Становится страшно и холодно. И нет места, где я могла бы спрятаться, потому что меня не заселили в общежитие. Голова грозит взорваться от давления изнутри, горло дерет от жажды.

Беги. Немедленно!

Я не могу не поддаться этому внутреннему голосу. Вылетаю из общежития на всех парах. Чемодан болтается в разные стороны, подпрыгивая на каменистой аллейке. Я почти ничего не замечаю вокруг ровно до тех пор, пока наперерез не идет тот самый парень, который чуть не сбил меня на парковке. За ним следом вышагивает пяток девиц разом. Одна под ручку, а остальные просто как свита. Чертов красавец, концентрированные неприятности. Я-она могла бы запросто конкурировать за место рядом с таким. И победить. Но я-она не носила на лбу клеймо самоубийцы. Эта черная метка роняет меня на миллион пунктов вниз, и наглец этим охотно пользуется.

— А кто это тут у нас? Шалтай-Болтай!

Девицы взрываются хохотом как одна, а я чувствую, что после всего, что со мной сегодня случилось, отметка «кипение» пройдена. Сначала меня таранит, а теперь еще обзывается?! Парню везет, что месяц провалявшись овощем на больничной койке, я не могу вложить в удар столько сил, сколько хотела бы.

Он отворачивается и наклоняется, зажимая разбитый, но все-таки не сломанный нос. Девчушки с визгом отскакивают, дабы ни в коем случае не запачкаться кровью.

— Сдурела? — звучит неожиданно миролюбивое для такой ситуации, и это простое слово образует в моем настрое невидимую дырочку, через которую вытекает гнев и напряжение. Становится немного легче.

Вот так и сходят с ума.

— Урок вежливости, — выплевываю и прохожу мимо.

— Стефан, дай посмотрю, — ластится к нему подружка «под ручку». Но он отмахивается от девчушки, как от мухи.

Больше ко мне никто не пристает, и территорию кампуса я покидаю без происшествий.

Чемодан с грохотом плюхается на пол, а я — на кровать. Я лежу и смотрю в потолок. Мне необходима эта пауза.

Меня всерьез озадачила паника, которой я поддалась, узнав о том, что рюкзак вернул мой несостоявшийся убийца. Как, спрашивается, я собираюсь проводить собственное расследование, если буду вынуждена бежать и прятаться от людей, едва узнав что-то стоящее?

Мой телефон пиликает: падает новое извещение из фейсбука. Сообщение от Джессики Пирс. На аватарке с крайне удачного ракурса красуется подружка Стефана «под-ручку». Спорю, эта фотка разбила не одно мужское сердце. Мое восхищение. Жаль, что сообщение не вызывает тех же чувств.

Джессика Пирс: Какого хрена ты мне все испортила, стерва? Я только к нему подобралась!

Запоздало вспоминаю, что у этой самой Джессики был на пальце перстень сестринства, пролистываю чаты и обнаруживаю, что да, так и есть: она состоит в чате. И я там состояла до того, как упала с крыши. Всю эту переписку надо прошгудировать в первую очередь. Меня привлекают сестринства и их популярность, даже несмотря на царящую там грязь. Зуб даю, что я-она успела в ней извалиться. Судя по всему, не слишком честные игры — все-таки моя тема.

Джессика Пирс: Я вижу, что ты в сети, Райт! Не смей меня игнорировать!

Вздыхнув, прокручиваю переписку выше и вижу, что я-она общалась с этой девушкой. Обилие смайликов и коротких ответов подсказывает, что мы дружили, но не слишком. И по какой-то причине она не чурается мне писать до сих пор.

Ладно, поговорим, я ничего не теряю.

Тиффани Райт: Джесс.

Я перенимаю обращение, которым пользовалась я-она. В конце концов, со мной буквально все ведут себя так, будто у меня не полномасштабная амнезия, а выпало из памяти часика два.

Тиффани Райт: Ты не можешь всерьез меня винить в том, что я дала твоему парню в нос за обзывательство.

Джессика Пирс: Да черта с два! Неужели непонятно, что ты теперь лузер и у тебя с ним шансов нет?!

Я со стоном закрываю лицо руками, не выпуская, впрочем, мобильный. А потом рывком сажусь на кровати и начинаю отчаянно печатать.

Тиффани Райт: Ты о чем сейчас вообще? Я просто дала ему в нос.

Джессика Пирс: Не делай из меня дуру!

Я от злости чуть было не отвечаю, что даже и не думала — дура уже как на ладони, но тут от нее приходит новое сообщение. И сердце начинает биться в горле. Потому что на снимке имеется дата и время: за полтора часа до моего падения! Качество съемки — полный отстой, в темноте все расплылось жирными пятнами, но разобрать, что на фото я с парнем, подозрительно похожим на этого Стефана, около белой машины — можно. При небольшом, правда, воображении.

Паника снова накрывает меня с головой, и я начинаю задыхаться. Неужели я врезала в нос своему убийце? Парню, который пытался сбить меня на машине, а затем на потеху

публике обзывал Шалтаем-Болтаем! Только абсолютно больной на голову отморозок способен на такое! Он видел, что я вернулась в кампус? Он следил за мной?

Накатывает дурнота. Я бросаюсь в ванную и наклоняюсь над унитазом, ожидая, что меня стошнит. Но — нет: медленно отпускает. Тем не менее, когда я смотрюсь в зеркало над умывальником, вижу бледное лицо с ввалившимися глазами. Мне нужно как-то справиться со своей реакцией. Я сама хотела здесь быть, я сама хотела разобраться. Но я, черт возьми, не хочу умирать из-за этого. Глянув на чемодан, я с трудом подавляю малодушный порыв вернуться в отчий дом. Если бы знать, что мать не станет использовать мой страх как козырь в своей игре... Ну уж нет! Не после того теплого отъезда, который мне устроили.

Телефон, не переставая, пиликает, извещая о том, что Джессике требуется успокоительное.

Джессика Пирс: Все сестринство видело эту фотку, поэтому тебя и вышвырнули.

Да? А точно не потому, что я сиганула с крыши? Это у самой Джесс приоритеты набекрень. Она даже не поняла, почему я врезала ее ненаглядному Стефану!

Джессика Пирс: Ты врала, что выполнила вступительное задание и переспала с Нортом, но на самом деле это был Стефан!

Джессика Пирс: Все это время ты водила нас за нос. И притворялась моей подругой, зная, что я к нему чувствую!

Джессика Пирс: Что, сказать нечего, Райт? Ну ты и дрянь!

Я морщу лоб в непонимании. Это как вообще? Вступительное задание в сестринстве — переспать с парнем, и я-она на это согласилась? Да еще переспала не с тем парнем и подделала фото? Лгунья, наркоманка, самоубийца, воровка и потаскуха. Вариантов, за что меня могли спустить с крыши, масса, и все прекрасны в своей неповторимости. У Стефана есть мотив: я-она как минимум предоставила провокационное фото с его участием и наврала, что это вообще не он. Но еще есть какой-то Норт, который якобы был на этом фото. Тот тоже вполне мог меня-ее столкнуть за клевету, якобы обнаженку и прочее. И не то чтобы за такое следовало спускать с крыши, но как минимум по затрещине от каждого из парней я-она заслужила.

Ах да, еще есть Джессика, у которой я-она якобы увела парня. И эта Джессика в бешенстве уже от того, что я этому парню дала в нос. А теперь уберем из этого предложения уточнение «в нос» и представим степень ее ярости в день, когда снимок у машины попал в руки сестринства.

Прошу учесть, что у этого Стефана поклонниц хоть отбавляй. Он не очень-то разборчив, чем я и воспользовалась, не сумев завладеть вниманием некоего Норта. Это значит, что взбесилась не одна Джессика. Так и вижу ораву девиц, загоняющих меня на крышу, как свора гончих — дичь.

Может, мама была права, предлагая мне сменить вуз и штат? Внести в этот список еще и имя и начать жизнь с чистого листа — мой единственный вариант!

Джессика Пирс: Ты собираешься к нему вернуться?

Джессика Пирс: Ответь уже!

Тиффани Райт: Нет, Джесс, я просто дала ему в нос, потому что обзывать человека, которого сбросили с крыши, Шалтаем-Болтаем — невежливо!

Джессика Пирс: Тогда объясни, почему сразу после этого он покинул кампус?! Сразу за тобой!

Решил закончить начатое и добить, наверное.

Плюнув на переписку с ополоумевшей от неразделенной любви Джессикой, подавшись панике, направляюсь к окну и, критически оглядев улицу в поисках, видимо, большого неоновых указателя («твой убийца» и стрелочка), проверяю, как открываются створки, а затем задергиваю плотнее шторы. На всякий случай придвигаю тумбочку к двери.

Затем иду на страницу Джесс и ищу у нее в друзьях Стефана. Он просто обязан там быть. Найти удастся легко, но когда я перехожу в его профиль, обнаруживаю, что все могло быть намного проще: Стефан Фейрстах есть в друзьях у меня. Это не странно: у него друзей более полутора тысяч! На целый кампус наберется.

Если меня хотела прибить безумная фанатка Стефана, то отпущенного мне месяца на перебор кандидаток не хватит.

Взгляд цепляется за знакомое имя и, пока Джессика продолжает свою киберистерику, я кликаю по нему тоже. И попадаю в профиль Норта Фейстаха. Мне следовало догадаться раньше! Я подделала снимок с обнаженкой для вступления в сестринство с парнем, который является близнецом «цели». Я чертов злой гений всея кампуса.

Ну конечно! Тогда как у Стефана более тысячи друзей на странице, у Норта — двенадцать. Одного этого достаточно, чтобы понять, откуда взялось в сестринстве такое сложное задание. Один близнец легкодоступен и поимел всех, а ко второму простой девчонке не подобраться. На свой счет я иллюзий не питаю: да, у меня есть достоинства, и их немало, но я простая девчонка. Простая девчонка, которая провернула неплохую такую аферу.

Раскрыв на половину экрана фотографию Стефана, а на другую — Норта, я убеждаюсь, что тайна моего падения простой не будет. Если мне-ей в голову приходили такие идеи, то... я действительно злой гений. Эти парни и правда неотличимы. Боже, как вообще за целый год в колледже никто не догадался, что на моем-ее победном фото не Норт? Это как в «Если наступит завтра» Шелдона двойная шахматная партия на корабле, о которой ни одна живая душа не догадалась, — полный сюр.

Глядя в ледяные глаза Норта — глаза под стать имени! — я совершенно отчетливо понимаю, что такой для достижения цели может пойти на многое. Например, чуть не сбить девчонку на парковке, чтобы показать, насколько он взбешен.

Теперь я уверена, что это был он. И что сделал он это специально.

Но почему сестринство решило, что на фото в день падения со мной не Норт? Об этом я спрашиваю Джессику.

Джессика Пирс: Боже, ты серьезно?! Там белая машина, а Норт не носит ничего, кроме черного. И машина у него черная.

Джессика Пирс: Дура!

Еще пятнадцать минут назад я собиралась заблокировать не в меру эмоциональную «сестричку», но теперь лишь качаю головой. Дурой я буду, если добровольно откажусь от Джессики как неисчерпаемого источника информации! Источника информации, имеющего выход в сестринство. И не имеющего логического мышления.

Глава 3

После разговора с детективом, который отчитал меня за смену номера, мое лицо все в красных пятнах гнева. Да, они, само собой, видели фотографию. Неужели я думаю, что расследование было проведено недобросовестно? Да, они опрашивали близнецов Фейрстах. Нет, ни один из них не подтвердил, что был со мной в ту ночь.

Вот ведь странно! И почему бы это?

Ну, а что такого? Фото слишком плохого качества, чтобы сказать наверняка, кто на нем. Быть может, это не Фейстарх(и), или вообще не Тиффани Райт. Машину тоже опознать не удалось — номера не видно.

Осознав масштаб ямы, которую вырыла себе этим звонком, я покорно и понуро поддакиваю детективу, а сама набираю в гугле «Фейрстах, Массачусетс» и обнаруживаю, что Говард Фейрстах — кандидат в губернаторы штата от Республиканцев. Таким можно толкать девчонок с крыши. Корю себя за недальновидность. Ну что стоило сначала погуглить, а потом набрать номер?

А ведь картинка начинает вырисовываться! Полиция замазана. При этом прямо перед падением я-она встречалась с одним из сыночков видного политика. И после этой встречи у меня-ее в рюкзаке, видимо, появилось колечко.

Колечко, о котором позаботились совсем не так, как обо мне.

И такое впечатление, что всем плевать. Люди относятся к попытке моего убийства так, будто ничего особенного не произошло. Будто я всего-навсего подмочила свою репутацию, а стало быть, не могу не помнить! Получается, что между мной настоящей и той, кого видят другие, реальная пропасть. И кем бы ни были для меня-ее братья Фейрстах раньше, сейчас они не более чем ключик к трагедии. Да и как может быть иначе? Я не могу думать ни о чем, кроме убийцы, который ходит где-то поблизости. Он обязательно нападет снова!

Для меня ни один парень не может являться сексуальным объектом, пока не доказано, что он не имеет отношения к моему падению.

Учитывая, какие у меня-ее были друзья, терять их не жалко. Утешаясь этой мыслью, я выдыхаю и прошу Джессику переслать мне фотографию-билетик в сестринство. А затем подаю администрации фейсбука жалобу на распространение порнографического контента. Строго говоря, порнографии там нет (он в белье, я даже в юбке — оба на кровати), но вдруг повезет? И мне действительно везет: через час страницу нынешней подружки Стефана Фейрстаха блокируют. А я завожу новую под именем «Джессика П», ставлю на аватар одну из фотографий девушки и пишу главе сестринства:

Джессика П: Эта стерва Райт пожаловалась на мою страницу, и ее заблокировали! Я этого так не оставлю! Стоило мне намекнуть, что у нее со Стефаном ничего не выйдет, как она просто взбесилась!

Мэри Кравиц: Серьезно?! Вот стерва! Правильно мы вышвырнули ее из Каппа.

Джессика П: Да, кстати, добавь меня обратно, а?

Пару секунд спустя я вижу чат сестринства, в котором меня-Тиффани поливают помоями и сочувствуют бедняжке мне-Джессике. Что-то многовато у меня альтер-личностей. Как бы самой не запутаться!

Мэри Кравиц: Я так и знала, что такой простушке не подобраться к Норту Фейрстаху. Я сама два года убила на попытки, прежде чем он обратил на меня внимание.

Камилла Льюис: Ну, он и не обратил на нее внимание. Подумаешь, побывали в одной койке! Случись между ними что-то серьезное — вот тогда бы мы точно не поверили.

Мэри Кравиц: Фу, даже не намекай, что у них могло что-то быть, иначе меня вывернет. Как мне после этого с ним спать?

Джессика П: А с какой стати мы вообще решили, что на фотографии Норт?

Камилла Льюис: Джесс, ну ты и тупая! Из-за рубашки!

Минутное молчание, в течение которого я готова побиться головой об изголовье. Ну почему я ничего не помню и вынуждена выяснять окольными путями каждую мелочь? Однажды я точно проколюсь на простейшем.

Прилетает фотография, где я-она стою в мужской черной шелковой рубашке на голое тело, а ворот сдвинут на плечо и отогнут так, чтобы было видно дизайнерский логотип. И приписку: лимитированная коллекция.

Итак, мне удалось переспать со Стефаном и сфотографироваться в рубашке Норты. Все в один вечер? Впечатляет.

Мэри Кравиц: И еще потому, что оба фото сделаны в спальне Норты.

Мэри явно не прочь блеснуть знаниями о спальне Норты Фейрстаха. Не все так просто.

Подводя итог: вечеринка была у Норты дома, я-она проникла в его спальню предположительно с его же братом с намерением соблазнить и... сфотографировалась в его рубашке, куда-то этого самого брата дев. Так что это? Подстава с участием самого Стефана или я-она обвела вокруг пальца сразу трех участников: его, Норты и сестринство?

Пожалуй, стоит разобраться, да побыстрее. Быть может, это самый главный вопрос!

Джессика П: Как твой нос?

Стефан Фейрстах: Просто супер.

Джессика П: Представляю, как ты зол на эту девчонку Райт.

Стефан Фейрстах: Забей, Джесс. Что у тебя с аккаунтом?

Джессика П: Заблочили. Теперь я тут. Добавишь?

Следом отправляю смайлик с большими глазами. В ответ тишина. Очевидно, Стефан не горит желанием добавлять Джессику в друзья, несмотря на показательное шествие под ручку.

Джессика П: Она использовала тебя, чтобы сделать фото, а теперь еще и в нос дала. Ты должен очень на нее злиться.

Опять долгое молчание.

Джессика П: Или ты участвовал в постановке, чтобы позлить брата?

Стефан Фейрстах: Я не настолько хитроумен.

И подмигивающий смайл.

Итак, я узнала то, что хотела: меня ненавидит вся Каппа, Стефан Фейрстах и Норт Фейрстах. Или парнишка врет.

Закрываю переписку, но вдогонку прилетает то, что заставляет меня напрячься.

Стефан Фейрстах: Что это с тобой сегодня?

Этот вопрос подсказывает, что парень не так глуп, как пытается казаться, обзывая самоубийц Шалтаями-Болтаями.

Стефан Фейрстах: Может быть, встретимся?

Джессика П: А ты добавишь меня в друзья?

Смеющийся смайл. Он добавляет меня-Джессику.

Стефан Фейрстах: Прости, мне надо идти. Ты свой шанс упустила.

Он выходит из сети, явно спасаясь от назойливой фанатки, из образа которой я умудрилась выпасть. Ну да ладно, я узнала достаточно. Уныло полистав переписку Каппы, в которой до сих пор не успокоились на мой счет, отключаюсь от сети и ложусь спать. Мне нужно подумать о том, как быть дальше.

Врач настаивает на личном осмотре, поэтому приходится потратить половину дня на то, чтобы съездить в родной город (да-да, только из него приехав). Я опасалась, что поставят в известность родителей, но не встречаю ни души. Лишь на мгновение мелькает мысль повидать сестренку и угостить ее мороженым, но потом я отбрасываю идею как неправильную. Я понятия не имею, где находится школа и во сколько занятия, а напиши я сообщение, мама его может прочесть и попытаться меня перехватить. А потому печатаю я совсем другое.

Тиффани: Привет, сестренка. Надеюсь, у тебя все ок?

Хилари: Привет! Дела сносно. Как дела, Тифф?

Тиффани: Отлично.

Хилари: Заселилась в общежитие?

Тиффани: Ага <3.

Тиффани: Как мама?

Хилари: Рыдает. Позвони ей. Она уверена, что ты оставила телефон ей назло и теперь без связи.

Тиффани: На днях.

Иначе мы обе наговорим такого, о чем пожалеем.

Переписываясь с сестрой, я сижу в обратном автобусе, лелея в рюкзаке свеженькую справку. Врач, который раньше настаивал на «здоровом» восстановлении памяти через медленное и постепенное знакомство с моей жизнью, как-то слишком легко согласился подписать бумаги и разрешить мне учиться дальше. У меня такое ощущение, что весь мир уже в курсе, кому именно я перешла дорожку, и махнул рукой.

Даже если раньше не была суицидницей — теперь старательно исправляется. Не мешаем.

Еще я позвонила в банк и выяснила состояние своего счета. Хорошо, что нынче доступна идентификация по голосу, иначе быть беде. Мне подсказали банковские реквизиты и сообщили баланс. Денег у меня совсем немного, и это прекрасно, учитывая наличие в рюкзаке кольца. Я не смогла уснуть, пока вдоволь его не изучила. Надеялась на гравировку (на таких дорогих украшениях нередко делают гравировки), но ничего не обнаружила. Это снова уверило меня в мысли, что кольцо краденое. Я всерьез опасалась, что оно не первое и у меня на счете красуется сумма с большим количеством нулей. К счастью, нет.

Зато опять остро встает вопрос с жильем. Месяц в мотеле мне не потянуть. Лучше найти квартиру с соседями. Полагаю, если в Каппа узнают о таком решении, меня будут полоскать до конца обучения... даже если меня в колледже закономерно не станет.

Если вдруг я не решусь продать кольцо и заплатить за следующий семестр сама. Не для этого ли оно у меня? Могла ли мама довести меня до абсолютно идиотского решения?

Логика подсказывает, что я слишком беспокоюсь о своем благополучии и не могла поставить на себе крест таким образом. Но что, если я-она считала себя-ее безгрешной, чуточку выше других? То, как пользовательски я подошла к братьям Фейрстах, а теперь и к

Джессике Пирс... настораживает. И где-то глубоко в душе я понимаю, что позволяю себе слишком много и заслуживаю, чтобы меня поймали за руку. Но с кольцом... это опять из разряда мне непонятного. Не могла я пойти на кражу. Да никак!

Ощущение, будто до падения я была совершенно другим человеком! И этот человек мне не нравится.

Справку я решаю отнести тотчас — у меня слишком мало времени, чтобы его терять. На подходе к кампусу снова испытываю легкую панику, но старательно загоняю ее поглубже.

Мне необходимо научиться с собой справляться! Признай, Тиффани, ты приехала в колледж для того, чтобы побыть наживкой в собственном расследовании. Да, это последствия сильного удара головой, но отступить уже поздно. Да и не трусиха ты.

До занятий меня допускают с условием ежедневного посещения психолога. За форму придется заплатить угнетающую сумму, но уже завтра я перестану выделяться, что бельмо на глазу. Хорошо ли это? Едва ли. Но проще станет: не в каждой девушке в форме станешь выискивать недавнюю жертву.

Дожидаюсь заветного свертка с вещами, я вдруг слышу:

— Эмм, Т... Тиффани, привет. Ты рюкзак получила?

У меня волосы поднимаются дыбом от этого вопроса. Я оборачиваюсь так резко, что темнокожий невысокий парнишка отступает назад. Он на вид безобидный и такой щуплый, что не заподозришь в любительском скидывании девиц с крыш. А еще он вовсе не выглядит как человек, связанный с Каппой или блистательными Фейрстахами. Вся моя теория рушится, как карточный домик.

— Это ты принес мой рюкзак охраннику? — уточняю.

— Д-да.

Сдается мне, парень опасается меня не меньше. Как и многие.

— Спасибо, — запоздало благодарю. — Но... откуда он у тебя? И почему ты не отдал его полиции?

— Его нашли в машине, которую ты брала напрокат в день падения. Я в этом прокате работаю.

— Белую машину?! — осеняет меня догадка.

— Да, ту самую. Весь кампус видел фото, не удивляйся, — поясняет он терпеливо, явно наслышанный о моей потере памяти и — о чудо! — уверовавший в нее. — Каппа-куклы даже таким, как я, его разослали, — сказав это, он немного тушует, понимая, что совсем недавно и я относилась к Каппа-куклам. И именно поэтому ему тяжело было назвать меня по имени — непривычно. Я лишь слегка киваю: меня куда сильнее интересует то, что Каппа зачем-то разослали фото. Кому, кроме них, это могло быть интересно? — Но ты спросила про полицию... в общем, все понимают, как проводилось расследование. Походили тут два дня для виду, но поскольку замешаны Фейрстахи — свалили все на тебя, не сделав даже попытки разобраться. Подумал, что тебе стоит самой решить, отдавать ли рюкзак. Я тогда не знал, что ты... задержишься в больнице.

Я и раньше не верила в то, что цвет машины — доказательство участия именно Стефана, а теперь и вовсе смешно. Разве что Норт Фейрстах настолько крут и принципиален, что не садится в не соответствующий гамме транспорт. А на идиота он, вроде, не похож.

— Спасибо, — повторяю более искренне, а он кивает. — Не напомним, как тебя зовут?

— Не думаю, что ты раньше это знала, — хмыкает парнишка. — Джейден.

— Тиффани, — представляюсь в ответ, хоть это и излишне. Просто не хочется выглядеть зазнайкой в глазах единственного адекватного человека, встреченного мной в кампусе. — Слушай, можешь сделать мне большое одолжение?

Джейден смотрит подозрительно.

— Не знаешь никого, кому нужен сосед? Вернее, соседка.

По глазам парня вижу, что шокировала его. Раз отдал рюкзак охране общежития — не в курсе, что я оттуда съехала. Стало быть, сам там тоже не живет. Джейден мнется довольно долго, взвешивая за и против, но сочувствие побеждает:

— Мы с соседкой снимаем небольшую квартирку. Если тебя устроит спать на диване в гостиной...

Предложение, конечно, так себе, но это всего на месяц. Да, для расследования придется найти другой уголок, а в квартире только спать. Ну, потому что я вовсе не хочу, чтобы соседи могли догадаться о моих проделках с аккаунтами, кольцо и вообще. Судя по всему, Джейден по-джентльменски не копался в моих вещах. Или копался. Потому и согласился приютить. Или... или ему все же удобно держать при себе несостоявшуюся жертву.

Нельзя забывать, что он крайне подходящий кандидат на роль убийцы. Да, он меньше меня ростом и очень худой, но все равно мужчина. И у него была улыка!

— Оплата вперед, — немного нервно говорит парень, и я обещаю отдать деньги в момент заселения, то есть вечером.

В этот момент мне приносят, наконец, форму, и я, спешно записав адрес, подхватываю пакет с одеждой, а затем покидаю здание. Прежде, чем дать окончательное решение, я обязана узнать, действительно ли парень работает в прокате автомобилей. И просмотреть его страницу в сети на предмет скрытых знакомств. Стефан Фейрстах не считается. Он и с Трампом накоротке.

Вообще-то, не смешная шутка, учитывая, что его папа метит в губернаторы.

Стоит вспомнить дьявола, так вот и он — стоит, перекрыв мне путь, и скалится, сверкая огромным красным носом. Подавляя порыв развернуться и пойти в противоположную сторону, я прибавляю шаг в надежде проскочить. Не останавлиюсь — пусть даже не надеется!

— Ну, Шалтай-Болтай, и что это было? — слышу, едва поравнявшись со Стефаном.

Он легко и грациозно разворачивается, пристраиваясь к моему шагу.

— Воспитательные меры, — огрызаюсь, перехватывая поудобнее сверток, и прибавляю шаг.

— И за что же? За Шалтая-Болтая?

— И за попытку тарана!

Я на девяносто девять процентов уверена, что тогда меня пытался сбить Норт, но лучше добавить к ним заветную единичку и знать наверняка. Я всегда за знание, даже если это грозит неприятностями. Думаю, вы уже догадались.

— Какого тарана? Шалтай-Болтай, ты помутилась рассудком?

Я вздыхаю.

— У брата, значит, спросишь, — цежу сквозь зубы.

А было бы так просто свалить все на одного парня, не раскладывая яйца по корзинам!

— Постой-ка, эта безгрешная рожа пыталась тебя сбить?!

Услышав о «безгрешной роже» Норта Фейрстаха, я спотыкаюсь на ровном месте. Потому что, судя по немногочисленной информации об этом человеке, ему определение подходит на все сто! И, несмотря на абсурдность ситуации и вообще опасения по поводу

Стефана, мне ужасно хочется засмеяться. Я с трудом подавляю этот порыв. Не стоит его поощрять — и так не отделаешься.

— И когда это случилось? — шурясь от удовольствия, уточняет приставучий близнец.

— Стефан! — останавливаюсь и смотрю на него в упор. — Оставь меня в покое, пока я не решила, что ты сбросил меня с крыши и теперь пытаешься выяснить, что именно мне известно.

У него округляются глаза, но зубы сжимаются и на скулах начинают ходить желваки.

— Я что, похож на убийцу?

— Не знаю! По мне, так никто не похож! Но кто-то ведь сбросил меня с крыши.

— Да пошла ты, Шалтай-Болтай!

Теперь мне становится понятно, что его идиотское обращение — не более чем попытка завязать разговор. Нелепая, неуместная, но, кажется, безобидная. А я разбила ему нос. За шутку. И за Норта. Не очень здорово, прямо скажем.

Совершенно неожиданно Стефан становится каким-то уязвимым, а я с трудом сдерживаю извинения. Это длится недолго, какое-то мгновение, а затем лицо парня искажается яростью. И, проследив за направлением его взгляда, я вижу второго участника драмы.

— Эй, братец, мне тут из-за твоих проделок в нос дали! — явно нарываясь, кричит Стефан совершенно невозмутимой «безгрешной роже».

— Можно подумать, впервые, — надменно отвечает ему Норт, не сбавляя шага и едва одаривая взглядом нас обоих.

— Передам, пожалуй, послание неизменным.

И, к моему ужасу, Стефан с размаха впечатывает кулак в нос брата. Совсем не так лайтово, как я вчера! Отмерев в тот момент, когда опомнившийся Норт отвечает образцовым апперкотом, я бросаюсь разнимать Фейрстахов. Но не тут-то было: явно не впервые сцепившиеся близнецы сплетаются в разъяренный клубок и молча начинают молотить друг друга куда придется. Мои пальцы цепляют то одежду, то предплечья, но эффект от этого один: сломанные ногти. Пока не подтягиваются другие студенты, толку от моих манипуляций ноль. Наконец, подоспевшим парням удается немного растащить Фейрстахов, а я безрассудно вклиниваюсь между ними, не позволяя продолжить драку, даже если вырвутся. Как-то так получается, что я на стороне Стефана, лицом к Норту... и вижу в его глазах ничем не разбавленную ненависть. Направленную вовсе не на брата — на меня.

Напротив два огромных красных носа, и даже если бы я попыталась оторвать от них взгляд — ничего бы не вышло. Ах да, нас троих отправили к декану. Фейрстахов — за сегодняшнюю драку, меня — за вчерашнюю. Грядет дисциплинарное взыскание или что-то в этом духе. А нечего позорить Бостонский колледж!

Пока нас маринуют под дверями кабинета, причем долго. Сидим не меньше часа, но ни один из нас не проронил ни слова. Даже общительный Стефан как воды в рот набрал. Благо близнецы хоть не делают вид, что меня здесь нет: охотно играют в гляделки.

Похоже, они действительно неотличимы. В смысле неотличимы, когда не избиты друг другом. Должно быть, именно поэтому Норт выбрал цвет в качестве «фишечки».

У них абсолютно симметричные брови, одинаковое расстояние между глазами, а также ширина лица. Абсолютные копии друг друга. Я бы сравнила еще размер глаз, форму, изгиб губ и прочее (мне ведь необходимо их как-то различать), но это непросто из-за побоев: глаз Стефана заплыл сине-фиолетовым, у Норта вспухла губа и разбита скула, а уж носы... хоть в

кармашка мешочек, в котором целый месяц хранилось кольцо. Показательно развязываю тесемки и... вижу, как Стефан незаметно для брата показывает мне раскрытую ладонь.

Стой!

Ну что ж, теперь я точно знаю, с кем связалась. К кольцу имеет отношение только Стефан: Норт так и смотрит на меня с выжидательным интересом. Жаль-жаль, как вот теперь доверять собственным ощущениям?

Я едва успеваю убрать мешочек обратно, как нас, наконец-то, зовут в кабинет декана.

— Норт Фейрстах, поверить не могу, что вынуждена вызывать вас к себе для разбирательства по поводу драки! Решили подправить свое личное дело прямо накануне выпуска? — раздраженно хлопает уже знакомая мне безупречная женщина папкой по столу. Она действительно выглядит так, будто ее наша ситуация крайне настораживает.

Норт поджимает губы и становится понятно, что репутация имеет для него огромное значение.

— Ну а с вами, мисс Райт, что будем делать? Я так ужасно устала от ваших выходов. То скандалы в сестринстве, то лазание по крышам, теперь драка... Быть может, правы были ваши родители, настаивая на том, чтобы вы покинули колледж?

На меня смотрят сразу оба Фейрстаха, но я старательно их игнорирую. У братцев свои семейные дела, у меня — свои. Я буду защищать свои секреты не менее яростно!

— Вы настолько уверены, что я сама залезла на крышу?! — уточняю мрачно. — Если вам интересно, один из этих двоих пытался меня переехать, а второй (хотя сначала я была уверена, что тот же) обозвал Шалтаем-Болтаем. Не думаю, что отреагировала слишком резко, учитывая ситуацию! И прошу заметить, что в отличие от некоторых не наядбедничала.

Стреляю убийственным взглядом в Стефана.

— Ты думаешь, что это я?! — искренне оскорбляется парень.

Ну конечно — Джессика! Ох, спасибо, теперь не так мерзко на душе из-за заблокированного аккаунта.

— Хватит! Как дети малые! — Декан прижимает пальцы к вискам и слегка массирует их. Хороший знак: если у нее болит голова, то затягивать с разборками она не станет. — Начнем с простого: мисс Райт, вы собираетесь продолжать обучение в колледже в следующем семестре? Напоминаю, что вам не только придется нагнать пропущенный материал, но и внести оплату в течение месяца...

Она не вдается в подробности, но по глазам я вижу, что таковая проблема у меня не впервые. Просто по понятным причинам эта женщина щадит мое самолюбие в присутствии парней, которые явно не стеснены в средствах.

— Все в порядке. Я над этим работаю, — отвечаю уверенно.

В глазах декана на долю секунды мелькает сочувствие.

— Что ж, тогда поступим следующим образом. Мистер Фейрстах. — Она намеренно поворачивается к Норту. — Если вы не хотите получить в личное дело отметку о драке, придется заняться общей дисциплиной. Вы в этой компании единственный, у кого с ней до сих пор не было проблем. Я не знаю, что вы там с мисс Райт не поделили, раз якобы решили ее переехать, и даже знать не хочу, что заставило вас побить брата, но и у того и у другого по разным причинам появились хвосты, которые вы сможете закрыть. И без глупостей. При этом мисс Райт больше не будет замечена в скандалах, связанных с Каппами, Альфами, Гаммами и другими буквами алфавита, а также в драках и прочих сомнительных мероприятиях. Прошу заметить, что эта уступка связана исключительно с особенностями

вашего нынешнего эмоционального состояния. А мистер Фейрстах... — Она смотрит на Стефана с выражением вселенской усталости. — Постарается закончить колледж в этом году, не создавая нам новой головной боли и неприятностей с Говардом Фейрстахом. Но еще один проступок — со стороны любого! — и следующее наказание будет совсем не мягким! Все согласны?

Если честно, я поверить не могу, что все закончилось так легко и даже... полезно. Хотя Норт, само собой, не в восторге. А ведь декан мне искренне сочувствует! Она уже второй раз на моей стороне, несмотря на то, какие сложности я принесла факультету и даже колледжу.

Очень хороший день. Исключительно хороший!

Из кабинета декана мы все выходим несколько пришибленные. Но братья Фейрстах быстро берут себя в руки и, делая вид, что незнакомы, направляются поодиночке к парковке.

— Стефан! Ты ничего не забыл? — догоняю я его в тот момент, когда он уже перекидывает ногу через мотоцикл.

Он оборачивается, не скрывая досады, но говорит:

— Садись.

Серьезно? Я буквально час назад выяснила, что он был со мной прямо перед падением, а теперь сяду на мотоцикл к своему потенциальному убийце? Он, надо сказать, вот ни разу не Джейден. Не нужно много фантазии, чтобы понять: под его джемпером совсем не кожа да кости. Если бы он решил скинуть меня с крыши — я бы никак не сумела помешать.

— Если хочешь, чтобы я рассказал тебе хоть что-то, садись! — отрезает Стефан и протягивает мне единственный шлем.

Я старательно обращаюсь к своей интуиции в надежде, что она подскажет верное решение. Как тогда, с родителями. Но от Стефана бежать без оглядки не хочется, и раньше это чувство меня не подводило. Даже наоборот — я по какой-то дикой причине хочу с ним поехать! И еду. Храбро перекидываю ногу через мотоцикл, прячу под шлем волосы, а затем без обиняков обхватываю руками талию парня.

— Классная девочка, — одобрительно кивает Стефан и срывается с места.

Как ни странно, именно на мотоцикле Стефана Фейрстаха я ловлю второй флэшбек.

Мы ехали вместе поздно вечером. Он еще остановился, чтобы с кем-то встретиться. Меня не должно было быть поблизости, поэтому Стефану пришлось оставить меня с мотоциклом в паре кварталов, но я не удержалась и подглядела — это же я. Я узнала его секрет. Какой секрет?

Черт, неужели я-она была подружкой Казановы всея кампуса? Ладно, допустим, он популярный парень, а я-она гналась за популярностью — тут и к гадалке не ходи, но... Нет, серьезно, кем надо быть, чтобы согласиться встречаться с девчонкой, которая для всего кампуса сделала вид, что спит не с тобой, а с твоим братом? И кем надо быть, чтобы после такого *пытаться* встречаться с обманутым? Но что-то кому-то из нас от другого было нужно, и поэтому мы оказались вместе на мотоцикле.

От попыток вспомнить голова начинает пульсировать болью. Я что-то узнала, что-то важное, значимое, что имеет отношение к падению — потому память и не пускает. Ну же, давай! Этот секрет заставил меня убежать по ночам из дома. Этот секрет положил мне в рюкзак бешено дорогое кольцо. И почти отнял мою жизнь.

— Слезай. И чувствуй себя как дома, — приглашающе машет Стефан в сторону современного, минималистичного дома, который может быть только декорациями к фильму.

Стефан, не дожидаясь меня, энергично направляется ко входу.

Делая вид, что виной всему заминка с мотоциклом, я даю себе последний шанс на сомнения. Идти или нет? Я сейчас окажусь наедине с парнем, о намерениях которого не имею ни малейшего представления. Стефан вроде бы дружелюбен по отношению ко мне, но он носит маску. Маску, происхождение которой мне не до конца понятно. Что-то в нем мне подсказывает, что этот парень, несмотря на тысячу друзей на фэйсбуке, невыносимо одинок. Намного более одинок, чем Норт. Нет, двенадцать друзей — это, конечно, антирекорд, но злобный близнец производит впечатление человека самодостаточного. Добрый — нет. И я что-то для него, очевидно, значу. Недаром он преследовал меня чуть ли не с первого дня появления в колледже после падения.

Не давая себе времени испугаться и передумать, я решительно шагаю в распахнутые двери.

В доме просторно, светло и чисто настолько, будто никто не живет. Эдакий эко-стайл: дерево, стекло, немножко металла. И должно быть тепло, но отчего-то нет. В общем, достойно фамилии Фейрстах.

И мы здесь вдвоем.

Когда я преодолеваю прихожую с ключами, кажется, брошенными на столик настолько небрежно, что съехали и упали на пол, вижу, как Стефан копается на кухне с кофеваркой. Я прохожу ближе и оцениваю обстановку. Парень перебросил пиджак прямо через спинку барного стула, закатал рукава и принял эдакий домашний вид. Его рубашка белая. Внезапно меня настигает понимание, что Норт носит черную, вопреки уставу колледжа. Интересно, ему это статус позволяет или наглость?

Пока Стефан варит кофе, я вынимаю из рюкзака мешочек и достаю кольцо. Оно потрясающе красивое. Но я даже не примеряла его на палец и не знаю, по размеру ли мне оно. Меня пугают оба варианта ответа на этот вопрос. Ведь даже если мы со Стефаном

встречались, так далеко зайти не могло... или могло?

— Хреновая компенсация за то, что тебя слили, но оставь себе, — невозмутимо говорит парень, бросив взгляд через плечо.

Я сомневалась, точно ли Стефан знает о содержимом мешочка. Мало ли из-под чего таковой может быть! Но вот: парень развеял мои опасения.

— Думаешь, отделался? Я хочу услышать все с начала и до конца! — тут же бросаюсь я в атаку.

Даже если это означает, что ты собирался на мне жениться и уже купил билеты на медовый месяц в Париж. Уф, просто декорации к фильму ужасов!

— Слушай, Шалтай-Болтай, я не готов тебе сейчас взять и как на духу выложить всю эту поганую историю. Дерьмо случается, и тебе придется это принять.

Вот уж не думала, что эти два слова могут стать для меня облегчением, но так и есть! Потому что «дерьмо случается» — точно не о потенциальной свадьбе. Даже если бы ей давала характеристику я.

Если честно, родителям не удалось убедить меня в нужности такой штуки, как брак. Мать вертит отцом так и сяк, лишь бы удобно. Он это понимает, но все равно не противится — устал, наверное. Буду ли я лучше, если почувствую в своем супруге слабинку? Или найду того, кто вытесан из кремня, и стану марионеткой сама? От этой мысли тянет стошнить: кажется, мама здорово постаралась, и любой намек на подчинение вызывает во мне мощную волну протеста.

— Мой тебе совет — покинуть колледж, штат, а еще лучше — страну. Продавай кольцо и вали первым же рейсом, — тем временем продолжает Стефан.

Ого, мам, ты отлично замаскировалась!

По ожесточившемуся лицу и холодным, пустым глазам я понимаю, что рассчитывать на чистосердечное признание не приходится. И все равно спрашиваю, пока силюсь вспомнить хоть что-то, способное вызвать Стефана на эмоции.

— Я все еще не слышала, откуда оно.

Я стучаю кольцом по стойке и убираю руку. Теперь оно сиротливо лежит на середине, ловя и многократно отражая внутри себя закатные лучи. Манящее. Красивое. Опасное.

Стефан вздыхает, берет его в руки и рассматривает. Сначала я не понимаю, что за эмоции появляются у него на лице, но потом... потом улавливаю, кажется, отвращение?

— Оно ничего не значит, — быстро проговаривает парень и откладывает кольцо тоже. — Но оно не краденое, не одолженное и не заложенное. Ты можешь делать с ним что угодно абсолютно законно.

Хорошо, зайдем с другой стороны.

— Ты его купил?

— Да.

— Для меня?

— Для себя.

— И отдаешь мне? С какой стати?

— Вот такой я сложный и интересный. Тебе нравится?

До этого разговора я была уверена, что в Стефане Фейрстахе глубины, как в чашке Петри, но теперь молчу. Потому что действительно не знаю! Я ничего не знаю. И его эта маска томного ловеласа совсем не помогает.

— С кем ты встречался той ночью, когда катал меня на мотоцикле? Это связано с моим

падением?

На этот раз Стефан вздрагивает. И начинает злиться.

Мне удалось застать его врасплох.

— Чего ты хочешь?

— Правды, черт возьми!

— Правды или правосудия?

— Какая разница?

— Ложь! — выплевывает он мне в лицо и вдруг, набрав воздух в легкие, грозит пальцем, будто раскусил. — Ты знаешь разницу. Ты хочешь мести. Обелить имя, носить вид гордый и оскорбленный. Чтобы все извинились за то, что считали тебя самоубийцей с зависимостью. Чтобы Каппа встала пред тобой на колени. А главное, чтобы твоя долбанутая мамочка умоляла о прощении и обещала больше никогда не обижать свою маленькую девочку. Не будет этого! Проснись!

— Откуда ты знаешь о моей матери?! — ахнув, спрашиваю я.

— Оттуда! — припечатывает он, сверля меня глазами, которые на контрасте с кожей кажутся слишком светлыми. И вдруг я понимаю, что его слова — просто месть за то, что полезла в душу. — Когда мы встретились перед твоим падением, ты была сама не своя. Мне нужно было знать, что происходит, и я заставил тебя говорить. Пришлось потушить об тебя пару сигарет, чтобы все вытащить, — ха-ха, очень смешно, — но в конце концов ты призналась, что она контрол-фрик и ударила тебя, когда ты сказала, что должна уйти.

Долгое время мы молчим, и Стефан не опускает глаз. Я впервые вижу в нем незамутненную искренность пополам с решимостью.

— Я не должен был этого говорить, — признает он и отступает к тумбе, опирается на нее руками. Мне даже завидно, с какой легкостью он почти извиняется. — Ты просто хочешь узнать, что произошло, и это естественно. Но, дьявол тебя побери, ты зря ко мне подошла, Шалтай, я тебе не помогу.

— Тогда зачем ты привез меня сюда? Зачем дал понять, что знаешь? Зачем разыгрывал сочувствие?

— А кто сказал, что я тебе не сочувствую? Просто я не могу тебе помочь! Не могу! — И это тоже предельно искренне.

Раздается писк кофеварки. Стефан наливает себе полную чашку, а затем и мне. Протянув ее, он на несколько секунд утопает в своих мыслях, глядя в пространство, но я отчего-то не решаюсь спугнуть момент.

Небольшая пауза, сдобренная мерзким горьким напитком, в котором я едва узнаю кофе, настраивает нас обоих на миролюбивый лад.

— Я привез тебя сюда потому, что иначе ты бы насела на Норта, и он бы все равно сказал, что не встречался с тобой той ночью. Ты бы ему поверила, это же Норт. — В ответ на мой вопросительный взгляд, Стефан лишь морщится. — Скоро сама поймешь. В общем, не признайся я сейчас, ты бы решила, что я все скрыл, потому что сбросил тебя с крыши. Однако я этого не делал. И ты подспудно это помнишь, иначе не поехала бы сюда.

Похоже, спросить все равно придется.

— Мы с тобой спали? — задаю я вопрос, который не дает мне покоя. Это проще, чем выяснять окольными путями.

На лице Стефана появляется нехарактерно беспомощное выражение, совсем не свойственное парню, поимевшему половину кампуса. Интересно. И почему же для него я не

такая, как остальные девчонки?

— Пройдись по дому, — вздыхает он. — Может быть, что вспомнишь. Вечеринка с фотками для Каппы проходила здесь. Если не получится — расскажу, как все было.

— Вы здесь живете с братом? — уточняю. Ведь фотки сделаны якобы в спальне Норта.

— Раньше жили. Он съехал, — бесцветно отзывается Стефан.

Почему-то меня посещает подозрение, что съехал Норт как раз после того случая с подставой.

Я рассматриваю камин, тумбы и полки, представляя, как это выглядит, когда комнаты наводняют люди. Но у меня не настолько развито воображение, чтобы по-настоящему представить нетрезвых и веселых сестричек из Каппы в обнимку с братьями Фейрстах. Поэтому, блуждая с чашкой кофе в руках и тупо рассматривая интерьер, который не вызывает у меня должного восхищения, я не чувствую никакого отклика. Говорят, помогают запахи, но, сдается мне, пахло пролитым пивом и марихуаной. Во всем доме существует только одно место, которое осталось если не неизменным, то практически неизменным... но едва ли Стефан предлагал мне побродить по спальне брата! И все же направляюсь я именно туда.

Которая из спален? Приходится двигаться наугад. Благо есть две фотографии, на которых запечатлены фрагменты интерьера. Через три попытки я все-таки добираюсь до нужной комнаты и, оставив чашку на близстоящий столик, шмыгаю внутрь. Если мне нужны запахи, то отшибающее обоняние варево Стефана — не помощник.

Комната выдержана в черно-серых оттенках. Строгая, но не мрачная. И, кажется, здесь осталось немало его вещей, несмотря на переезд. Первым делом я подхожу к шкафу, в зеркале которого сделала селфи. Поразительно, как я рисковала, натягивая рубашку Норта в спальне Норта поверх одного лишь белья. Неужели собиралась залезть в шкаф в случае возвращения хозяина или какой-нибудь сладкой парочки? Подхожу к кровати, наклоняюсь к покрывалу в поисках запаха, но узнаю лишь, что у Стефана недавно побывала клининговая компания. Беглый осмотр футбольных наград подсказывает, где именно я разместила телефон, чтобы запечатлеть фото. Интересно, Норт Фейрстах не показался мне популярным футболистом — чего только не узнаешь, заглянув в комнату человека! За наградами стоит диплом-награда за участие в правовом командном конкурсе. Улыбнувшись помимо воли (а вот это предсказуемо), я беру его в руки и чуть не устраиваю погром, потому что позади диплома лежит компакт-диск. Коробочка альбома Disturbed. Но зачем прятать? Уверенная, что наткнулась на золотую жилу (а зачем еще ее прятать?), я открываю ее и вижу... альбом Disturbed. Чертыхнувшись, я собираюсь поставить ее обратно, как вдруг в меня буквально врезаются воспоминания о том, как я стою в руках с точно той же самой коробочкой, от которой ощутимо пахнет мужским парфюмом... Парфюмом парня, с которым мы недавно разговаривали. И который был настолько самоуверен, что мне дико захотелось его проучить.

Желание Мэри Кравиц можно почувствовать с другого конца комнаты — даже не нужно напрягаться. Она профессионально строит глазки Норту Фейрстаху, вычерчивая узоры по рукаву шелковой рубашки. Он не препятствует — лишь в глазах таится насмешка. Наверняка ему здорово поднимает самооценку внимание лидера Каппы, хотя... если вдруг вы встречались с Нортом Фейрстахом, то знаете, что с этим делом у него полный порядок. Я бы даже сказала, что его самомнение на той самой границе того, выше которой только абсолютная невыносимость.

Интересно, Мэри дала в качестве задания соблазнить этого парня, чтобы остальные

потерпели коллективное фиаско и уже не усомнились в ее лидерстве? А ведь ей это нужно: если ты самая популярная девчонка колледжа, но годами бегаешь за парнем и никак не снимешь с него штаны, остро встает вопрос: что-то не так с тобой или с ним?

Те немногие первокурсницы, которым посчастливилось получить приглашение от Фейрстахов, смотрят на Норта с плохо скрытым нетерпением. Они ждут, когда Мэри от него отлипнет, и она это знает. Но, что еще более мерзко, Каппы старших курсов внезапно тоже участвуют в эстафете. От конкурентного накала искрит воздух. Думаю, бедный Стефан Фейрстах обалдевает от того, что единственной охотницей за его ширинкой осталась верная Джессика Пирс, в то время как остальные внезапно нацелились на его брата. Что называется, разворот на сто восемьдесят.

Мне плевать, кто из девчонок обскачет Мэри, но хоть бы кто-нибудь! Неделю назад эта дрянь высмеяла меня за то, что я не пожелала тратить гроши, которыми снабжала меня мать, на таблетки для вечеринки, и я была в беженстве. А если Тиффани Райт вышла на тропу войны — быть беде. Серьезно, не будь учеба важнее всего, я бы уже нашла работу и вылезла из бесконечной долговой ямы, но сначала следует привыкнуть к новому укладу жизни. А мне так ужасно надоел поиск благовидных причин, по которым я на мели.

Мы ведь не бедствуем. Люди, живущие в пригороде, как правило, весьма успешны — и наша семья не исключение. Мама, будь она неладна, тщательно охраняет эту ширму благополучности. Мы с Хилари всегда прекрасно учились, были отлично одеты, и дому нашему многие завидовали. Финансовые ограничения касались только личных трат. Приведу пример: если мои подружки просили у мамы отпустить меня в кино, она сладко улыбалась и доставала из кармана крупную купюру, но если просила я, то должна была что-то сделать, чтобы их получить. Сделать что-то приятное маме. Внеурочно навестить бабушку в доме престарелых и невзначай упомянуть об этом при маминой подруге, напечь блинчиков для миссис Тайлис — противной соседки через дорогу, чтобы поддержать «добрые» отношения, пожертвовать свои вещи на благотворительность (не обязательно старые или нелюбимые), принести из школы отметку А+, произнести публичную речь благодарности маме... Этот список бесконечен, и правило только одно: Карен Райт должна была выглядеть самой образцовой женой, матерью и хозяйкой на свете. В какой-то момент я поняла, насколько все это неправильно, и наши с матерью отношения начали стремительно портиться. В ней появилось желание вернуть меня на путь истинный, во мне — перечить в ответ на самую безобидную просьбу. Думаю, теперь вы поняли, откуда растут ноги моего умения врать и притворяться.

Девчонки совершали разные попытки завладеть вниманием Норта, но прошло уже два часа, и ни одной не удалось перешагнуть отметку в минуту. Он отказывался танцевать, поддерживал короткий светский разговор и уходил. Так было до Мэри. Ее статус позволил ей задержаться около Норта на целых полчаса. Вот это снобизм!

Кое-как дождавшись, когда Мэри отойдет погудрить носик, а Норт отошлет еще пару девиц, я понимаю, что следует действовать самой. Так я пробирюсь к столику с пивом и встаю рядом с «целью». Плеснув себе в стакан напиток, я ловлю на себе полный превосходства взгляд — Норт ждет, когда я заговорю.

— Мэри выбрала тебя жертвой для новых Каппа, — без обиняков сообщаю я ему.

На лице парня мелькает едва заметное удивление от моей прямоты.

— Это так вы вдвоем самоутверждаетесь за счет малышей? — говорю, не дав ему вставить и слова. — Всем же понятно, что ты даже ее держишь на расстоянии.

— Слушай... Трейси? — покопавшись в памяти, выуживает он имя почти наугад, хотя мы уже встречались не единожды.

— Трейси, — подтверждаю я, недобро усмехнувшись.

Норт, кажется, что-то подозревает, потому что продолжает не сразу, но я молчу, и у него не остается выбора.

— Твой способ чуть более оригинален, чем у других. Примерно на четверку по десятибалльной шкале. И все равно ты ужасно скучная.

Задевает. Еще как задевает. Я согласна проиграть Мэри в красоте, сексуальности, обеспеченности или чем-то еще, но не интеллектуально. Гордыня — мой грех, и я не только никогда не собиралась ее искоренить — я ее старательно лелею!

— Что ж, попробую проявить чуть больше... как ты сказал? Оригинальности.

Крутанувшись на каблуках, я якобы не удерживаю равновесие. Только-только наполненный стакан пива работает как нужно: содержимое плещет через край, окатывая Норта совсем не эталонными тремя каплями.

— Говоря про оригинальность, — с ледяной яростью начинает парень, — я имел в виду не клишированную порчу имущества!

Резко развернувшись, он покидает зал, а я, усмехнувшись, шмыгаю следом.

План созрел в один щелчок. Минуту назад я понятия не имела, как буду действовать, но стоило Норту меня унизить, как все приобрело кристальную ясность. Это четко натренированный матерью механизм: долгие раздумья — и ты проиграла. Такая вот самозащита.

Для начала нужно узнать, где находится спальня Норта Фейрстаха. Ничего сложного. ни один человек в здравом уме не станет ходить в промокнутой рубашке, если у него под руками целый гардероб. В общем, окатить нахала пивом и выяснить, где его спальня, — самая простая часть моего замысла.

Поскольку у Норта не может быть моего номера телефона, а у меня его есть (я девочка запасливая), я беру в руки мобильный и набираю сообщение: «Дорогой мистер Фейрстах, прошу прощения за беспокойство в столь поздний час, но, к огромному сожалению, сообщаем, что у нас возникли проблемы с предоставлением данных в Американскую ассоциацию юристов, в связи с чем мы не можем продлить вашу стипендию на будущий семестр. Увы, мы обнаружили ошибку слишком поздно — сегодня крайний срок. Надеюсь, вас не затруднит подъехать в кампус, чтобы подписать бумаги как можно скорее? С извинениями за причиненные неудобства, мисс Кристабел Дайнстайн». Даже если у Норта есть телефон молоденькой секретарши из деканата, едва ли они переписываются каждый день. Шанс на успех — высокий, учитывая, насколько этому парню важна учеба.

Из своего укрытия я слышу, как Норт чертыхается, а потом спешно срывается с места. Представив, как он будет привидением слоняться ночью по кампусу и безрезультатно названивать мне, я усмехаюсь и перевожу телефон в авиарежим.

Ну а теперь, избавившись от улики в лице настоящей жертвы, я направляюсь в его спальню. Промокшая черная рубашка как попало брошена на кровать. Ее я прячу для заключительной части своей аферы. Оглядевшись в поисках места, с которого можно получить ракурс на кровать, я натыкаюсь взглядом на награды, между которыми брошен диск *Disturbed*. Он мне мешает, поэтому я прячу его за одним из дипломов Норта и ставлю на освободившееся место телефон с включенной функцией захвата видео. Теперь следует

торопиться, чтобы не успела сесть зарядка!

Мне определенно везет: Стефан попадает буквально в коридоре, стоит покинуть крыло спален.

— Ты что здесь...

— Ой, Стефан, — восклицаю я, пьяно раскачиваясь из стороны в сторону. — Наконец-то! Я искала тебя.

Он едва успевает опомниться, как я уже повисаю на нем и тянусь к губам. Стефан делает слабую попытку отбиться, но я якобы теряю равновесие. Мы оказываемся прижатыми к стенке. Так я, наконец, добираюсь до его рта, внутреннее молясь, чтобы задетое женским невниманием самолюбие взяло верх над осторожностью.

— Пожалуйста, будь со мной... — горячо шепчу я, осознав, что парень не спешит таять под натиском выпившей безымянной девицы.

Кажется, мольбы должны работать безотказно. И они... работают. Стефан отвечает на поцелуй. Я вынуждена признать, что по сравнению с моим школьным бойфрендом, с которым нам мама обломала потерю девственности в ночь выпускного, этот парень просто мастер. Мне почти нравится. Почти. Но не настолько, чтобы забыть о цели.

К чести Стефана, когда мы, направляясь в его спальню, «теряем равновесие» ровно напротив двери комнаты Норта и вваливаемся внутрь, парень пытается воспротивиться. Однако я хнычу, мол, не все ли ему равно, если девушка сгорает от нетерпения, и сбрасываю блузку. Тяжелая артиллерия!

Оказавшись около кровати, я начинаю паниковать. Если цвет белья Стефана не черный, то за Норта его никто не примет. И значит, мне придется раздеть его полностью! Ради того, чтобы отомстить Мэри и Норту. Всего-то. Нет, я понимаю, что вся моя надежда на то, что Стефан Фейрстах не окажется насильником и сможет остановиться вовремя, но все равно... если уж ты снимаешь с парня трусы, будь готова отвечать за последствия! Не то чтобы развод на частичную обнаженку был делом подсудным, но мне не хочется заходить настолько далеко.

Приходится утешаться мыслью, что даже если я потеряю девственность этой ночью, то с обалденно симпатичным парнем. И еще опытным. Тоже важно. Конечно, я почти ничего из этого не замечаю от страха, но не суть.

— Ты первый, — требую я игриво, кокетливо приподнимая волосы руками и приковывая внимание к ложбинке. — Хочу посмотреть на тебя.

Он действительно начинает раздеваться. А я не скрываю стон облегчения, увидев, что на нем черные боксеры с увековеченным на резинке Кальвином Кляйном. Стефану ни за что не догадаться, что за зрелище приводит меня в восторг. Правда, я быстро понимаю, куда именно смотрю и краснею.

— Иди сюда, — усмехается он.

И я иду. Мне нужен удачный кадр. Ради такого путем хитрых и «пьяных» перемещений я вынуждаю Стефана развернуться. И только затем тяну его на себя. Тяжесть мужского тела надо мной нервирует. Еще пару минут я раздумываю, не стоит ли остаться и решить мою маленькую «невинную» проблему здесь и сейчас. Быстро, без лишних эмоций, не устраивая мелодрам. Но романтическая часть меня сопротивляется, и я пользуюсь планом «А»: изображаю отключку.

Осознав, что я «сплю», Стефан обалдевает. Разок легонько шлепает меня по щеке, а

затем непечатно ругается, одевается и уходит.

«В этом парне больше достоинств, чем может показаться на первый взгляд», — заключаю я с благодарностью.

Оставшись в комнате Норта в одиночестве, я еще некоторое время изображаю сон на случай, если Стефан вернется с намерением окатить меня водой и выставить прочь с вечеринки. Но страх за заряд батареи, грозящей похерить мою маленькую месь, вынуждает спешить.

Проходит пятнадцать минут, прежде чем я решаюсь окончательно встать с кровати, раздеться до белья и сфотографироваться в рубашке Норта. Она промокла насквозь. Ничего приятного в этой фотосессии нет. Приходится стараться скрыть то, как шелк липнет к коже, но в то же время показать ярлычок, который Мэри обязана оценить по достоинству. Ни у кого из Каппы не должно остаться сомнений, что это та самая рубашка, которая была на Норте Фейрстахе в ночь вечеринки.

На следующий день, сразу после того, как в Каппа поднимается адский переполох, мне в фэйсбук приходит запрос в друзья от Норта Фейрстаха. Мысленно отметив, что войти в тринадцать друзей Фейрстаха — вроде как привилегия, я жму “отбой”. Однако тем же вечером, попивая шампанское Пайпер Хайдсик, которое Мэри обещала укротительнице Норта Фейрстаха, с огромным удовольствием заключаю, что теперь этот парень не перепутает мое имя ни с одним другим.

Вернувшись на кухню к Стефану, я хочу соврать, что не помню, чтобы задать миллион новых вопросов о том, что случилось после моей маленькой грандиозной аферы. Меня явно возненавидела Мэри. Я явно привлекла внимание Норта. И я точно сделала неприятно Стефану. Очень неприятно! При этом ни один из них не тянет на человека, который молча глотает оскорбления. Кто из них устроил мне потрясающее студенческое путешествие, забросившее меня на крышу? Я чувствую, что эти два случая связаны воедино!

Но расспросить Стефана я не могу, потому как вынуждена торопиться. Мы с Джейденом условились, что этим вечером я внесу аванс за квартиру. И едва ли бывшая «Каппа-кукла» с подмоченной репутацией может рассчитывать на отсрочку. Черт, я собиралась проверить, действительно ли парень работает в прокате авто, но уже нет времени. Драка, разговор с деканом, поездка к Стефану и прогулка в собственное прошлое — насыщенный такой досуг, не до каршеринга!

Услышав о том, что я спешу, новый приятель (а как еще назвать единственного человека, проявившего дружелюбие по отношению ко мне?) предлагает меня подвезти. Говорит, что все равно не собирался проводить вечер дома.

— Спрашивай, заноза, — кричит сквозь ветер Стефан по пути, четко уловив мое настроение. — Ты ведь вспомнила.

— Ты сильно взбесился, увидев фото? — А я и не отрицаю.

— Конечно сильно!

— Но ничего не сказал Каппе и другим.

— Я решил, что с такими актерскими талантами да при светлой голове ты можешь быть мне полезна.

Шантажировал, значит. Вот так мы оказались на его мотоцикле. Ясно. Клубок начинает распутываться.

Стефан останавливается на светофоре и поправляет мотоциклетные перчатки.

— А дальше что было?

— А дальше нам пришлось подружиться. Но дружить с тобой очень сложно, Шалтай, подумай об этом.

Ну, узнать меня он успел — тут не поспоришь.

— Это из-за пакета, который ты передавал мужчине ночью?

Стефан дергает с места на едва загоревшийся желтый, всю пользуясь возможностью не отвечать. Спрашивать еще раз я не решаюсь, а все остальные вопросы меркнут на фоне причины, связавшей меня с этим парнем. Мы доезжаем до места в молчании. Я могла бы спросить его о Норте или Мэри, но не похоже, чтобы они держались вместе. Едва ли Стефан в курсе, что предпринял по поводу меня его брат. Да и причин думать, что заварили кашу не мы со Стефаном, у меня пока нет.

— Шалтай! — кричит он со своего мотоцикла, когда я уже готова войти в подъезд дома, адрес которого дал мне Джейден. Тот хитро запрятан вглубь застройки: с моими знаниями о Бостоне искать бы мне его до ночи. Я оборачиваюсь и отбрасываю с лица прилипшие к губам волосы. — Все еще хочешь знать ответ?

— Да, — отвечаю храбро.

— Я продавал тому мужчине наркотики.

Стефан говорит это и будто ждет, что сейчас я сорвусь с места, подбегу к нему и ударю. Будто он понимает, что именно сказал. Будто сам не одобряет то, что сделал или делает до сих пор.

И да, новость отшибает у меня способность дышать и двигаться. На пару секунд. А потом я понимаю, почему полиция посчитала встречу со Стефаном не связанной с падением, почему мне-ей навесили ярмо наркоманки — вообще многое становится понятным. Кроме того, что врачи не нашли в крови следов наркотиков! Не нашли! Я должна уцепиться за эту мысль.

Итак, уже не потаскушка и не воровка, но, куда вероятнее, наркоманка.

— Значит, ты можешь достать мне пистолет, — выдаю я единственное, что кажется безобидным. И, если честно, нелогичным.

Я в шоке и ужасе — это правда. Но мне нельзя терять связь с этим парнем ни в коем случае. Он — моя единственная ниточка. Я не могу сейчас выдать свой страх и спугнуть Стефана. Может, станет легче потом. Нужно пожить с этой мыслью, хотя бы переспать... Без Стефана я бы не узнала о себе даже те крохи, что известны мне сейчас. Он мне нужен.

И еще мне нужно оружие. Потому что сейчас я собираюсь идти в квартиру к незнакомому парню, чтобы выяснить, как меня скинули с крыши, и у меня с собой один лишь нож. Опять. Чтобы им воспользоваться, нужно подпустить обидчика по-настоящему близко. А еще он ранит. Серьезно ранит! Смогу ли я пойти на осознанное причинение вреда?

— Травматический, — добавляю я для Стефана. — Я заплачу.

Парень неопределенно качает головой, а потом отворачивается и трогает ручку газа.

Поднявшись на нужный этаж, я останавливаюсь у двери и прислушиваюсь к звукам за ней. Ничего не слышно. Мне бы очень не помешало внезапное озарение. Ну и где мой следующий полноценный флэшбек? Вечеринка у Фейрстахов — прекрасное воспоминание, но в деле выживания весьма бесполезное. Сейчас бы с удовольствием променяла его на лицо убийцы. Я до боли сжимаю нож в кармане. Паника захлестывает снова и снова. Не много ли риска для одного дня? Мне следует развернуться и убежать. Найти другое жилье.

Личное.

И жить одной впроголодь, ведь у меня едва хватает денег на оплату квартиры. И предоставить убийце отличный шанс подобраться ко мне, пока я сплю и не защищена второй и третьей парой ушей, как здесь. Ага.

Ну, Тиффани Райт, что выберешь? Может, еще вернешься под крыло к мамочке? Там тебе грозит только заключение в психушку за неподчинение.

Есть ли вообще в этом мире место, где я в безопасности? Кажется, нет. Так чем Джейден хуже? С ним я хотя бы начеку.

Прав был отец, настаивая на том, чтобы я оставалась в общежитии. Это был бы единственный сравнительно безопасный вариант. И он невозможен. Хорошо, что родители ничего не знают о моих поисках жилья.

Тряхнув волосами, я надеваю маску невозмутимости и стучу в дверь. Джейден появляется на пороге. Ни рогов, ни копыт у него не появилось, а судя по выражению лица, он уже сто раз пожалел о том, что пригласил меня пожить вместе. Это отлично. Вот выдай он лыбу во все тридцать два зуба, я бы сразу начала искать способ отблагодарить его за мой фирменный полет. Ну а пока...

— Спасибо за приглашение. Обещаю не теснить вас сильно, — говорю бодро с порога, подкрепляя слова наличными. Не позволю Джейдену дать задний ход.

Его соседка настроена еще более враждебно. Не слишком приятная шатенка, чуть полноватая, невысокая. От меня не в восторге. Что ж, на убийц эта парочка совсем не тянет.

— Раз уж ты напросилась здесь жить, правила для тебя такие же, как для остальных: завтрак по очереди, продукты покупаешь сама, ванную занимать не более чем на двадцать минут. Каждый убирает собственную комнату, а остальные помещения — раз в неделю. Тоже по очереди. Никаких бойфрендов или герлфрендов, никаких вечеринок, гости — с общего одобрения. Музыка только в наушниках. После двенадцати и раньше семи не шуметь.

Девчонка смотрит на меня с вызовом, ожидая, что я начну спорить. Потому что это точно не могут быть общие правила. Но мне, в общем-то, нужна здесь только кровать. Ладно, вру, душ тоже нужен.

Главное, чтобы никто из этих двоих не был моим убийцей.

— Тиффани, — протягиваю я ей руку.

— Надин, — неохотно представляется она, с трудом переварив мое молчаливое согласие на абсурдные требования.

— Очень приятно. Мне разместиться здесь? — указываю я на диван.

Условия, прямо скажем, не фонтан (у меня не будет даже шкафа, придется хранить вещи в чемодане), но ничего не поделать.

— Где твои вещи? — простодушно спрашивает Джейден.

— Я пока не выехала из мотеля — не знала, сумею ли снять другое жилье. Заберу завтра утром.

И там же приведу себя в порядок перед первым днем в колледже, потому что с собой у меня вообще ничего нет.

К счастью, у моих новых соседей остались намеки на совесть, и они сплавляют мне остатки пиццы. Что-то подсказывает (фигура, наверное), что к такой еде я не привыкла, но сейчас я бы с удовольствием сжевала даже подошву. Надеюсь, такие сумасшедшие дни продлятся недолго.

— Завтра приготовлю я, а послезавтра твоя очередь. Не забудь купить продукты.

С этими словами хозяйственная Надин швыряет на «мой» диван подушку и плед, а затем уходит.

— Ну, спокойной ночи, — говорит Джейден чуть более дружелюбно и скрывается в спальне.

Я повторяю себе, что мне плевать на их отношение, но кусок пиццы, который еще недавно казался амброзией, встает поперек горла. Все-таки Тиффани Райт не привыкла быть парией. А сейчас я таковая для всех: и для Джейдена с Надин, и для Каппы, и даже для Стефана Фейрстаха, каким бы дружелюбным он мне ни казался.

Со всеми последними переживаниями форма стала мне велика. Особенно это видно по юбке, которая висит на бедрах ниже, чем следовало бы. Да, проживая с мамой под одной крышей, питалась я лучше. А еще понятно, зачем я подшивала прошлую юбку: стандартная длина мне не идет. Возможно, завтра перед занятиями найдется время укоротить подол.

Я ведь умею шить. Кукол, которые стоят на полке в комнате у Хилари.

Улыбаясь очередному воспоминанию, я достаю телефон.

Тиффани: Мне не хватает наших кукол.

Хилари: Ой, мы давно ими не занимались.

Тиффани: Ты в порядке?

Хилари: А ты?

Ворчун: Завтра после занятий жду тебя в библиотеке кампуса. Не опаздывай.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы осознать... и я холодею. Ворчун! По этому номеру я звонила перед своим падением несколько раз. Безрезультатно. Я подумала, что это должно быть названием какой-то организации (может, той самой службы каршеринга) и даже не просмотрела, нет ли Ворчуна среди переписок WhatsApp. Просто прогуглила название и ничего не нашла. Но... неужели это человек? Кто может мне писать о встрече в библиотеке? Только... Ворчун и Весельчак, как гномы Белоснежки. Норт и Стефан Фейрстахи! Окрыленная догадкой, я лезу в справочник и действительно нахожу там второго «гнома».

Отчего-то я очень не хотела, чтобы люди узнали о моей связи с братьями.

Мне становится страшно. Я встречалась со Стефаном, звонила Нортю. Мое падение однозначно связано с братьями. И если один частично признал свое участие, то второй даже не намекнул! Я звонила Нортю — своему убийце? Да нет, странно. Убийце не звонят.

Ага, вот только он угрожал мне с первой встречи, когда попытался переехать, несмотря на наличие рядом моего отца! И еще, кажется, Норт меня ненавидит.

Тиффани: Ок.

Я поднимаю вверх переписку и вижу начало, датированное прошлым годом:

10 октября 20** 10:51

Ворчун: Отлично смотримся, Трейси. 10/10.

11:25

Тиффани: Я тоже так считаю. Это было незабываемо остро. Повторим?

Может быть, я действительно самоубийца. По крайней мере в переносном смысле. И зависима. От адреналина!

19 октября 20** 12:03

Тиффани: Спасибо.

31 октября 20** 23:50

Тиффани: Ты знал, что Стефан торгует наркотиками?!

Ворчун: Да.

Тиффани: Да что у вас такого случилось, что ты ненавидишь его настолько, что даже не вмешешься?! Что может быть хуже наркобизнеса?

Ворчун: Ты напилась.

Тиффани: Какая разница?!

Ворчун: А тебе какая?

Тиффани: Серьезно?

Тиффани: Он твой брат!

Тиффани: Если бы моя сестра... Хотя кому я говорю? Где ты, а где сердце.

Ворчун: Поднимайся на крышу.

1 ноября 20** 0:15

Ворчун: Где ты?

Тиффани: Не хочу с тобой говорить.

Ворчун: Могла бы сказать, что боишься высоты. Я двадцать минут здесь мерз.

Тиффани: Я не боюсь высоты. А человек по имени Норт не может замерзнуть.

Ворчун: Очень даже может — приходи и проверь, раз не боишься.

Я дрожащими руками кладу телефон и прижимаю пальцы к губам. Я-она боялась высоты. Или Норта Фейрстаха. А быть может, высоты и Норта Фейрстаха. И он об этом догадался. А это значит, что я-она пошла. Я же принимаю любой вызов, даже самый смешной. Сейчас, когда я смотрю на прошлую себя со стороны, собственное поведение кажется мне не просто опрометчивым — вызывающим! Я прям-таки нарывалась на неприятности всеми способами. И сейчас достойно продолжаю эту традицию.

Я сползаю по дивану и накрываю лицо подушкой. Напряжения во мне столько, что удивительно, как я еще могу передвигаться в таком состоянии. Внезапно дико хочется пойти в участок и кричать на полицейских, чтобы делали свою работу. Чтобы мне не приходилось самой узнавать страшную правду, копаясь в хитросплетениях истории Тиффани Райт.

Вы вообще представляете себе человека, который скрывал свою жизнь настолько, что, позабыв все из-за катастрофы, не может в ней разобраться? В своей жизни я не доверяла ни единому человеку, а стало быть, мне никто не может помочь.

Пролистав совсем не объемную переписку обратно, до самого последнего сообщения, я пытаюсь понять, как мы общались перед моим падением. И, наконец, понимаю, на что именно смотрю:

2 октября 20**+1 1:03

Тиффани: Норт, мне очень нужно с тобой встретиться в кампусе. Сейчас!

Это же... дата моего падения. За полчаса до него! Я писала и звонила Норту Фейрстаху с просьбой встретиться в кампусе в ночь моего падения!

Я совершенно точно не хочу узнать, что в прошлый Хеллоуин спустилась с крыши влюбленной в Норта Фейрстаха. Потому что теперь на главного подозреваемого он похож больше всех.

Провалявшись без сна на неудобном диване до утра, измученная сомнениями и предвкушением первого учебного дня, а еще голодная как волк (пришлось уйти раньше завтрака, чтобы все успеть), я всерьез теряю бдительность. И, открыв дверь своего номера, запоздало вскрикиваю. Твою мать, я больше не войду ни в одну дверь без ножа в кулаке!

Не помня себя, бегу к ресепционисту.

— У вас есть записи с камер слежения? — Я стараюсь говорить требовательно и уверенно, но голос дрожит. — В моем номере все вверх дном перевернуто!

— Я вызову полицию, — ловко уходит мужчина от ответа, но по глазам я вижу: *только разбирательств нам не хватало.*

— Я не просила вызывать копов. Есть ли у вас *камеры?*

Мне не нужна полиция. Во-первых, она замазана, во-вторых, поскольку я все еще несовершеннолетняя, привлекут родителей, и тогда папа точно запрет меня дома. И будет прав, черт побери! Не надо думать, что я этого не понимаю. Просто есть люди, которые не согласны на полумеры. Моя жизнь — это моя жизнь! Компромиссов в ней не будет.

— Она на прошлой неделе вышла из строя, — с каменным лицом отвечает мужчина.

Неделе. Угу.

Недостаток отсутствия денег в том, что приходится экономить на безопасности.

В очередной раз помянув тихим незлым словом матушку, я отказываюсь от помощи полиции. Это мое дело, ведь другие жильцы не пострадали.

Так, быстро ищем хорошие новости! Они обязаны быть. Итак, у меня больше нет причин подозревать Джейдена и Стефана: они знали, где я ночую, а значит, не искали бы меня в мотеле.

Вернувшись в номер, на этот раз с ножом в руке, я понимаю, что с первого взгляда неправильно оценила ситуацию. В моих вещах ничего не искали. Искали мою вещь, чтобы как следует напугать, и для этого вывалили содержимое из чемодана на пол.

На кровати лежит сарафан, а в его «живот» воткнут нож. Красноречивое обещание тому, кого не нашли в месте, где собирались убить.

От страха меня все-таки выворачивает в унитаз. Такое со мной впервые: раньше отпускало. Это настолько унижительно, что едва паническая атака отступает, я встаю под струи воды и начинаю тереть себя мочалкой до красноты.

Им меня не победить! Не победить!

Из-за того, что я не спала, в мотель я приехала, едва начал ходить транспорт, и теперь мне это только на руку. Несмотря ни на что, я не покажу, насколько сильно меня задел этот инцидент. Я привожу себя в порядок всеми доступными способами, чтобы встретить первый учебный день (и своего убийцу) во всеоружии. Пока так, а к вечеру, будем надеяться, Стефан достанет мне пистолет.

Бостонский колледж в утренние часы совсем не такой, как днем. Спешащие со всех сторон студенты и их очевидное социальное расслоение — меня зачаровывают. Есть что проанализировать, есть чем воспользоваться. Группу фриков в куртках невзрачных цветов, с дредами и брекетами теснит оглашающий ревом парковку мотоцикл Стефана Фейрстаха. Его уже поджидает, кусая губы от нетерпения, Джессика Пирс. Хоть я спряталась в тени дерева, меня она уже заметила и точно начала бы строчить угрозы снова, не заблокируй я ее

аккаунт. Парень паркуется рядом с ярко-красным мерседесом, в котором рыжеволосая Мэри Кравиц красит губы, не забывая оглядывать в зеркале заднего вида все происходящее на парковке. Поймав в нем девушку готичной наружности, местная красавица кривится, но, несмотря на это визуальное оскорбление, из машины не выходит. Чего она ждет? Ах да, ну конечно, черного побитого жизнью ягуара Норта Фейрстаха, который тоже тут как тут. В нем надрывается во всю немалую мощь легких Эксл Роуз со своим всемирно известным November Rain. Я помимо воли поднимаю голову к небу и вижу тучи. Да, вполне возможно, именно он нас и ждет.

Спеша убраться от собственных мыслей о переписке с Ворчуном, я разворачиваюсь и вскрикиваю второй раз за утро, так как почти утыкаюсь носом в Джейдена.

— Прости, не хотел пугать. Куда ты так внезапно пропала?

— В мотель. Нужно было собрать вещи и выехать.

— А-а-а, — протягивает он глубокомысленно, будто даже разочарованный моей тривиальностью. Я его понимаю: от девчонки, выставившей средний палец в сторону Каппы и Фейрстахов, а затем виртуозно сиганувшей с крыши, ждешь чуть большей оригинальности. Не на четверочку! — Давай обменяемся номерами, а то я каждый раз так и буду думать, вернешься ли ты с таким-то... везением.

Боже мой, он что, правда придумывает повод, чтобы спросить номер моего телефона?

Продиктовав цифры, я подсказываю, как подписать: горе-беда-Тиффани. В ответ прилетает слабая улыбка.

— Слушай, Джейден, будет очень нагло попросить проводить меня до корпуса? Я... плохо ориентируюсь здесь.

И хочу показать, что не настолько одинока, как все думают.

Он кивает, слишком воспитанный, чтобы бросить девушку-горе-беду. По пути я завожу разговор о Надин и узнаю, что она не с юридического факультета. Походя выясняется, что Джейдену неловко за поведение соседки, но ее можно оправдать: Надин терпеть не может братства. Что-то ей там сделали.

В очередной раз думаю о том, как же так получается, что я вроде как Каппа, но эта же Каппа меня ненавидит. Впрочем, остальному кампусу все равно на наши межличностные отношения: я просто олицетворение всех злостных сестричек кампуса. Судя по всему, история со мной и братьями Фейрстахами прогремела будь здоров!

Прощаясь с Джейденом, я размышляю, не лучше ли попытаться счастье и попросить его съездить со мной в мотель, чтобы забрать вещи. Мне страшно оставаться одной, и это совершенно естественно, учитывая, что меня пытались убить уже дважды! Конечно, я намеренно оставила сценку с ножом нетронутой, чтобы попытаться через нее разжалобить Стефана и заставить проболтаться, но упустила возможность с ним поговорить из-за Джессики. Решила оставить на потом: мы все равно встретимся с ним и Нортом в библиотеке. В общем, Джейдена я решаю оставить в покое. Тем более что почти уверена в отказе.

Опыт первых занятий показывает три вещи: за время болезни я ужасно отстала, откуда-то помню предыдущий материал и вокруг меня санитарная зона. Впору писать медицинской трактат о бактериальном распространении суицидальных настроений. Ни души спереди, сзади и по бокам. Съем, наверное, как в шахматах. Психологически это неожиданно тяжело. Это — и повсеместные шепотки. Они затихают по мере моего приближения и вспыхивают

вновь, стоит чуть отдалиться.

В итоге перерыв, отведенный на обед, я провожу на приеме у психолога, который обязан ежедневно оценивать мое состояние. Но общие вопросы не в состоянии определить настоящую картину. Как я себя чувствую? Дискомфортно, ведь ко мне относятся почти с презрением. Огорчает ли это меня? Нет, мне просто не по себе. Как я устроилась? Сняла квартиру на паях с соседями. Есть ли люди, которые могут меня поддержать? Само собой: есть родные, есть пара человек в кампусе. Галочка. Я не отвожу глаза, не мнусь, а когда меня спрашивают, что я чувствую по поводу своего падения, ответ один: я не понимаю причин, потому что не помню. Ах да, к наркотикам я тоже «не вернулась». Прекрасный вопрос! Очень повышает шкалу доверия. Кстати, он последний — главный.

В общем, день проходит скучно. Внутренний трепет вызывает только встреча в библиотеке. Подойдя ближе, я заглядываю внутрь. Если Стефан не пришел — я одна не зайду. Не хочу я сидеть нос к носу с Нортом, который приглашал меня на крышу ровно за год до того, как с одной из таковых я якобы бросилась. А тем более в библиотеке, с которой я якобы сбросилась.

— Кого-то потеряла? — раздается из-за спины, и я третий раз за день вскрикиваю в испуге.

Обернувшись, вижу Норта. По рисунку увечий братьев не перепутать. Впрочем, нет, я бы и без этого поняла. Близнецы Фейрстахи одинаковы только снаружи. Глаза разные, разная пластика движений, разный темперамент.

Отшатнувшись, я ударяюсь спиной о дверь и замираю под взглядом светлых глаз. Бровь Норта медленно поднимается в немом вопросе, но на меня снова накатывает удушающая паника, перед глазами плывет.

— Проходи, — тем временем велит мне Норт.

И я прохожу. Только чтобы оказаться от него подальше. Украдкой гляжу на свою ладонь, она вся в красных полосках. Я до боли вцепилась в рукоять ножа и даже не поняла этого. Я не могу сидеть рядом с Нортом. Не вдвоем. Даже при том, что вокруг полно людей. Он ничего мне не сделает, разумеется, но я его боюсь до одури! И ничего не соображаю. В таких условиях я даже собственное имя напишу с ошибкой!

Где чертов Стефан?!

Тиффани: Ты где?

— Располагайся, — велит Норт, указывая на стол.

Вынырнув из телефона, я тупо переспрашиваю:

— Что?

Он плюхается на стул, намекая. А я стою и таращусь на этого парня. На его длинные и сильные пальцы поверх корочки учебника. Они ли в ответе за беспорядок в моей комнате? Они перебирали мои вещи? Они вонзили нож в матрас, на котором я спала?

Очнись, нельзя, чтобы он догадался о твоих подозрениях. Борись с собой!

Присаживаясь, я чувствую напряжение в каждой мышце. Блокнот достаю рваными движениями, а ручку намеренно роняю, чтобы еще раз заглянуть в телефон: сообщение не прочитано.

Тиффани: Куда ты пропал? Ты достал то, о чем я просила?

— Так не пойдет. Потом посидишь в WhatsApp'е. Убирай телефон.

Он за мной следит не менее пристально! От напряжения мышцы спины сводит болью.

— Разве мы не ждем Стефана?

— Ты многое забыла. Например то, что загнать в одно место нас со Стефаном может разве что ядерная катастрофа.

Ну-ну, ага.

— Хватит и одной вечеринки у Мэри Кравиц.

Уголок губ Норта дергается вверх. Это его личный жест: Стефан так не улыбается. Полезное знание. Я более чем уверена, что если хорошенько перетряхнуть гардероб Норта (как мой чемодан примерно), то там найдется не только черное. Именно для того, чтобы в случае необходимости сойти за брата. В конце концов, не самая же я умная! Что-то подсказывает, что Норт мне не уступает. А впрочем, может, и Стефан.

— Неважно. Он не придет. Даже не жди. Или он тебе зачем-то нужен?

— Он мне кое-что обещал, — поджимаю губы. — Неважно.

— То, без чего ты не можешь начать учиться?

Он наверняка думает, что речь о наркотиках.

И какое мне дело до того, что он думает?

— Нет, — огрызаюсь.

Хотя это как посмотреть! Будь у меня пистолет уже сейчас, я чувствовала бы себя в большей безопасности с Нортом за одним столом.

— Тогда начнем. Что ты помнишь?

Я инстинктивно отодвигаюсь (зачем он это спросил?) и признаю:

— Я не помню, что помню.

Звучит путано, но Норт каким-то чудом понимает:

— То есть придется выяснять и это тоже.

— Слушай, я раньше отлично справлялась своими силами. Мы можем просто разойтись. Я подтверждаю, что ты сделал все необходимое.

Давай же, соглашайся. Тебе только удобнее.

— Это мои старые записи лекций. Преподаватели разные, курс мог отчасти поменяться, но на их примере можно определить, какие темы в «Мертвой зоне», — бросив на меня настороженный взгляд, Норт поясняет метафору. — Это по Кингу.

Не сдержав внезапную улыбку, я прикрываю рот ладонью и отвожу глаза.

Для потенциального убийцы он довольно нелепый.

— Кинга ты помнишь, — досадливо заключает Норт.

— Да. Но если ты упомянешь еще и «Последнюю ступеньку»*, я тебе врежу, несмотря на предупреждения декана.

— Как за Шалтая-Болтая. Я понял.

На этот раз улыбается он, вызывая у меня какое-то странное двойственное ощущение. «Весельчак» Стефан мне ни разу не улыбался: усмехался, насмехался, но по большей части был серьезен. Вот уж не ожидала, что увижу первую искреннюю улыбку на лице «неправильного» парня. Норт пододвигает мне лекции, намекая. Я утыкаюсь в них носом, пока окончательно не увязла в словесном поединке и не потеряла бдительность. Дыши, Тиффани, дыши!

Я едва успеваю открыть первую страницу, как телефон начинает гулко вибрировать. Это не сообщение — звонок. Норт награждает меня тяжелым взглядом, и я поворачиваю к нему дисплей с надписью «мама». Нажимаю на кнопку уменьшения громкости, чтобы унять вибрацию и откладываю мобильный подальше. Однако едва успеваю вчитаться в записи, как звонок повторяется.

— Ответь, я подожду, — напряженно говорит Норт, и я чувствую, что еще чуть-чуть, и у него из ушей пар повалит.

— Это не срочно.

— Она не перестанет.

Он знает обо мне? О моей семье? Кажется, все обо мне знают что-то такое, что я предпочла бы скрыть!

— Не перестанет, — прищурившись, говорю я.

— Так ответь!

Я поднимаюсь из-за стола, чтобы Норт не подслушивал, награждаю его еще одним настороженным взглядом и отхожу к окну.

— Тиффани! — едва сняв трубку, слышу требовательные нотки.

— Я очень занята сейчас.

— Твои занятия закончились.

Бог мой, она следит даже за расписанием пар!

— Моей группы. Но так как я пропустила целый месяц, декан назначил мне дополнительные часы.

Судя по смене темы, ответ ее убеждает.

— Ты помнишь, что у папы на следующей неделе день рождения? И День Благодарения в субботу. Ты приедешь на выходные отпраздновать? Тиффани, он же расстроится!

Она так уверена в моем отказе, что начинает сразу с давления на совесть. Но папу я расстраивать не собиралась никогда, поэтому перебиваю:

— Я конечно же приеду.

Мама на секунду зависает от неожиданности, но, получив свое, тут же меняет тактику.

— Ох, Тиффани, дорогая, мне так жаль, что я не пускала тебя в колледж, что устроила эту безобразную сцену. Но, пойми, я ведь желаю тебе самого лучшего.

— Мама, меня ждет преподаватель, — чеканю, глянув на Норта через плечо.

«Преподаватель», который, видимо, услышал, кто он есть, вопросительно выгибает брови.

— Конечно-конечно. Как у тебя дела? Всего хватает? В общежитии не насмежаются?

— У меня все в полном порядке. Пока.

И сбрасываю звонок прежде, чем мама обрушит на меня новый град вопросов. Воспользовавшись моментом, украдкой заглядываю в WhatsApp. Стефан все еще игнорирует мои сообщения.

Больше нас с Нортом не прерывают, и путем некоторых усилий я обнаруживаю, с какой темы в моей голове пробел. Моя интереснейшая память выкинула только людей и их поступки, а остальное — нет. Я знаю половину законов штата Массачусетс и как залатать пробитое колесо, но не помню, не Норт ли Фейрстах сбросил меня с крыши. Чудненько.

За время, проведенное с ним бок о бок, мой организм дает сбой, и в какой-то момент накатывает апатия: пока вокруг толпа студентов, этот парень ничего мне не сделает. А с остальным я буду разбираться позднее.

Еще чуть-чуть, и у меня появится пистолет. Неплохое такое подспорье. Жаль, что я не подумала о нем раньше. Впрочем, а где бы я его достала? Попросила маму купить вместе с круассанами к завтраку?

— Что дальше? — спрашиваю я у Норта, пролистав конспекты по трем самым важным дисциплинам.

— А дальше ты забираешь записи, читаешь их и готовишь вопросы. Следующая встреча через три дня. Надеюсь, помощь с историей, английской литературой и прочим тебе не требуется?

— Я тоже... надеюсь, — бормочу я себе под нос и в тысячный, наверное, раз, заглядываю в телефон.

— Стефан так и не ответил? — насмешливо интересуется Норт. — Не надо удивляться. На моего брата нельзя полагаться.

— Откуда ты знаешь, что это Стефан? — прищуриваюсь я.

— Ворчун и Весельчак.

— Оригинальности на четверочку? — невинно хлопаю я ресницами, скрывая за сарказмом панику. Он усмехается. — До встречи через три дня, Норт.

Однако, сказав это, я не уйду, а отворачиваюсь и пытаюсь воспользоваться старой доброй сотовой связью, для которой не нужен интернет. Мало ли в какие катакомбы занесло нашего Весельчака. Звонок перебрасывает на голосовую почту.

— Черт, — бормочу я тихонько.

Ну и что мне делать? Неужели придется звонить Джейдену? Опять просить о чем-то человека, который не имеет отношения к моей истории, не защищен фамилией Фейрстах и даже не симпатизирует мне лично? Ну, я бы на его месте отказалась. И он откажется, если не совсем дурак.

Я еще раз набираю Стефана. Безрезультатно.

Так, ладно. Обернувшись к Норту, который не отказывает себе в удовольствии насладиться моими тщетными попытками связаться с его братом, я спрашиваю:

— Где может быть Стефан? Он мне нужен.

— Скажешь зачем?

Я скрещиваю руки на груди, одним своим видом бросая Норту вызов.

— Он обещал достать мне пистолет!

Норт неплохо контролирует мимику, но полностью удивление скрыть не может.

— Ну, где Стефан?

— Без понятия.

— Ты же...

— Просто спросил, зачем тебе Стефан.

И это действительно так — не придерешься. Это я додумала, что ответ является своего рода бартером.

Серьезно, я больше не могу платить за номер в мотеле. Не после того, как отдала Джейдену аванс за месяц вперед. И я не могу продать кольцо вот так просто. С первого взгляда понятно, что оно не мое, и если привлекут полицию, та сразу заинтересуется, откуда у меня такая дорогая вещь. У меня — девочки-самоубийцы, как-то связанной с Фейрстахами.

— Зачем тебе пистолет?

— Тебе действительно непонятно?

Я уже готова сорваться из-за всех этих недомолвок.

— Зачем тебе пистолет *именно сейчас?*

А вот это уже действительно правильный, обоснованный вопрос. Но отвечать на него — безумие. Во рту становится солоно, и я запоздало понимаю, что искусала губы в кровь. На автомате касаюсь их пальцами и вижу отчетливый алый след.

— Ты видела последнее сообщение переписки перед вчерашним, но не помнишь, откуда оно взялось, — мистическим образом верно истолковывает он причину моего поведения. — И боишься.

Смешок у него выходит каким-то горьким. Норт протягивает мне телефон с записью голосовой почты. Смерив парня подозрительным взглядом, я осторожно беру в руки аппарат, заранее уверенная, что ничего убедительного там не обнаружу. Подношу к уху, запускаю записанный звонок.

«Пожалуйста, — слышу я собственный голос. Глухой всхлип. — Сейчас ты мне нужен больше, чем когда-либо. Где ты? — Еще всхлип. — Ты уже не успеешь...»

Это все, что есть, но я еще долго держу телефон у уха, глядя в одну точку и пытаюсь переосмыслить. Это искренняя, отчаянная мольба шокирует до глубины души. Щеки горят алым от стыда. Даже если между мной-ею и Нортом что-то было, записывать такое слишком унижительно! Я его умоляла. И ладно бы он пришел. Но он не пришел, и меня сбросили с крыши. Вот так всегда и бывает, стоит кому-то довериться. Впрочем, о какой-либо степени доверия говорить рано. Мало ли по какой причине я решила, что Норт может мне помочь!

Запись не доказывает, что Норт не пытался меня убить. Но я совершенно точно знала, что в опасности, и не считала, что она исходит от него. Напротив, я надеялась, что он меня спасет. В общем, эта запись мало что доказывает.

С другой стороны, если уж кому и верить — так это самой себе. Уж наверняка у меня-ее было побольше соображений, чем у меня-меня. Хотя бы потому, что я-она должна была что-то знать о причине своего феерического полета с крыши.

— И ты мне не помог, — заключаю я настолько спокойно, насколько могу, и возвращаю телефон.

— Не думай, что я об этом не жалел. Так что тебе нужно сейчас? Зачем тебе пистолет? Это он таким образом пытается очистить свою совесть?

— Мне нужно выехать и забрать вещи. Съезди со мной в мотель и считай, что мы в расчете.

Я думаю, что слова о расчете его ранят. Я надеюсь, что они его ранят. Потому что, судя по всему, он ранил меня.

Я не хочу, чтобы нас с Нортом видели вместе, если это вообще возможно, у Каппы ведь под каждым кустом папарацци. Но мне неожиданно везет: первые капли падают на землю еще до того, как мы покидаем библиотеку. Дождь расходится так молниеносно, что к машине мы бежим, шлепая по лужам и поднимая брызги. При такой непогоде собственные руки не рассмотреть.

Мы садимся в машину, и Норт включает печку, стаскивает пиджак, бросает его назад и безразлично стирает ледяную воду с шеи. А мне вспоминается дурацкое сообщение, где я-она сказала, что человек с таким именем не может замерзнуть. Поймав ответный взгляд, я отворачиваюсь и ловлю ровно тот момент, когда дворники сбрасывают со стекла потоки воды. Именно сбрасывают — так ее много. Странно, но меня это зрелище отчего-то тревожит.

Загружается флэшка с музыкой, и в мои уши на полной громкости врзается November Rain, игравший еще утром. Вот и он, кстати, во всей красе. Если бы не расшатанные нервы, я бы едва ли схватилась за сердце и недостойно выругалась, но увы. Поворачивая регулятор, Норт смеется в голос. К счастью, ему хватает такта не комментировать мою реакцию.

— Куда едем?

Я называю адрес и обнаруживаю, что либо мой провожатый знает Бостон как свои пять пальцев, либо уже бывал в моем мотеле. Эта мысль вызывает напряжение.

Не столь важно, был ли он в моем мотеле, если я самостоятельно покажу ему, куда съеду. Ну нет! Надо срочно придумать, под каким предлогом отказаться от помощи человека с машиной, когда у тебя в руках тяжелый чемодан.

Смерив Норта подозрительным взглядом, получаю в ответ насмешливый.

— Я слышу, как ты придумываешь способы от меня избавиться, — комментирует он. — Не усложняй — достаточно попросить.

Из-за погоды мы едем очень медленно, за стеной дождя совершенно ничего не видно, и я придумываю способы убить время. А если совсем честно, тут и придумывать нечего. В последнее время все мои разговоры сводятся к одному: а скажи-ка мне, что случилось тогда-то.

— За что я благодарил тебя в переписке 19 октября? — не изменяю я традициям и в этот раз.

Я старательно смотрю в окно на стекающие дорожки дождя. Потому что мне немного страшно узнавать происхождение нашей таинственной переписки с Ворчуном. Вчера я перечитала много других бесед, но ничего даже отдаленно перспективного не обнаружила. А тут секрет на секрете.

— Сразу после вечеринки, где ты меня подставила?

— О нет, ты подставился сам. Мало того, что недооценил соперника, так еще унизил.

Молчание затягивается, и я вопросительно поворачиваюсь к Норту. Он смотрит на меня мрачно, почти не следя за дорогой.

— Что?

— Ты ведь понимаешь, что этот разговор уже был?

Я бледнею и действительно начинаю осознавать, что как минимум на крыше в Хеллоуин мы с Нортом о чем-то говорили. Ну и о чем еще, если до этого мы едва перекидывались парой фраз?

— Я спас тебя от расплаты за успех. Девчонки из Каппы тебя накачали, поставили камеры... Я увел тебя раньше, чем они успели что-нибудь заснять.

Я устало откидываю голову на подголовник и закрываю глаза. Перед взором встает картинка, где стофунтовая Мэри Кравиц держит меня за ногу вниз головой над пропастью, прежде чем скинуть вниз. Ее рыжие волосы зловеще развеваются на ветру, а кампус наводняет дьявольский смех. Полный абсурд. Впрочем, Мэри не из тех людей, кто марает руки лично. Надо бы поискать парней, безответно в нее влюбленных. Спорю, среди них найдется немало силачей.

— И с чего бы тебе мне помогать?

— Потому что я тогда еще не решил, как с тобой по квитаться. Это было мое право, а уж никак не Мэри.

— И как? По квитался? — спрашиваю, глядя на Норта в упор.

— Да, — отвечает он просто.

«Пожалуйста. Сейчас ты мне нужен больше, чем когда-либо. Где ты? Ты уже не успеешь...»

Этот короткий отчаянный, полный безысходности звонок запомнился мне дословно. Кем надо быть, чтобы проигнорировать такое? Существует ли хоть один шанс, что Норт

Фейрстах вынашивал план мести целый год, прежде чем бросить меня в критический момент? Почему я звонила именно ему? Что он для меня значит? Как вынудил меня дойти до такой мольбы?

«...ты мне нужен больше, чем когда-либо. Где ты? Ты уже не успеешь...»

«...ты уже не успеешь...»

Дворники сбрасывают со стекла темную массу воды, и внезапно на меня накатывает такой страх, какого я не испытывала еще ни разу в жизни. Предчувствие близкой беды, неизбежной, неотвратимой. Я в смертельной опасности. И я сама в этом виновата. Глаза широко распахнуты от ужаса, вести машину по такому дождю невозможно. Меня мог спасти звонок, но Норт не взял трубку. Дворники скидывают со стекла темную массу воды. Дождь все портит.

— Тиффани?

Собственное имя разрывает воспоминание, и я не знаю, благодарна за это или нет. В салоне не осталось воздуха, зрение сузилось до одной точки впереди. Я наощупь нахожу стеклоподъемник и опускаю стекло до упора. В машину врывается ветер, ледяные струи дождя хлещут мне на колени — это отрезвляет.

Я больше не там! Я здесь. Я живая.

— Тиффани! — раз в пятый повторяет Норт. — Я остановлю машину, если не ответишь сейчас же.

— Я здесь, — отвечаю невпопад больше себе, чем ему.

— У тебя панические атаки, — это звучит раздраженно, но с ноткой беспокойства.

Скажи спасибо, что меня на этот раз не стошнило в твоей машине, Капитан Очевидность.

Кажется, Норт пытается со мной заговорить еще несколько раз, но я отвечаю или односложно, или никак. Этот кошмарный флэшбек дал мне одно знание: перед падением я была в машине одна — не со Стефаном, не с кем-то другим.

— Подожди за дверью, — требую я, открывая ключом дверь своего номера. Уже не стесняясь, достаю из кармана нож.

— Давай я зайду первым, — предлагает Норт, правильно оценивая уровень моей тревожности.

— Нет.

Я бы, может, и согласилась, не оставь я на кровати милую сердцу сценку растерзанного сарафана. Для Стефана, который обломал мне все планы! И теперь я жалею. Следует убрать все до того, как в номер войдет Норт. Мне совсем не хочется впускать этого парня в душу еще глубже: судя по записи голосовой почты, он и так забрался непозволительно далеко.

Новых погромов не обнаружено, и я хватаюсь за рукоять “подарочка”, чтобы его вытащить. Но то ли лезвие ушло слишком глубоко, то ли погнулось от силы удара — ничего не выходит. Я карабкаюсь на кровать, тяну изо всех сил. Тщетно.

— Да чтоб тебя! — выдыхаю проклятие, забыв о том, насколько картонные в мотеле стены.

— Что ты там делаешь? — теряет терпение Норт.

— Заходи.

Мне уже здорово надоело, что в самом малейшем вопросе требуется чья-то помощь. Глянув на Норта исподлобья, я замечаю, как неожиданно он останавливается в дверях, мрачно меня рассматривая.

Ах да, я же на кровати раскрасневшаяся, взъерошенная, в промокшей белой блузке с просвечивающим бельем и задравшейся юбке. Могло бы стать прекрасным приглашением, если бы не маленький нюанс в виде торчащего из матраса ножа!

Кажется, Норт действительно не понимает. В его глазах настороженность смешалась со злостью, и этот коктейль направлен именно на меня. Спешу заговорить прежде, чем на меня посыплются неуместные предположения.

— Ты не мог бы..? — указываю я на рукоять и отползаю в сторону.

Только тогда Норт приходит в себя и чуть заметно вздрагивает.

Так, парень, а ведь ты опасаясь меня не меньше. Что я тебе сделала?

— Что за..? — подтверждает он мою догадку.

— Это было здесь утром, не было только меня.

— Ты полицию вызвала?

— Какая тебе разница?

Я вскакиваю на ноги и одергиваю юбку, чувствуя себя заведенной игрушкой, которая никак не успокоится.

— И почему не вызвала?

— Может, потому что прикрепи ты мою оторванную руку на капот своей машины и разъезжай так по городу, они бы заключили, что это досадное недоразумение?!

— Если записи звонка тебе недостаточно, у меня есть алиби.

— Полагаю, Мэри? Не сомневалась, что она станет свидетельствовать за тебя и против меня. Алло, она так бесилась, что *накачала* меня.

На скулах Норта ходят желваки. И вот сейчас он очень похож на Стефана. Что ж, я прекрасно знаю, как довести любого из близнецов. Это успех.

— Она действительно была со мной той ночью.

Что-то внутри меня откликается на это известие глухим раздражением. Падение стерло во мне не все — это давно известно. И меня эти бесформенные чувства все больше пугают и запутывают.

— А на эту ночь у тебя тоже алиби? — осознав, насколько идиотский вопрос я задала (ну конечно он мне ответит, что нет: именно так убийцы и поступают — ага), я поправляюсь: — Просто вытащи нож — и покончим с этим.

— Тебя бы убили, попадись ты им этой ночью, — едва ли не по слогам твердит Норт. — Ты должна вызвать полицию, пока я не тронул улики.

Выходит, на ноже его отпечатков нет. Впрочем, я уже дунула пудрой на рукоять утром и убедилась, что там чисто. Иначе бы я не удержалась и вызвала патруль, несмотря ни на что.

— Хватит! — Мой внезапный крик взрезает воздух комнаты. — Я не тупая, я совершенно точно понимаю, что делаю.

— Убиваешь себя.

— Вытаскивай — я уже тут все потрогала и поправила. Ничего они не найдут, — это точно заставит его отступить.

Выругавшись сквозь зубы, Норт хватается за рукоять, слегка раскачивает из стороны в сторону и, оперевшись коленом в матрас, достает с первого рывка. Я мрачно заключаю, что в моем теле силы, по сравнению с мужским, что в мышинном. Месяц на больничной койке не прошел даром.

— Спасибо. — Я бросаю нож в чемодан поверх остальных вещей. Зачем? Да понятия не

имею! — Теперь проводи меня, пожалуйста, на ресепшен — и можешь быть свободен.

— Ты серьезно?

— Ты сказал, что мне достаточно тебя попросить оставить меня одну.

Он некоторое время смотрит на меня тяжело, глубоко и... разочарованно.

— На твоём месте я бы хоть попытался найти человека, которому можно верить. И я говорю не только о той тебе, которой ты стала после падения.

Я буквально слышу лязг захлопнувшейся перед моим носом двери по имени Норт Фейрстах.

*Последняя ступенька — рассказ Стивена Кинга, в котором девочка чудом выживает после падения с верха амбарной лестницы во время игр с братом, но спустя годы выбрасывается из окна здания, сломавшись под гнетом жизненных трудностей.

Когда утром я ставлю на кухонный стол три тарелки блинчиков с джемом, украшенных по методу моей мамы, даже Надин не находит, к чему придраться. Впрочем, она присмирела еще вчера, когда встретила меня на пороге квартиры, вымокшую до нитки, с тяжелым чемоданом в одной руке и продуктовой сумкой — в другой. Кажется, до нее начало доходить, что не все Каппа-куклы живут в хрустальных замках. И... нашим отношениям это все равно не помогло.

Несмотря на то, что организм старательно сдавался на милость сна, я сидела и читала записи Норты, пока оставались силы соображать. Проснувшись я под будильник Джейдена и обнаружила, что вложенные в конспект листы рассыпались по полу. Я сначала не обратила на них внимания, а пока собирала — выяснила, что Норт выписывает прецедентные случаи.

Уйти я спешу побыстрее, хоть мне и страшновато покидать район в одиночестве. Но едва ступаю на улицу, как вижу Стефана, терпеливо дожидаящегося меня у красавца-мотоцикла. На нем косуха, небрежная футболка с низкой линией горловины, потертые джинсы, бутсы и мотоциклетные перчатки. Выглядит он впечатляюще, но от формы в этом наряде, естественно, ничего. Он не собирается на занятия? Или может себе позволить заявиться в колледж в таком виде?

— Почему ты не отвечал на мои сообщения?

Стефан глубоко затягивается сигаретой — так, что та прогорает до самого фильтра, и одним щелчком отбрасывает окурочок. Поступок этот отталкивающий, но стоит приглядеться — и видно, что Стефан вообще сегодня странный. Не такой, как раньше. Мрачнее, злее. И смотрит на меня исподлобья, будто ждет с моей стороны чего-то.

— А должен? — убийственно равнодушно спрашивает он. — Шалтай, я тебе ничего не обещал. Не надо делать на меня ставку.

— Я и не делала. К тому же ты уже вчера преподавал мне урок послушания.

Кажется, ответ его удовлетворил.

— Как прошла свиданка с моим братцем?

У меня ползут вверх брови. Отвечать на провокацию, когда Стефан только и ищет повода прицепиться, — глупо.

— Ты принес пистолет?

— Держи.

С этими словами он достает из-за пояса пистолет и протягивает рукоятку вперед. Прямо на улице! В тот момент, когда дверь распаивается и из подъезда выходят мои соседи. Я спешно прячу трофей под пиджак и вижу кривоватую усмешку Стефана. Джейден и Надин останавливаются и смотрят на меня так, будто уже придумывают, в котле ада сварить непутевую соседку этим вечером.

— Я отдам тебе деньги не здесь, — поджимаю губы. Нет, ну что стоило положить пистолет в пакет или передать более скрытно?

— Садись, Шалтай, — не спорит Стефан и перекидывает ногу через мотоцикл.

Я помимо воли отмечаю, как ему все это идет — даже фингал под глазом, что уж совсем странно, — а потом одергиваю себя: оценивать привлекательность парней, которые поучаствовали в истории моего падения, — идея заведомо дурацкая. Это только мешает мыслить объективно.

Едва об этом подумав, я лезу на мотоцикл в юбке и крепко обнимаю Стефана за талию. Логично, да.

Косуха мешает держаться крепче, поэтому я ее приподнимаю и сцепляю руки уже поверх футболки. И в тот момент, когда пальцы касаются кожи сквозь тонкую ткань, я ощущаю странный жар. Но не везде, только под одной рукой. Ответ приходит сам собой: у него гематомы на ребрах, притом совсем свежие. Не те отметины, которыми наградил его брат.

Так где ты был вчера, Стефан? Ты поэтому так зол? Тебе должно быть ужасно больно.

Стефан пролетает улицы с такой скоростью, будто за ним черти гонятся. Останавливается только на одном светофоре и тут же поворачивается ко мне.

— Держись поближе к моему брату, если сумеешь. Этот ублюдок просто гений притворства. Мы с тобой по сравнению с ним дилетанты.

— Надеюсь, ты понимаешь, что после такого заявления у меня в сотню раз меньше причин ему верить.

— Тебе и не надо ему верить. Надо, чтобы он тебе помог. *Его* помощь может быть очень полезной.

Да, только от помощи Норта я уже отказалась.

Больше Стефан не говорит мне ни слова. Доехав до кампуса, он тотчас соскакивает с мотоцикла и устремляется к поджидающей его Джессике. Его рука скользит по ее талии, губы шепчут что-то, заставляющее девушку заливаться смехом и румянцем. Они уходят. А я стою, как дурочка, с зажатой в кулаке купюрой и понятия не имею, что делать дальше.

Пистолет, получается, подарок? Не слишком ли их стало много? Кольцо, пистолет. И почему Стефан ведет себя так, будто мое общество ему противно?

Почему он посоветовал мне держаться поближе к его брату? Разве они не ненавидят друг друга? Или под ненавистью скрывается другая правда? Впрочем, никто не говорил, что они не могут относиться друг к другу по-разному. Стефан может Норта уважать, скажем, без взаимности.

А с чего мне, собственно, верить Весельчаку? Ну не бросал он меня с крыши — окей. Однако мы в этой заварухе оказались вместе, только меня скинули с крыши, а его — нет. Очень может быть, что он просто прикрывает свой зад.

И еще Стефан почему-то хочет, чтобы я избавилась от кольца. Пока его намерения неясны, этого делать нельзя.

Поскольку я не рассчитывала добраться до колледжа так рано, иду напрямик в кабинет психолога в надежде, что она уже подошла. Это так, но на лице едва вошедшей женщины я вижу колебание: стоит ли меня принимать перед занятиями? Как будто она не готова. Тем не менее скверные новости перевешивают все сомнения. Еще не успев снять пальто и расположиться, она обреченно машет мне рукой, веля проходить, а начинает сразу с главного:

— Мисс Райт, мне сообщили о произошедшей драке. Вы только вчера приступили к учебе и уже оказались в самой гуще.

— Я разнимала студентов.

— А за день до этого ударили одного из них. Это новый антирекорд среди моих пациентов, — вздыхает она.

Да, в неприятности я ввязываюсь стремительно, но я не ее пациент! Разве врач

может выступить против пациента?

— И это при том, что именно вчера вы красноречиво уверяли меня, что все в полном порядке.

Да, пожалуй, врезать Стефану и сказать, что это норма, — немного странно. Хотя его бьют уже три дня подряд. То есть на пятьдесят процентов (где половина он, а половина — я) все в порядке. Ладно, признаю: врезать Стефану — не лучшее мое решение. И уж точно не самое здоровое.

— Что вас связывает с братьями Фейрстах? — тут же «ловит волну» якобы мой доктор.

— Это я и пытаюсь выяснить! Но у них... свое представление о том, что мне стоит знать.

— Мисс Райт, что бы вы ни думали, я связана врачебной тайной. Расскажите мне об этом.

— Что бы вы ни думали, мисс Клосс, я правда не помню и не могу пока связать все факты воедино. А вы, уж простите, не детектив, чтобы мне в этом помочь.

— Мисс Райт, — отвечает она на мою дерзость, сводя брови. — Если я посчитаю вас психически нестабильной, я буду вынуждена запретить вам посещение лекций. Для вашей безопасности и безопасности окружающих!

— В таком случае, надеюсь, вы также не будете возражать против второго врачебного мнения. Например, в другом штате, где фамилия Фейрстах не играет такой роли!

Ее лицо идет пятнами гнева. Едва ли это действительно поможет в моей ситуации, но я могу это сделать и сделаю в случае необходимости. Не позволю себя запугивать! Однако сейчас не время для споров, и я спешу перевести тему в более мирное русло. Можно, конечно, окончательно разругаться с этой женщиной, но ей плачу не я, работает она не на меня — она не на моей стороне ни на йоту! Тем не менее может добавить проблем.

— Я знаю, вы знаете и весь кампус знает, что меня видели со Стефаном в ночь трагедии. И поступки Фейрстахов — попытка боднуть меня бампером машины, публичные насмешки, эта драка из-за моего удара в нос — все призвано о чем-то мне рассказать. Они как будто хотят, но сомневаются. Или надеются, что я сама догадаюсь.

— Стефан Фейрстах разговаривал с вами о наркотиках?

Признаться, прошлая эмоциональная речь чуть было не заставила меня с ней заговорить более открыто, но эти наркотики все испортили. Снова.

Может, я не замечаю самокрутку, торчащую у меня за ухом, но такую гигантскую, что остальным она видна из космоса?!

Сидя на лекции по истории (которую мне вообще-то следует слушать, так как записей Норта по этому материалу у меня нет), я залезаю в телефон.

19 ноября 20**+1 9:38

Тиффани: Ты сказал, что мы встретимся через три дня, но это воскресенье.

Ворчун: У тебя другие планы?

Тиффани: Нет. Но библиотека в этот день закрыта.

Ворчун: Я не сказал, что мы встретимся в библиотеке.

Я заглядываю в телефон в поисках уточнений, но Норт молчит. Ради разнообразия пытаюсь послушать лекцию.

— ... в это время всем вольноприбывшим совершенно бесплатно раздавались участки земли для ведения хозяйства. Таким образом, в Северную Америку хлынул поток переселенцев из Старого Света...

Увы, хватает меня ненадолго. Участие близнецов в моем незапланированном полете куда интереснее. И вообще, история переселения мне, кажется, известна, а вот своя — нет.

Тиффани: Не считаешь нужным сказать мне, где все-таки мы встретимся?

Ворчун: В кафе неподалеку от Даунтаун Кроссинг*. Адрес пришлю позднее.

Тиффани: Ок.

— ... данное решение крайне положительно сказалось на экономике, но в то же время остро встал вопрос с коренными жителями...

Тиффани: Не спросишь, как я добралась вчера?

Ворчун: Ты дала понять, что это не мое дело, разве нет?

Тиффани: Конечно. Но это было бы мило. И ты так хотел большего доверия к своей скромной персоне. Алиби хвастался...

Ворчун: Тиффани, иди к черту. У меня в печенках эти твои игры.

Тиффани: А ведь только утром Стефан меня убеждал в том, что ты в «эти мои игры» играешь лучше кого бы то ни было.

Ворчун: Предлагаю и дальше ему верить. Глядишь, снова на какой-нибудь крыше окажешься.

Мои щеки обжигает румянец обиды. Может, Стефан и прав: если Норт хочет сделать больно, он сделает. А вчера, выходит, был даже милым.

Тиффани, оставь его в покое. Пока ничто не указывает на то, что вы виделись в ночь твоего падения. Скорее, он просто тебя послал, а сам развлекался с Мэри.

Тиффани: Приходится, Норт, приходится. Ведь он единственный человек, который нормально со мной разговаривает во всем кампусе, а больше я никак не узнаю о том, что со мной случилось.

Он мне что-то отвечает, но я даже не смотрю. Реакции на провокацию нужно ждать дольше. Телефон вибрирует три раза, а потом замолкает. До самого конца лекции я внимательно слушаю преподавателя. Но следующую пару тоже трачу не на занятия (на этот раз утешаясь именно лекциями Норты), а на то, чтобы составить список дел. Крутятся как белка в колесе, я мало что успеваю, поэтому некоторые важнейшие вопросы так и остались без внимания. Например, мое прошлое место проживания. Или, скажем, блокнот, который я просмотрела лишь мельком. И переписка Каппы, в которую я не заглядывала уже два дня.

Я выписываю список задач, а между парами захожу в личный кабинет банковского счета, чтобы найти там сумму оплаты квартиры. Это должна быть единовременная крупная выплата или ежемесячный платеж в одно и то же время месяца.

Такая графа действительно находится: каждый месяц я-она переводила на какой-то счет внушительную сумму денег. Больше, чем я отдала Джейдену. То есть либо у меня была собственная квартира, либо с кем-то, но в очень порядочном районе. Как бы узнать, кому принадлежит этот номер! Будь у меня такая сумма на карте (видимо, ради этого я где-то работала), я бы перевела деньги и дождалась удивления арендодателя, но у меня ее нет. И банк едва ли выдаст мне информацию о держателе счета.

Только вдумайтесь, как сложно нынче терять память! Кругом цифры-цифры-цифры — и никакой персонификации. Называешь номер в телефонной книге Ворчуном и теряешь всякую связь с личностью человека. Переводишь деньги на счет — и не знаешь кому, потому что имя скрыто банком. Запечатываешь телефон кодом доступа — и львиная доля твоей жизни прячется от тебя самого.

Остальная часть выписки по карте подсказывает, что жила я весьма скромно, что опять

возвращает нас к вопросу о наркотиках. У меня попросту не было на них денег. Никогда бы не подумала, что скажу маме спасибо за вынужденную экономию, но это так.

Второй волнующий меня вопрос — это Мэри Кравиц. Пока что из всех действующих лиц драмы со мной не контактировала только она. А добраться до нее можно исключительно после Каппа-кордона. Судя по всему, эта девушка защищена своим ульем, что пчелиная королева. И единственное место, где я могу к ней хоть на чуть-чуть приблизиться, — кафетерий.

Никогда не думала, что войти в наполненное людьми помещение станет для меня испытанием на прочность, но так и есть. Я переступаю порог, и то тут, то там начинают стихать звуки, когда студенты показывают на меня пальцем.

— О, вот и наша самоубийца с того света вернулась! — доносится мерзкий смешок.

От волнения — объяснимого и неуместного — я едва понимаю, что ставлю на поднос, а уж о том, чтобы это съесть, и вовсе не помышляю. Салат какой-то, стаканчик кофе, легкое суфле в качестве десерта. Странный набор, в общем.

Будь мы в средней школе, с таким вниманием меня бы уже точно толкнули и рассмеялись, но тут колледж — психологические игры другого порядка. Звон в ушах нарастает по мере того, как я продвигаюсь к уголку с диванчиком, занятым девчонками Каппы. У некоторых из них от моей наглости отвисает челюсть.

— Подвинься, — велю властно девочке, которая сидит дальше всех от Мэри.

Королева разместилась в уголке, а ее подданные по лучам, от него расходящимся. И эта девочка с краю — первокурсница, которая боится собственной тени. Она еще не уяснила, как себя вести, и с испугом в глазах смотрит на Мэри.

— Да пусть садится, если хочет опозориться на весь колледж, — фыркает она и наклоняется к уху Джессики. Что-то шепчет ей.

Я даже примерно представляю, что именно. Чутье на человеческую подлость никуда не делось. А Мэри очень подлая.

Едва глянув на салат, я понимаю, что не смогу его прожевать, не подавившись, и берусь сразу за кофе, не сводя с рыжеволосой красотки нервирующего взгляда.

— Ох, Тиффани, смотрю, ты все еще нуждаешься в деньгах на еду, — насмешливо говорит Мэри губами Джессики. — Может быть, тебе что-то купить? Например, экстази, чтобы ты не была такой мрачной.

В кафетерии становится тише. Слушают.

— Осторожнее, Мэри, — отвечаю я тому, кто на самом деле направляет эту шайку. — Я говорила с Норттом. — Ее лицо вытягивается, а в глазах появляется уязвимость. Мэри, может, и лидер Каппа, но актриса никудышная. И, похоже, без памяти влюблена в этого парня. — Он сказал, что вы, девочки, меня накачали наркотой и хотели снять видео. А через какое-то время после этого я якобы сама прыгнула с крыши. Так мило! Знаете, я записала этот разговор. Учítывая, что ты, Мэри, не Фейрстах (по крайней мере пока), как думаешь, что предпримет полиция? Особенно если мне удастся уговорить Норта официально.

А вот это уже концентрированный бред. Я даже примерно не представляю, что нужно сделать с Норттом, чтобы заставить его сделать что-то против его воли. А помогать мне он точно не собирается.

Телефон в моем кармане вибрирует. Оглядев замершее в предвкушении помещение, я вижу, как Норт откладывает телефон. Но поймав мой взгляд, он в своей манере поднимает бровь, будто ничего не произошло. Стефан ведет себя более странно, не отрывая от меня

напряженного взгляда и поигрывая мобильным. Так который мне написал?

Глянув в телефон исподтишка, вижу сообщение:

Ворчун: Девочка-провокация. Чего ты добиваешься?

Не то чтобы я струсил, но дело сделано — можно уходить. Сидеть поблизости от Мэри — удовольствие ниже среднего, а я не мазохистка.

— Ну, пойду пообедаю в более приятной компании. А то в змеином обществе кусок в горло не лезет.

Я понимала, что расплата за выходку с Мэри меня не минует, но не ожидала, что едва я покину корпус, как на меня набросятся две девицы из числа тех, что недавно окружали королеву гадюшника. Одна поглядывает по сторонам, контролируя ситуацию, а вторая с силой впечатывает меня спиной в стену, вышибая из рук бумажный пакет с едой, и хватается за лацканы пиджака:

— А ну отдавай телефон.

Мобильный, который я так бездумно продемонстрировала девчонкам из Каппы, лежит во внутреннем кармане пиджака — поближе к телу. Но девчонка явно, слава богу, не заметила, куда я его убрала, и теперь пытается сорвать с меня рюкзак. Я отпихиваю ее изо всех сил, но терплю фиаско. Пока она распускает шнурок, я лягаю ее в лодыжку (нельзя, чтобы она увидела кольцо! И еще пистолет), но в ответ получаю ощутимую оплеуху.

— Не высовывайся, наркоша. А главное, не смей лезть к Мэри, — шипит она.

— Тебе не кажется, что тут пострадала логика? — спрашиваю высокомерно. — Если я не высовываюсь, то уже никак не смогу полезть к Мэри.

Таким образом заставив девчонку утратить бдительность, я с силой ударяю по рюкзаку, выбивая его из рук, и подныриваю, стараясь ускользнуть, но вторая Каппа, оставшаяся до сих пор недвижимой, невероятно быстро ставит мне подножку, и я падаю прямо в грязь.

— Ав-ав-ав, — слышу сбоку знакомый голос. — Ох, что это?

Поворачиваю голову и вижу Джейдена, который снимает нас на телефон.

— Конечно, это же Мэри Кравиц зовет свою свору. Ав-ав!

Та девчонка, которая напала на меня, пытается вырвать телефон у Джейдена, но он поднимает тот над головой низенькой сестрички и ловко отскакивает в сторону. А затем из корпуса выходят другие студенты и останавливаются, глядя на нас. Каппам приходится прекратить.

— Идем, Камилла, — одергивает «вторая».

А Джейден подходит ко мне и протягивает руку, помогая подняться. Я за нее не берусь, демонстрируя перепачканную в грязи ладонь.

— Ты ведь не собираешься показывать это видео? У меня будет неприятностей не меньше, чем у них.

— Нет, Тиффани, не беспокойся. И все же компромат есть.

Я не говорю о том, что он и так будет. Потому что сегодня переписка Каппы запестрит воспоминаниями о вечеринке, на которой меня-ее, по словам Норты, накачали, и «Джессика П» это все заскринит.

— Мне показалось, или Стефан Фейрстах передавал тебе утром пистолет?

— Травматический.

— Ну, он точно не лишний, — с облегчением принимает он это уточнение. — Полагаю, ты в таком виде на пары не пойдешь?

— Нет.

— Тогда уйдем вместе. У меня на сегодня все.

— Спасибо, Джейден, — улыбаюсь я искренне.

— Не за что, Тифф, — мягко отвечает он и вдруг со смешком признается: — Вот уж не думал, что однажды стану тебя спасать.

Так и я не думала, что буду нуждаться в спасении чуть ли не каждую минуту.

То, с каким смаком меня полоскали в переписке Каппы, сделало бы честь самому заковыристому сериалу о студенческих сообществах. От количества доказательных скриншотов мой телефон начал пухнуть чисто физически. Кстати, Джессика тоже сделала новый аккаунт и попросилась в переписку. Почему никого не смутило, что теперь у нее целых две страницы, — загадка. Но я была начеку каждый момент: понимала, что, не ровен час, кто-нибудь догадается, что дело нечисто. А мне определенно понадобятся признания: в отличие от Фейрстахов, Мэри вынуждена гадить мне публично для поддержания репутации. И она не могла не засветиться. Злая, ревнивая девчонка, пусть не дурочка, но и не виртуоз.

Перекинувшись с ней сегодня всего парой слов, я окончательно вычеркнула Мэри из рядов своих потенциальных убийц. Она для этого слишком труслива. Не стала бы пачкать руки. Да и потом, одно дело найти среди почитательниц ту, что может избить, но убить... В общем, это не Каппа. И мы вернулись в начало: к Фейрстахам.

19 ноября 20**+1 10:04

Тиффани: А ведь только утром Стефан меня убеждал в том, что ты в «эти мои игры» играешь лучше кого бы то ни было.

Ворчун: Предлагаю и дальше ему верить. Глядишь, снова на какой-нибудь крыше окажешься.

Тиффани: Приходится, Норт, приходится. Ведь он единственный человек, который нормально со мной разговаривает во всем кампусе, а больше я никак не узнаю о том, что со мной случилось.

Ворчун: Как я уже говорил, не усложняй — спроси.

Ворчун: Или твое сомнение настолько велико, что ты думаешь, будто все станут сами за тобой бегать, мечтая вручить ключики от правды?

Ворчун: Привет, только чувство вины толкает на подобную дурость.

Прочитав это, я всерьез забеспокоилась. Ну, потому что это правда: Стефан подошел ко мне первым, Стефан первым со мной заговорил, Стефан подарил мне баснословно дорогое кольцо, Стефан дал мне прогуляться по своему дому ради восстановления памяти, Стефан подарил мне пистолет, о котором я попросила, Стефан подвез меня в кампус сразу после того, как в мою комнату вломилась. В своей отстраненно-непринужденной манере, но он действительно все это сделал по своей инициативе. Я его ни о чем, кроме пистолета, не просила.

Стефан Фейрстах передо мной виноват. Но так ведет себя только хороший человек. Если же виноват плохой, то он попытается подставить другого. А Норт уже не намекал на то, что все дело в его “ненадежном и безответственном” брате.

В субботу я умудряюсь как следует выспаться, насладиться безобразной стряпней Джейдена и узнать, что в каршеринге он подрабатывает по выходным. Это оставляет нас наедине с Надин. Время до четырех часов дня я трачу на учебу, но потом моя многострадальная голова отзывается тупой, пульсирующей болью.

Тиффани: Во сколько и где именно мы встречаемся с тобой завтра?

«Ворчун» мое сообщение не читает, а я бы охотно прогулялась по Бостону, поискала кафе, чтобы завтра упаси боже не опоздать. А то ведь Норт... что Норт? Уйдет? Высмеет меня вновь? Ну и подумаешь. Не могу сказать, что жажду его общества или что его мнение имеет для меня вес. Но дело в том, что Норт не рационален, а гиперрационален, что меня в нем привлекает, а вот равнодушие бесит... и заставляет хотеть что-то доказать. Черт побери. Не сделай он оценочную ошибку в самом начале знакомства, мне бы никогда не подделывать то фото для Каппы! Печальное знание.

— Надин! — стучу я в комнату соседки.

Из-за двери высовывается недовольная голова.

— Как называется прокат авто, в котором работает Джейден?

Почему бы не совместить приятное с полезным, раз уж я все равно запланировала прогулку? Нет, я, конечно, верю, что парень работает именно там — дело не в проверке, — но разве не стоит побывать там, где я уже находилась, чтобы попытаться вспомнить?

Нарядившись в дождевик (ноябрьский дождь завладел Бостоном), я шагаю по самым многолюдным улицам. Да, небольшая вероятность, что ко мне подкрадутся сзади и пырнут ножом, существует, но мы в США. Здесь повсюду камеры: скрыться не так-то просто. Впрочем, если ты Фейрстах, то все это лишние телодвижения. Зачем напрягаться, если и так все можно?

Я мрачно заглядываю в телефон: новое сообщение только от папы. Он советует хорошо подумать, прежде чем ехать домой на его день рождения. Все мы понимаем, что у нас с мамой легко не выйдет. Но это же папа. Я и так слишком долго пренебрегала семьей. Да и Хилари вчера с таким энтузиазмом планировала мой приезд, что разочаровывать ее никак нельзя.

С такими мыслями я дохожу до проката авто. И резко останавливаюсь посреди тротуара. На меня налетает какой-то мужчина, вместо извинений бормочет что-то о странностях особой женского пола и топает дальше. Но мне не до манер, потому что я знаю, где нас со Стефаном сфотографировали в ночь моего падения. И, кажется, знаю кто.

Досадно. Только стоило подумать о том, что Джейден неплохой парень, что он искренне мне помогал, что вчерашний вечер, проведенный за игрой в скраббл, — начало добрым отношениям, как всплывает такое. Он не просто так вернул мне рюкзак нетронутым, не просто так пригласил меня пожить с ними с Надин, не просто так рассказал про прокат авто. Он разослал всему кампусу фото, где мы со Стефаном снимаем машину поздно вечером, а через несколько часов меня сбросили с крыши. Вот и разгадка его дружелюбия: он боится, что своим поступком мне навредил.

«Твое самомнение настолько велико, что ты думаешь, будто все станут сами за тобой бегать, мечтая вручить ключики от правды? Привет, только чувство вины толкает на подобную дурость».

Похоже, мне стоит выпустить сборник цитат жизненной мудрости имени Норты Фейрстаха.

Была я в этом прокате или нет, при виде белой стойки с сидящими за ней скучающими сотрудниками ни одной ассоциации.

— Привет, — говорю я с порога, напряженно улыбаясь Джейдену.

Он затравленно втягивает голову в плечи, явно опасаясь грубости с моей стороны. В его глазах непередаваемое паническое выражение. Он никак не ожидал, что я собственной персоной приду к нему на работу и все увижу. Интересно, а на что он надеялся? Или вообще

не замечал, что я предпринимаю попытки что-то выяснить? Впрочем, их с Надин вполне устраивает то, что я провожу почти все время на своем диване в телефоне или же конспектах.

— Я хотела попытать удачу, посидев в машине, которую арендовала той ночью. Вдруг удастся что-то вспомнить. Она сейчас здесь?

— Н-нет, — говорит он, сглотнув. — Но когда она вернется — я тебе сообщу.

— Хорошо, — отвечаю так же неловко.

Я не уверена, стоит ли устраивать Джейдену сцену хоть где-то, не только здесь. Я поняла, что он отчего-то хотел мне (или Стефану) насолить. Он понял, что я догадалась. Я еще пару мгновений смотрю на парня, в котором почти увидела друга, а потом разворачиваюсь и ухожу.

Минутой позже на мой телефон падает адрес кафе, в котором мы с Нортом собираемся встретиться завтра в 15:00.

На диванчики у окон нам не везет: свободен только маленький столик, на котором с трудом поместятся две чашки кофе — не то что конспекты. Пару раз наткнувшись на мои ноги, поскольку девать их просто некуда, Норт разворачивается вполоборота. Он слишком высокий и за этим карикатурно крошечным столиком смотрится несуразно. Я лезу в сумку, чтобы все же достать тетради (не сидеть же просто так), но меня останавливают:

— Так ничего не выйдет: давай следить за столиками на четверых. Переберемся и начнем по делу. По-моему, вон те собираются уходить. — Он указывает подбородком на милующуюся парочку за моей спиной. Я понятия не имею, с чего он сделал такой вывод, но не спорю. Обернувшись, обнаруживаю, что Норт оценивающе меня рассматривает: — Ну, что тебе за ту выходку сделала Мэри?

Я неопределенно пожимаю плечами. После правды о Джейдене у меня пропало всякое желание откровенничать с малознакомыми людьми. А у меня, на минуточку, нынче все малознакомые.

— Зато меня она допрашивала целый вечер, заламывая руки. Было интересно, но, чтобы отвязаться, пришлось сказать правду: у тебя нет и не может быть записи.

Я вскидываю на него глаза и не могу поверить в то, что услышала. Идут секунды — никто не опускает взгляд и даже не моргает.

— Ты сошел с ума? — уточняю.

— Просто не вижу смысла облегчать тебе задачу, — самодовольно скрещивает он руки на груди. — Вообще не понимаю, как Мэри могла поверить в этот блеф о показаниях. *Ваши проблемы — сами разбирайтесь.*

Как иногда меня бесит этот парень! Уму непостижимо! Я откидываюсь на спинку стула и секунд десять просто стучу пальцами по столу, оценивая масштаб катастрофы. Масштаб называется просто:

— Твоей подружке конец, — выдаю я простой и короткий вердикт.

Ну, потому что это правда так. Сейчас Мэри посчитает себя в безопасности и наделает глупостей, а я в долгу не останусь! Позавчерашние скрины обещали стать запасом ядерного оружия на случай войны, а не последним рубежом обороны. И что теперь?

— Это ты о чем? — Норт, еще недавно с трудом не лопавшийся от самодовольства, на глазах превращается в образец настороженности.

Я прищуриваю глаза, скрывая бешенство.

— Ты взял хорошую высоту, начав учить меня жизни. Я почти поверила, что ты так

хорош, как сам себя мнишь и как о тебе говорят. И что, сразу после этого второй раз на одни и те же грабли?

Норт смотрит на меня со странным выражением в глазах. Из них пропала всяческая насмешка. Нет, я слишком плохо в этом всем разбираюсь, чтобы выделить одну конкретную эмоцию.

Я старательно отбрасываю в сторону эту мысль, наклоняюсь к нему ближе и говорю:

— Привет, Норт, — копирую я его манеру. — У меня *есть* доказательства того, что они меня накачали. И не только этого. Уж поверь, Мэри в дерьме. И когда — теперь уже не если, а когда, — она решит меня прижать, я не буду сидеть в сторонке. И ладно бы пострадала только она. Нет же: достанется исполнителям. Девчонкам из Каппы в лучшем случае грозит дисциплинарное разбирательство и последующее исключение.

— Опять блефуешь? — уточняет он, хмурия брови.

— Нет, Ворчун, — мотаю я головой. — Попробуй на досуге представить, зачем бы мне понадобилась — как ты это назвал? — провокация.

Я изо всех сил сохраняю нейтральное выражение лица, хотя следовало бы встать и уйти. Каждая наша встреча с Нортом проходит на пороховой бочке. Не понимаю, почему я до сих пор их не прекратила.

— Теперь побежишь рассказывать Мэри?

— *Ее проблемы — пусть сама разбирается*, — повторяет он фразу, сказанную мне всего минутой ранее в чуть иной формулировке. Интере-е-есные у них взаимоотношения.

— Странно, мне ты все время рассказываешь, как я сглупила.

— Потому что ты небезнадежна, — припечатывает он веско.

А Мэри, с которой он спит, значит, безнадежна?

Мне хочется сказать что-то жесткое в ответ, но в этот момент в память врезается новое воспоминание. Оно проносится мириадами звезд над головой, размытыми телефонными сообщениями, теплом рук и этой самой фразой.

Ворчун: Могла бы сказать, что боишься высоты. Я двадцать минут здесь мерз.

Тиффани: Я не боюсь высоты. А человек по имени Норт не может замерзнуть.

Ворчун: Очень даже может — приходи и проверь, если не боишься.

Скрип железной чердачной двери — и Норт в черном пальто и таком же шарфе оборачивается ко мне. Я против воли отмечаю, что он выглядит смешно, будто нахохлившийся воробей. Действительно замерз — не соврал.

Хорошо, что я додумалась захватить пальто. После стольких бокалов иная девица и собственные принципы позабудет! Мой хеллоуинский костюм состоит из короткой юбки и кроп-топа, и холод мгновенно жалит обнаженную кожу. Приходится запахнуть и лишь таким образом спрятаться от ветра.

— Как же легко взять тебя на «слабо», — говорит Норт, разбивая мой миролюбивый настрой вдребезги.

Он смеется, но больше глазами. Я же завожусь с пол-оборота.

— Я пришла не для того, чтобы ты меня оскорблял, — зло выплевываю я, останавливаясь на порядочном расстоянии.

— Даже и не думал, — искренне удивляется Норт. — И все же более открыто признаться в том, что боишься, можно было только написав признание на лбу.

— Я ухожу.

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем тебе уходить? Этим ты ничего не докажешь и не вернешь себе контроль над ситуацией.

— Не верну. Но я не контрол-фрик. Просто не хочу с тобой разговаривать.

— Повторяй это почаще. Кто-нибудь может поверить. А еще лучше — смотри.

Он указывает вверх, и я поднимаю голову. Над нами россыпь звезд, какую нечасто увидишь в городе, а тем более глубокой осенью. Эдакий утешительный приз за неожиданно холодную погоду. Я буквально залипаю на это зрелище, хотя компания для демонстрации слабостей совсем не подходящая.

— Ну как, стоило подняться на крышу?

Норт смотрит не на звезды — на меня, и я внезапно смущаюсь.

— Я поднялась на крышу не ради звезд и пространных разговоров. Объясни-ка лучше, как ты можешь знать, что Стефан завяз по уши в наркобизнесе, и делать вид, что тебе плевать?

Некоторое время он задумчиво кривит губы и, наконец, отвечает:

— Не смогу объяснить. Чтобы это понять, нужно знать нашего отца.

— А ты попробуй, Норт, я смысленая.

— Хорошо, — неожиданно легко соглашается он. — Сразу после того, как ты подойдешь к краю.

— Мы что, в начальной школе? — Закатываю я глаза. — Что тебе это даст?

— Не люблю игру в одни ворота. Твоя уязвимость за мою.

— Ты сам сказал, что я напилась, — бормочу я, а во рту становится сухо от страха. —

И объективно не слишком крепко стою на ногах.

— Я поддержу тебя — ты не упадешь.

Он раскрывает руки, словно приглашая в свои объятия. Мне ужасно страшно, тело почти парализовано, и я намеренно стою ровно по центру крыши, будто зона безопасности меньше чем в три больших шага с каждой стороны недостаточная. Но подумайте, тут ни бортиков, ни ограждений на случай, если вдруг кто-то отчаянный решит прогуляться. А этот отчаянный решился! И ему ни в коем случае нельзя выдать свой испуг перед парнем с именем холодным, как эта ночь. Потому что он из тех, кто пользуется чужими слабостями.

Я делаю шаг, еще один. И еще. Храбро запрокидываю голову, глядя в лицо Норты, а потом разворачиваюсь к нему спиной. Его руки обвивают мою талию. Крепко. От них не просто тепло — горячо. И кровь начинает бежать быстрее.

— С левой ноги. Или ты из тех, кто путает лево и право? — Прежде, чем я успеваю ответить, он наклоняется в сторону, уводя и меня. Я вскрикиваю, но левая нога сама по себе отрывается от крыши. — С этой, — хмыкает Норт. — Шаг. Еще шаг. Еще...

В любой другой ситуации я бы возмутилась, но от страха язык прилипает к небу. На самом деле, тут не так высоко: всего-то два этажа под ногами, но для человека, который боится высоты, они равносильны высоте небоскреба.

Мы останавливаемся настолько близко к краю, что носки моих сапог нависают над пропастью. Я бы ни за что не отважилась на такое, но ситуацию полностью контролирует Норт. Никуда, кроме как вниз, я смотреть не могу. И вынуждаю себя дышать только для того, чтобы этот парень не упрекнул меня в обратном. Каково это —

падать? Думаю, я бы умерла от испуга раньше, чем коснулась земли. Как этот сумасшедший уговорил меня на такое?! Иррационально успокаивают только его руки, хотя я знаю, что стоит покачнуться — мы полетим вниз оба. И если даже он успеет за что-то уцепиться, меня спасти не станет. Не сумеет, как бы ни хотел (а я не уверена, что он бы хотел). Иначе говоря, пусть Норт и обещал меня удерживать, одно неловкое движение — и я обречена.

— А ты небезнадежна, — врывается он в мои мысли.

Я не хочу это слышать — я хочу уйти, но Норт держит крепко, а дернуться в таком положении — безумие. Я бы ни за что не пошла на это, не выпей последнюю Маргариту с Джесс.

— Наш отец говорит, что если смотреть в глаза страху как можно чаще, то даже вату можно закалить до состояния стали. Это он делал с нами. В том, что мы со Стефаном не близки, нет никакой загадки. Нас разобщали, стравливали с детства, вынуждали соперничать на пустом месте. И если один давал слабину, пытаюсь идти против правил, помогая другому, то отец наказывал обоих. В какой-то момент Стефан сломался и потерялся, а я не протянул ему руки. И теперь не сделаю этого, но вовсе не потому, что так хочет отец. Я просто стал тем, кем меня хотели видеть.

— Отпусти меня, — говорю я как можно спокойнее, хотя внутри все дрожит от страха и злости. Он фактически называет себя бесчувственным чудовищем, при этом являясь чуть ли не ниточкой, на которой я повисла над пропастью.

Пара ударов сердца — и он отступает на шаг, и я уже сама отскакиваю от него как можно дальше. Мне нужно спуститься с крыши и прийти в себя. Но прежде чем закрыть дверь и оставить Норта наедине с его темным прошлым, я оборачиваюсь и говорю:

— Ты уже не мальчик, чтобы оправдываться детскими обидами на папочку. Пора отрастить собственную голову.

— Что-то ты не сказала мне этого, стоя там, — насмешливо кивает он на место, где мы находились пару секунд назад.

— Думаешь, что ты лучше Стефана, лишь потому, что не признаешься в страхе перед отцом? Бояться — не стыдно. Стыдно бояться настолько, чтобы не сметь в этом признаться.

Норт окидывает меня взглядом с головы до пят.

— Как я уже сказал, — бесцветно отвечает он. — Ты небезнадежна.

— Триггерные слова работают, как я посмотрю, — холодно улыбается нынешняя версия Норта Фейрстаха. Версия с более длинными волосами и злыми глазами.

Он дает мне понять, что сделал это намеренно. Когда меня в машине накрыло воспоминание, он все понял и решил попробовать повторить. Заставить меня вспомнить то, что хотел он. Стефан был прав: Норт играет мной и моей памятью как вздумается. И какой я отпор могу ему дать, если даже не уверена, что нас связывало и насколько велико его желание сделать мне гадость?

Реакция на это открытие у меня совершенно неожиданная: впервые за время, прошедшее с момента моего пробуждения, глаза начинает предательски щипать. От мысли, что я могу расплакаться здесь и сейчас при этом ублюдке, меня охватывает такой ужас, какого я, кажется, и на крыше не испытывала.

— Перебор. Я ухожу, — вскакиваю со своего места, толкая столик так, что салфетница летит Норту на колени.

Но едва я оказываюсь на ногах, ко мне подскакивает высокая светловолосая официантка чуть за тридцать с выражением крайнего изумления на лице.

— Тиффани?! — восклицает она.

И я тоже застываю с открытым ртом.

— Тиффани. — Она берет меня за плечи, будто хочет проверить, не галлюцинация ли я. — Мы слышали, что с тобой случилось что-то очень плохое. Черт, Айрис так обрадуется, что ты в порядке.

Кто ты? И кто такая Айрис?

— Ребята! — Я не успеваю отмереть, как она срывается с места, размахивая блокнотом. — Тиффани тут!

Из кухни высовываются несколько голов, но прежде, чем они успевают предпринять что-то еще, появляется огнедышащий менеджер и рычит на персонал, веля работать. Много ума не надо, чтобы понять: я тут работала и *мне искренне рады*, причем, похоже, все.

— Ты... — выдыхаю, склоняясь над Нортом, даже не предполагая удачное совпадение.

В голове начинают оформляться предположения одно другого красочнее. Что нас могло связывать при наличии Мэри и крайне неоднозначных отношений со Стефаном, способных вытащить меня ночью из дома? Очевидно, что после того случая на вечеринке Норт посчитал меня достойным соперником и как будто даже наслаждался перепалками. Но все время пытался изогнуть в удобную ему сторону, прикрываясь странной фразой «ты небезнадежна», смысл которой от меня ускользает.

Было ли что-то большее? Но если да, то как с этим согласуется кольцо, якобы купленное Стефаном «для себя» и отданное мне, чтобы расплатиться. Очень странный способ расчета, как по мне. И он... защищает меня. Не нужно много ума, чтобы понять: он встретил меня два дня назад вовсе не потому, что собирался подальше от глаз передать пистолет. Думаю, Норт рассказал ему о нападении в отеле. Помощник из Ворчуна так себе, но только требуется ткнуть кого-то носом в его ошибку — он всегда пожалуйста. Главное, быть «небезнадежным», что бы это ни значило.

— Не за что, — ровно отвечает Норт.

Мысленно послав этого парня по небезызвестным адресам, я плюхаюсь обратно на стул и перевожу взгляд на официантку.

— Ты распугиваешь посетителей, Александра! — ругает девушку менеджер, но та совсем не боится: улыбается во все тридцать два зуба и только и ждет, чтобы подойти ко мне вновь. Несмотря на злость на Норта, не скрывая любопытства, рассматриваю девушку в ответ. — Иди и прими заказ. И без глупостей! А то оштрафую.

На Александру, впрочем, угроза не действует. По привычке виляя бедрами, она подходит к нашему столику.

— Тихо и быстро говори, как ты, — заговорщически шепчет она.

— В порядке, — отвечаю я кратко полупшепотом — не вдаваться же в подробности.

— Мне двойной эспрессо, — говорит Норт, отводя внимание. — Тиффани? Твоя очередь.

Александра улыбается шире. А я делаю вид, что изучаю меню, чтобы не подставлять дружелюбную девушку.

— Кто этот красавчик?

Я вздрагиваю. Конечно же, Фейрстахи красавчики, но сама бы я никогда не сказала вслух ничего подобного. Ни-ког-да. Я на этот счет даже с самой собой не откровенна.

Красавчики или нет — непонятно, который из двоих (ответ «оба» тоже принимается во внимание) ответственен за мою трагедию.

Но сейчас лгать себе не выходит. И я медленно поднимаю взгляд на Норта, попутно оценивая то, что вижу. На его запястье красуются массивные серебристые часы — явно не дешевка. Он одет в черный тонкий джемпер с v-образной горловиной, который исключительно удачно сидит на фигуре, из-под джемпера выглядывает ворот черной плотной рубашки из матовой ткани. На ком-то такой наряд покажется скучным, но в случае Норта он лишь привлекает внимание к самой запоминающейся черте его внешности: неожиданно светлым глазам на фоне темных волос и смуглой кожи. Да, он чертовски хорош в черном. Ладно, он вообще чертовски хорош.

И он мне подмигивает, за что я тут же даю себе мысленный подзатыльник.

— Это Н-Норт, — представляю его с неожиданной запинкой и тут же увожу разговор подальше. — Александра, пожалуйста, не пугайся, но я почти ничего не помню. В смысле, я не помню ни это кафе, ни тебя, ни некую Айрис. — Она растерянно хлопает глазами, улыбка увядает. — Но я бы очень хотела поговорить с каждым из вас. Вы с ребятами сможете найти немного времени?

На лице девушки появляется растерянность пополам с жалостью, но отвечает она по-прежнему:

— Конечно. И, раз уж ты не помнишь, что нужно заказывать, я принесу тебе лучшее из меню. Красавчику тоже.

Состроив в сторону Норта кокетливую гримаску, она легко и непринужденно скользит обратно в кухню, а «красавчик» потирает нос, явно скрывая улыбку. Справившись с желанием залезть под стол, я отбрасываю назад волосы.

— Должно быть, славное вышло шоу, — шиплю я на него, чувствуя себя удивительно глупо.

— Неплохое, — признает Норт. И я прекрасно понимаю, которая из его частей доставила режиссеру наибольшее удовольствие. — Столик освободился.

— Эй, мы уже сделали заказ. Нельзя просто взять и поменять столик, не предупредив официанта.

— Полагаешь, Александра потеряет нас в толпе?

С этими словами он выскальзывает из-за стола и, не дожидаясь меня, усаживается на едва освободившийся диванчик, ничуть не смущаясь еще не убранной посуды. Вздохнув, я направляюсь туда же.

— А теперь ты расскажешь мне, откуда знаешь, где я работала, — говорю, не веря в успех ни на йоту.

— Не ты одна любишь хорошую драку. Я тоже предпочитаю знать о сопернике как можно больше.

— Ни слова правды, Норт?

— Ты же думаешь, что я сбросил тебя с крыши. И все удивляешься?

— Да уж, какая я странная, ведь ты ничуть не поддерживаешь эту мою «иллюзию»! Для чего еще было заставлять меня вспомнить фрагмент, как ты удерживал меня на самом краю? Разумеется, у моего визави на этот счет собственное мнение, отличное от моего.

— Ключевое слово: удерживал.

— Точно. А когда решил отпустить руки?

— В ночь твоего падения, конечно, — отвечает он, глядя на меня в упор.

Его слова вовсе не кажутся шуткой. Я только силой воли подавляю дрожь.

— Это метафора или мне включить диктофон?

— А как вышло, что ты еще этого не сделала? После угроз в сторону Мэри я ожидал именно такого шага.

— Так у нас ничего не выйдет.

— Само собой. У нас просто не может ничего выйти, пока ты с моим братом.

— Что? — я растерянно хлопаю глазами.

Фраза ставит меня в тупик.

— Послушай меня внимательно, Тиффани, — сжаливается Норт и со вздохом подается вперед. — Стефан втянул тебя в какое-то дерьмо. Я понятия не имею, что это было, но разрулилось все так, что ты в смертельной опасности, а он в шоколаде. Как человек, который неплохо знает собственного брата, уверяю тебя: со Стефана как с гуся вода. Может, если бы ты не врала так часто и отчаянно, я бы мог тебе помочь хоть чем-то, но я правда ни хрена не знаю. То есть у тебя два варианта: дожать Стефана или все вспомнить самой, пока не стало слишком поздно.

Оглядев меня коротким и цепким взглядом, он хмурит брови и спрашивает:

— Я только что заставил тебя вспомнить эпизод на крыше, и он, судя по всему, не потащил за собой цепочку остальных воспоминаний. Как думаешь, какова вероятность, что ты бы вспомнила то, как я тебя держал, и не вспомнила, как сбросил?

В его словах, как всегда, прослеживается какая-то дикая, беспощадная логика. Но на пять процентов сказанного девяносто пять сокрытого. Он сыплет тезисами, не приводя доказательств, а мне этого мало.

Я ужасно ошибалась, полагая, что мне будет достаточно фактов без эмоций. Что мне будет достаточно узнать, не вспомнив. Например, в данный момент я ничегошеньки не понимаю.

— Кто ты, Норт? — наклоняюсь к нему в ответ. — Каково твое место в этой игре на выживание? Ты сюда пришел не лекции со мной разбирать. Возможно, ты и в драку с братом ввязался неспроста. Но пока я вижу одно: попытки заставить меня подозревать Стефана.

— И что тебя удивляет, если ты руководишься простейшей логикой: в твоём падении виноват либо он, либо я. Лестно, что твой мир сужен до нас двоих, но если мои шансы на невиновность действительно только пятьдесят процентов, то пусть отдувается брат.

— Я это вижу не так, нет. Просто один из вас держит к моему падению ключи. Все и так указывает на Стефана, но при этом твое упорное отрицание своей вины заставляет задуматься о причинах. И ты явно откуда-то знаешь больше, чем говоришь.

— И это не делает меня виноватым в твоём падении.

Он демонстративно посматривает на часы, будто намекая, что разговор наш скучен, а у него есть дела поважнее.

— Ты повторяешь это слишком часто, чтобы это было правдой. И точно так же, как Стефан и Джейден, что-то сделал мне, Норт. Пусть меньше, чем Стефан, но тоже что-то. И я это достану. Из памяти, из тебя — неважно.

— Кто такой Джейден? — мигом цепляется Норт за единственную информацию, которой не владеет.

— Тот, кто сфотографировал нас со Стефаном той ночью у проката авто. И разослал снимок.

— И зачем тебе понадобилась машина ночью? — хмурится он.

— Без понятия.

— А Стефан что сказал?

— То же, что ты: не рассчитывать на него.

Услышав это, Норт откидывается назад и окидывает меня задумчивым взглядом.

— Да уж, Тиффани. Твоя история становится по-настоящему интересной. — Еще раз оглядывает. Куда более придирчиво. — Хорошо, ты меня уговорила.

Я морщусь, пытаюсь понять, о чем вообще речь, и вопросительно развожу руками.

— Я согласен тебе помочь, если ты расскажешь, как заполучила компромат на Мэри.

— Серьезно? Как только услышал, что Стефан слился, побежал искать причину, по которой он повел себя как скотина? Достойный, взрослый поступок. Значит, вот что тебе по-настоящему интересно?

— Это тоже. Но у меня есть и другие мотивы. Ну так что?

Пару секунд мной владеет желание обвинить этого парня в желании выгородить подружку, но потом я понимаю, что это станет последней каплей в деле нашего с ним вооруженного перемирия. Враг в лице Норта Фейрстаха мне сейчас попросту не по карману. А значит, сделку надо принимать. Увильнуть от нее без потерь у меня вот никак не выйдет. Не с *ним*.

— Я заблокировала аккаунт одной девчонки из Каппы, создала дубль ее страницы, попросила Мэри добавить меня в переписку сестринства. Твоя очередь.

— На всех арендованных машинах стоят маячки. Тебе просто нужно найти человека, который достанет записи.

Разумеется, я об этом думала. И даже знаю, кто этот человек.

— Скажи что-нибудь, до чего я бы не додумалась без твоей помощи.

— Ну и куда ты ездила?

— Я над этим работаю, — признаю неохотно.

Норт надменно усмехается, и в этот момент улыбчивая Александра приносит нам заказ. Она окидывает взглядом меня, Норта, снова меня... Явно что-то хочет спросить, но вместо этого говорит:

— Слушай, Ларри даст нам десять минут на то, чтобы поболтать с тобой. Думаю, что так лучше всего. А в неформальной обстановке лучше встретиться, когда приедет Айрис.

— Айрис...

— Вы очень дружили, — поясняет Александра, старательно скрывая неловкость. — Она взяла отпуск, чтобы свозить ребенка во Флориду. В общем, приходи, как освободитесь.

*Даунтаун Кроссинг — главная торговая улица Бостона.

Пока я разговаривала с ребятами из кухни «У Ларри», Норт изображал в дверях каменное изваяние, будоража воображение моих бывших коллег. Наверное, из-за него разговор получился более сухим, чем я рассчитывала. Оказалось, пришла я к ним в апреле и уже не с чистым резюме — первый опыт работы официанткой получила в менее душевном месте, но здесь по-настоящему прижилась и стала своей. Только на лето брала перерыв, кажется, по семейным обстоятельствам. Вредный Ларри мне это позволил только потому, что «мои» посетители неизменно возвращались, покоренные обаянием официантки. Короче, классика Тиффани Райт, когда она в форме.

В коллективе, по словам ребят, отношения чудесные (со всеми, кроме задирающего нос, но в целом безобидного хозяина Ларри), но с Айрис мы особенно сблизились. И я бы с радостью ее расспросила, вот только ближайшая смена у нее в понедельник через неделю.

— Ну и что думаешь... напарник? Подельник? Кто ты мне? — спрашиваю я Норта, едва покинув заведение.

— Думаю, что ты снова нарываешься, — отвечает он, засовывая руки в карманы пальто. — И что самый опасный человек из всей этой дружной конторы — ты.

На том и расходимся. Чуть позже, закусив губу, на свой страх и риск я отправляю ему запрос в друзья на фейсбуке. Он его принимает спустя двадцать минут.

И на этом хорошие новости заканчиваются.

— Не думал, что ты придешь так рано, — тянет Джейден с виноватым видом, едва узнав меня на пороге. — Поговорим?

— Почему не думал? — ухожу я от ответа. Неужели он думает, что узнав о фото, я гордо плюну на предоплату за квартиру и, задрав нос, уйду в закат?

— Ну...

— Забей, я не хочу сейчас об этом говорить, — качаю я головой, плюхаюсь на диван и утыкаюсь носом в телефон. Думаю, это достаточно красноречивый намек убираться прочь.

— Ладно, — уныло соглашается Джейден.

Я почти не думая открываю переписку Каппы и обнаруживаю, что все из себя загадочные Мэри с Камиллой планируют нечто грандиозное для нахалки Тиффани Райт. Это значит, что Норт меня не сдал по поводу аккаунта (не в этот раз). Но что-то подсказывает, что расслабляться рано и за родной и любимый кусок этот парень продаст даже собственную маму.

Второй дурной новостью оказывается то, что полиция, памятуя о моем истерическом звонке детективу, затребовала у психолога колледжа оценку моего состояния. И добрячка мисс Клосс дала такую характеристику, что ко мне направили человека для личного разговора. В среду днем он заявился прямо к Джейдену в квартиру, вызвав у Надин новую волну ненависти к приживалке в лице меня.

Полиция подготовилась отлично: мужчина лет тридцати пяти-сорока, переступивший порог, был настолько хорош собой, что, если бы не значок, я бы никогда не признала в нем копа. Должно быть, они рассчитывали, что со смазливый представителем закона я буду более откровенна, но меня с первого взгляда оттолкнули его холодные, цепкие глаза. Они обязаны были заметить каждую деталь: от брошенного рядом с диваном чемодана до выглядывающего из-под подушки конспекта Норта.

— Мисс Райт, — начал лейтенант Бас. — Нас огорчает ваше недоверие действиям полиции Бостона, но если вы не прекратите заниматься самодеятельностью, то мы будем вынуждены прислать к вам соцработника.

— Для чего? — искренне опешила я.

— С таким образом жизни существует огромная вероятность, что вы вернетесь к употреблению психотропных препаратов. За этим нужно следить.

Еще одно упоминание наркотиков — и я закричу.

— Клянусь, что не употребляла и не собираюсь. Могу каждую неделю сдавать анализ, мне несложно. Что нужно делать, чтобы с меня было снято пожизненное обвинение в этом кошмаре?

— Бывших наркоманов не бывает, мисс Райт. И вам это известно не хуже меня.

И не существует способа доказать, что я никогда не была наркоманкой.

— Мне ничего об этом не известно. Не думаю, что потеря памяти полностью избавляет от зависимостей.

— Вы так ничего и не вспомнили? — смерив меня недоверчивым взглядом, уточняет он.

Тревожный звоночек, зазвеневший при этом вопросе, заставляет меня солгать:

— Почти ничего. Как мы с сестрой шили вместе кукол. И еще пару вещей о моей семье. В общем-то, это можно считать скорее логическими выводами, чем воспоминаниями.

Он спрашивал что-то еще, ссылаясь на мисс Клосс и других обеспокоенных моим поведением преподавателей колледжа (без имен, к сожалению), но пришел он ради угроз, и я это прочувствовала каждой клеточкой своего тела.

Из-за его визита я была вынуждена задержаться в колледж и получить выговор. Мол, мое «состояние» не дает мне преимуществ перед остальными студентами.

Но настоящая катастрофа разразилась в четверг, в день рождения отца, когда девчонки из Каппы подбросили мне в сумку наркотики и вызвали патруль. Каким чудом я обнаружила таблетки вовремя — одному богу известно. Из-за того, что я боялась оставлять кольцо в квартире Джейдена, приходилось все время таскать его с собой, и это вызвало паранойю: я проверяла его по два или три раза в день в туалете. Сунув руку в рюкзак в очередной раз, я нащупала пакет, которого там быть не могло. Будто я не знала наизусть, что и зачем лежит у меня в вещах. Клянусь, я каким-то чудом сразу поняла, что это и для чего, и меня прошиб холодный пот. Следующие несколько минут я дрожащими руками смывала чертовы таблетки в унитаз. Пистолет пришлось спрятать в бачок унитаза, а кольцо я надела на палец камнем внутрь. Зная, что меня будут ощупывать вплоть до белья, я не могла позволить себе спрятать его где-то, кроме как на самом видном месте. После этого я вымыла руки с мылом несколько раз, чтобы на них не осталось ни следа веществ и, скрывая дрожь, вышла из дверей.

Полиция сняла меня уже со следующего занятия. И пусть им предоставили под досмотр аудиторию, я видела направленные на нас камеры мобильных телефонов. Слух обо мне и конвое обещал стать новой сенсацией Бостонского колледжа, но если бы только это...

Полиция искала наркотики очень тщательно. Сперва они вытряхнули все мои вещи на стол так, что некоторые попадали на пол. Затем нашли таблетки от ПМС и долго уточняли, действительно ли это простые обезболивающие. Пустующий мешочек из-под кольца вертели и так и эдак, будто непонятно, что там не может быть тайного отделения. И только после этого, явно разочарованные, приступили к осмотру непосредственно меня. Какая-то

отвратительная латиноамериканская женщина с ужасным запахом изо рта обтрогала меня буквально всю. Сначала одежду, ноги, сняла обувь, а потом начала прощупывать белье. Мне казалось, что ощутимые хлопки по груди со всех сторон — самое страшное, но затем она натурально задрала мне юбку и обшарила все под ней. А заключив, что ничего не найдено, затребовала гинекологический осмотр: *туда* тоже можно что-то спрятать. И тут я вспомнила все свои гражданские права, со ссылками на поправки, пункты, параграфы и суммы компенсаций. Ровно к тому моменту в двери ворвалась наш разъяренный декан и потребовала отложить изнасилование несовершеннолетней меня на два года.

На выходе меня так трясет, что я едва вспоминаю об оставленном пистолете. Преодолевая себя, возвращаюсь в корпус за ним, пока тот не заржавел или кто предприимчивый его не обнаружил раньше. Но едва собираюсь сунуть руку в бачок, как взгляд падает на кольцо. И только тогда понимаю, что впервые его надела: на безымянный палец оно село как влитое.

Декан лично сняла меня с занятий. Поэтому я бесцельно шагаю по улице, почти равнодушная ко всему, что может со мной произойти впоследствии. Умом я понимаю, что в грязи вывалилась Мэри и ее девочки, но это не ее грудь наминала грубая латиноамериканка. Я хочу залезть в душ не на регламентированные Надин двадцать минут, а минимум на сутки. Это было почти изнасилование. И для меня это слишком.

Бесспорно, что это худшее из всего совершенного Мэри Кравиц, но ее даже ловить не на чем: я своими руками уничтожила все улики. То есть даже если она окажется такой дурой, что признается во всем в переписке, это будут просто слова. Не нужно иметь большого опыта в адвокатуре, чтобы понимать: ее вытащат по щелчку пальцев.

А затем я начинаю вспоминать, есть ли у меня на нее действительно что-то стоящее. Нет, для хорошей взбучки или даже исключения хватит, но, алло, она подбросила мне наркотики и вызвала полицию. И как будто по заказу копы отнесли ко мне как к последней проститутке. Потребовать изнасилования девушки ради проверки, не спрятала ли она там наркотики, — Земля сошла со своей оси?!

Я останавливаюсь напротив витрины из темного стекла. В нем отражается затравленная, бледная, болезненная девушка. Сломленная.

Я всегда думала, есть ли у меня предел. Я его узнала.

Я беру в руки телефон и набираю номер отца. Я собираюсь поздравить его с днем рождения и сказать, что возвращаюсь домой. К черту Фейрстахов. К черту все. Моя мать адов Цербер, защитит вполне способна. Даже меня от меня. А мне очень нужна защита. Мне нужен хотя бы один человек рядом. И уже не получается думать о том, какой пример я подаю Хилари.

— Папа, — начинаю я, едва он снимает трубку.

Мне хочется попросить его приехать и забрать меня вот прямо отсюда. Без вещей и объяснений, но у него день рождения. И я выдавливаю поздравление, которое звучит невозможно шаблонно.

— Тиффани, что с тобой? — мгновенно понимает отец мое состояние, потому что я всегда очень ответственно подходила к поздравлениям родных. Могла написать целый тост и произнести его за праздничным ужином. Не маме, но папе и Хилари — всегда.

— Я просто хочу домой, — жалуясь я, не узнавая себя.

— Где ты? Я приеду и заберу тебя.

Я уже почти готова назвать адрес, а потом сесть задницей на холодный асфальт и просидеть так чертов час, который потребуется отцу, чтобы добраться до Бостона. Но в отражении витрины я вижу блеск хромированных труб мотоцикла. Оборачиваюсь, чтобы удостовериться, что мне не мерещится.

Стефан молча кивает головой, предлагая мне сесть позади. Не настаивает, и это лучше всего: попробуй он что-то от меня потребовать, и я бы закатила скандал прямо на людной улице.

Внезапно я понимаю, что кое-что обязана выяснить раньше, чем сдамся окончательно.

— Мне пора идти, папа. Я приеду в субботу.

И буду в порядке.

Дом Стефана снова встречает меня оглушительной тишиной, которую, стоит двери закрыться, нарушает отборная ругань и звук удара. Глядя на пробитую кулаком парня панель около входа, я запоздало осознаю, что совершенно не испугалась.

У меня нет сил анализировать реакции Стефана сейчас.

— Как ты? — спрашивает он, опомнившись. Смотрит на меня, оценивая, не испугалась ли.

Мне плевать, пусть хоть весь свой шикарный домище разнесет! Хотя есть тут одно неоспоримое преимущество перед тем местом, где живу я: не ограниченный по времени душ.

— Я приму душ?

На лице парня довольно быстро проступает понимание, и он просто подсказывает, куда пройти. Вместо благодарности из моего рта вылетает всего один слог, не способный донести всю глубину мысли. На это мне плевать тоже.

Когда горячая вода под напором ударяет по плечам, я вскрикиваю. Но заставляю себя терпеть, потому что иного способа избавиться от мерзостного ощущения не знаю. Кое-как справившись с первой реакцией, я опускаюсь под струями и сижу так не меньше часа, прежде чем нахожу в себе силы встать и осмотреть полку душа. Мужской гель для душа, мужской шампунь. Какой бы образ жизни ни вел Стефан, о своих подружках он не слишком заботится. Сегодня мне все равно, как и кем я буду пахнуть. Трижды намыливаю каждую часть тела, до красноватых царапин натираю кожу. И только потом выключаю воду. Халат один, полотенце тоже. В них я и закутываюсь. Подворачивая рукава, я замечаю на пальце кольцо, которое так и не сняла. Сделать бы это сейчас, но куда положить? В кармане халата забуду.

Когда я спускаюсь по лестнице, Стефан жарит яичницу с беконом на две порции, но я, помотав головой, отказываюсь. Меня тошнит от одного запаха. Пока Стефан с аппетитом уплетает плоды своего кулинарного мастерства, а передо мной остывает полная тарелка, я заглядываю в переписку Каппы. Ругательства так и рвутся наружу, когда, к собственному ужасу, я вижу фотографии того, как эта ужасная женщина ощупывает мою грудь и поднимает юбку.

— Как догадалась, что в рюкзаке наркотики? — спрашивает Стефан, забирая у меня телефон.

Я поднимаю на него дикий взгляд и несколько секунд тупо таращусь, не понимая, что он спросил. Откуда у Мэри фотографии? Ракурс такой, будто снимали полицейские!

— Случайно нашла, — отвечаю я хрипло. — Дай, мне нужно заскринить, пока не удалили.

Немного подумав, Стефан возвращает телефон и куда-то уходит. Я ищу указания непосредственно на Мэри, но подставляется только та глупая драчливая девчонка Камилла Льюис. Чертыхнувшись, делаю не меньше двадцати скриншотов-доказательств того, что наркотики появились не случайно, но моей цели это не помогает. Мэри выйдет сухой из воды.

— Скажи, что это не твоих рук дело, — прошу я у Стефана, когда он возвращается с бутылкой рома в руках.

В ответ на мой вопрос парень пожимает плечами:

— Я не продаю наркоту студентам.

— Там хватило бы на обвинение не только в хранении, но и в распространении, — говорю я негромко, не уверенная, как далеко можно углубляться в эту тему. Мало ли насколько парень чувствителен к нападкам. — Стефан, я ведь не занималась этим с тобой?

— Расслабься, детка, — усмехается он подчеркнуто весело. — Это моя тема.

Он одним глотком опустошает стакан, и внезапно я вспоминаю.

— Стефан!

Я захожу в его дом, дверь не заперта. Зачем я пришла? Сама не совсем понимаю, но абсолютно уверена, что так нужно. И что он здесь. Мотоцикл перед дверями, а куда Стефан без своего мотоцикла? Рассуждения, конечно, достойные Каппы, но на этот раз все верно. Я обхожу комнату за комнатой, пока не нахожу парня на полу с полупустой бутылкой рома. Стефан смотрит вперед стеклянными глазами, привалившись к стене. Меня не замечает. Рубашка на нем растегнута до самой последней пуговицы, и несмотря на то, что лицо почти не пострадало, все тело в синяках и гематомах. Будто его били ногами.

— Боже мой!

Он подпрыгивает от неожиданности.

— Ты какого хрена... — шок на лице Стефана невозможно подделать, но на смену ему быстро приходит злость: — Тиффани, убирайся отсюда.

Вместо этого я приближаюсь. Боль мешает парню подняться на ноги и уйти, поэтому я присаживаюсь и удерживаю его на месте. Мне почти не приходится напрягаться: так он слаб.

— Кто тебя?

— Подпольные бои.

Отвечает он быстро. Значит, такова стандартная отмазка. В горькой правде так быстро не признаются. А еще это значит, что бьют его нередко.

— Попробуй еще раз.

Стефан поворачивается ко мне и смотрит со смесью раздражения и надежды. Видимо, все и всегда верят в то, что он действительно дерется за деньги. Или даже считают это крутым. Наверняка такой образ столь же удобен, сколь неприятен.

— Это связано с наркотиками, — подсказываю первой.

— Детка, — вздыхает он. — Если я тебе скажу, то ты точно так же утонешь в этом дерьме. Давай мы сделаем вид, что ты не приходила сюда сегодня, что я тот самый бестолковый парень, которого проще простого развести на секс и сфоткать для отчета Мэри. А от обещания я тебя освобождаю. Окей?

— Чем тебе помочь? Это можно чем-то намазать? Или лед приложить...

— Через пару недель само пройдет, — отмахивается Стефан. — На мне как на собаке

заживает.

— То есть это с тобой происходит постоянно?

Я не должна его жалеть, но не могу. Жалость проникает в голос, во взгляд. Не удержавшись, я касаюсь пальцами его изувеченных ребер. Они горят огнем.

— Нет, — мягко отвечает Стефан, настойчиво убирая мою руку. — Не постоянно. Но случается.

— Это не могут быть клиенты. Значит, поставщики?

— Клиенты тоже могут, если не озаботиться защитой. Но в моем случае это действительно поставщик. Он у меня один, — неожиданно признается Стефан. — Мой отец.

На щеках Стефана ходят желваки, и он делает большой глоток рома.

— Отец?! Но как? Он же политик!

— Богатые всегда хотят больше денег. Власть имущие всегда хотят больше власти. Политики всегда лгут, а уж о том, какие они правильные, чаще всего. Отец с детства рассматривал нас с братом как собственность, и это не изменится, даже если он потеряет всю свою поддержку.

— И Норт..?

— Нет, Тиффани. Норт молодец. Он научился давать отцу то, что тот хочет. Или делать вид, что дает. А я каждый раз лажаю. Поэтому брату разрешено иметь в личное пользование небольшую часть своей жизни, а мне — нет.

Он снова прикладывает к бутылке и, не морщась, делает такой глоток, который выжег бы мне все нутро.

— Каждый раз, когда я пытаюсь отбрыкаться или что-то еще, заканчивается этим, — указывает Стефан на свое тело.

— Не поверишь, но я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Я устало плюхаюсь рядом со Стефаном, думая о матери, и достаю из кармашка рюкзака обезболивающее. Протягиваю ему упаковку.

— Смеешься?

— Ты накачиваешься ромом до отметки тах, но отказываешься выпить таблетку? Поверь, менее крутым ты от нее не станешь.

Задумчиво посмотрев на меня и фыркнув в ответ на собственные мысли, Стефан закидывает таблетку в рот и запивает алкоголем, как водой.

— Много было в моей жизни, но не таблетки от ПМС, — шутит он невесело и закидывает руку мне на плечи.

Я могла бы сдержаться, но не вижу в этом смысла: я уютно устраиваюсь в его объятиях. Одиночество Стефана созвучно моему собственному. Но у меня хотя бы есть Хилари. А у него — никого.

Стакан в руке начинает дрожать. Продажные копы, нечистые на руку политики... Куда я влезла? Недавно я чувствовала кровоподтек на ребрах Стефана, значит, он снова прогневал папочку. Или не папочку? Кто ж его поймет.

Об этом открытии, кстати, лучше промолчать.

Я делаю большой глоток рома и, едва пережив огненную атаку, подношу к губам стакан второй раз. Теперь он пуст.

— Так не пойдет, — мрачнеет Стефан, миглом все подмечая. — Без еды эдак ты в два

счета догонишься до беспамятства, а мне придется думать, что потом с тобой делать. Девчонку в отключке на мотоцикл не посадишь.

Он говорит что-то еще, а я задумчиво провожу пальцем по кольцу и поднимаюсь со стула. Ром растекается по венам теплом и храбростью. Ее маловато, и все равно я подхожу к Стефану, приподнимаюсь на цыпочки и тянусь к его губам. Он не отстраняется, хоть на лице и появляется выражение беспомощной озадаченности.

Но ведь он подарил мне кольцо, которое абсолютно впору. Должна я узнать зачем? А как еще узнать?

И что бы ни говорил о брате Норт, если выяснится, что мы со Стефаном встречались, мне станет, ну, легче. Я перестану быть такой ужасающе одинокой. Хреновая причина, ага, но приобретает все больший вес.

— Что ты делаешь? — спрашивает Стефан хрипло, когда между нашими губами остается не более дюйма.

Я кладу руку ему на грудь и целую. Это странное чувство, будто что-то такое уже было, но будто и не было. В голове проносится воспоминание о нашем первом поцелуе — в ночь, когда я его подставила. Тогда я совсем ничего не чувствовала, а сейчас Стефан стал близким. Больше я бы с ним так не поступила. Не смогла бы.

Его теплые губы с ноткой алкоголя мягкие, приятные, но не отвечают мне. Наверное, мне нравится их целовать, даже несмотря на отсутствие внутреннего трепета. Но затем Стефан вздыхает и поддается. Его поцелуй совсем не такой, как у меня. В нем чувствуется желание, горячее, болезненное, слишком жадное, чтобы быть безобидным. Моей инициативы в этом поцелуе уже не остается.

Стефан подхватывает меня на руки, под коленями, и куда-то несет, не отпуская губ. Варианты пугают, но, может быть, оно и к лучшему? Разве подаренное кольцо может ничего не значить? Я хочу быть частью чего-то, кого-то, кому-то верить. Я думаю, что хотела помочь Стефану. Настолько хотела, что пострадала из-за этого. Значит, он был мне небезразличен. Но в какой, опять же, плоскости?

Парень опускает меня на диван, награждает финальным поцелуем и выпрямляется.

— Вечно ты делаешь не то, что хочешь, Шалтай, — говорит он. — Потом спасибо скажешь. А сейчас тебе лучше поспать.

Я просыпаюсь от хлопка двери и сперва вздрагиваю от непонимания, где нахожусь. Только мокрые волосы под щекой заставляют вспомнить.

За то время, что я спала, полотенце размоталось и соскользнуло на пол, а полы халата лучше подтянуть. Поцелуи поцелуями, но двусмысленностей следует избегать. Никого соблазнять нечаянно я не собиралась.

— Давно вы здесь? — доносится с порога знакомый голос.

Стефан? Похоже, нет, с чего бы ему спрашивать, давно ли мы здесь? Норт? Мне становится не по себе: я всего раз оставалась наедине с ненавидящими друг друга близнецами, и это был не лучший мой опыт.

— Пару часов. — А вот это уже Стефан. Кажется.

Дрожь пробирает. Ощущение, будто человек говорит сам с собой. Разве что интонации немного отличаются.

Они появляются в тот момент, когда я пытаюсь сесть, но внезапный шум в голове совсем не помогает. Сегодня братья оба в черном, и у меня создается впечатление, что в глазах двоится. Хотя нет, игра «найди десять отличий» работает как положено. Интересно,

Фейрстахи уже смирились с тем, что люди волей-неволей их сравнивают?

— Что ты подсыпал мне в ром? — спрашиваю Стефана.

— Немного снотворного, просто чтобы запустить перезагрузку, — отзывается он беззаботно.

Поймав напряженный взгляд Норта, плотнее запахиваю полы халата.

— Пойду оденусь.

Я подхватываю со спинки кресла форму и направляюсь вверх по лестнице. Когда я спускаюсь на этот раз, Норт уже дожевывает холодную яичницу, от которой я недавно отказалась. Стефан не настолько любезен, чтобы предложить ему горячую еду. Его максимум — сделать всем по чашке кофе. Но, едва услышав об этом, Норт меняется в лице и говорит, что сделает сам. Вспомнив пойло, которым меня потчевал Стефан неделю назад, я не могу не согласиться с тем, что хуже этого парня кофе не варит никто.

— Норт и Стефан Фейрстахи под одной крышей. Ядерная катастрофа настала. Аминь, — бормочу я.

— Скорее, вечеринка у Мэри Кравиц, — припоминает мне мой же ответ Норт.

Стефан переводит угрюмый взгляд с меня на брата. Вздыхает:

— Вижу, вы успели наточить ножи.

Перед каждым из нас встает по чашке кофе, и все трое занимают три стороны барного островка кухни.

— Стефан, стоит спасать твою девчонку? — спрашиваю. — Мне пока сложно разобраться в том, кто из Каппы совсем крыса, а кто нет.

— Шалтай, с тех пор, как ты появилась в кампусе, у меня в постели десятка два перебивало. Ты давай лучше по именам. Я же не совсем скотина, чтобы их не запоминать.

— Я о Джессике Пирс, — отвечаю я спокойно, про себя подумав, что вот как раз она, походу, до его постели так и не добралась.

Держать особо влюбленных девчонок на расстоянии у Фейрстахов, видимо, семейное.

Стефан некоторое время колеблется, но потом неопределенно пожимает одним плечом.

— Сама по себе Джесс не злая, — выдает он вердикт. — Но она идеальный инструмент, когда попадает в чьи-то руки. Уйдет одна Мэри, придет другая, а давление на Джессику останется. Решать тебе.

— Если ты пошлешь в полицию анонимку, доверия будет меньше, — вмешивается Норт. — Но нужен кто-то, кто внушит этой не самой умной особе то, что подтвердить авторство послания — благо в первую очередь для нее. Стефан, ты хотя бы с этим справишься? — Весельчак достойно игнорирует шпильку, молчаливо, но красноречиво выставляя в сторону брата средний палец. — Лучшим вариантом будет переспать с ней и перейти к разговору сразу после этого. Вроде как на эмоциях.

— Значит, вот как ты вертишь Мэри? Самого не тошнит? — огрызается Стефан.

И я впервые понимаю, насколько колоссальная между близнецами разница. Да, я вспомнила, что Норт даст Стефану сто очков форы в деле манипулирования людьми, и даже почувствовала отголоски этого на себе. Но сейчас все это прямо у меня перед глазами. И как-то гадко даже.

Не удержав маску безразличия, я немного отклоняюсь от Норта.

— Что есть на Мэри? — спрашивает он, заметив мою реакцию и помрачнев.

— Ничего. Ей хватило ума не высовываться. Все подозрение падет на Камиллу Льюис. К тому же, есть одна запись, где Камилла на меня нападает, а Мэри как будто ни при чем.

Норт задумчиво кивает, и я с трудом запикиваю поглубже вопрос, о чем он думает. Потому что это может быть что-то поострее совета переспать и, ласково заглядывая в глаза, посоветовать не губить себе жизнь. Едва ли с Мэри работает такая простая фишка. Пусть она и не гений, но отлично представляет, чего хочет и что это значит.

— О чем конкретно вы говорите? — уточняет Стефан.

— О том, что Джессика П — это я. Сделала на нее аккаунт, чтобы получить доступ в чат Каппы. Я еще тебе с него писала.

— Забавно, что тебя не раскусили с двух фраз, — закатывает Стефан глаза. — Это была самая короткая переписка в нашей с Джесс истории, и вся о Тиффани Райт. Не знаю, как вообще поверил, что это может быть она.

Он выглядит таким раздосадованным, что я прячу улыбку за глотком кофе.

— Если однажды ты откроешь школу вранья и притворства имени самой себя, я буду твоим первым учеником. Подумай об этом, Шалтай.

Я чуть было не посылаю его учиться у моей мамы. Удерживает только то, что вдруг Стефан поджимает губы, морщит брови и спрашивает:

— А почему ты до сих пор не сделала анализ волос на наркотики? Тебя бы перестали ими долбать.

— У меня брали анализ крови, ничего не нашли и решили, что я просто не принимала за пару дней до падения.

— Анализ волос покажет долгосрочную картину. Ты что, не знала? Серьезно?

— А... мне точно стоит его делать? — Стефан смеется. — Даже если я не принимала сама, мне их подсыпали.

— И это было год назад, — с намеком говорит Норт. — Анализ берут за пару-тройку месяцев, максимум полгода. Никто не станет проверять всю подноготную, начиная с детского сада.

Я инстинктивно запускаю пальцы в свои недосушенные пряди. Они действительно очень длинные. Пожалуй, из таких можно выкачать много информации.

— Слушай, Шалтай, нельзя быть простодушной девчонкой и злым гением в одном флаконе. Сделай анализ, я готов дать голову на отсечение, что он чистый. И будешь тыкать им в нос каждому, кто еще раз назовет тебя наркоманкой.

Он выглядит таким довольным, что хочется ущипнуть. Серьезно, думает, что после одного дельного совета получил статус самого умного? Ок, я облажалась, но я все еще злой гений кампуса.

— Но почему тогда мне этого раньше не предложили? Врачи, родители, колледж, в конце концов?!

— Оглядишься, Шалтай! Студенты на каждой вечеринке обдалбываются в хлам. У меня такое ощущение, что без наркоты уже никто и не трахается. По-моему, сейчас и в койку идут только для того, чтобы оправдать желание накачаться под завязку. Короче, если колледж будет проверять каждого из нас на употребление, то ему станет не на что существовать.

— Спасибо, Стефан. — Это я говорю хрипло от волнения.

— Обращайся. Норт тебя отвезет, — внезапно сообщает Стефан.

Я снова ерошу рукой волосы, подавляя внутренний протест.

— Я бахнул с тобой рома, помнишь?

Наркодилер, который не садится за руль после спиртного? У — Утопия.

— Зачем меня... — Я хмурю брови.

— Тебе не стоит разгуливать по городу одной.

Стефан многозначительно пожимает плечами и отворачивается. В этот момент мой телефон оживает, и я вижу номер отца.

— Да, пап.

Мне снова неловко разговаривать с родными при Фейрстахах, но на этот раз все меркнет, потому что после следующих слов я становлюсь блее мела.

— Тиффани, где ты?! Я приехал в Бостон, чтобы тебя забрать, но в общежитии мне сообщили, что ты там не живешь уже полгода. А сегодня в кампус по наводке приходила полиция, искали у тебя наркотики. Я хочу услышать хоть одно внятное объяснение этому безобразию!

Глава 8

Норт, не задавая вопросов, везет меня в кампус. Отец меня дожидается, нервно расшагивая вокруг своего минивэна и, кажется, сразу узнает черный потрепанный ягуар, имевший наглость покуситься на меня в первый же день посещения колледжа. За всю дорогу я не сказала Норту ни слова, и разговор начинает он.

— Мне выйти с тобой?

Я оценивающе смотрю на него, прикидывая, стоит ли ему показываться моему отцу. Я в полной заднице, но вдруг приезжаю с не в меру симпатичным парнем, неизвестно откуда взявшимся. Отец точно решит, что между нами что-то есть, и, может, немного успокоится: если у меня есть парень, я в безопасности. Но, еще раз, Норт пытался меня сбить в день приезда, и это паршиво.

— Нет.

Едва мы останавливаемся, я вылезая из машины. Отец гневно хмурит кустистые брови и переводит взгляд с меня на сидящего в темноте Норта и обратно.

— Юная мисс, если ты притащила сюда этого парня, потому что надеешься на менее грандиозную взбучку при свидетелях, то очень ошибаешься. Не вижу ни одной причины не отгаскать тебя за уши сию же секунду!

— Помнишь, как я говорила о последствиях того, что меня считают наркоманкой и самоубийцей? Так вот это они! И пока они со мной — вот так все и будет.

— Господи, Тиффани, у твоего декана фотографии, как женщина копается у тебя под юбкой, поверяя, не спрятала ли ты наркотики... — Он мучительно краснеет. — Теперь понятно, почему ты звонила мне сама не своя. Тифф, ты же... девушка, а они с тобой так обошлись.

В его голосе звучит неподдельное смущение, и я понимаю, о чем говорит папа. Он считает, что у меня не было близости с мужчиной, но при этом полиция облапала меня как последнюю уличную девку.

На самом деле, я задавалась этим вопросом не единожды. Девственница ли я? Очевидно, в день обмана Стефана и Норта — была. Но колледж есть колледж. Более непонятны те, кто умудрился сохранить себя, чем наоборот. И то, что у меня вроде как никого не было, вот вообще не показатель.

— Иногда нужно отступить, — продолжает папа. — Твоя мать права: ты возвращаешься домой. Пара лет — и все забудется. Ты умненькая, ты поступишь снова. Не на юридический, наверное, но обязательно.

— Извини, конечно, но это с мамой-то забудется? Она сказала полиции, что я наркоманка, она искренне в это верит, потому что хочет думать обо мне самое плохое. А как мне недавно любезно сообщил лейтенант полиции — бывших наркоманов не бывает. И как мне жить дома после того, как мать позволила мне уехать в Бостон без гроша в кармане, зная, насколько тяжело мне здесь придется, а ты не вмешался?

У него на лице появляется затравленное выражение:

— Она сказала, что дала тебе денег.

— Что ж, она солгала. Это Хилари дала мне. Сто баксов: на автобус и на первое время. И я даже боюсь представить, каких сил ей стоило скопить такую сумму. Я не вернусь туда. И если Хил тоже захочет уехать из дома — помогу ей всем, чем смогу.

— Отлично, мисс, отлично. Но тогда у меня еще один вопрос: если ты такая невинная и пушистая, то как вышло, что ты тайком выехала из общежития, нам не сказав. Почему?

— Я... не знаю, — отвечаю, опустив взгляд. — Этого я не помню.

— Та сама себя доводишь. Сейчас ты уезжаешь со мной домой — я обо всем договорился с деканом. На выходных мы все обсудим.

— Нет! — я отскакиваю от отца, представляя, что начнется дома. Мама может настоять на психологической экспертизе и чем-нибудь похлеще. — Я собиралась приехать к вам в выходные, но не так! Нет, папа, нет! Ты не скажешь ничего маме и не...

— Мистер Райт, прошу прощения, что вмешиваюсь, я Норт.

Раздается из-за моей спины, и Норт протягивает отцу руку для пожатия.

— Папа, Норт был так любезен, что согласился подвезти меня. Норт, это Уильям Райт, мой отец.

Волком глядя на парня, отец тем не менее пожимает ему руку.

— Я настаиваю на том, чтобы Тиффани не только осталась в колледже, но и подала судебный иск на девочек, которые ее оклеветали, и на полицейских, которые превысили полномочия. После всего, что случилось, ей необходимо вернуть контроль над ситуацией, иначе она всегда будет ощущать себя жертвой системы.

— Мистер... — начинает отец, не принимая обращение по имени.

Норту приходится сказать то, что он пытался скрыть, но он не выдает свое смятение.

— Фейрстах.

— Фейрста-а-ах... — Фамилия говорит отцу все то, что должна. — Выходит, моя дочь именно вам обязана тем, что разбирательство было проведено просто вопиюще небрежно. И теперь вы говорите о еще одном?!

— Обязана она скорее моему отцу, но вам стоит знать, что я это не поддерживаю. И именно по этой причине настаиваю на том, чтобы новое прошло по всем правилам.

— И с какой стати мы должны вам поверить?

— Пап, Норт нормальный, — выдаю я и понимаю, что сказала что-то не то. Смешок из-за спины подсказывает, что кое-кто со мной солидарен. — В смысле, тут хватает ненормальных, которые и наркотики подбросят, и... — *с крыши толкнут*. Кажется, папа понимает, что я предпочла опустить и вздыхает. — В общем, Норт нормальный.

По крайней мере, сейчас моя рабочая версия такова.

— Я нормальный, — подтверждает Норт, явно подавляя улыбку.

Папа чему-то качает головой.

— Мистер Райт, мы с Тиффани обязательно разберемся в этой ситуации с обвинением в хранении наркотиков. Она сдаст анализ в независимой лаборатории и будет иметь доказательства тому, что обвинения в употреблении беспочвенны. Любое дальнейшее указание на это станет клеветой, что, опять же, карается законом. Это первый шаг к тому, чтобы люди, сделавшие такое с вашей дочерью, получили по заслугам. Если не верить в американскую систему правосудия, зачем позволять своим детям учиться юриспруденции?

— Вы тоже учитесь на юриста?

— Надеюсь однажды добиться места судьи, — признается Норт, и я искоса гляжу на него. Серьезно? Что-то неожиданное. Впрочем, а что вообще я знаю о Норте Фейрстахе?

Я хочу быть адвокатом. Не уверена, кем я собиралась стать до падения, но после того, что со мной случилось, однозначно хочу защищать жертв любыми способами. А Норт, значит, судить собрался. Ему пойдет.

Кажется, амбициозное заявление моего сопровождающего приходится отцу по душе. Он придирчиво оценивает Норта, проверяя на предмет несоответствий, но затем одобрительно кивает.

— А сбить ее зачем пытались?

Браво, папа.

Мне хочется заплодировать. Но я более чем уверена, что *это* — абсолютная засада. И Норт виртуозно из нее выходит, говоря:

— Однажды Тиффани сама вам расскажет, если посчитает нужным.

И обнимает меня за талию, обозначая контекст. От неожиданности я нервно кладу руку поверх его ладони, будто собираясь стыдливо прикрыть, и тут отец... замечает чертово кольцо, о котором я со всеми своими переживаниями успела позабыть. Абсолютно непростительный ляп!

— О чем еще ты забыла нам рассказать?!

Есть теории, гласящие, что Вселенная всегда слышит наши желания и исполняет их. Но, ради всего святого, мечтая утром попасть домой, я погорячилась. Папа сказал так: она твоя мать, и ты нам достаточно лгала. Он выложил ей все без утайки. Про мой звонок, про переезд, про наркотики и действия полиции и... вишенка на торте: я помолвлена с Нортом Фейрстахом. Не знаю, на что он рассчитывал, но стоило ему закрыться в своем кабинете, как мама вlepила мне пощечину, от которой щека покраснела и раздулась. За ночь это прошло не полностью.

Ищем теперь хорошие новости: мы с Хилари в ее комнате. У нее заболел учитель, и поэтому вернулась она рано. Сидит, скрестив ноги, на кровати и учит уроки. Я же расположилась на подоконнике и сочиняю послание в полицию, потому что несколько минут назад Стефан прислал сообщение о Джесс, которая согласилась подтвердить показания против Каппы. В переписке сестринства она исходит восторгами от долгожданного секса с «любимым», а я не могу отделаться от мысли, что Стефан точь-в-точь воспользовался способом Норта. Не видел другого варианта? Решил не рисковать? Отличный мне урок на тему секса: никогда ни на что не соглашайся, лежа в постели с мужчиной!

Не переключаясь между аккаунтами фэйсбука, пишу Стефану:

Джессика П: Что конкретно ты ей сказал? Говорил о том, кто пошлет в полицию письмо?

Стефан Фейрстах: Сказал, что это сделаю я. Так будет лучше, а разберемся потом.

Джессика П: Они будут проверять, на кого зарегистрирован аккаунт.

Стефан Фейрстах: Тогда лучше будет привязать его к моему номеру телефона и удалить эту переписку. Не дрейфь, Шалтай. Пиши копам.

Знал бы он, как меня вымораживает от этой мысли. Еще вчера копы меня лапали и фотографировали, сливая информацию Мэри, а сегодня я добровольно шлю письмо в тот же самый отдел наркоконтроля в надежде, что мне помогут. Кстати, лица у этих типов были какие-то скучные, неприметные. Встреть я их на улице в штатском — не узнаю.

Разве что лейтенанта Баса.

В голову откуда-то приходит мысль написать ему — он не связан с полицейскими из рейда, — но, едва вспомнив его жуткие глаза, я отметаю эту идею. Ох, была не была. Я нажимаю кнопку «отправить» и решительно захопываю крышку ноутбука.

— Ну раз ты закончила, — с хитринкой смотрит на меня Хилари. — Давай теперь рассказывай. Значит, Норт Фейрстах.

— Подслушивать нехорошо, — хмыкаю я.

— В этом доме подслушивание — жизненная необходимость, — ничуть не смущается сестренка.

Я улыбаюсь, но невесело, потому что подростки не должны говорить такое.

— И не смей съезжать с темы! Норт Фейрстах. А ведь поначалу ты о нем говорила, — грозит она мне пальцем.

— В начале колледжа? Да неужели. И что я говорила?

— В основном, что он задание Каппы и редкостный зазнайка.

— Ну, это правда. — А я уж было испугалась.

— А еще, что он красавчик.

— А вот этого я сказать никак не могла.

Хилари смеется.

— Тебя не проведешь, но ведь так и есть?

Мои губы сами по себе растягиваются в улыбке.

— И их таких двое, — доверительно сообщаю я Хилари.

— Знаешь популярные сейчас романчики о двух мальчиках и одной девочке? Там тема с красавчиками-близнецами самая востребованная, — невинно хлопает глазами сестренка.

Не сдержавшись, я начинаю смеяться. Но на самом деле воображение, конечно, начинает работать в указанном направлении, подсовывая картинки, которые не могут возникнуть в моей голове в ином случае. *Я сказала: не могут!*

Вообще-то, едва представив братьев Фейрстах в одном месте с одной девушкой, я ошутимо вздрагиваю. Ее разорвали бы на части, потому что эти двое даже огромный дом поделить не сумели. Зачем я вообще об этом думаю? Потому, что они оба вчера за меня вроде как заступились? Если уж на то пошло, это следствие человеческой порядочности, с которой совсем не знаком пока только один из известных мне персонажей кампуса: Мэри. А вот тараканы близнецов Фейрстах дальше определенной черты не заходят. Хотя выводы у каждого ого-го!

— Я стесняюсь спросить, откуда об этих романчиках знаешь ты.

— Тиффани, в моем возрасте ты по всей школе целовалась с Герри Гамильтоном, — закатывает она глаза.

И с тех пор, видимо, стала приличнее... Потому что в колледже так ни с кем толком и не попала. Ох, Тиффани, что-то ни в то, ни в другое совсем не верится! Особенно скептически настроены противозачаточные таблетки, которые ты зачем-то продолжаешь принимать даже теперь.

— И перестала этим летом, чему есть только одно объяснение: ты встретила еще более обалденного красавчика. Или двух?

Угу. Один обнимает меня на глазах у папы и водит в кафе, где я работала раньше, а второй поддерживает в момент душевного смятения и дарит колечки. Ни тот, ни другой не собирается признаваться, что у меня с ним что-то было и имеет другую девушку. Хорошо, если одну, хорошо, если имеет не буквально... Признание Стефа в том, что он успел ублажить полкампуса с тех пор, как я вернулась в колледж, я оценила. Не настолько я равнодушна, да.

Кстати, кольцо я засунула в рюкзак снова, пообещав себе сделать по приезду тайный

карман и больше никогда не надевать эту заразу! Ведь если бы не кольцо, Норт бы с его велеречивостью точно уговорил папу отпустить меня на учебу, а еще продать дом, купить билеты в кругосветку и по пути высадить маму где-нибудь в районе северного полюса. Но вдруг оказалось, что он вместо этого «уговорил» меня «выйти замуж», а ни один порядочный отец не отнесется к такой новости без душевного трепета.

— Хилари. — Мама врывается в комнату сестры без стука и застывает на пороге статуей немого укора имени самой себя. — Помоги мне на кухне. И Тиффани, если, конечно, это не ниже достоинства невестки Фейрстахов.

— Хоть ты поверишь, если я скажу, что не собиралась замуж ни за одного из Фейрстахов? — устало спрашиваю у сестры, едва мамина спина, демонстрирующая крайнюю степень уязвленности, покидает поле зрения.

— Нет, — кокетливо улыбается Хилари, но быстро становится серьезной. — И лучше бы ты собиралась. Если *твой* Фейрстах хороший парень, то он сможет защитить тебя и от этого, — она указывает в проем, где только что стояла мама. — И от всего остального. Я бы желала для тебя именно такого.

Я киваю, принимая ее точку зрения. И внезапно начинаю переосмысливать наличие у меня колечка.

А что если Стефан этим кольцом просто пытался меня защитить? Он вроде на самом деле хороший Фейрстах. Настолько ли хороший?

— Я просто не понимаю, — начинает мама, всем весом налегая на скалку. Я так и жду, когда та разломится с хрустом напополам. — Как ты находишь худших из худших парней, Тиффани? Что тебя вообще в них привлекает? Возможность подцепить генитальный герпес? Герри Гамильтон, Норт Фейрстах...

— Герри был нормальным, — огрызаюсь я. — А Норта ты даже не знаешь.

Непонятно откуда, но я хорошо помню Герри.

Для школьного футболиста он был прям-таки исключительно неплох! Да, заглядывался на других девчонок, но мне не составляло труда вернуть себе его внимание. Иногда приходилось посидеть в переполненной машине Герри на чужих коленках, спеть на вечере талантов с местным витающим в облаках, но крайне симпатичным музыкантом, надеть немножечко слишком откровенное бикини, чтобы парень весь день охранял меня на озере от чужих глаз. Простодушный Герри велся на все это безотказно, а я... я тешила самолюбие мыслью, что хоть он и смотрел по сторонам, но каждый раз выбирал меня. Даже при том, что я держала его на расстоянии — берегла “вошебство” для ночи выпускного.

Впрочем, мечтам об идеальном бале не суждено было сбыться. Только мы удобно устроились в его машине и Герри стащил с меня лиф платья, разъяренная гарпия в лице мамы распахнула дверь и подняла страшный вой. Я не уехала в Бостон уже на следующий день лишь потому, что потратила все сбережения накануне на подготовку к выпускному. Мать это учла.

— Герри был ходок, а Норт...

— Окей, мам, ты выбрала нам почти идеального отца. С твоим отношением к браку с его кандидатурой спорить невозможно.

— И что это значит?

Она поднимает скалку и вкладывает ее в свободную руку. Выглядит угрожающе, и я искренне верю, что доведи я маму — запросто получу не только ладонью по щеке. Но меня

уже понесло.

— Что я не такая трусиха, как ты. Я не боюсь, когда мне дают отпор.

— Тиффани, — вздыхает она. — Я же сделала твое тело, я не могу к нему относиться так пренебрежительно, как ты. Как можно выбирать настолько неподходящее окружение? Лицемеры Фейрстахи, эта падшая женщина Айрис...

Обида за подругу, о которой я еще ничего не знаю, вспыхивает в груди яростным пламенем. Хм, я помню об этой девушке больше, чем думаю!

— С чего это Айрис падшая женщина?!

— Только у такой может быть внебрачный ребенок!

После этих слов я отталкиваю от себя салатник, и он, проехав по столешнице, ударяется о стену с громким звяканьем.

— Знаешь, мам, — едва дыша от злости, говорю я. — Выслушивать эти твои грязные инсинуации ниже достоинства невестки Фейрстахов! — Сбросив фартук, я направляюсь к выходу, но мне этого оказывается недостаточно: — И, кстати, Айрис мне как раз подходит, потому что я тоже не девственница и не замужем. А дети получаются именно так!

Я не знаю, почему так сказала, но чувствую, что права.

Остаток дня я провожу в своей комнате. Мне хочется сделать что-то для папы, а раз с кулинарией не вышло, я открываю ютуб и нахожу там видео о том, как сложить красивейший цветок оригами. Можно даже разукрасить его в разные цвета, но сначала на листе я пишу послание. Правду о том, что почувствовала по отношению к родным после потери памяти, извинения, потому что что бы ни случилось, под эту крышу я не вернусь.

В какой-то степени мне посчастливилось больше, чем другим людям: я получила возможность взглянуть на себя и свою жизнь со стороны и сделать правильные выводы.

Вывод первый: та, кем меня сделали родители, мне не нравится. Вынужденная защищаться каждый день своей жизни, я разучилась доверять. У меня нет друзей кроме, быть может, одного парня, утонувшего в торговле наркотиками, и некой Айрис. Айрис, которая чуть ли не лучшее, что я о себе узнала, и о чем мама говорила так брезгливо. Не странно, что я мало чем делилась с родными.

Вывод второй: я вынуждена искать безопасности в статусах, заполучая их любой ценой. Я вертела Герри, чтобы стать с его помощью самой популярной девочкой школы. А поступив в колледж, я стала использовать с той же целью братьев Фейрстах. Судя по всему, мне удалось заполучить особое место в жизни как минимум Стефана, ведь он меня оберегает. Нормально ли это?

Вывод третий: меня такую, какой я являюсь на самом деле, любят, а ту, которой притворяюсь, — нет. «У Ларри» я не пыталась ничего изображать, и мне были рады. А в колледже меня настолько ненавидят, что Джейден, увидев нас со Стефаном, посчитал своим долгом проинформировать народ о том, что Тиффани Райт вовсе не с Нортон шашни крутила. Так почему я все время притворяюсь? Почему все время вынуждена подставлять людей? Фейрстахов? Джессику Пирс? И даже Мэри Кравиц?

Вывод четвертый: я больше так не хочу. А это значит, что мне придется избавиться от токсичной части своей жизни. В первую очередь, это моя семья. Пройдет пара лет, Хил закончит школу — и я помогу ей устроиться в Бостоне (если, конечно, она захочет), но пока мне нужно выкарабкаться самой... И я абсолютно уверена, что эта мысль в моей голове не новая: именно поэтому я отдалилась от сестренки, не зная, как еще объяснить свое решение.

В общем, что бы со мной отец ни пытался сделать, я не останусь здесь — нет. Иначе я возненавижу саму себя.

Складывая лепестки цветка, я стараюсь не думать, что день в колледже только близится к завершению и все обсуждают мое отсутствие. Кто-то обязательно скажет, что меня все-таки арестовали, а другие посмеются, мол, Мэри победила. Она и победила. Так как выйдет сухой из воды. С моими скринами переписки да при таких деньгах, она получит, скорее всего, дисциплинарное взыскание. И тогда примется мстить снова. И снова. И снова. Пока не потопит меня. От этой мысли хочется забиться под одеяло. Я знала, что она может быть жестокой, но не найди я случайно ту гору наркотиков, я бы села. Как пить дать — села. Шутки кончились! Теперь страшно по-настоящему. Особенно беспокоит меня то, что Мэри не покупала таблетки у Стефана. Знала — он не на ее стороне? Или не знала о его “подработке”? Неважно, есть еще человек, который мог ей их дать. И этот человек очень не хочет, чтобы правда о связи его сыновей со мной выплыла на поверхность.

Закончив с цветком, я грустно откладываю его в сторону. Местами, где пришлось выворачивать лист изнанкой, торчат мои кривоватые письма. Совсем не то, что в конспектах Норты. Когда теперь я до них доберусь с такой жизнью? Мне же совсем не до учебы. А ведь если я хочу учиться (а я хочу!), я обязана быстро догнать программу! Да, у меня не очень с дисциплиной, но я всегда была прилежной ученицей. Мне совсем чуть не хватило до стипендии: сказали, что если вдруг освободится место, то следующая в списке я. Однако этого не произошло, и дома стало на одну катастрофу больше. Снова шантаж, обвинения, что на меня приходится тратить такие большие деньги. Я всю свою жизнь отстаивала право находиться под родительской крышей. И сейчас они хотят меня затащить сюда насильно, чтобы занималась этим и дальше?

Наверное, выжила я после падения, как и всегда: на одном упрямстве.

Весельчак: Не приходите сегодня в колледж было тупо.

Тиффани: Тупо не разговаривать со своим братом! У него на глазах мой отец силком затащил меня в машину и держит теперь под конвоем. А знаешь почему?

Весельчак: Ты мне сейчас сюжет последнего прочитанного триллера пересказываешь?

Тиффани: Папа увидел у меня на пальце кольцо, которое я забыла снять, и решил, что если меня срочно не забрать, то к утру мы с Нортом поженимся!

Не знаю, чего я ждала от Стефана. Наверное, десяти ржущих смайликов, но уж никак не трехминутной тишины.

Весельчак: Должно быть, славное вышло зрелище. Но у нас тут горячее.

Тиффани: О чем ты говоришь?

Весельчак: Норт с Мэри с самого утра в участке дают показания. Он ее сдал.

Тиффани: В смысле сдал? В чем сдал?

Новая длинная пауза, во время которой я, не в силах справиться с нервами, отрываю от ногтя кровавую заусеницу. Неужели я правильно поняла, о чем идет речь? Нет, совершенно немыслимо. С чего Норту меня спасать? Он сто раз повторил, что мне стоит самой разбираться со своими проблемами. *Или он в этом пытался убедить не меня?*

Весельчак: Он под запись стряс с нее признание в том, что она купила наркотики, чтобы подставить тебя, Шалтай. Наркотиков нет, но дилера нашли.

На этот раз мозг взрывается у меня, и я несколько раз начинаю писать сообщение, а затем стираю. Мысли не складываются в предложения. Это мало того, что нереалистично, так еще совсем не похоже на Норту.

Тиффани: Как? С какой стати ей признаться в таком Норту?

Весельчак: Полагаю, он манипулировал ею точно так же, как советовал мне поступить с Джесс.

И как Стефан, судя по переписке Каппы, поступил. Фу!

Девчонки из сестринства еще не в курсе: в самом начале дня кто-то спросил, куда подевалась Мэри. Кто-то даже отшутился, что раз Норт не явился тоже, то они, видимо, не смогли выбраться из кровати.

Весельчак: Шалтай, это очень хреново. Мэри — не игрушка, с ней как с Джесс или другими нельзя. Она дочка близкого друга нашего отца. Ты знаешь, что это значит?

Мне вспоминается, как я застала Стефана, избитого, на полу в его доме. Он сказал, что Норт никогда не лажает перед отцом. В мою голову начинает медленно просачиваться яд понимания.

Тиффани: Я тебе позвоню.

Я выскакиваю из своей комнаты, слетаю вниз по лестнице, кое-как накидываю куртку и скрываюсь в маленьком дворике за нашим домом. Сейчас там достаточно туманно, чтобы никто не прочитал по губам разговор. А то, знаете ли, с моими родными всего можно ожидать!

— Стеф! — сокращение его имени срывается с губ так легко и привычно. Это на мгновение ставит меня в тупик, но раздумывать о причинах не выходит. — Я знаю про твоего отца и то, что он вас бьет. Я вспомнила. Что теперь будет?

— Видимо, не достаточно вспомнила, — напряженно отвечает Стефан. — Во-первых, *Норта* никто не бьет, потому что он никогда не подставляется. Пара раз по морде от меня — не в счет. Во-вторых, отец тоже никого никогда не избивает. У него есть для этого человек. А в-третьих, могла бы догадаться, что вести такие разговоры по телефону — хреновый вариант.

— Да плевать я хотела, что там не телефонное! — рычу. — Ладно Норт, у него в голове черт ногу сломит. Но почему *ты* мне не сказал, что я встречалась с твоим братом?

Дьявол, все же логично. В чем бы там господин Ворчун меня ни уверял на крыше, совершенно очевидно, что Стефану на Норта не наплевать. И с тех самых пор, как я вернулась в кампус, он просто защищал девушку своего брата, которую ухитрился каким-то особо изошренным образом подставить. Если бы не чертово кольцо, я бы уже давно сложила два и два. Наверное. Оно меня сбilo с толку. А ведь я даже не уверена, что его действительно купил Стефан.

Только близких людей обзовешь в контактах Ворчуном и Весельчаком.

— Тиффани, — выдыхает Стефан и замолкает на мучительные десять секунд. — Что бы ни было, все у вас кончено. Он хотел переехать тебя машиной, неужели этого мало? Я вам все испоганил. Прости.

Он отключается, так ничего и не объяснив. А меня буквально подбрасывает: я залезаю в переписку с Ворчуном и пролистываю ее. Октябрь — пара сообщений, ноябрь — больше, декабрь — еще больше. А с января почти глухо. Я думала, это означает, что мы перестали общаться. Но на самом деле причина в том, что *все диалоги ушли в реал*.

Я стою во дворе своего дома, сжимая в руках телефон, и смотрю в никуда.

Еще один день дома становится просто невыносимой пыткой. Я хотела уехать после разговора с отцом — в субботу утром, плюнув на праздник, но он поехал ремонтировать машину. И, дожидаясь его возвращения у окна, я увидела занимательную картинку: как Хилари кокетничает с Герри Гамильтоном. Я успела спрятаться до того, как сестренка бросила опасливый взгляд на окна. Еще одна причина, по которой она была со мной не мила. Воспоминания приходят все чаще, волнами.

Герри по старой памяти пытался подкатить ко мне летом, но я его отшила. Влюбленная в парня старшей сестры Хилари, ждавшая своего звездного часа (читай моего отъезда в колледж), была ужасно уязвлена. Не по этой ли причине она вчера так мило советовала мне продаться Фейрстахам с потрохами?

А никто и не говорил, что сестренка не такая же, как я. У нас одни родители и одно воспитание.

Ой, да плевать на мотивы Хил. Без них голова кругом.

Собственная жизнь выплывает наружу все легче. Упорно молчит только одна ее часть: та, что связана с падением и братьями Фейрстах.

Я раз десять порывалась написать Норту. Нет, не о том, что поняла, а о Мэри и допросе. Но откладывала телефон и мысленно обзывала себя трусихой. Меня пугало, что Стефан мог ему рассказать. Хотя ну и что? Вот что? Я ничего предъявлять Норту не собиралась. Где моя хваленая решимость, когда дело коснулось того, что под панцирем? Я так и не написала. Так и не смогла, дурочка.

Потому что даже не знала, что сказать. Я так ничего и не почувствовала к парню, с которым встречалась, по-видимому, без малого девять месяцев. В лучшем случае меня задевала их близость с Мэри, намеки Александры и так далее, но что-то внутри будто противилось этому понимаю.

Звонок. Эта отчаянная мольба к самому важному и нужному человеку. Который так и не протянул мне руку помощи.

Видно, именно это что-то сломало в моем отношении к Норту.

Еще раз глянув в окно на смеющуюся Хилари, я замечаю, как возвращается папа, и спешу его встретить. Он разговаривает по телефону и жестом просит меня подождать. Впору схватиться за голову и начать выть. Из кухни выглядывает мама. Она похожа на какого-то любопытного зверька, опасаящегося попасться. Заметив мой взгляд, мать горделиво отворачивается. Не сказала мне ни слова с момента моего эпохального признания в собственной распущенности... и слава богу! Если для такого счастья всего-то и нужно, что объявить себя шлюхой, то дайте рупор. А лучше два.

Отца нет достаточно долго, чтобы я успела расстроиться. Да, я понимаю, что вроде как его подвела, но поговорить со мной ему придется! Я уже делаю шаг к двери кабинета, как вдруг телефон в моих руках оживает, и я вижу на экране имя Айрис. Клянусь, еще в большем восторге я была бы только позвони мне сейчас Норт...

— Да? — хрипло от смятения спрашиваю я в трубку.

— Тиффани, — ахают на другом конце провода высоким голосом. — Мне написала Александра, что ты пришла в кафе. Я... я даже не знаю, что сказать. Я сегодня повезла Дафну к своей маме, а завтра возвращаюсь в Бостон. Встреться со мной!

Это звучит почти как возмущенный приказ, и я помимо воли улыбаюсь, чувствуя, как по щекам бегут слезы. Я безумно счастлива услышать искреннюю радость хоть одного человека от того, что я еще здесь, в этом мире.

Именно этот момент отец выбирает, чтобы выйти из кабинета.

— Тифф... — начинает он и замирает истуканом. Ну вот так, я настолько не плакса, что, увидев меня в слезах, отец теряется.

— Конечно, — выдыхаю я в трубку. — Где? Когда?

Спорю, мама сделает все, чтобы не пустить меня в Бостон. И папа, вероятно, тоже, но я худая и ловкая: в форточку, если понадобится, вылезу, а там клен под моими окнами. Странно, что с маминой подачи его еще не спилили. Или таким образом я еще не удирала?

— Не сейчас, — бросаю я папе и убегаю наверх приводить в порядок себя и мысли.

Не стоит начинать важные переговоры со слезами на глазах и в растрепанных чувствах.

Я убегаю из дома на рассвете. Выхожу, что приятно, через парадную дверь, а не через форточку. Но, как несложно догадаться, переговоры зашли в тупик и отпускать меня никто не собирался. Мама настаивала на осмотре местного психотерапевта, снова пела, что со следующего семестра мое обучение никто не оплатит — а значит, все старания впустую. Папа настаивал на том, что выходить замуж за Фейрстаха — идиотское решение.

Да я согласна, пап, но ведь это ты решил, что я обручена!

Едва поняв, что дело дрянь, я сменила тактику. Накричала на родителей, сделала вид, что подавлена, не вышла на ужин. Лежала бревном под одеялом, пока папа виновато бормотал что-то в дверях о том, что так будет лучше, а мама сытой кошкой прогуливалась по коридору за его спиной. Не знаю, на что они надеялись, но утром я оставила на столе цветок и ушла. Я не пропущу встречу с Айрис, даже если придется преодолеть расстояние до Бостона пешком.

Но жертвенности не требуется, ведь есть автобус, в котором я, измученная последними событиями, отключаюсь. Просыпаюсь только в городе и понимаю, что, если бы меня задумали убить вот тут и сейчас, я уже была бы мертва. Усталость последних недель заставила меня растерять последнюю осторожность.

Стоит мне появиться на пороге квартиры Джейдена, как из ниоткуда выскакивает Надин с табуреткой в руках. Явно в целях самообороны.

— А, это ты, — буркнув, говорит она. — Думала, ты уже за решеткой.

— И тебе доброе утро, Надин.

Я улыбаюсь, причем все шире. Никогда бы не подумала, что буду радоваться этой озлобленной девушке. Но ведь то, что я ее лицезрею, означает, что я все еще в Бостоне.

— Ты пропустила свою очередь на готовку. Можешь взять мои продукты, потом купишь собственные. С тебя завтрак.

Как бы то ни было, у родителей этого адреса нет. И вообще мое место обитания известно только Стефану, а значит, четыре звезды минимум.

Айрис нет среди моих друзей в фэйсбуке, в WhatsApp ее фотографии тоже нет. Стоя в толпе людей около фонтана, среди которых преимущественно студенты, я чувствую свою уязвимость на двести процентов из ста. Я ведь даже не знаю, кого жду. Взгляд мечется между собравшимися, но ни одной одинокой девушки не находит. Или мне следует искать девушку с ребенком?

— Тиффани! — раздается радостный оклик.

Я оборачиваюсь и вижу маленькую блондинку в неброской одежде. Она лучится

радостью, и мне становится неожиданно тепло от этого зрелища. Айрис похожа на крошечную птичку, я бы не дала ей и восемнадцати, но это никак не может быть правдой. Не смущаясь моей потерянной памятью, девушка крепко меня обнимает, и в этом отсутствии колебаний я вижу взрослость, которой не нашла в лице.

— Александра сказала, что ты ничего не помнишь, — с порога заявляет Айрис. — Я предлагаю взять по молочному коктейлю, а потом поговорить.

В ходе разговора, пока мы сидим на каменном бортике фонтана (она выбрала местом встречи сквер неподалеку от "У Ларри"), напрочь игнорируя брызги в спину, выясняется, что ей двадцать два года и у нее есть двухлетняя дочь. Айрис переехала из Северной Каролины, получив место в Университете Бостона, но слишком быстро наделала глупостей, забеременела и вынуждена была оставить учебу. Разумеется, молодой папаша и слышать не захотел о ребенке. Сейчас Айрис работает в кафе, крутится как может, а с девочкой помогает либо ее мама (которая живет в другом Штате), либо... я. Летом, когда Ларри добавляет официанткам нагрузки из-за выставленных на улицу столиков, я тайком от мамы бегала помогать Айрис, хоть на первый взгляд это совсем на меня не похоже.

Но на вопрос, точно ли подруга меня ни с кем не перепутала, она смеется и отвечает, что малышке Дафне было привыкнуть ко мне проще, чем мне — к ней.

Надо сказать, разговор вызывает у меня двойкие чувства. В первую очередь, непонимание. Вот такая вот вся наглухо эмоционально закрытая я вдруг сближаюсь с девчонкой из кафе и начинаю ей помогать. Как так?

Так же, как и Каппа, Ларри устраивал работникам-новичкам посвящение. Такое, чтобы уж точно ничего потом не боялись. Выходишь в субботу на полный день — и с утра до ночи с подносом. Его заведение пользуется достаточным спросом, чтобы он имел возможность задрать нос и объявить, что с чистым резюме не берет. Но поскольку я еще с декабря работала официанткой в другом месте, по требованиям подошла.

И я свое посвящение провалила. Но вовсе не тем, что опрокинула поднос или что-то там перепутала.

На самом деле, девчонки классно меня подготовили к начальственным сюрпризам. Предупредили, что будет и подставной человек, который начнет делать грязные намеки — от него спастись только юмором, будет и капризная дама, которую придется перетерпеть, зайдет человек с собакой и будет скандалить, требуя пропустить животное... Но никто меня не предупредил, что в кафе притащатся Камилла Льюис и Джессика Пирс!

До прихода девчонок из сестринства я была само очарование, Ларри даже несколько раз удовлетворенно кивнул. Но увидев подпевал Мэри за столиком кафе, я поняла, что попадись я им — сожрут. Я бегом бросилась в кухню и напряженно прижалась спиной к двери холодильной камеры. Работать — дело вовсе не стыдное, но это для меня. После моего триумфа с Нортон Фейрстахом Мэри просто не могла оставить меня и мою маленькую финансовую проблему в покое. А я один раз отреагировала болезненно — и понеслось. Да что говорить, сама виновата!

— Расскажешь? — с интересом спросила заметившая во мне перемену Айрис.

За утренние часы я поняла, что из всех официанток она самая тихоня. Александра была громкой, веселой и невозможно общительной, красотка Талиса все время флиртовала с нашим поваром, который шутовски от нее отбивался, а вот об Айрис я не узнала почти ничего. Пожалуй, кроме того, что девчонка она совсем не глупая.

Оглядевшись и обнаружив, что мы одни, я согласилась, но при условии:

— Расскажу, если опрокинешь на меня поднос при Ларри. Желательно, чтобы это было достоверно.

— Окей, — легко согласилась она.

Я даже обалдела и... не поверила. Но когда Ларри зашел, Айрис действительно буднично споткнулась, проходя мимо меня, и оперлась на поднос, край которого не уместился на переполненном столе. И вот по моей темно-оранжевой футболке стекает целая тарелка болоньезе.

— Кто оставил поднос на краю? — взывает Ларри. — Ты! — и указывает на меня пальцем. — Немедленно приведи себя в порядок, найди новую форму — и в зал. Вычту стоимость блюда и химчистки из твоих чаевых! Если там вообще хоть что-то наберется!

— Я помогу найти другую форму, — виновато хлюпает носом Айрис.

— С тебя вычту за потраченное время тоже! — рычит Ларри.

В подсобке Айрис приходится встать на ящик, чтобы дотянуться до верхних полок, на которых лежит запасная форма.

— Вот, держи, — невозмутимо протягивает она мне одежду.

— Извини, что так вышло.

— Ой, брось, я тут уже год работаю, чего только ни повидала. Так какая история твоя?

— Я вроде как обскакала самую крутую девчонку из сестринства, и теперь они бьют меня по больному. Представить не могу, что начнется, если они узнают, что я работаю официанткой в кафе.

— Как обскакала? — заинтересованно спрашивает Айрис, усаживаясь на одну из коробок.

— Ну...

Я рассказываю ей историю своего звездного часа. Она слушает как зачарованная, а потом заливается смехом, искренним таким, радостным. Улыбаясь, я переодеваю футболку. В этот момент в дверь врывается разъяренный нашим весельем Ларри... но, увидев меня в одном бюстгальтере, визгливо вскрикивает и захлопывает дверь. Смеяться над начальством вроде и нельзя, но мы с Айрис просто не можем сдержаться.

— Боже, как мне всего этого не хватает! Я слишком рано повзрослела. Делись со мной такими случаями, хорошо? — просит она абсолютно искренне.

— Договорились. Если Ларри меня теперь не уволит, — добавляю мрачно.

— Пф, он тебя не уволит. За косяки он вычитает из чаевых процент. А красивым девчонкам всегда оставляют больше.

Подмигнув мне, Айрис поднимается и идет к выходу. Помявшись в дверях, она, однако, оборачивается и говорит:

— Но, Тиффани, подумай хорошенько, хочешь ли ты работать официанткой, если этого стыдишься.

— Я не стыжусь! Это...

Я замолкаю, потому что на самом деле она права. Либо я разбираюсь со своими тараканами и встречаюсь лоб в лоб с бронепоездом по имени Мэри Кравиц, либо делать мне тут нечего. Велик риск, что сюда придет еще кто-то из знакомых, и тогда мне точно придется выйти в зал и обслужить этот столик.

— Айрис, еще раз спасибо, — говорю я.

Она, хитро глянув на меня, выскальзывает из подсобки. А я переодеваюсь и смело выхожу в зал, чтобы встретиться лицом к лицу с Камиллой и Джессикой. И последующими нападками Мэри. Вынужденная стать выше этого.

— А теперь твоя очередь, — вырывает меня из воспоминаний Айрис. — Что все-таки случилось?

— Случилось то, что меня кто-то грандиозно подставил и сбросил с крыши, выдав все за самоубийство, — вздыхаю я.

— Что за безумие?! И как ты сейчас?

— Рою землю носом, но пока мало что откопала. И то в основном благодаря наводкам людей, вероятно причастных к трагедии.

— А что говорит твой парень?

Она спрашивает это так буднично.

Где ж ты раньше была, Айрис?

— Норт?

— Не знаю, — смеется она. — А это Норт? Тот, с которым ты приходила в кафе неделю назад? Ты никогда не называла его имени. Но очень много о нем мне рассказывала. Ты даже сменила работу, в основном чтобы не таскаться от его квартиры на другой конец Бостона.

— Что? — опешив, спрашиваю я.

— Вы жили вместе где-то неподалеку. Так что он говорит?

Я пытаюсь переварить услышанное. Нет, одно дело встречались: звезды там на крыше, объятия на самом краю, все дела, но вместе жили? Это звучит так, будто я влипла серьезнее некуда. В него. В него влипла! Сменила работу, бросила общежитие... И он меня кинул. Или я его кинула? Судя по звонку в ночь падения, как-то непохоже, чтобы я. И теперь у него Мэри... Нет, это точно не я.

— Ничего он не говорит. Он вообще ничего мне не сказал, — отвечаю я хрипло. — Я даже не знала, что мы были вместе. Я с трудом поняла, что между нами что-то было.

— Поговори с ним, Тиффани. Вы с ума друг по другу сходили. И ты не выглядела несчастной из-за расставания с ним. Я понятия не имею, что заставляет его держаться от тебя на расстоянии.

Если верить Стефану, то он. Только как верить Стефану, если он точно такой же лгун?

— Иди, — понимающе улыбается Айрис, правильно оценив мое состояние. А затем со смешком добавляет: — Только потом расскажешь!

Ободренная ее реакцией, я улыбаюсь ей напоследок и вскакиваю с места. По пути набираю Норта: я должна с ним поговорить! Сейчас же. Он не берет трубку. Упрямо звоню еще трижды, шагая куда-то в толпе людей, не снижая скорости, но ответа так и нет. Он не просто не слышит. Либо очень занят, либо игнорирует, либо... мысли о его отце вызывают приступ удушья. Неужели ему что-то сделали за Мэри? Ведь Норта обязательно спросят о причинах «предательства». И вот что он скажет? Что Мэри безнравственно поступила? Да, пожалуй, такому человеку, как Говард Фейрстах, есть до этого дело! Я даже не уверена, что дело было бы Норту, не будь жертвой травли я... Но в том и беда: еще хуже, если всплывет мое имя. Я должна быть серьезной занозой в заднице политика, которому крайне нужны голоса. Скоро грядет новая избирательная кампания, не поэтому ли я все еще в относительной целостности? Неужели чтобы никто не подумал грешным делом о взаимосвязи между прокурором и падением девочки, засветившейся с его сыновьями? Найди полиция у

меня наркотики, это стало бы для Говарда Фейрстаха счастливым билетом в светлое будущее. Вот почему полиция так упорствовала в поисках!

Остановившись, я начинаю хмуриться. Куда это принесли меня ноги? Почему я пришла сюда? Мне место незнакомо. Где это вообще? Я поднимаю взгляд на табличку дома, чтобы понять, как далеко зашла от метро. Двухзначный номер квартала, двухзначный номер дома. Я стою, смотрю на это в полном ошеломлении и понимаю, что мне необходимо обернуться. И не могу. Не могу обернуться, потому что увижу дом, в котором жила, очевидно, вместе с Нортом Фейрстахом!

Потому что этот номер стоит на пин-коде моего телефона.

Судя по всему, когда Норт продиктовал мне адрес, я была дома у родителей, сорвала со стены первый попавшийся лист, чтобы ни в коем случае не забыть. Но, памятуя о том, как мама любит совать нос в чужие вещи, вернула лист на стену, прежде замаскировав цифры под несуществующий телефонный номер. Номер, который я бомбардировала звонками, сама не понимая, откуда он взялся.

Мне тело помнит то, о чем не смог рассказать разум.

Я шагаю к подъезду на деревянных ногах. Как я уже говорила, судя по сумме квартплаты, я либо жила одна, либо в шикарном районе. Я жила в шикарном районе. Да и мог ли Норт Фейрстах выбрать другой? Наверняка я настояла на перечислении арендной платы, иначе гордость взяла бы за шкуру, требуя одуматься.

Стоит зайти в единственный подъезд, как ко мне шагает консьерж.

— Мисс Райт! — восклицает он радостно, не обращая внимания на мое шоковое состояние. — Как давно вас не было видно!

— Да, давненько, — выговариваю я хрипло и натягиваю кривоватую улыбку. — Простите, я очень устала и хотела бы подняться, но, кажется, забыла ключи у родителей. Может, будет запасной комплект?

Он понимающе улыбается, кивает, идет к своей стойке и достает из-под лотка ключ с биркой девять. Такой же, но без бирки, молчаливо лежит в моем рюкзаке

— Простите, в руки отдавать не имею права, я провожу вас.

Меня все более чем устраивает. И, сердечно поблагодарив мужчину, я вкладываю ему в руку щедрые чаевые. Он чертовски мне помог. Дело за малым: распахнуть дверь в квартиру и жизнь Норта Фейрстаха.

Хром, монохром, стекло и сплошь острые углы — что еще подумать о квартире наиболее аскетичного из близнецов? Но это не так. Вернее, не совсем так. До ярких акцентов Норт, само собой, не опустился, но могло быть намного хуже. Квартира небольшая, и потому я быстро обнаруживаю, что нахожусь в ней одна. Гостиная — студия, основную часть которой занимает зона отдыха, есть сохраненная часть стены, к которой примыкает электрический камин, дальше геометричные панели, отделяющие кухню. С другой стороны вход в квадратный коридорчик, где дверь в ванную, дверь в спальню и мини-гардероб в виде большого шкафа. Я открываю створки, проверяя, остались ли там мои вещи, но обнаруживаю, что если только в коробках на полу. Ведь где-то они быть должны! Я и так хожу чуть ли не в одном комплекте одежды, потому что пропало все, что не было в рюкзаке.

Мило, Норт, очень мило. От Мэри прятал?

Заглядывать в спальню смысла не вижу: ничего, кроме смущения, мне это не принесет, а потом возвращаюсь в гостиную и рассматриваю разбросанные там предметы. Фотографии

если когда-то и были, то сейчас убраны. Личность хозяина просматривается в мелочах: компакт-диски по всей гостиной, книги по праву на журнальном столике, брошенная чашка с недопитым черным-черным кофе.

В мою голову врезаются, кажется, сотни воспоминаний, героем которых является *он*.

О, несмотря на смутное притяжение, которое я чувствовала и тогда, и сейчас, влюбилась я в Норта отнюдь не единомоментно. И это он меня выбрал — не наоборот. Должно быть, оттого, что жилось ему скучно.

То, что случилось на вечеринке, где Мэри меня накачала и попыталась заснять, я помню очень смутно. Урывками, даже галлюцинациями. Но я отлично помню, как просыпаюсь в какой-то огромной комнате-кинотеатре в обществе Норта Фейрстаха. Он стоит ко мне спиной и рассматривает чью-то киноколлекцию. Чью? Дом принадлежит кому-то из братства, решившему развлечься с сестричками из Каппы, но имени я не помню.

Идеальный вариант для Мэри: подсыпая мне наркотики, она подставляет хозяина вечеринки, который не имеет отношения ни к ней, ни к ее драгоценным Фейрстахам.

— Любишь кино? — спрашивает Норт, очевидно услышавший мою возню.

— Не уверена, — отвечаю я пересохшими губами.

— Вот и я... — следует задумчивое.

— Зачем я здесь?

Мягко говоря, мне не по себе за закрытыми дверями с парнем, которого я недавно подставила перед другими и высмеяла перед самим собой. И пусть я не до конца понимаю, что со мной происходит, не совсем ведь дурочка: знаю, что в выпивку в темноте вечеринки подсыпать что-нибудь — раз плюнуть.

Еще раз: я наедине с парнем, который хочет мне отомстить, но накачана наркотиками. Медленно сажусь. Перед глазами все плывет, и накатывает тошнота.

— Дрожишь? — Он оборачивается, и я пытаюсь сделать вид, что меня совсем не мутит. — И правильно. Игры с огнем всегда заканчиваются ожогами. Но не Мэри должно подпалить тебе задницу, а я лично.

— Собираешься обжечь меня в таком состоянии? Когда я тебя облапошила, ты был в трезвом уме.

— И то верно, хотя могло бы быть интереснее. Не возражаешь, если я выберу на свой вкус?

Мой и без того заторможенный мозг на мгновение замирает, а потом я понимаю, что в руках у него два диска с фильмами.

— Да хоть порно включай, только не убивай меня, — бормочу я.

— Говоришь так, будто смотреть порно — подсудное дело.

Ну, кому как. Моя мама не против отволочь в участок за шкуру каждого, кто осмелится взглянуть на запретное! Она сама мораль и нравственность.

— Там фокус на девочек, а я за другую команду.

— Странно. Это многое бы объяснило, — задумчиво отвечает Норт. — По крайней мере, то, как ты развернула Стефа — точно.

— Да ты гонишь, — тараторю я на него. — О таком мальчишки друг с другом не говорят.

— Зачем говорить, если ты снимала все на видео?

Я бледнею.

— Как... как ты его достал?

— Как можно было не поставить шифр на телефон, где держишь такой компромат?

Черт меня дернул! Пока я была в отключке, Норт взял мой телефон и скачал видео, где мы со Стефаном в комнате его брата. Наслаждаясь моим сокрушительным провалом, мой мучитель делает паузу, подходит к плееру и ставит диск.

— Норт, что ты сделаешь с этим видео? — спрашиваю я, миг охрипнув.

Потому что попади это видео в сеть — и мне конец. Моей еще не начавшейся карьере — конец. Это уже не игры с сестричками Каппы, месть Норту или что-то там еще.

— А вот это зависит только от тебя, Тиффани. Ты смотрела «Книжного вора»?

— Там все умрут. Это намек такой?

— Спойлерщица, — выплевывает Норт и достает диск. Принимается искать другой.

— Ты что, фанат хэппи-эндгов? — спрашиваю, не удержав смешок.

— Ищу Кинга. Это намек такой.

— Ты что, фанат Кинга? — пытаюсь повернуть один трюк дважды.

Норт оглядывается через плечо, не скрывая усмешку.

— А давай мы посмотрим видео, где я со Стефаном. В процессе ты вербально меня уничтожишь, затем считаешь себя отмищенным и удалишь файл? — делаю я слабую попытку.

— Это было бы слишком скучно, — отмахивается Норт, даже не задумавшись над моим гениальным предложением. — Да и потом, это ж я на видео. Моя репутация точно так же под угрозой, как и твоя. Пока оно есть у тебя — будет и у меня.

— Может, и Стефану пошлем для ровного счета? И вообще, ты это несерьезно. От неподходящих связей пострадали женщины, а мужчины скорее наоборот.

— Считаешь, что вот это должно мне польстить? Может, еще ждешь веское «спасибо»?

Он указывает на свой телефон, и я понимаю, что это не просто демонстрация. Он действительно скачал видео себе.

— Ты такая трусиха, что даже не попыталась обставить Мэри честно.

Тревожный звоночек.

— Даже если на секундочку допустить мысль, что я такая великая Мата Хари, что могла бы затащить тебя в постель и попросить о памятном селфи, потом мне пришлось бы пойти до конца. А я просто хотела утереть нос Мэри.

По грозно темнеющему взгляду Норты я понимаю, что говорить «я не хотела с тобой секса» было ошибкой.

— Стивен Кинг, «Кэрри», — сообщает Норт, выдергивая с полки другой диск.

— И все-таки жжешься, — бормочу я, комментируя его выбор, сюжет и наши взаимоотношения одновременно.

Но переползаю, освобождая половину дивана, не без скромной радости отмечая, что мне уже немного лучше.

— Потерпишь. Или ты не рада, что у Мэри не будет видео, где ты отсасываешь очередному «неподходящему» парню прямо на плитке в туалете?

Я морщусь и отвожу глаза.

— Посмотреть бы на тебя через пару курсов, чистюля, — хмыкает Норт.

Не то чтобы мы с Нортом после того случая часто общались, скорее нет. И в первый раз, и во второй мы быстрее и легче сблизились со Стефаном. Хотя если между людьми нет сексуального напряжения, так оно и бывает. И все же когда мы с Нортом встречались, он со

мною заговаривал. Обычно первым. Чаще всего это случалось в библиотеке. Сидели мы, самс собой, за разными столами, но есть еще столик библиотекаря, где сдаются книги, есть выход, да и не пропасть нас разделяла — перекинуться парой слов могли и так. Я несколько раз ловила его задумчивый взгляд на себе, и, конечно, он будоражил мое воображение, но что с этим делать — я не знала. Перед моим взором был один серьезный пример взаимоотношений: где мама вертела папой как хотела, и так же я поступала в школе с Герри. Но речь не о ком-нибудь — о Норте Фейрстахе. Я банально не знала, что с ним делать, и... предпочитала не делать ничего. *Пока он мне это позволял.*

Судьбоносный разговор случился также в библиотеке, когда я дожидалась очередной кипы книг для эссе, а он подошел, чтобы дождаться своей очереди. Мне позвонила Хилари. Смутившись, я скинула ее звонок, но это уже не спасло.

— *Что за унылое дерьмо у тебя на звонке? — спрашивает Норт, бросая на мой телефон полный превосходства взгляд.*

Не то чтобы я стыдилась своего вкуса, но он так красноречиво морщится, что я начинаю заводиться на пустом месте.

— *Тебе какое дело? — огрызаюсь я.*

Унылое дерьмо? Seriously?

— *Не всем нравятся кровь и кишки, как тебе.*

Это я знаю, так как это знают все. Можно подумать, что в его машине каждый день кого-то режут: именно с такими звуками она заруливает на парковку у кампуса.

— *Давай так, — ничуть не смущается Норт, глядя на меня с нескрываемым удовольствием. — Я буду присылать тебе в день по одной песне. Будешь слушать, только честно. И если через два месяца не перестанешь тащить от заунывного женского вокала, я подарю тебе билет на концерт твоих обожжаемых Lorde.*

Не знаю, от чего я удивляюсь сильнее: от щедрого предложения или от того, что он знаком с творчеством Lorde.

— *Ну и зачем тебе это?*

— *Люблю быть правым.*

— *Идет, — соглашаюсь.*

— *Даже не спросишь, что взамен? — усмехается он.*

— *Зачем? Ты все равно не выиграешь. Или как минимум не сможешь проверить.*

Он усмехается.

— *Точно собираешься спорить со мной вслепую? Потому что я вовсе не говорил, что не потребую ничего в случае выигрыша.*

— *Точно, — дерзко вскидываю я голову.*

— *Отчаянная.*

Говоря это со смешком, он скользит взглядом по мне сверху вниз. И останавливается где-то в районе груди.

— *Бестолковая книга.*

— *Что? — я с удивлением понимаю, что прижимаю к груди один из учебников по истории права.*

Ну да, ну да, спорю, грудь за этим учебником Норт не заметит, даже окажись она голой. Я закрываю глаза, силясь понять, откуда в моей не самой бесполезной голове взялась эта «светлая» мысль. Один раз на крыше пообнимались — и готово, ага?

— *Ну, до встречи через два месяца, — выдаю я, едва возвращается библиотекарь.*

Женщина окидывает меня удивленным взглядом.

— Шутница, — лениво отвечает Норт.

Я тут же ухожу. Хотела бы сказать, что не оборачиваясь, но это было бы слишком круто даже для такой девчонки, как Тиффани Райт.

На протяжении двух месяцев Норт в музыкальном приложении присылает мне по композиции каждый божий день, прямо перед сном. Я их честно слушаю, потому что не прочь сходить на концерт любимой группы, а ведь Норт такой — проверит. Надо сказать, шлет он мне не Мэнсона, а более классические разновидности рока (те, где никто не умирает от песни к песне). Guns N'Roses, Barns Courtney, The Cranberries... Но суть вообще не в этом, а в том, что я ровно два месяца засыпаю с мыслями о Норте Фейрстахе. Меня неожиданно волнует то, что я каждый день слушаю то же, что и он. И иногда — только иногда — я повторяю композиции прошлых дней. Потому что среди них есть красивые.

Спустя ровно два месяца поставки музыки прекращаются. Вообще-то, я не следила за датами и не знала, когда Норт перестанет баловать меня вниманием. Просто однажды на часах уже 11:22, а от него ни... звука. И первой моей мыслью: спросить, не заболел ли он. Только потом я понимаю, в чем дело, и начинаю ощущать пустоту.

На следующий же день, когда я направляюсь на работу в кафе, около меня тормозит черный ягуар.

— Запрыгивай, — говорит Норт.

Я сажусь, не думая дважды.

— Куда тебе?

Я называю район, и машина срывается с места. Сегодня музыкальное сопровождение поприятнее — отмечаю я на автомате в ожидании того самого разговора. Но Норт молчит. Мелодии сменяют друг друга, пока не замирают на Don't you cry. И я сижу и бездумно выстукиваю ритм по панели на пассажирской двери. Только когда Норт начинает смеяться, понимаю, как бездарно попалась.

— Нет, — начинаю я защищаться. — Это вообще ничего не значит!

— Я сказал не врать.

— Ты сказал не врать, что слушала. Я слушала, но это не значит, что разлюбила... как ты это назвал?

— Заунывный женский вокал, — услужливо подсказывает Норт. — Я не сомневался, что ты будешь упираться до последнего. Но с одного прослушивания ты не могла запомнить рваный ритм. Тем более, что с Эклса Роуза я начинал.

— Хорошо, — признаю, всплеснув руками. — Он неплох. И есть еще несколько песен, которые меня зацепили. Но ты все равно в пролете, потому что суть спора была в том, чтобы перестать слушать прежнее, а не разнообразить плейлист.

— Считаешь?

— Определенно.

Я сижу, откинув голову на подголовник и, не скрывая удовольствия, рассматриваю Норта. И то, как он не может стереть с лица улыбку.

— Что ж, тогда открой бардачок, — подчеркнуто вздыхает он.

Я открываю и глазам своим не могу поверить, потому что там билет на концерт. Уже! Но нет, я не совсем права. Там не билет, а билеты. Их три: один на концерт Lorde в марте, а два — на Guns N'Roses, и он будет в эту пятницу.

— Черт, — выдыхаю, мигом раскусив план Норта.

Из моего тут только выбор, и он касается вовсе не музыкальных групп. Какую музыку я слушаю наедине с собой, узнать действительно невозможно, но и ставка на другое. Я могу заупрямиться, выбрать Lorde и сохранить свою хваленую независимость. И могу выкинуть белый флаг и пойти на концерт вместе с Нортом.

Не думаю, что нужно уточнять, который из билетов я выбрасываю в открытое окно.

Попав в фан-зону одной из самых известных групп современности, я почувствовала себя Золушкой. Если до этого дня я не влюбилась в ритмы Guns N'Roses, то теперь у меня не осталось ни шанса. И с Нортом Фейрстахом то же самое. Людей столько, что мы простояли весь концерт тесно прижатыми друг к другу. По этой причине удовольствие от происходящего зашкаливало, но воспринимать музыку становилось сложнее. И на чуть-чуть хотелось, чтобы этот концерт закончился, ведь после него намечалось что-то не менее волшебное.

Тот вечер холодный, но уезжать мы не спешим. На улице большими хлопьями идет снег. Сначала мы обсуждаем концерт и то, на какие песни следует обратить внимание, ведь вживую они привлекли сильнее. Теперь они всегда будут напоминать именно об этом вечере. Но в какой-то момент Норт перехватывает мою ледяную руку, которую я периодически отогреваю в кармане, так как забыла перчатки, и говорит:

— Так не пойдет. Ты совсем замерзла. Нужно ехать.

И я отвечаю:

— Ты когда-нибудь меня уже поцелуешь?

— А ты уже достаточно обожглась?

Я целую его сама. Встаю на цыпочки, обвиваю руками шею, запускаю пальцы в волосы и притягиваю к себе его губы. На этот раз он перехватывает инициативу. Есть что-то потрясающее в долгожданных поцелуях. В том, как ты предвкушаешь их вкус, их темп. И иногда, редко наверно, они не разочаровывают.

Я таю вместе со снежинками на плечах Нортона, не в силах оторваться, не в силах не вжиматься в его тело. Точно так, как на первом свидании (а оно даже не называлось свиданием) порядочной девушке нельзя. И стонать его имя тоже — нельзя.

— С тобой не холодно, парень с северным именем, — выдыхаю я, отстраняясь.

— Поедешь ко мне? — спрашивает Норт, лаская жарким дыханием мое ухо.

— Я не могу, — говорю почти жалобно. — Мне нужно рано утром ехать домой.

— Я могу тебя подвезти.

Я краснею, подумав, отчего он это спрашивает.

— Нет, не надо. Не то чтобы я не хотела провести час с тобой в машине, но я не буду счастливой по пути туда. Тебе это не нужно.

Я ничего не объясняю, потому что, если не знать маму, сложно объяснить механизм наших взаимоотношений. Хотя он простой: если я не наберу по ее списку нужное количество галочек, то она не оплатит мой следующий семестр в колледже. Визит домой — самый простой способ получить мамино “удовлетворительно”.

Норт кивает, не смущаясь моим ответом, ни о чем не спрашивая. Я не сомневаюсь, что он поймет.

Мы возвращаемся к его машине в тишине.

— У меня тоже есть что сказать тебе о своей семье, Тиффани, — говорит Норт напряженно, сжимая и разжимая пальцы на руле. — Прежде чем начинать со мной что-то, ты должна хорошенько подумать, нужно ли тебе это. Наш со Стефом отец

контролирует наши жизни: дела, учебу, отношения. Я понятия не имею, как он отреагирует на тебя, если узнает. Скорее всего отрицательно, потому что у него точно есть какие-то планы на мое будущее. Он одобряет мое решение стать судьей, ему это зачем-то нужно. Настолько нужно, что он не прессует меня так, как Стефана. Но еще он одобряет Мэри. А значит, ширма в ее лице мне понадобится и дальше. Пока я не получу независимость, а это будет не раньше, чем я закончу колледж, мы с тобой никуда не выйдем вместе, никому — никому вообще — о нас не расскажем. Это хреновый расклад, Тиффани, и ты заслуживаешь лучшего.

— Наверное, Норт. Но меня пугает, насколько ты... по адресу, — отвечаю я напряженно. В его отношении, которое раньше казалось мне светлым и искренним, теперь явно мерещится расчет.

— Я знаю. — Он не отрицает. — Я наблюдал за тобой с той самой первой вечеринки. Ты лжешь как дышишь, ты лжешь все время, даже когда этого не требуется. Мне это не нравится, но иначе я бы к тебе не приблизился. Потому что любому человеку из моего окружения необходима именно такая защита.

— Мне нужно подумать.

— Подумай. Но тебе следует знать, что если бы я не хотел этого так сильно, я бы не стал ничего начинать.

По моей коже бегут мурашки.

Я не пожалела о том, что взяла эту самую паузу на обдумывание. У меня была возможность присмотреться к своей семье. Как ни странно, тот визит выдался довольно мирным, но в то же время ужасающим. За вкуснейшим ужином сплошь из любимых папиных блюд мама мастерски склоняла его к щедрому жертвованию. Хилари пыталась скрыть от меня, что прямо за столом переписывается с Герри, даже не догадываясь, что я уже давно поставила в этих отношениях жирную точку. Я ее не разубеждала: она бы все равно мне не поверила. И вообще атмосфера оказалась настолько токсичной, что с трудом верилось в недавний концерт и сладкий поцелуй под снегом.

Меряя шагами комнату тем вечером, я все думала: да ладно, что я теряю? Шанс на то, что у нас с Нортом сложится все как по нотам, минимален. Он сложный, я — тоже, скорее всего наваждение развеется как дым спустя несколько недель. И его отец даже не успеет ничего узнать. Отказываться от настолько желанного глупо.

Я позвонила Норту и сказала, что возвращаюсь в Бостон на утреннем автобусе. Если он все еще хочет меня видеть, то пусть называет адрес. Так на листовке колледжа оказалась запись якобы телефонного номера — первые цифры дорисованы произвольно, просто чтобы мама не догадалась. Я боялась, что перенервничаю и забуду адрес Норты, но, вопреки ожиданиям, он врезался в память, как выжженный.

Впервые в его квартире я почувствовала, будто попала в некое святилище, и поняла, как на самом деле мало знала об этом человеке. Как мало о нем вообще кто-то знает.

Он не такой, каким кажется на первый взгляд. Глубоко увлекающийся. Коллекционирует первые издания, собирает полную дискографию любимых групп, а на полке шкафа хранит стопку билетов на концерты, где побывал. В ней не только большие, джазовые вечера в клубах тоже есть. Он реально музыкальный фанат. Это мне очень нравится, очень и очень. И вообще то, что я решилась прийти.

Первый раз у нас не получился. Я промолчала о том, что еще не была ни с кем близка, но было ужасно больно. Норт отказался продолжать, зато отборно ругался, мол о таких

вещах говорят. После этого улегся за моей спиной, и весь остаток дня мы просто говорили.

Это ничего. Ни одна девушка не мечтает о первом разе — только о втором. Второй был идеален.

Услышав щелчок замка, я застываю истуканом, не совсем понимая, чего во мне больше: страха или трепета. Не сразу находят силы обернуться. Однако когда я это делаю, обнаруживаю, что Норт всячески демонстрирует безразличие. Будто мое присутствие его ничуть не удивляет. И это подтверждается словами:

— Долго же ты добиралась.

Он говорит будто даже с осуждением, и это становится последней каплей. Я только что прожила свои счастливейшие мгновения с этим человеком, и в крови у меня эндорфиновый шквал. И что-то никак не идет на ум сцена ссоры. Айрис сказала, что не помнит меня расстроенной из-за Норты, и я не помню. Только Стефан настаивает. Так может, он ошибается?

Я преодолеваю разделяющее нас с Нортом расстояние и обхватываю руками его шею, зарываюсь пальцами в волосы на затылке и привычно — привычно! — тяну их назад. Сейчас кажется странным, что я все это забыла.

— Ты должен был мне сказать.

Даже я слышу в своем голосе нотки обиды. До падения с крыши я была почти самой счастливой девушкой на земле, а после осталась самой одинокой, потому что из моей жизни пропал человек, которого я безумно любила. Должно быть, мой разум был в таком раздрае, что не мог переварить перемену и всячески не позволял пробиться сквозь кордон ни одному воспоминанию о счастливых минутах с Нортом. Потому что он обещал удержать меня всегда, несмотря ни на что, но не ответил на звонок, на самый важный звонок в моей жизни. Это очень больно.

«Пожалуйста, сейчас ты мне нужен больше, чем когда-либо. Где ты? Ты уже не успеешь...»

Мне следует смотреть Норту в глаза, чтобы что-то понять, но я не могу. Взгляд упирается в губы, мое тело почти прижато к его груди. Эта близость без близости просто невыносима. Не в силах сдержаться, я тянусь к нему для поцелуя, но не успеваю коснуться губ, как он грубо толкает меня к двери. От сильного удара из легких вышибает весь воздух, и мне приходится пытаться побороть это удушье между жестокими поцелуями. Я начинаю нормально дышать, только когда губы Норты спускаются по моему подбородку к шее. Завтра на ней останутся отметины, но сегодня я, не в силах сдержать стоны, еще ближе прижимаю его голову к себе.

Полагаю, реши я проверить поцелуем другого близнеца, мы бы разобрались куда быстрее. Хотя, пожалуй, результат я оценила бы не сразу.

Рывок, я вскрикиваю, когда горловина рубашки до боли впивается в кожу, раздается треск рвущейся ткани и следующий за ним стон. Не мой — *его*. Бюстгальтер отправляется вслед за рубашкой. Норт вжимается в меня напряженными бедрами. И я понимаю, что говоря о ссоре, Стефан не ошибался. Грядет не секс — наказание.

За то, что не узнала его с первой минуты? За то, что сделала что-то в прошлом?

Прижимая меня к себе так, что даже попробуй я вырваться — не выйдет, Норт тянет меня к дивану и грубо разворачивает к себе спиной, сжимая грудь, царапает ногтем вершинку. Это воспаляет, и, даже закусив губу, я не могу сдержать стон, не изогнуться в спине, вжимаясь в его тело.

Бормоча что-то нечленораздельное, Норт порывисто стягивает с меня джинсы. Следом отлетает не выдержавшая нашей жестокости пряжка его ремня. Он входит резко, одним движением, со сдавленным стоном. Это немного больно, но боль уместная. В нас с Нортом ее, очевидно, теперь хватает. Я позволяю ей выливаться через это безумие из него, из меня, потому что лучше сбросить балласт так, чем тянуть его дальше. А потом свернуться обнаженным комочком на груди у Норта и не вставать, пока не утихнут все бури. Недаром я инстинктивно искала у него защиты, даже когда подозревала в причастности к попытке своего убийства.

В общем, от этой близости я не жду разрядки, кроме эмоциональной. И внезапно ярко, неизбежно взрываюсь от одного только понимания, что сейчас кончит *он*.

Безумие отступает медленно, раскачивающийся мир возвращается в свое устойчивое положение, и теперь возникает вопрос о том, что будет дальше, что мне следует делать? Я поворачиваюсь к Норту с озадаченным выражением на лице.

— Не очень счастлива, Тиффани? — спрашивает он, изгибая одну бровь. — Ничего, сейчас исправим.

Я ничего не понимаю, но вздрагиваю от удовольствия, когда он проводит подушечками пальцев по моей спине до самых ягодиц, едва касаясь. На его лице мрачное удовлетворение и осознание полной власти. От мысли, что он совершенно точно знает, как заставить меня кричать в голос от наслаждения, становится ужасно не по себе, потому что это тоже часть моего наказания. Я, не скрывая страха, гляжу в его зачаровывающие глаза и пропускаю момент, когда он подхватывает меня под колени и перекидывает через спинку дивана. Опомниться не успеваю, как лежу на подушках, запутавшись в собственных волосах, а Норт стягивает с меня кеды, джинсы, белье...

— Посмотри на себя, — говорит Норт, не скрывая непонятной мне горечи.

Одним движением вздергивает на ноги и подводит к зеркалу в полный рост.

— Смотри, черт подери, какая ты красивая. Ты ведь понимаешь, насколько ты красивая. — В этом признании нет вопроса, нет и радости.

Честно говоря, глядя в зеркало на нас, я не вижу ничего восхитительного. А может, дело в постановке. Норт зачесывает на одну сторону мои волосы, что длиной ниже талии, лишь чуточку кокетливо прикрывая наготу, оценивая, как аукционный лот, а сам он полностью одет. Какое-то уродливое клише получается.

— Ты поэтому спуталась с моим братом у меня за спиной? Чтобы доказать, что можешь иметь все и сразу? Или тебе чего-то не хватало? Чего?

Это что он такое сейчас сказал?

Норт наклоняется к моей шее и с болезненным выражением на лице вдыхает запах.

— Ты... — говорю я хрипло и откашливаюсь. — Ты сошел с ума?

Мне становится действительно страшно, потому что, кажется, так он и думает. Еще один пазл встает на свое место, и объяснение получают десятки странностей и непоняток. Все, абсолютно все действия Норта после моего падения обусловлены борьбой между страстью и кислотной ревностью. Он получил чертову фотографию нас со Стефаном после того, как я вроде как уехала домой, и он не взял трубку, не спас меня. Мне страшно представить, что он почувствовал, узнав, к чему привело такое решение. Возненавидеть человека в одночасье можно, но нельзя разлюбить. И тогда любовь с ненавистью начинают драть тебя на миллион маленьких кусочков. А теперь добавьте к этому взрывоопасному коктейлю чувство вины и получите слабенкое представление о самоконтроле Норта

Фейрстаха.

Он всего один раз попытался меня переехать. И всего двадцать раз завуалированно назвал своего брата мудаком.

А хуже всего, что я понятия не имею, как доказать свою невиновность.

— Норт... — пытаюсь я заговорить и обернуться.

Результат от моего обращения совершенно не тот, на который был расчет. Он грубо разворачивает меня обратно к зеркалу, обвивает бедра руками и скользит пальцами ниже. Пара движений, и я уже бьюсь в его руках, силясь вырваться и не проиграть войну с собственным телом. От этой борьбы его расстегнутый и загнутый на один подгиб манжет задирается выше, и моя ладонь непроизвольно задерживается на горячей, гладкой коже, которая сводит с ума не хуже пальцев. Не понимая, что делаю, я прижимаю его руку еще сильнее к себе и вскрикиваю от удовольствия, почти ненавидя себя за это.

— Прекрати этот кошмар, — выдыхаю, пока остались силы сопротивляться.

— Кошмар, Тиффани?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем речь!

Он начинает расстегивать пуговицы рубашки, и я зависаю от зрелища открывающейся кожи. Удивленно моргаю, поймав в фокус чернила татуировки на внутренней стороне запястья. Мне бы уйти, пока не поздно, но я, как замороженная, не могу даже пошевелиться. Ужасно, но я бы отдала душу за то, чтобы доказать этому парню, что он на мой счет ошибается.

У него лучший мотив сбросить меня с крыши из всех, но какая-то часть меня согласилась бы на это, лишь бы он поверил, что я не спала с его братом.

Я больная? Знак вопроса тут лишний. Я больная.

— Давай, Тиффани, скажи мне, чего тебе не хватало, что нашлось в моем брате. — Он стягивает одежду медленно, вынуждая меня смотреть на него, изучать его, хотеть с каждым мгновением все больше. — Я бы мог предположить, что у него член длиннее, но это идет вразрез с генетикой! Так может, скажешь мне ответ? Или он не так давно побывал у тебя на пальце?

— Идиот, — шиплю я, едва удерживаясь от оправданий по поводу кольца.

Увы, Норт действительно не имеет к этой вещице никакого отношения.

— Дай я угадаю: ты не помнишь, — это звучит до предела ядовито. А Норт уже берется за пуговицу брюк, и я сглатываю ком в горле. — Ну ничего, на этот раз я, научившись на своих ошибках, тебе напомню. А потом сгоняешь к Стефу — сравнить.

Ярость ударяет в голову, и я бросаюсь на него, с силой толкаю в грудь. Однако вместо того, чтобы отступить, Норт подхватывает меня под бедра и несет в спальню. Я выкрикиваю ругательства и требую отпустить — безрезультатно. Он бросает меня на кровать и порывисто скидывает остатки одежды. Гневные слова тотчас вылетают из моей головы. Нет, я, конечно, все понимаю, но если я-она действительно посчитала, что Норта Фейрстаха — вот такого вот Норта Фейрстаха — ей мало, то я даже и не знаю, что должно было навести ее на эту безумную мысль. Я правда не понимаю.

Он явно наблюдает за моей реакцией, наслаждается ею. А я бы под пытками не сумела отвести взгляд от его тела. Безупречного. Совершенного. От мысли, что еще недавно оно принадлежало Мэри (и все еще принадлежит, вообще-то), мне хочется вопить и кусаться.

— Где у тебя остались отметины после падения? — спрашивает он, лаская кожу на моем животе. — Неважно, я найду их все.

Он целует каждую неровность, оставленную на моей коже падением. И я могла бы предположить, что они все еще выделяются цветом, но память подсказывает, что Норт на самом деле знал каждый дюйм моего тела. Каждую родинку, каждый шрамик.

Остановившись на последней красной черточке — бывшей спицей в ноге, — Норт начинает подниматься выше: колени, бедра, и еще, пока я не начинаю метаться по кровати под его губами.

— Прекрати это, — умоляю на выдохе в очередной раз. — Я больше не могу.

Я не уверена в том, что именно не могу. Выносить эти тягучие ласки или терпеть унижение. Потому что все, что сейчас делает Норт, — доказывает мне, насколько я была неправа, якобы променяв его на Стефана. А мне доказательства ни к чему. Даже сам Стефан сказал, что я не хочу с ним близости. Он единственный из нас вел себя совершенно логично.

— Не жалея себя, Тиффани, я прекрасно знаю, что ты на самом деле можешь.

И это действительно пытка, потому что когда Норт заканчивает с прелюдией, я готова умереть за оргазм. И так и будет, если я не получу его в ближайшее время и Норт не оставит меня в покое.

— Норт, я *тебя* хочу. Тебя! Слышишь?

Я опрокидываю его на спину (впрочем, он не возражает) и сажусь сверху, а потом тяну к себе. Мы оказываемся лицом к лицу. В этот момент я победно думаю, что наказание-то выходит так себе: с таким уровнем интимности, когда на двоих остается одно дыхание, это просто невозможно. Мы уязвимы в равной степени. И эта мысль мгновенно сводит с ума. И я запрокидываю голову, не в силах сдержать стоны, прижимаясь к животу Норты все теснее с каждым движением.

Сжимающий мой живот спазм такой силы, что я кричу во весь голос, бьюсь в руках Норты в агонии и кусаю его в плечо, ожидая, когда окончательно стихнут эти сумасшедшие волны. И только когда Норт отпускает меня, позволяя без сил растянуться на кровати, понимаю, что он не собирался делить со мной экстаз.

Все же наказание. По-настоящему быть со мной он больше не хочет.

— Что теперь будет? — спрашиваю я, окончательно растрепанная этим ураганом.

— Девочка, а что изменилось? — Интонации Норты таковы, что я недоверчиво поворачиваю голову, чтобы обнаружить: мне не почудилось. Он действительно как будто ждал этого разговора, прокручивал его в мозгу, планировал. Как бы задеть побольнее. — Ты лгала мне, по ночам бегая к моему брату. Но мне даже этого не хватило, чтобы держаться от тебя подальше.

Да, меня этот факт тоже настораживает. Но я даже сейчас готова выть от обиды на Норту, который, оказывается, был моим всем, но не взял чертову трубку, позволив мне почти умереть, то ли имея, то ли нет в то же самое время Мэри. Вот что запечатлелось в моей памяти, не подпуская близко к Норту Фейрстаху.

— Я не бегала к твоему брату ночами! Уж во всяком случае не за тем, на что ты намекаешь. И не ври, что разницы нет.

— Ты не помнишь, за чем к нему бегала, — резонно подмечает Норт.

А я не знаю, что думать обо всем этом, потому что в данный момент мне просто безумно больно. Разве мне могло бы быть так больно, если бы я была такой мразью, которой меня считает Норт?

— Когда на мой телефон упало то ваше с ним фото, я хотел сесть в машину и переехать вас обоих. Он ведь все знал о нас. Несколько месяцев надо мной насмеялся из-за тебя, а

потом вдруг резко перестал. Я никак не мог понять почему, мой мозг просто отказывался верить в подобное извращение! Если бы не пришла Мэри, я бы искал вас по всему Бостону. И, вероятно, уже мотал бы срок.

— Но пришла Мэри, ты решил отомстить по-другому, переспав с ней. Что и делал, пока твой телефон разрывался от моих звонков. И я пролетела три этажа. По-моему, отличная вышла месть.

Это становится новой красной тряпкой, потому что в следующее мгновение, Норт молниеносно перекатывается на кровати и нависает надо мной.

— Думаешь, мне просто чуть-чуть досадно, Тиффани? Да? Тогда как тебе это: узнав, что с тобой случилось сразу после этого гребаного звонка, несмотря ни на что я чувствовал, будто мне кишки выпустили. Пока ждал, когда врачи вынесут вердикт, выживешь ли ты, я чуть не разнес по щепкам все это место, а потом поехал к брату. Я хотел вытрясти из него все до последней подробности, но этот кусок дерьма был вообще невменяемый. Когда я ему врезал, он попросил еще. Единственное, что я вынес из этого крайне содержательного визита: что *он виноват*. А остальное, буквально все, что он нес кроме извинений, являлось полной обкуренной ахинеей.

Потом, прекрасная моя, ты впала в кому, и твоя мать настояла на том, чтобы тебя перевезли из Бостона к дому поближе — ведь накладно к тебе в такую даль мотаться. Врачи в ужасе твердили, что она не в себе, но эта ужасная женщина уперлась рогом. И я не мог не то что вмешаться — я даже информацию о твоём состоянии узнавал через подкупленных врачей. Я ехал за скорой помощью, на которой тебя перевозили, до самого вашего гребаного пригорода и местной больнички на дюжину коек. Каждую секунду ждал, что машина остановится, потому что что-то случилось.

И после всего этого через месяц ты возвращаешься в кампус как ни в чем не бывало, даже не хромая! Месяц, в течение которого я жил как в аду. — Его руки смыкаются на моей шее. — Я искренне, всей душой хотел намотать тебя на колесо своей машины. А потом ты дала Стефану в нос из-за этого, и я понял, что ты действительно все забыла. Ты ведь никогда нас не путала, с самого первого дня! К собственному ужасу, я даже подумал, что это мне дан второй шанс, что если ты ничего не вспомнишь, то все может быть по-прежнему. И что я прощу тебя когда-нибудь.

Его пальцы на моей шее разжимаются. Едва касаясь кожи, он проводит подушечками вниз, по моей шее, по ключицам, а затем смыкает губы вокруг одной из них. Проходится языком обратно — вверх.

— Но вместо этого ты опять начала активно сближаться со Стефаном и что-то вспоминать. А потом я увидел нож в твоём номере в мотеле и понял, что все намного серьезнее, чем двое обдолбавшихся обезумевших запоздавших в развитии подростков.

Его губы ловят мои в жестоком, сжигающем все поцелуе, а рука скользит ниже, пока пальцы не оказываются там, где мне нужны вовсе не они. Минуту назад казалось, что я не смогу встать до завтра, не то что хотеть больше, но уже сейчас закусываю губы от сладости этих ласк.

Норт Фейрстах и его ненависть, что мне с вами делать? Неважно, все лучше, чем пустота, которую я чувствовала с тех пор, как вернулась в кампус. Спорю, именно Норт повинен в довлеющем надо мной чувстве изматывающего одиночества. Из-за вырванных месяцев жизни, во время которых этот парень изменил меня, сделав другой, будто чуждой самой себе. *Сделав — его*.

— А теперь скажи мне, Тиффани, — запальчиво, безумно шепчет Норт мне в ухо, прижимаясь колючей щекой к моему виску и не переставая сводить меня с ума движением руки. — Что теперь будет? Что нам со всем этим делать?

— Не знаю, — стоном вырывается у меня из груди.

И это становится еще одной последней каплей, после которой на место пальцев приходит то, что нуждается во мне не меньше.

Последний оргазм такой же болезненный, как предыдущий разговор. Но на этот раз он хотя бы взаимный.

Я чувствую себя полностью разбитой и опустошенной. Кое-как выпутавшись из собственных волос, гляжу в напряженное лицо Норты и понимаю, что останься я тут, и этот марафон секса и жестокости не закончится никогда. А каждый новый раз, как кислота, — разъедает то небольшое близкое, что между нами осталось и за что я теперь собираюсь цепляться.

— Я ухожу.

Норт не смотрит на меня. Я знаю это чувство омерзения от самого себя. Когда ты делаешь или сделал что-то, что идет вразрез с твоими принципами, расплачиваться приходится частичкой души. А он едва ли собирался до исступления трахать меня из ненависти.

В моем теле болит каждая мышца, и натягивать одежду — отдельный вид мучения. Кое-как справившись с джинсами, подавляя стоны, я критически осматриваю свою рубашку. Надевать ее уже нельзя. Взгляд падает на одежду Норты. Недолго думая, я подхватываю рубашку и натягиваю на голое тело. Грубый материал на сверхчувствительной после секса коже без белья ощущается не очень приятно, но выбора все равно нет. Я накидываю на плечи пальто и ухожу.

Я ухожу влюбленная и с уничтоженной самооценкой.

Иногда, когда жалость к себе переходит определенную черту, не знаю, как вы, а я начинаю думать, что этот день взял с меня все причитающееся. Отмучилась. Теперь можно рухнуть в кровать, взять ведро мороженого и не ждать нового удара до завтра. Какая несусветная глупость.

Я выхожу из метро придавленная горькой правдой и своими мыслями, не зная, что делать дальше с, кажется, навсегда загубленной жизнью. Я миную кварталы на подгибающихся после безумного секса ногах, сворачиваю на улицу, ведущую к дому Джейдена, и слышу визг колес.

Неприметная серая машина срывается с места и мчит прямо на меня. На всей скорости! На меня! Убийца выжимает педаль газа, делая свое оружие еще смертоноснее. И я понимаю, что мне не укрыться, не убраться. Кажется, я смотрю на нее долгие секунды в ожидании столкновения, время растягивается. И вдруг я отмираю и прилипаю к стене дома спиной, шагаю боком вдоль нее, надеюсь, что на такой скорости водитель просто не сумеет справиться с управлением: ему нужно залететь на бордюр и вывернуть руль ровно настолько, чтобы не убиться о стену самому. Но мой убийца как будто не человек. Он справляется с этой задачей виртуозно. Ровно за полсекунды до столкновения стена за моей спиной заканчивается и я падаю на асфальт в просвет между домами. Машина чиркает по стене с оглушающим скрежетом в том месте, где только что была я. Убийца уводит машину в занос, подставляя под столкновение со следующим домом заднюю дверь с пассажирской стороны. Это значит, что сам он не пострадал. Он все рассчитал.

Всхлипывая, не помня себя от ужаса, я вскакиваю на ноги и мчусь в лабиринт узких улиц. Я не знаю, где спрятаться, разве что надеяться, что *он* не поймет, в какое я забежала здание. И, как назло, ни души. Джейден живет не в лучшем районе, граничащем с промзоной. Мне бы добраться до людных улиц, но я не в состоянии включить голову и понять, в какой они стороне.

А хуже всего, что меня настигает флэшбек.

Я вынуждена бросить рюкзак в машине, чтобы быть быстрее. С собой беру только припасенный пистолет и телефон. Если вдруг Норт все-таки откликнется, я должна об этом узнать!

Я выскакиваю под дождь, захлопываю дверь и бегу. Бегу куда-то к корпусам. В спину мне бьет свет фар автомобиля преследователя, освещая путь. Или не давая затеряться в ночи. Я не понимаю, вышел ли он из машины, оставив свет для устрашения, или все еще в ней — наслаждается зрелищем затравленной жертвы, сидя внутри. Я не оборачиваюсь, чтобы это проверить.

Я бегу к библиотеке. Я проводила там столько времени, что изучила основной зал от и до, я смогу там сориентироваться в темноте. И там есть сигнализация. Если я выбью стекло, придет полиция. Меня могут обвинить в мелком хулиганстве, но это лучше, чем попасться в руки преследователю.

Спокойно, Стефан меня найдет.

По пути к библиотеке я вымокаю до нитки. Выбить стекло, оказывается, ничуть не просто! Я раз за разом пытаюсь это сделать локтем, но результат неутешительный: только рука немеет. Я истерически оглядываюсь и вижу, как в свете фар ко мне медленно,

вальяжно движется мужская фигура. Бегать по кампусу кругами я не могу: мою выносливость не сравнить с мужской. Я могу поскользнуться на вымокшей траве. И Стефану, чтобы меня найти, нужна однозначная точка.

К черту, пусть увидит пистолет, Тиффани!

Паника накрывает с головой, я стреляю, а потом выбиваю остатки стекла ногой. Буквально рыбкой юркаю в проем, уже не заботясь особо о том, чтобы не сильно удариться. Лишь бы преследователь меня не догнал!

Спрятавшись за одной из многочисленных книжных полок, я напряженно смотрю на окно. Сигнализация визжит, заглушая все звуки, поэтому я не могу просто затаиться и слушать. А если не буду точно знать, где мой преследователь, — сойду с ума. Мужчина не озадачивается кувырками, как я. Он обматывает тканью руку и вытаскивает осколки, прежде чем влезть в окно. Он обладает грацией безумного хищника. У меня от одного его силуэта бегут по коже мурашки.

Он устремляется к полкам — благо не тем, где я, — и по мере приближения я начинаю различать то, как он насвистывает мелодию. Мелодию, пробирающую до печенок.

Он скрывается из виду, и меня начинает душить настоящий ужас. Я зря выбрала библиотеку. Этот человек может стоять в любом из проходов, дожидаясь, когда я выйду из-за стеллажей. Мне ужасно хочется посмотреть в телефон: нет ли новостей от Норты, не сдох ли сотовый вообще под таким дождем? Но едва дисплей загорится — меня найдут. Я вынуждена мучиться неизвестностью.

Сигнализация воеет. Приедет либо Стефан, либо полиция. Надо только дождаться.

Нельзя стоять на одном месте: так он меня точно обнаружит. Я тихонько дохожу до конца стеллажа и выглядываю. Страх пробирает до костей. Оглядываюсь, потому что именно так в фильмах обычно подкрадываются к героям маньяки: сзади.

Юркаю в другой ряд. Там тоже чисто. Мне нельзя стоять на месте, нельзя стоять! Нс свернув в третий раз, в четвертый, я начинаю понимать, что мужчина будто испарился. Незнание давит на психику еще сильнее присутствия, и я не выдерживаю. От страха я дышу все чаще и понимаю, что так недалеко до гипервентиляции. Если бы не крик сигнализации, преследователь бы уже вычислил меня по этому пыхтению.

О лестнице, ведущей наверх, я вспоминаю не сразу, дважды подумать о правильности своего поступка я уже не могу. Сбрасываю обувь и, оглядевшись, шмыгаю к ней, а затем почти бесшумно взбегаю по металлическим ступенькам. Я надеюсь, что искать меня он не станет.

Тиффани: Я на чердаке библиотеки.

Это я пишу Стефану прямо перед тем, как слышу доносящийся снизу свист... и шаги на лестнице.

Когда я добегаю до более оживленных улиц (а, к счастью, в воскресенье на улицах людей больше), ноги сводит от напряжения, я спотыкаюсь и падаю прямо на тротуар. И больше не могу подняться. Если сейчас мой убийца попытается задавить меня еще раз, останусь лежать на этом самом месте. Продолжил ли он меня преследовать? Потерял ли в застройке? Или сидит где-то, смотрит и наслаждается. Судя по тому, что я о нем вспомнила, предполагаю последний вариант. Он любит не убийство, а именно охоту. А если я хоть что-то о таком типе знаю из курса психологии, то он будет пугать меня, сокращая время между нападениями. И мне будет жирное «браво», если я хотя бы не сойду с ума к финалу.

— Вам плохо? — спрашивает меня подошедшая молодая супружеская пара. — Может быть, вызвать врача?

Гордость твердит мне отказаться от помощи (ее стало непозволительно много, и все не оттуда), а отчаяние уже двигает мои губы, прося проводить. До дома Джейдена, конечно же.

Увидев меня в таком состоянии, Джейден и Надин окончательно смиряются с тем, какая чудесная им досталась соседка. Сдается мне, так работает привыкание к моей чудаковатости. Соседи отправляют меня в душ отмыться от уличной грязи (на двадцать минут, ага), а едва я выхожу, усаживаются рядом и начинают первый наш нормальный общий разговор:

— Кого-то позвать? — с намеком спрашивает Джейден, правильно оценив мое состояние.

— Нет.

Над ответом я даже не задумываюсь. Кого звать? Маму? Чтобы она нацепила на меня поводок? Айрис? У нее и без меня проблем выше крыши. Норта? Сейчас мне не станет легче от его близости. Стефана? Не хочу видеть этого вруна, пока не разберусь с тем, что заставило меня встречаться с ним за спиной у Норта. Фейрстахи с их секретами чертовски надоели мне. Оба.

— Рассказывай давай, что с тобой случилось, — примирительно велит Надин.

— Меня только что кто-то пытался сбить. Тут, совсем рядом.

Я чувствую, что если не расскажу хоть кому-то, то сойду с ума.

— Полчаса назад кто-то врезался в соседний дом. Вроде никто не пострадал. Люди выходили посмотреть, но машина, хоть и искареченная, скрылась. Это не совпадение? — ошалело моргает Надин.

— Нет. Он почти зацепил меня.

— Думаешь, не случайность? — прорезается в ней знакомый скептицизм.

— Это уже второе покушение, если не считать случай, когда меня сбросили с крыши. В общей сложности их три. Так что никаких случайностей здесь нет. — Сказав это, я начинаю жалеть и спешно перевожу тему. — Ну, ваша очередь, ребятки. Ты, — указываю на Надин. — За что ненавидишь меня и всех сестричек Каппы? А ты, — на этот раз на Джейдена. — За что мстил мне, рассылая наше со Стефаном фото по всему кампусу?

Надин упрямо поджимает губы и скрещивает руки на груди, а Джейден краснеет так, что начинают пылать даже уши.

— Да при чем тут ты вообще? — бросается на меня Надин. — Дело в Стефане.

Сквозь мое заторможенное состояние начинает просачиваться слабенькое любопытство. Джейден испуганно посматривает на подругу, а она уже рычит, поясняя:

— Я была дурой. На первом курсе мне нравился Стефан. Очень нравился. Познакомились на почве театрального кружка. Общались несколько раз, с ним было весело и интересно, мне казалось, он тоже меня заметил. — Она говорит это неохотно, с омерзением к себе. — Меня даже почти не смущало, что он крутит со всеми подряд. Ведь я другая, я — умная. Однажды он пригласил меня на вечеринку к ним с Нортом. И сначала все было вообще обалденно. Мы довольно долго сидели и болтали у бассейна, романтично опустив ноги в воду, в то время как другие парни развлекались с красотками вроде Мэри Кравиц. А потом его позвали друзья, — добавляет она тише. — Буквально через пятнадцать минут весь народ высypал в дворик и попрыгал в бассейн. И Стефан уже самозабвенно

лизался с девчонками из сестринства. Конец истории, — заканчивает она ядовито.

— Кретин, — пожимаю я плечами.

— Ну ты просто кэп, — закатывает глаза Надин, а на щеках у нее горят алые пятна.

— Но при чем тут фото?

Я перевожу взгляд на Джейдена. Он смотрит в пол с видом побитой собаки.

— Я знал, что ты встречаешься с его братом. Видел как-то раз, как вы целовались в его машине в нескольких кварталах от кампуса. И то фото вас со Стефаном я послал Мэри Кравиц. Анонимно. Чтобы она разослала его по всему кампусу. Я просто хотел увидеть, как Норт врежет Стефану.

Отлично мы конспирировались, мистер Безгрешная Рожса, десять из десяти.

Я роняю голову в ладони. Мне следовало поговорить с Джейденом раньше, но я понятия не имела, что он может рассказать мне *столько*. И вообще, нас со Стефаном волей случая подставил Джейден. Просто парень, который свалился на наши головы в неподходящий момент из ниоткуда, и все стало плохо. Но не ври мы все друг другу изначально, с нами ничего нельзя было бы сделать. По крайней мере, не так.

— У тебя получилось, — говорю я глухо. — Норт ему врезал.

— И как вы с ним теперь? — улавливает главное Надин, проявляя неожиданное понимание.

— Никак. По-моему, все кончено.

— Тиффани... — Судя по тону, Джейден сейчас начнет извиняться.

— Проехали, хорошо? Если хочешь искупить вину, лучше отследить маршрут, по которому я ездила на арендованной машине, и будем считать, что в расчете.

Видимо, Джейден чувствует себя *очень* виноватым, потому что тотчас встает и уходит на работу. Мы остаемся наедине с Надин, которая настаивает на вызове копов. И довод, что после того, что со мной делали в четверг, я не хочу видеть никого из их братии, разбивается о железобетонный аргумент: а как тогда я собираюсь работать адвокатом?

Подумав с минуту, я соглашаюсь. Но набираю не полицейское управление, а личный номер лейтенанта Баса. Он грубиян, считающий меня наркоманкой, но он хотя бы не собирался проводить мне гинекологический осмотр.

— И Тиффани, — говорит Надин. — Не знаю, что уж там у вас с Нортом кончено, но снимите его рубашку до того, как приедет полиция.

Лейтенант Бас ко мне не торопится. Впрочем, придя, действует очень профессионально. Расспрашивает все в мельчайших деталях, в том числе откуда я возвращалась. Я, конечно же, храбро вру про затянувшуюся встречу с Айрис. И — о чудо! — он даже не упоминает наркотики. Наверное, потому, что две свезенные стены и толпу очевидцев галлюцинациям никак не приписать. Единственное, что меня немного коробит: то, как он отодвигает мои волосы карандашом, рассматривая оставленные Нортом засосы.

— Новый поклонник, мисс Райт? — спрашивает он, невозмутимо возвращаясь к писанине.

— Джейден, — киваю я на дверь комнаты парня.

Он хмыкает, красноречиво глянув на мой все еще хранящийся в гостинной чемодан, но больше ни о чем не спрашивает.

А поздно вечером переписка Каппы взрывается очередной порцией фотографий с вечеринки Стефана. Глядя на фотографии, где он милуется с тремя девицами разных мастей, я прекрасно понимаю Надин. По крайней мере, мне кажется, что понимаю, пока на одной из

фотографий я не вижу Норту с какой-то особой, судя по всему утвержденной на место Мэри.

Мир взрывается дикой, все сметающей ненавистью. Это даже не ревность — нет! Это самая настоящая ярость, возведенная в абсолют. Он провернул со мной этот трюк уже дважды: пока я где-то в смертельный опасности, он крутит с другой. Плевать на серьезность его намерений на этот раз, плевать на незнание. Мне просто выносит мозг мысль, что он как будто чувствует, когда я полностью раздавлена (такая интересная выходит метафора), чтобы всадить нож и провернуть, сделав еще больнее.

Я не из тех, с кем можно играть в отмотать-повторить.

Я зло отшвыриваю телефон подальше. Закрыв лицо руками, тешу себя совершенно бредовой мыслью: что после того, что он сделал со мной, у него сегодня уже не встанет. А потом достаю из чемодана его рубашку и остервенело ее топчу.

В этот момент дверь в квартиру открывается.

— Тиффани, все в порядке? — спрашивает Джейден.

— В полном, — отправив рубашку пинком в стену, отвечаю я и чувствую, как покидают силы снова.

— Я установил твой маршрут. И даже не знаю, что теперь думать... До кампуса ты ездила только в одно место: домой к Говарду Фейрстаху. Я трижды проверил адрес, но так и есть. Машина была припаркована прямо перед его воротами.

Я закрываю глаза, понимая, что сбылись мои худшие опасения. Но все совершенно логично, никаких неожиданностей вообще.

И надежды на счастливый финал для одной удивительно глупой девчонки.

— Спасибо, Джейден.

Я встаю с дивана, на котором собиралась умирать от жалости к себе до следующего утра. Я на девяносто девять процентов уверена в том, кто именно послал за мной убийцу. Осталось добыть недостающий один.

Вылезать из такси приходится осторожно, иначе будет интересно. Мое крошечное черное платье с облегающим лифом с глубоким вырезом и юбкой клеш настолько фривольное, что в первый раз я не решилась взять его в колледж. Хотя на школьных вечеринках производила в нем фурор, да. Если бы не плотные колготки, под которыми почти не видны ссадины на коленях, я бы едва ли решилась его надеть и теперь. Но у меня выбора, в общем-то, нет, поскольку вещи все еще в заложниках у Норты Фейрстаха, чтоб ему пусто было!

И вот в таком виде: в коротеньком платье, с волосами, уложенными голливудской волной, и в ботильонах на сумасшедших шпильках — я поднимаю гаражную дверь Стефана, потому что на вечеринку меня не приглашали. Поднимаю и закрываю с обратной стороны. Стефан разгильдяй. Он не запирает гаражную дверь. Хотя кому, кроме меня, придет в голову осквернить собственность Говарда Фейрстаха?

Что дом, что сыновей.

В слабо освещенном пространстве на первом этаже, которое за два визита к Стефану я успела неплохо изучить, не протолкнуться. Басы вибрируют в грудной клетке, грозя взорвать ее изнутри. Повсюду пьют и целуются люди. Спорю, у него лучшие вечеринки во всем колледже.

В этой толчее я бы долго искала Стефана, если бы он не размахивал стаканом пива над головой. Вокруг него веер девиц на любой вкус и цвет. Я намеренно захожу со спины Степа

лицом к этому гарему и стучу двумя пальцами по его плечу. Он оборачивается, и улыбка на губах медленно увядает. Я наклоняюсь к нему ближе и говорю:

— Ты, я и колечко в гостях у твоего папы. Обсудим?

На самом деле мне вовсе не разговаривать с ним хочется. Мне хочется убить его на месте. Стефан хватает меня за руку и тащит вглубь дома. Туда, где намного тише. Мы оказываемся в комнате с бильярдом, о которой по некой неясной причине не прознали гости.

Стефан едва успевает захлопнуть дверь, как я с силой впечатываю ладони ему в грудь, отталкивая к стене, но этого мало. Я дрожащей рукой направляю на него пистолет. Клатч, в который он поместился, каким-то чудом нашелся у Надин.

— Ублюдок! — кричу я в полный голос. — Что еще я должна знать? Отвечай немедленно!

— Воу! Полегче, он травматический, но ребра сломать легко может.

Стефан поднимает обе руки, но не выглядит так, будто всерьез боится.

— Заткнись! Отвечай, кем был этот человек, который преследовал меня по пути в кампус? Это тот, кто избивает тебя для отца, так?!

— Так заткнуться или отвечать?

Я рычу и снимаю пистолет с предохранителя. В память врезается воспоминание о том, что научил меня этому тоже Стеф. Чтобы в случае чего защитить себя. Защитить — от его отца.

Почему мне потребовалась эта защита?

— Тифф, — мягко говорит Стефан, понимая, что я на взводе. И я действительно не понимаю, что со мной. Разве это я? Видимо, эта погоня и флэшбек с библиотекой дали такой эффект. Шок прошел, теперь мне хочется мстить. Стефану. И еще Норту. Удачно, что они оба в одном месте! — Ты помнишь, как пришла ко мне? Как уговаривала согласиться на помощь?

— С какой стати я бы стала тебе помогать или уговаривать?

— Из-за Норта, — говорит он, не скрывая обиды. — Ты не верила, что он бессердечный ублюдок, которому на все плевать. Думала, что однажды он пожалеет, что не вмешался. Ты не хотела, чтобы он жалел. Помнишь?

Он делает шаг ко мне, но я отскакиваю и снова рычу, тыча в него пистолетом.

Но я действительно все это вспоминаю.

Разговор с Нортом на крыше, где я упрекала его в бессердечности, был всего лишь первым. Я искренне верила и верю, что каждый связанный с наркобизнесом человек будет трагически убит в какой-нибудь подворотне. Я не могла успокоиться. Меня ставило в тупик раздвоение личности Норта, который был теплым и уютным со мной, но совершенно равнодушным к судьбе брата. Они близнецы, две стороны одной монетки. Они были вместе еще в утробе матери. Говорят, близнецы физически чувствуют друг друга. Так как Норт мог бы пережить, если бы брат окончательно потерялся в этом дерьме? Он бы не подал виду, наверное, но сломался. И винил себя. Это стало бы внутри него зияющей черной дырой, постепенно вытянувшей все хорошее.

— Со временем я поддался на твои уговоры. Поддался, потому что я — слабое звено, которое во времена предвыборной кампании может лопнуть и быть уничтожено. Есть люди, которые знают о том, что я достаю наркотики под заказ. Это не то же самое, что стоять на улицах и продавать всем без разбору, но когда речь идет о большой политике — от таких

историй избавляются. От меня могли избавиться. И я поддался, хоть и понимал, что соваться к отцу — безумие. И план казался простым и безупречным. Раздразнить, записать компромат, привлечь к ответственности.

— Но полиция у него под колпаком...

— Партия бы не простила скандала прямо накануне кампании. Мы просто хотели наделать шуму и дать другим выполнить свою работу, чтобы маленький комочек вызвал сход лавины, а в результате отец оказался за решеткой. Но все пошло не по плану.

Стефан смотрит сквозь меня, совсем не смущаясь пистолета.

— Мы придумали твою беременность, запаслись кольцом... Рассчитывали, что отец просто предложит тебе денег за то, чтобы ты отвязалась от нашей семьи в обмен на аборт. Мы бы записали его слова и пустили в эфир. Ну или шантажировали этой записью — как пойдет. Но отец знал о вас с Нортом.

У меня начинают дрожать руки и губы от одних только этих слов. Я все еще не помню, но чувствую, как сгущаются над головой тучи под названием «злой рок».

— Ты была в опасности с самого начала, и я это понимал. И все же одно дело, когда обыкновенная студентка без связей треплет языком, и совсем другое — когда она водит за нос Говарда Фейрстаха. Он просто отослал тебя прочь, пустил по следу своего человека, а меня оставил при себе. Когда я добрался до кампуса, вы были уже на крыше. Я ничего не смог сделать, прости меня.

Я позорно всхлипываю и зажимаю рот свободной рукой. Я должна опустить пистолет, потому что Стефан виноват в том, что произошло, ничуть не больше моего — скорее наоборот, — но я не могу. Мне нужно на кого-то злиться. На всех ублюдочных Фейрстахов.

Я собственными руками, пусть из лучших побуждений, разрушила свою жизнь и отношения с Нортом. Ложью. Уверенностью в своей безгрешности. Дьявол, если даже Джейден знал о наших с Нортом отношениях, то Говард Фейрстах не мог не знать!

Я должна опустить пистолет — но не могу. Я просто хочу, чтобы болело не только у меня. Норт правильно сказал: я дорого расплатилась за свои ошибки, да еще и не до конца, а Стефан вышел сухим из воды. Из-под того ужасного дождя. По расширяющимся глазам Стефа я понимаю, что на моем лице легко читаются все эти эмоции.

Он не знает, что несколько часов назад меня вскрыли наживую, оставив истекать пониманием.

Палец прожимает курок до той отметки, за которой — выстрел...

— Тиффани, — зовет Стефан и делает шаг ко мне. — Посмотри мне в лицо. Ты этого не хочешь.

Я отступаю еще раз и упираюсь бедрами в бильярдный стол. Стефан подходит ближе. Еще ближе, пока не упирается в дуло грудью.

— Ты можешь выстрелить, и мне будет больно. Не так больно, как тебе, но будет. Я не представляю, что ты чувствуешь, должно быть каждый твой день похож на кошмар, но стрелять в меня ты все равно не хочешь. Это ничего не решит и ничем тебе не поможет. А я могу попытаться. Не обещаю: я не уверен, что человек, который так сильно подвел, имеет право обещать, но я сделаю все возможное. Потом, когда все закончится, можешь взять этот самый пистолет и выстрелить в меня — я заслужил, — но пока что я нужен тебе невредимый.

Я чувствую, что готова разрыдаться.

— Где ты был?! — кричу я, сильнее вдавливая пистолет ему в грудь, но уже ставлю на

предохранитель. — Ты ведь присматриваешь за мной. Почему тогда никто не помог мне сегодня, когда он пытался меня сбить сегодня?

Стефан не спрашивает о деталях: сгребает меня в охапку и вздыхает.

— Прости, Шалтай, прости, что никого не оказалось рядом. Настоящую безопасность я могу тебе обещать только в двух случаях: если ты будешь все время со мной. Или с Нортом. Двадцать четыре часа в сутки. Только в этом случае наш отец будет задумываться о последствиях поступков. И... — щекой я чувствую его глубокий тяжелый вздох, — лучше бы тебе быть не со мной.

— О, я знаю. Но этого не будет. Мы с Нортом славно побеседовали: у него отлично вышло донести до меня светлую мысль о том, что все проблемы моей жизни случились оттого, что я сплю с тобой за его спиной. Он меня ненавидит.

Теперь, когда напряжение отпустило, я начинаю понимать, что чуть не натворила, и меня мелко потряхивает. Честно, я не уверена, что не повела бы себя так же, окажись у меня в руках огнестрельное оружие. Я вообще себя не контролировала.

— Бесишься, — смеется Стефан, и этот смех вибрирует над моим ухом. — И правильно делаешь. Впрочем, вот что я тебе скажу, Шалтай, будь на моем месте кто-то другой, брат мог бы порычать, позлиться, а потом отступить и оставить тебя в покое. Но это я, и дело уже не только в тебе. Я его брат-близнец, его тень, его соперник — тот, кого нужно победить во что бы то ни стало. Он адрессирован на это с детства, и он еще ни разу мне не проиграл. Он не сдастся, пока не вернет тебя. Это хреновая причина для продолжения отношений, Шалтай, я не спорю. И еще хреннее оттого, что ты ни в чем перед ним не виновата. Но есть и плюс: брат совсем не тот сахарно-ванильный мальчик, которым прикидывался для тебя долгие месяцы, и, наконец, это стало заметно. Лучше раньше узнать его настоящего и понять, хочешь ли ты иметь отношения с ним таким, чем тешить себя иллюзиями.

Секунд тридцать я продолжаю стоять в кольце рук Стефана, отогреваясь после того ужасного холода, который сковал меня после нападения. А потом упираюсь в его грудь, отталкивая, и запрыгиваю на бильярдный стол. Стефан встает сбоку лицом в противоположную сторону и рукой толкает один из шаров в другой. Тот залетает в лунку.

— Он пытался сбить меня, — говорю я задумчиво, следя за этим действием. — У стены дома. У стены, Стеф! Что он за чудовище?

— Он бывший спецназовец, — бесцветно отвечает Стефан.

— Сколько лет он делает *это* с тобой?

— Ох, Шалтай, вечно ты меня жалеешь. И посмотри, куда нас с тобой это завело.

Яжимаю плечами, поднимаю руки и рассматриваю свои разодранные ладони. Царапины очень глубокие. Это зрелище наводит меня на странную мысль:

— Когда начинается рекламная кампания вашего отца?

— Завтра. Да, очень похоже на попытку запрыгнуть в последний вагон и убрать свидетеля. Надеюсь, их притормозит внимание прессы.

Мы молчим еще некоторое время.

— Теперь, когда я все рассказал, ты вспомнила? — спрашивает Стефан сипло.

— Нет. Мне нужно что-то еще. Посидеть в той самой машине или... Не знаю. Джейден обещал сказать, когда машина вернется в гараж.

— Кто такой Джейден? — уточняет Стефан, как ни странно, с совершенно той же интонацией, что и Норт.

— Парень, у которого я живу. Он еще работает в том самом каршеринге, где мы брали

машину.

— Ладно. Ну, раз мы все выяснили, — жизнерадостно хлопает в ладоши Стефан, обманчиво легко переключаясь между двумя своими состояниями. — Предлагаю вернуться на вечеринку.

— Я поеду, — устало говорю я.

— Ты никуда не поедешь, — отвечает мне Стефан. — Одно из двух, помнишь? — многозначительно поднимает он брови.

Я беру с бильярдного стола пистолет, запихиваю его в клатч. Судя по взгляду, которым сопровождает это действие парень, теперь он будет относиться к женским аксессуарам с большей осторожностью.

— А Стефан Фейрстах точно приглашает на вечеринку местных лузеров?

— Что? Ты обиделась? — хохотнув, спрашивает он. И добавляет, пока я досажую на себя за промашку: — Не ты ли вчера жаловалась мне, что тебя заперли дома и не пускают назад?

Это было только вчера? Я пожимаю плечами.

— Серьезно? Шалта-а-ай, — тянет он насмешливо и сгребает меня в объятия.

Включается будильник, и я отнимаю руку, которой зажимала глаза. Флэшбеки с участием Норта Фейрстаха мучили меня всю ночь. Даже настойчивее, нежели мысли о человеке, пытавшемся меня убить. Будто плотину прорвало, ей богу. Моя память услужливо подсовывала сцену за сценой, насмешливо убирая остатки тумана, скрывавшего от меня эту часть прошлого.

Надо разобраться с тем, как быть с ним дальше. В конце концов, разговаривать, не переставая заниматься сексом, не выйдет. Но единственный откровенный разговор у нас случился во время занятий сексом. Бред какой-то. Раньше я думала, что так не бывает.

Тиффани: Когда я смогу забрать свои вещи?

Ворчун: Когда договоришься, как и с чьей помощью их вывезешь.

У меня отвисает челюсть. Серьезно? Вот и разобралась. Теперь мы, значит, так общаемся? И это сразу после, как он занимался со мной такими вещами, за которые движение #MeToo ему кишки бы выпустило? Я закрываю глаза, успокаиваясь. Считаю до десяти.

Тиффани: Ноутбук мне нужен сегодня. С остальным позже.

Ворчун: Ок. Сразу после учебы.

С трудом подавив желание бросить телефон прямо на пол и хорошенько на нем попрыгать, я совершаю акт мести иным способом: залезаю в список контактов и переименовываю Ворчуна в Норта. А следом, подумав, делаю то же со Стефаном. Не то чтобы провинился последний, но в моем телефоне либо два гнома, либо ни одного!

Со скрипом открывается дверь, и из комнаты будто на ощупь выползает совершенно несчастная Надин. Буркнув что-то неопределенное, она направляется в кухню и начинает яростно греметь кастрюлями. После этого возня доносится и из комнаты Джейдена.

Я неловко встаю с постели, чувствуя, как тело мстит мне за вчерашнее болью в каждой мышце. Спасибо еще, что отказалась задержаться на вечеринке со Стефаном.

Видели бы вы, как смотрел Норт, когда его брат сопровождал меня к выходу. Тина пришла на вечеринку и сравнила, как он и советовал. Ага.

С не более дружелюбным видом, чем у соседки, я прохожу в кухню и сажусь на стул. На мгновение меня посещает шальная мысль предложить Надин помощь, но потом я вспоминаю, как она со мной обычно разговаривает.

— Ну, что сказал Стефан? — спрашивает она.

Я смеряю ее подозрительным взглядом.

— Не могу поверить, что Стеф играет в театральном кружке. Да и ты...

— Стеф... — морщится Надин от этого фамильярного обращения. — Я все забываю, что ты половину не помнишь. Мы с Джейденом ведем «Бостон Колледж мэгазин». Я главный редактор, он оператор. Так вот, я просто брала интервью у актеров, а Стефан играл в пьесе на спор кого-то там не в меру романтического. И мы оба слишком увлеклись его ролью, — выдавливая она кислую улыбку.

— Ясно. Но как же получилось, что двое журналистов не влезли в рюкзак упавшей с крыши девчонки? — вопросительно поднимаю я брови.

— А мы влезли, — без обвиняков сообщает Надин. — Но там не было почти ничего интересного. Кроме кольца. Но мы же знали про Норта...

Я не могу подавить смешок. А вот это уже удачно: журналисты попались в ловушку своей чрезмерной осведомленности. Даже страшно представить, что было бы с ними, начни они копать под историю с Говардом Фейрстахом.

— Это кольцо не Норта?! — правильно интерпретирует мою реакцию соседка и садится напротив, позабыв про завтрак.

Я неопределенно пожимаю плечами, не собираясь ничего рассказывать. Иногда так приятно побыть единственным знающим человеком! Впрочем, это небольшая компенсация за то, что последние две недели я ходила по кампусу, спрашивая все и про всех.

Стоп! Только что Надин навела меня на очень и очень интересную мысль.

Тиффани: Меня задержал преподаватель. Не жди.

Норт: Я подожду, не спеши.

Тиффани: Мне нужно ко времени поехать в другое место. К тебе я не успею.

Норт: Куда ты собралась (опять)?

Поморщившись, я запихиваю телефон в карман. Значит, как вещи вывозить, так ищи помощника, а как допрашивать — всегда пожалуйста? От этих Фейрстахов у меня оскомина.

Стоя в толпе зевак, я обхватываю себя руками. На улице прохладно, но не настолько, насколько я чувствую. Мне снова дурно, снова к горлу подкатывает тошнота. Кто-то из этих людей выражает поддержку, кто-то протестует. Но есть еще я: просто городская сумасшедшая. Я держу руку на пистолете на всякий случай и чувствую себя так, будто стою на крыше в шаге от края. Раньше я боялась только высоты. Сейчас мы со страхом обвенчались и зажили вместе.

В ночь падения у меня был с собой пистолет. Почему я не выстрелила? Не смогла?

Чтобы оказаться прямо перед лентой ограждений, я неплохо поработала локтями. И как бы ни пытались меня оттеснить — ни у кого ничего не выйдет.

Я жду открытия дверей не меньше сорока минут, прежде чем оба штаба предвыборных кампаний в полном составе высыпают на улицу. Первым идет оппонент Говарда, и это к лучшему. Судя по репортажам, ставят не на него. И пресса тоже уделяет повышенное внимание не ему. То что нужно.

Затем на дорожку ступает Говард, и я не могу не искать в его лице знакомые черточки. Они, конечно, есть, но, судя по всему, он из числа тех политиков, которые выбирают жен не за интеллектуальные заслуги. По крайней мере, Норту со Стефаном природой отсыпано куда щедрее. Мужчина улыбается, поднимает руку, приветствуя собравшихся, позволяет репортерам сфотографировать себя с разных сторон. И вообще он будто бы само обаяние.

Только когда он проходит какое-то расстояние и почти равняется со мной, я перевешиваюсь через ленты. Охрана пытается меня оттеснить назад, но не тут-то было.

— Прокурор Фейрстах! — кричу я достаточно громко, чтобы привлечь внимание. Он на автомате оборачивается и на какую-то долю секунды теряет свою маску невозмутимости. Узнал. — Я хотела поздравить вас с началом предвыборной кампании и пожелать удачи!

С этими словами я улыбаюсь и протягиваю руку с надетым на нее знакомым нам обоим кольцом. У него не остается выбора, кроме как пожать ладонь очаровательной юной студентке. А я, поверьте, очень постаралась выглядеть максимально юной и очаровательной. Репортеры охотно щелкают затворами своих камер, запечатлевая неожиданно трогательный момент. Говард улыбается, но в его глазах — точно таких же по цвету, как у его сыновей, но отчего-то напоминающих две льдинки, я вижу много обещаний.

Но еще я совершенно отчетливо вижу завтрашние заголовки.

Надин оборачивается к другу, замершему с открытым ртом у телевизора:

— Скажи... скажи, что у меня галлюцинации, — мрачно говорит она. — И Тиффани Райт только что не указала перед всеми местными СМИ на то, кто является ее несостоявшимся убийцей. Потому что даже я — а я не особенно в курсе этой паршивой истории — обо всем догадалась.

Мне просто требовалось выиграть время, задействовав для этой цели СМИ. Репортеры работают быстро и дотошно. Зачастую быстрее полиции. А еще они не все куплены.

«Трогательный момент: студентка второго курса Бостонского колледжа желает успехов на выборах своему кумиру...»

«Семейная драма. Второкурсница Тиффани Райт, замеченная в близких отношениях со Стефаном Фейрстахом, тепло пожелала успехов его отцу на выборах...»

«Что на самом деле связывает Тиффани Райт и Говарда Фейрстаха? Попытка ли это подольститься к будущему тестю? Ведь на пальце у мисс Райт баснословно дорогое кольцо, а не так давно она была замечена в обществе Стефана Фейрстаха...»

Впрочем, эту мою выходку, мягко говоря, не одобрил никто. Пока я не перевела телефон в авиарежим, он так и разрывался звонками от мамы, папы, Хилари, Стефана, Норта... Надин с Джейденом тоже позвонили бы, но их привилегированное соседское положение позволило высказать мне все лично. Впрочем, это они не из заботы, а от подозрений. Думаю, им не очень нравится жить с такой ненадежной особой.

Ладно, в какой-то мере все правы: конечно, я повела себя рискованно, но взгляните с другой стороны! Меня хотят убить, и даже если теперь это желание усилится — результат один. Попытки были, есть и будут. На самом деле я даже выиграла себе время. Не полезь я под объективы, меня, очень вероятно, убрали бы намного раньше, но если я трагически погибну сейчас, то журналисты, скорее всего, вспомнят имя Тиффани Райт и скажут: «Ай-ай-ай, это ж та самая девочка! Что-то тут не так». И примутся копать. Пока шумиха вокруг меня, помолвки со Стефаном и прочего не утихнет, у Говарда связаны руки.

Само собой, мое имя пострадает вновь от обвинений в употреблении, суициде и еще чем-нибудь (чтоб уж наверняка), но оно и сейчас все в саже. А еще вчера я нашла время сдать анализ волос на наркотики, что станет весомым доводом в мою пользу. Пришлось хорошенько поуготоваривать врачей взять образцы за полгода вместо предусмотренных трех месяцев, но в таком деле лучше перестраховаться. Ох, только бы Стеф был прав!

Иными словами, выйдя сегодня утром на улицу, я вздохнула с облегчением, почуяв его. Запах предвыборной кампании, который моими вчерашними стараниями ассоциируется теперь со свободой.

— Тиффани, никто ничего не понимает. Родители в ужасе от того, что ты делаешь. И я — я тоже в ужасе, — в голосе Хилари действительно звучат слезы. — Объясни мне! Мне... мне кажется, что ты пыталась угрожать этому ужасному человеку. И он захочет отомстить! — шепотом заканчивает она.

— Хил, поверь, мне сложно это объяснить, но так правильно.

Я говорю с сестрой по дороге в колледж, отстав от Джейдена на несколько футов.

— Да и когда я тебя подводила?

— Когда упала с крыши, например.

— Так... Расскажи лучше, как папа.

— Открыл твой цветок и уже целых два дня едва выходит из кабинета.

По-моему, Хилари хорошенько покусала мама. Или стоит рядом и нашептывает то, что нужно говорить. Потому что я отчетливо слышу знакомые нотки, правильно расставленные акценты, попытки вызвать во мне иррациональное чувство вины. Само собой, это не впервые. А быть может, дело в том, что Хилари уже отравлена мамиными идеями о необходимости быть с семьей с первого до последнего вздоха?

— Мисс Райт, — слышу я, едва переступив порог колледжа, и побыстрее сворачиваю разговор с сестренкой. Слева от меня неуклюже мнется декан, и я заранее понимаю, что дело — дрянь. — Мне очень жаль, но вам придется пройти со мной.

Не знаю, чего именно я ожидала: очередного полицейского рейда, Говарда Фейрстаха, требующего моего отчисления, адвокатов Мэри Кравиц, осуждения моих моральных качеств или даже визита мамы, но уж никак не появления психолога с моей характеристикой в руках. Я начинаю заводиться, еще ничего не зная: едва завидев женщину, от которой у меня уже давно и стабильно дергается глаз.

Мисс Клосс — молодая особа чуть за двадцать пять. Судя по стене, у нее хватает разнокалиберных дипломов о законченных профильных курсах, и все это время я наивно списывала ее странности на недостаток опыта. Но сегодня становится совершенно прозрачным то, что она подкуплена Фейрстахами. На протяжении двух недель все наши с ней разговоры вертелись вокруг этой семейки. Или наркотиков. Как там сказал Норт? Все намного серьезнее, чем двое обдолбавшихся обезумевших запоздавших в развитии подростков. Видимо, мой психолог всеми силами и старалась поддерживать именно эту иллюзию. И в своей характеристике — тоже.

— Мисс Райт, мне очень жаль это говорить, — и эта туда же. Только, в отличие от декана, в ее голосе ни капли сочувствия. — Но я приняла решение о вашем отстранении от занятий. Вы мало того, что не были со мной откровенны, вы еще скрыли факт нападения, который имел место в воскресенье. До этого в четверг вам подбросили наркотики девушки из Каппы, но вы и об этом умолчали. Ваше недоверие, неприятие и замалчивание фактов свидетельствует об эмоциональной нестабильности. Лишняя психологическая нагрузка в виде грядущих аттестаций лишь усугубит состояние, поэтому для вашего же душевного здоровья я приняла единственно верное решение.

— Вы обвиняете меня, простите, в недоверии? После того, как по вашей наводке ко мне домой явилась полиция?! — не сдержавшись, повышаю я на нее голос. — Полиция, которая хотела затребовать мое изнасилование при том, что я даже не помнила, являюсь ли девушкой. Да об этом знал весь колледж, а вы даже не спросили, как я себя чувствую! Вас все время интересовало лишь одно: не перейду ли я дорогу Фейрстахам и не начала ли принимать наркотики, ведь тогда так удобно меня подставить! А теперь, стоило мне приблизиться к прокурору Фейрстаху, пришлось действовать топорно: вышибить меня из колледжа. Странно, и с чего это я была с вами недостаточно откровенна?

Она не выглядит так, будто боится. Это значит, Говард Фейрстах действительно пообещал ей неприкосновенность. Он ведь держит в кулаке всю полицию. Боже мой.

— Мисс Райт, — вмешивается с тревогой декан, которая явно была не в курсе наших перипетий. Впрочем, что бы она ни думала, ее положение не позволяет ставить под сомнение действия человека с явным покровительством. — Вас никто не вышибает из колледжа. Это временная мера на пару недель. Отдохните, успокойтесь...

На этом месте я перестаю воспринимать информацию: до боли вцепляюсь пальцами в

подлокотники кресла, в котором сижу, и устремляю взгляд в одну точку. Так проходит достаточно много времени, прежде чем я, некрасиво перебив декана, прошу ее о приватном разговоре.

На этом испытания на прочность не заканчиваются. Я спешу покинуть кампус, как вдруг в коридоре сталкиваюсь с Нортом. Судя по всему, не случайно: он меня искал. Тем не менее я пытаюсь пройти мимо... и натыкаюсь животом на выставленную руку.

— Как ты? — спрашивает он с каким-то странным выражением в голосе. Но смотрит мимо меня, будто боится, что нас увидят вместе.

А я не знаю, о чем именно он спрашивает. Об отстранении от занятий? О том, как я после разрыва с ним? О том, что я чувствую после встречи с его отцом? О нападении? Некогда самый близкий мне человек в курсе, пожалуй, лишь крошечной толики моей теперешней жизни. Той, что известна всему университету. И мне хочется развеяться на месте от этой несправедливости. От несправедливости, которой наполнилась моя жизнь после того, как я скрыла две вещи: что встречаюсь с Нортом и что пытаюсь помочь Стефану.

— Нормально.

Мне больше нечего ему сказать. Я не позволю себе виснуть на его шее, как какая-нибудь Джессика Пирс. Не буду умолять простить меня и помочь. Сделать так, чтобы не было настолько больно.

Тиффани, ты его уже умоляла. Понравилось?

Норт оглядывается на людей, стоящих в коридоре, и подхватывает мой локоть:

— Идем.

Он заводит меня в пустующую аудиторию, плотно закрывает дверь. Отодвинувшись как можно дальше от Норта, я прижимаюсь к парте бедрами, скрещиваю руки, готовясь обороняться. И запоздало, не без удивления замечаю, насколько непривычно он выглядит. Растрепанный и даже будто бы потерянный, без присущего ему лоска и надменности. Память подсказывает, что даже в те времена, когда мы жили вместе, мне нечасто доводилось его таким видеть. Практически обо всем позабыв, я смотрю на него, смотрю, смотрю. И внутри что-то замирает от желания притянуть его к себе, поцеловать эти губы. Несмотря ни на что.

«Пожалуйста. Сейчас ты мне нужен больше, чем когда-либо. Где ты? Ты уже не успеешь...»

Нет. Больше я в этот капкан не попадусь!

— Это не мог быть мой отец, — начинает Норт, шагая из стороны в сторону, и вся романтика вылетает у меня из головы.

Не сдержавшись, я устало закрываю глаза пальцами. Надавливаю. Мне нужно успокоиться, иначе я буду кричать так, что стараниями мисс Клосс меня засунут в психушку. А Говарду Фейрстаху только и надо, что признать меня невменяемой. И маме тоже нужно именно это. Я не дам им то, чего они хотят.

— То есть это совпадение, что сразу после рукопожатия с твоим отцом меня отстранили от занятий?

Остановившись, Норт указывает на меня пальцем. Сейчас он выглядит юным и потерянным. Обычно всезнающий, неприступный и *безгрешный* — ну как же точно Стефан подобрал эпитет! — он с выражением растерянности на лице защищает своего отца. Потому что на самом деле в нем сомневается. Есть в чем сомневаться. И только теперь я понимаю,

что несмотря на все минусы, опасения и заявления, Норт в некотором смысле любит его. Как Хилари любит нашу маму...

— Вот это на него похоже, да. Говоря о том, что наши отношения могут доставить тебе неприятности, я имел в виду проблемы с администрацией колледжа, слежку, запугивания, может попытку подкупа, но не угрозу жизни. Я же не идиот так рисковать! Не может быть, чтобы отец решил тебя убить. Должно быть другое объяснение.

— Ты просто не все знаешь.

Я скрещиваю руки на груди. Закрываюсь. Норт замечает это и мрачнеет. Сокращает расстояние между нами, нависает, намеренно вторгается в личное пространство, намекая на то, что есть у него такое право.

— Так расскажи мне то, чего я не знаю.

— Нет! — Я все же взрываюсь. — Я не собираюсь убеждать тебя в том, что права. Никакого значения не имеет, веришь ты мне или нет. Я достаточно помню, у меня достаточно фактов, и Стефан мне все рассказал.

— Что он сказал? — Норт на удивление бережно обхватывает мои плечи руками. — Тиффани, расскажи мне все. Я узнаю от тебя или от него.

Когда он так делает, мне хочется ему поверить, хочется дать ему то, что он просит. Но затем я вспоминаю, как всего лишь позавчера он балансировал на грани ярости и нежности. Он сам понятия не имеет, что делать со мной и с его чувствами ко мне. С этой надуманной ревностью. А раз так, мне рядом с ним опасно. Что он решит для себя? Один раз он уже придумал, что я сплю с его братом, и поспешил вычеркнуть меня из своей жизни, заменив на Мэри. И мне этого одного раза хватает за глаза!

Неужели теперь мне каждый раз придется вспоминать о самоуважении через боль?

— Он сказал, что это был ваш отец.

— Дословно, Тиффани, ты же будущий юрист. Стефан сказал, что отец лично скинул тебя с крыши или сказал кому-то скинуть тебя в крыши?

Я не выдерживаю и шиплю на Норта:

— Он сказал, что ваш отец послал за мной человека.

Следом за этими словами на меня накатывает приступ жалости к самой себе. Я закрываю рот, ловя ладонью первый всхлип. Теперь мне Норт ни за что не поверит. Потому что, исходя из *показаний* Стефана, получается, что за мной просто отправили того ужасного спецназовца с леденящим душу свистом. Норт не поверит, что его отец пытался меня убить. Он будет его защищать. *И мне должно быть все равно, что думает Норт. Но мне не все равно.*

— Поздравляю, Норт, твой отец не толкал меня с крыши лично. Это сделал исполнитель, — заканчиваю я глухо. — Доволен? Теперь оставишь меня в покое? Или потащишь в участок и будешь свидетельствовать против? Как с Мэри. Может быть, у тебя уже сейчас диктофон включен?

Я хватаю его за лацканы пиджака, пытаюсь залезть в карманы, чтобы найти телефон. Норт выворачивается так, что бесполезный кусок ткани остается у меня в руках, а потом достает из кармана брюк телефон и показывает дисплей. Запись, конечно же, не идет. Не зная, что еще делать, я нервно опускаю пиджак Норта и мну в руках, тайно наслаждаясь сохранившимся запретным теплом чужого тела.

— Прости, — говорю я запоздало, понимая, что обвинения, которые я только что бросила Нарту в лицо, совершенно беспочвенны. Я ни на секунду не подумала, что он хочет

меня подставить. Просто мне больно знать, что в этом безумном споре на мою жизнь Норт на стороне убийц. Человек, в которого я до сих пор влюблена. Если в моей ситуации фраза «до сих пор» вообще употребима.

— Маловато у тебя причин доверять Фейрстахам, да? — неожиданно примирительно говорит Норт и, будто не удержавшись, проводит по моей щеке большим пальцем. — Тиффани...

Он хочет сказать что-то, но мы оба слишком хорошо знаем, что значит эта интонация. Мое тело, похоже, привыкло реагировать на эти звуки совершенно определенным образом, и взгляд невольно устремляется к губам Норты.

— Дьявол, — выдыхает он и порывисто меня целует.

Запоздало отметив, что наши разговоры опять заглушило электричество, я все равно приоткрываю губы и сдаюсь. Чтобы потом снова себя ненавидеть за эту уступку. Норт подхватывает меня, сажает на парту. Пиджак при этом падает на пол, но я даже рада. Освободившимися руками обхватываю шею Норты и притягиваю его ближе к себе. Поцелуй получается неистовым, но все равно недостаточным, чтобы утолить этот голод друг по другу. И совершенно непонятно, что нам делать со страстью, над которой даже обиды не властны.

— Так больше продолжаться не может, — отворачиваюсь я первой. — Мы обязаны это закончить.

— Да ты что? — со злостью выдыхает Норт, не спеша выпускать меня из объятий, не переставая гладить спину под тканью выпущенной из-под пояса юбки рубашки.

— Я говорю серьезно! — огрызаюсь я. — Меня отстранили от занятий, в ближайшее время мы с тобой не увидимся. Нужно только забрать вещи из твоей квартиры — и нас перестанет что-либо связывать.

— Со Стефаном ты тоже собираешься все «закончить»?

— О, ради бога! — Я со всех сил отталкиваю Норты и начинаю приводить в порядок одежду.

— По-твоему, это ответ?

— Хочешь ответ — получай! Ты никогда не спрашивал о моей семье. Но ты никогда не думал, что дома я — Стефан? Я — тот самый уродливый ребенок, который раз за разом не оправдывает ожиданий и которого необходимо перевоспитывать самыми чудовищными способами. Ты не мог не замечать, сколько раз я возвращалась с горящими от пощечин щеками, синяками на руках от маминой хватки, сбегала тайком через окно по дереву, царапаясь до крови, рано утром или поздней ночью, поскольку меня запирали! Но ты никогда об этом не спрашивал. Сама разбирайся со своими проблемами. Так ты говоришь? Это удобная позиция, но я не могу с ней согласиться! Тебе стоит кое-что знать о таких людях, как я и как твой брат: это не нам должно быть стыдно за то, что с нами делают. И помогать таким людям, Норт, тоже не зазорно. Ничего не будет закончено, пока есть твой отец, его спецназвец, моя мать и другие люди, считающие своим правом применять к другим насилие. Нет, я ничего не закончу со Стефаном, потому что без него мне придется тяжелее, чем с ним. И плевать, что ты там о нас думаешь. Ну как, мы закончили?

В этот момент распахивается дверь и в аудиторию начинают заходить студенты, возглавляемые преподавателем.

— О, смотрите, самоубийцу добивают, — шутит кто-то.

И внезапно мне кажется, что не посещать колледж будет огромным облегчением.

«По предварительным оценкам кандидат Республиканской партии Говард Фейрстах лидирует на шесть пунктов...»

Я притворяюсь, что телевизора в помещении нет, концентрируюсь на болтовне Александры:

— И она такая говорит: «А нельзя убрать из этого салата картофель? И бекон. И лук». А я: «В смысле оставить корнишоны с горчицей?».

Она заливается хохотом, и мы с Айрис, переглянувшись, тоже начинаем смеяться. В основном потому, что никто не умеет это делать заразительнее Александры. Сдержаться просто невозможно.

— Да сколько можно хихикать? — врывается на кухню Ларри, едва не вырывая на себе волосы от досады. — Идите уже по домам!

— Ох, Ларри, не кипишуй, мы ждем, когда разойдутся последние посетители, чтобы пропустить по стаканчику за Тиффани. Не каждый день приходит чистый анализ на наркотики и сотрудника принимают обратно в штат, а? — лениво тянет Талиса.

Пожевав губами, Ларри сдаётся:

— Через десять минут чтобы духу вашего здесь не было!

Он вылетает из кухни обратно в зал. Бдеть.

— Пойду потороплю народ, — подмигивает Александра.

— Дафна была так рада получить от тебя новую куколку, — негромко говорит Айрис, загружая посудомоечную машину. — Она ее из рук не выпускает.

Раньше мы с Хил шли кукол для красоты, а теперь я стараюсь для маленькой Дафны.

Увидев меня с привезенной из дома швейной машинкой, Надин ходила кругами половину вечера, пока не поняла, что именно я делаю. Она все никак не привыкнет к тому, что я не та неженка, которой она меня считала. А мне просто нужно чем-то занять голову и руки, чтобы не думать и не ввязываться в новые неприятности.

За прошедшие с тех пор, как меня отстранили от занятий, две недели я почти все вспомнила. Когда мисс Клосс, считай, вышвырнула меня из колледжа, я почувствовала себя раскатанной тонким слоем по асфальту. А потом подумала о кафе «У Ларри» и о том, что теперь мой выбор вовсе не «мамочка или Бостон», он «Бостон или Бостонский колледж». Тогда я приняла решение взять академический отпуск и вздохнула с облегчением.

До следующей осени я точно найду способ обменять колечко Стефана на гору наличности, а ее — на оставшиеся семестры. Не факт, что в Бостонском колледже. Тут вон Гарвард под боком, чего мелочиться, если деньги на него появятся? Шучу, конечно, но почему бы не попытаться? Во всяком случае я, кажется, уже ненавижу чертов родной колледж.

Не жалейте меня, все логично. Я ведь не могла учиться от слова «совсем», без конца отвлекаясь на свое прошлое и дожидающихся меня в нем монстров. И, что врать, я вся в ранах, как еж в иголках. Каждое воспоминание наносит новую, кровоточащую. Как тут сосредоточиться на учебе? Я вернулась в первую очередь в поисках правды, но взгляда в ее глаза не выдержала.

Пройдет год, Тиффани, все уляжется, и ты начнешь с начала. Спокойно, вдумчиво, помня о допущенных ошибках. Или не начнешь. Айрис живет без высшего образования, а

счастливее тебя в десятки раз.

И, что самое удивительное, я почти ничего не потеряла. У меня есть девочки и мальчики из «У Ларри», есть Джейден с Надин, есть Хилари. Папа меня пока не простил, но я над этим работаю, и я однозначно потеряла Норта, но был ли он у меня хоть когда-то на самом деле? *Работать бы еще подальше от его квартиры, и было бы вообще прекрасно.*

Стефан: Эти курицы наконец-то сообразили, что у Джессики два аккаунта, и заблокили наш с тобой. Но до этого отшибли мне желание иметь дела с девчонками.

Тиффани: Что у них за новости?

Стефан: Мэри вышла под залог. Но их с Камиллой исключили из колледжа. Еще несколько девчонок на испытательном сроке. Остальных пронесло. Но они здорово присмирели. И все поголовно ненавидят Джесс.

Тиффани: Ты можешь ее утешить. Еще раз.

Сообщение Стефан читает, но отвечать отказывается. Впрочем, это действительно не мое дело.

— Тиффани, — залетает в кухню Александра. — Там к тебе пришли!

По сверкающим глазам я мигом понимаю, кто именно пожаловал.

— Подкрась губы, — шепчет Айрис.

Я закатываю глаза и игнорирую ее совет. Норт просто привез вещи, вернуть которые я вчера попросила.

— Хью, — зову я нашего повара, который перебирает продукты в холодильной камере. — Дашь ключи от машины?

— Только не вздумай свинтить и зажать выпивку, — грозит мне пальцем Талиса.

— Как ты могла обо мне такое подумать?! — шутливо возмущаюсь я и выхожу из кухни.

Мы договорились, что перегрузим мои вещи в машину Хью, а отвезем их завтра. Потому что сегодня все напьются. Это ж надо было такому совпасть, что я попросила Норта ровно за день до того, как мне на почту упал результат анализа? Обещали только послезавтра.

Я не видела никого из колледжа уже две недели. Хотя кому я вру? Я считаю, сколько дней прожила именно без Норта, как бы унижительно это ни звучало. И украдкой смотрю в зал через окошко кухни неспроста. Мне нужно подготовиться.

— Дорогая, — виновато зовет Айрис. — Ларри дал нам всего десять минут.

Я вынуждена толкнуть дверь и выйти в зал с приветливой улыбкой на лице. Не будь здесь настоящих посетителей — одно дело, но имидж — наше все. Впрочем, у Ларри об этом свои представления.

— Молодой человек, мы уже закрыты, — кричит он.

— Это ко мне, Ларри, всего на минутку, — успокаиваю я хозяина.

— Десять минут, Тиффани, десять! — показывает он растопыренные пальцы на обеих руках. — И я закрою все двери.

— Привет, — покачав головой, приветствую я Норта. Я почти благодарна, что Ларри своим вмешательством снял первое напряжение от встречи. — Ты привез вещи?

— Не теряешь времени даром? — хмыкает Норт с ноткой горечи в голосе.

— Извини, десять минут, ты слышал. Нужно успеть перегрузить в другую машину.

Мне проще скрыться за этой кипучей деятельностью. Еще раз спасибо Ларри.

— Зачем? — хмурит брови Норт. — Я довезу.

— Не хочу тебя обременять.

Ты же сам сказал искать другое грузовое такси. И вообще я не хочу оставаться с

тобой наедине.

— Это лишнее, — отвечает он. — Я освободил вечер. Подожду тебя до закрытия.

Я могла бы начать спорить, но не делаю этого. Вместо этого по просьбе последних посетителей прошу девчонок расставить столы и унести посуду в кухню.

— У нас осталось всего пять минут, — с нажимом говорит Александра, глядя на Талису.

— Ладно, — вздыхает она. — Но в последний раз в этом месяце!

Все улыбаются, зная, о чем речь.

Талиса грациозно выплывает в зал, усаживается на высокий табурет и скрещивает голые ноги так, чтобы было видно Ларри. Он просто не сможет закрыть кафе раньше, чем через пятнадцать. Этот маневр работает всегда, потому что ее ноги чуть короче трех с половиной футов. А уж мы семеним за ледоколом в лицо Талисы и рассаживаемся за стойку как попало.

Норту придется подождать. Я удобный для него вариант предлагала! Но все же не ожидала, что его устремленный на меня взгляд будет так жечься.

— Почему вы все здесь, а в зале посетители? — рычит Ларри. — Тиффани!

— Слушай, Ларри, — мягко и негромко начинает Айрис. — Дай нам побыть обычными людьми. У Тиффани прекрасный день, мы собрались, чтобы за нее выпить. Молодой человек просто поможет ей перевезти вещи. Он не будет хуже думать о кафе от того, что мы выпьем по бокальчику после смены.

— За Тиффани, — улыбается Хью, когда-то уже успевший разлить всем по стопке текилы.

— За Тиффани! — отвечает хор, а я не могу не улыбаться, неожиданно смутившись.

Мне очень хочется обернуться, и я украдкой бросаю взгляд на Норта. Он смотрит на нас. Нет, он смотрит на меня с каким-то незнакомым мне выражением на лице. Подняв невидимый бокал, он салютует тоже.

— Идите сюда, Норт, — приглашает Айрис, заметив этот жест. — Поить не будем, просто посидите с нами.

Я ее порыв не поддерживаю и, нахмутив брови, едва заметно качаю головой.

— Так что за повод? — спрашивает Норт, сразу же втискиваясь сбоку. Разумеется, ему мое недовольство глубоко по барабану.

И еще от тепла его тела мою кожу щиплет даже через одежду.

— Тиффани пришел чистый анализ на содержание наркотических веществ в волосах, — берется пояснять, опять же, Айрис. — Теперь она официально в штате.

— Хороший повод, — соглашается Норт.

— Ну, еще раз, — подводит итог Хью: — За Тиффани.

Пока мы с Нортом едем по ночному городу, я пытаюсь думать о чем угодно, только не о своем водителе.

Прошедшие две недели были настолько неожиданно тихими, что меня буквально оглушило. Первые дни после решения взять академический отпуск я просто апатично лежала на диване. А потом Надин решила, что мой сладкий уикэнд пора заканчивать. Она ласково (в духе Надин) объявила, что на месте мисс Клосс уже давно отстранила бы меня от занятий. Затем посетовала на некомпетентность врачей, которые вообще разрешили жертве неудавшегося убийства вернуться к занятиям на месте преступления. И завершила мисс Крайчер речь тем, что мне пора подумать, откуда я возьму деньги на оплату жилья за следующий месяц, если собираюсь жить с ними с Джейденом и дальше.

Два следующих дня я мечтала убить соседку и съехать к Айрис, но в конце концов стадия гнева на Надин сменилась торгом. И я пошла устраиваться на прежнее место. Тут тоже случился затык: как заподозренная в наркомании особа я была допущена только к уборке и мытью посуды. И ставка у меня была, мягко говоря, нежизнеспособная. Договорились до того, что если анализ придет чистый, то меня возьмут на прежних условиях. Зная Ларри, предполагаю, что он бы не прочь потянуть с моим переводом на более высокооплачиваемую работу, но девчонки ему такого не простят. На них я могу рассчитывать всегда, и это очень приятно. В последнее время, без чаевых и со стремительно пустеющим банковским счетом, мне пришлось сильно ужаться.

Но за прошедшие две недели меня ни разу не пытались убить — и это уже прекрасно.

— На днях я был у декана. Спросил, не позволили ли тебе вернуться к занятиям. Она очень удивилась и ответила, что ты взяла академ, — начинает Норт, стоит нам тронуться с места.

— И что ты хочешь услышать?

— Что ты планируешь делать, — не реагирует на выпад Норт. И я тоже сдуваюсь, потому что вопрос у него правильный. Резонный.

— Планирую попытаться спастись. А там посмотрим.

Несколько долгих секунд (достаточных, чтобы я успела испугаться попасть в аварию) Норт смотрит на меня, не мигая.

— Тебе нужно доучиться.

— Это так. Но я подумываю о переводе в другое учебное заведение.

Мне не с кем было поговорить об этом решении, и, быть может, я рада, что Норт сам начал разговор. Вдруг скажет что-то полезное.

— Звучит как бегство, — говорит он.

— Нет, — отвечаю, на секунду задумавшись. — Это было бы бегством, если бы было к чему возвращаться. Кто у меня в Бостонском колледже? Каппа? Мисс Клосс? Или, может, библиотека, в которую я не представляю, как зайти... Или ты говоришь о себе, Норт? — Тут я делаю глубокий вдох, потому что сказать то, что я собираюсь, отнюдь не просто. — Судя по тому, что я помню, — а я теперь помню о нас многое, — мы были счастливы. Теперь это невозможно, и давай не портить прошлое новыми ссорами и разборками.

— Думаешь, это возможно, учитывая, что ты мне лгала и тайком встречалась с моим братом?

Я закатываю глаза и отворачиваюсь.

— И ни разу не попыталась оправдаться, — добавляет Норт тише.

Что это, сомнения?

— А что изменят эти оправдания? Ты все для себя решил. И, очевидно, совсем меня не знаешь. Но какая разница, если ты, ни о чем не спросив, тотчас от меня отвернулся? Тебе не были нужны мои слова и оправдания тогда, а теперь — тем более. Ты начал действовать сразу же — без них — и уже сто раз подчеркнул, что был с Мэри еще до того, как мы официально расстались. Так что да, Норт, это я в своем праве предложить разойтись мирно.

Норт не спорит, но на остальные попытки заговорить отвечает односложно. В итоге я замолкаю тоже.

Мои прежние вещи поместились в чемодан и одну средних размеров коробку. Интересно, не вспомни я о наших с Нортом отношениях, что бы он сделал? Все выбросил? Прислал анонимно? В любом случае, неплохо, что теперь они ко мне вернулись, потому что

в последнее время меня спасали две формы: колледжа и кафе. В свободное время мне приходилось одеваться в то, что осталось со школы или не самое-самое. Разумеется, я чувствовала себя в такой одежде не очень комфортно. А на новое не было денег, да и вдохновения. С такой жизнью не до шопинга.

— Я думал, ты живешь в мотеле, — недовольно говорит Норт, протискиваясь в подъезд.

— Я живу у Джейдена.

— Того, который сфотографировал тебя со Стефаном?

— Того, которой сфотографировал Стефана со мной, — меняю местами я акценты.

— Он гей? — тут же интересуется Норт.

— Н-нет. Не думаю, — отвечаю я с запинкой.

На самом деле я почти уверена, что Джейден влюблен в Надин. Но, спорю, Норт бы очень хотел, чтобы мой сосед оказался геем. С такими собственническими замашками на меньшее он бы не согласился.

Впрочем, мое сомнение Норта более-менее устраивает, и я тайком подавляю вздох. Как вышло, что между нами все кончено, но при этом я все еще чувствую вину за то, что могу вообще иметь отношения с другим парнем? Норт такого уж точно не заслуживает!

Бегло оглядев полку с верхней одеждой, я с облегчением замечаю, что соседи еще не вернулись.

— Ставь прямо здесь, — говорю я, бросая чемодан посреди комнаты. Будто и без того непонятно, что разложенный диван — мое пристанище. — И раз уж ты здесь, я отдам тебе лекции.

Надо было взять их с собой в кафе, но я обо всем забыла, когда увидела этим утром на почте результат анализа. Подготовленные, они так и остались сиротливо лежать на журнальном столике. А сейчас я жалею, что собрала их, потому что как только я вручу их Норту, он уйдет. Тем не менее этот шаг сделать совершенно необходимо и, отрепетировав спокойную улыбку, я оборачиваюсь.

— Собираешься оставаться здесь и дальше? — задумчиво спрашивает Норт, явно впечатленный спартанскими условиями моего проживания.

— Я пока об этом не думала. Либо так, либо съехаться с Айрис. Дафна чудо, но я не уверена, что готова жить с маленьким ребенком. Роль классной тети на выходные меня устраивает больше, — отшучиваюсь. Не хочу, чтобы сексуальное напряжение, от которого звенит воздух, разрослось и взорвалось в новую вспышку. Еще раз: мы в квартире одни. Это ощущается очень остро.

— Понял. А рубашку вернешь? — спрашивает Норт, усмехнувшись.

— Т-точно.

О, не думайте, что я о ней забыла. Я слишком часто закрывалась с ней в ванной, чтобы просто насладиться запахом Норта еще один последний разочек. Потом самый последний... И до тех пор, пока запах не выветрился.

— Но тогда мне нужно перебрать чемодан, — предупреждаю.

— Хорошо. Где здесь ванная?

Не зная, радоваться или нет его уходу, я подсказываю направление и распаиваю чемодан. Дьявол, мы были вместе девять месяцев, но неужели у меня теперь не останется в память о нем ничего вообще? Смешно, но на свою голову я больше надеяться не могу.

Я разглаживаю складки, оставленные на грубой ткани моими пальцами. Я всю ее измяла, истрогала. Пару раз, оставшись в одиночестве, даже накидывала на плечи. Мне

ужасно повезло, что как-то раз меня застукал за этим занятием Джейден, а не Надин.

Стоит об этом подумать, как входная дверь хлопает.

— Тиффани? Ты здесь? — раздается звонкий голос соседа из коридора.

Вот и закончилось наше с Нортом уединение. Эксцессов не предвидится. Выдыхаем.

Выдыхаем?

— Здесь! — кричу.

— Можешь объяснить, почему мне звонит лейтенант Бас и спрашивает, спим ли мы вместе?

У меня отнимается дар речи. Потому, что я никак не ожидала, что этот противный коп начнет проверять мои слова! Особенно теперь. Но дело даже не в этом: представьте себе, что сейчас начнется, учитывая, что Норт не мог это не услышать. Я срываюсь с места, чтобы как можно быстрее предупредить Джейдена... и не успеваю.

— Повтори, что ты сказал? — раздается логичный гневный рык.

— Ой, чувак, прости, я не знал, что ты... вы тут...

— Да не это! — досадливо рывкает Норт. — Как ты сказал: лейтенант...

— Лейтенант Бас, а в чем дело? — тут же хмурится Джейден.

Они появляются вместе в дверях комнаты.

— Тиффани, мать твою, ты же бравировала тем, что Стефан все тебе рассказал! — взрывается Норт. — Бас! Как выглядит этот Бас?

Я пытаюсь вспомнить красивое лицо лейтенанта, обезображенное ледяными глазами. И вспоминаю.

Вспоминаю его на крыше, со стекающими по светлым волосам потоками воды. Безжалостные глаза, в которых нет ни проблеска колебаний прежде, чем он одним рывком притягивает меня к себе и отбрасывает на самый край. Истошный крик Стефана, который зовет меня по имени. Пальцы в последний момент цепляются за мокрый, скользкий выступ. И я срываюсь. Вниз.

Покачнувшись, я оказываюсь в руках Норты. Он оттаскивает меня к дивану и, несмотря на заверения, что все в порядке, усаживает. Садится рядом на корточки.

— Стефан все рассказал, — говорю я бесцветно. — Но лишь факты. И он не называл этого... Баса по имени. Я же тебе дословно повторяла его слова. Я просто знала, что меня пытался убить человек, который избивает его по приказу вашего отца.

Норт чертыхается и оборачивается на Джейдена. Только тогда я понимаю, что сболтнула лишнего.

— И этот Бас, лейтенант он или нет, пришел сюда сразу после того, как попытался тебя сбить? Дерьмо, — хрипло выдает сосед, явно впечатленный.

У Норты повторно вытягивается лицо.

Я пригласила Баса сама. Сама позвонила. Отличный был план полагаться на свое чутье о людях. Подозревала всех, кроме того, кого стоило!

А ведь он с самого начала показался мне отвратительным. Красивый мужчина, который инстинктивно отталкивал с первой секунды. Часто ли так бывает? Однако я не разобралась, не догадалась. Списала на свою реакцию на полицию, которая уже подвела меня однажды. Даже не заподозрила ничего, узнав, что ему мою характеристику дала мисс Клосс. А ведь они говорили почти на одном языке! Про наркотики, про Фейрстахов. Он пришел в квартиру Джейдена, чтобы понять, можно ли до меня здесь добраться так, чтобы никто не заподозрил убийство. Не считая мотеля, где меня, видимо, просто запугивали, все остальное —

классическое поведение съехавшей с катушек наркоманки: прыжок с крыши, прыжок под машину. Они хотят представить все как самоубийство — тогда рекламная кампания точно не пострадает. Что не впишется в версию — подтасуют.

— Попытался сбить?! — тем временем продолжает допрашивать Норт. — Когда?

— За день до начала предвыборной кампании, — отвечаю я хрипло и неохотно, раздавленная открывшейся правдой.

Когда я возвращалась от тебя.

Норт шумно втягивает воздух носом, поднимается, сбрасывает джемпер и остается в одной рубашке.

— Ты что делаешь? — спрашиваю я потрясенно.

— Остаюсь здесь, чтобы не дать тебе наделать новых глупостей.

— Ты здесь не останешься.

Мне требуется защитить свое сердце от Норта Фейрстаха. Он достаточно часто делал мне больно, чтобы теперь по первому зову впустить его обратно! Даже если все нутро разрывается от мысли, что после такого я рискую потерять этого гордеца навсегда. А впрочем, я его уже потеряла.

Быть может, завтра я об этом пожалею. Но еще, наверное, завтра со мной попытается связаться мой убийца, чтобы попытаться счастья в очередной раз. Недаром же он звонил Джейдену.

Мы с Нортом с минуту играем в гляделки. Меня ни чуточки не смущает, что я сижу и в заведомо невыигрышном положении: зато решимости хоть отбавляй. Если даже он попытается воспротивиться, я не стану миндальничать и попрошу Джейдена помочь. Не станет же Норт с ним драться, в самом деле. Это ж не Стефан...

— Друг... — начинает Джейден, вмешиваясь даже без моей просьбы.

— Ухожу, — отвечает Норт, даже не взглянув на парня.

Он не смотрит в мою сторону в дверях: просто уходит.

— Ты не пожалеешь? — с сомнением спрашивает Джейден, едва за Нортом закрывается дверь.

Мне остается только пожать плечами.

С сожалениями я буду разбираться позже. Сначала желательно выжить. Фейрстахи в этом, как правило, не помощники.

Утро начинается скверно: с готовки Джейдена и вопросов Надин, отвечать на которые совершенно не хочется. В надежде на то, что меня оставят в покое, я опускаю взгляд в тарелку и старательно пилю вилкой впечатляюще резиновую глазунью. Но Надин репортер, их братию такими трюками не проймешь. Впрочем, после нескольких односложных ответов она подчеркнуто шумно вздыхает и оставляет меня в покое. Узнать она успела лишь одно: что у Тиффани прескверное настроение.

Нет, а что я должна ей сказать? Я была так самонадеянна, что впустила убийцу в дом, где она живет. Интересно, через сколько безрезультатных визитов сюда Говард Фейрстах посчитал бы, что ради молчания можно убрать и моих друзей? Очень скоро, учитывая, что вчера Бас набрал номер Джейдена.

К моему недовольству, расписание занятий таково, что сегодня друзья уходят в колледж в то же время, что и я на работу. Чувствую, что они тоже не в восторге от необходимости собираться вместе, потому как им не терпится обсудить новости и, возможно, выгнать меня вон. Но одеваемся мы в молчании. И спускаемся тоже.

Как порядочный человек, я должна предложить съехать сама. Но вот беда: мне некуда ехать, да и не на что. И человек я непорядочный: я сразу понимала, что меньше рискуешь, если живешь с соседями. Понимала, что своего рода подставляю Джейдена, Надин и всех, кто со мной связан. Так в какой момент все изменилось и мне стало за это ужасно стыдно? Неужели вместе с обретением памяти изменилась я сама?

Вот с такими мыслями я выхожу из подъезда и уже поворачиваю в противоположную от колледжа (и соседей) сторону, как вдруг Джейден берет меня за локоть и разворачивает обратно.

— Смотри.

Он указывает на припаркованный возле дома черный ягуар, в котором, кажется, спит Норт.

Первое мое желание — развернуться и уйти, оставив старшего из близнецов досыпать на руле, но вдруг включается паника. Я не понимаю, дышит ли он, а еще недавно меня чуть не сбили через два дома от этого самого места. Точно ли Норт просто спит? В животе появляется ощущение, будто мои внутренности нанизали на рыболовный крючок и резко дернули вверх. Я бросаюсь вперед, заглядываю в окно, с силой дергаю дверь. Закрыто, конечно же.

— Норт! — кричу и толкаю машину.

Только когда парень вздрагивает, я понимаю, как сглупила.

— У них все кончено, — хмыкает Надин, пихая друга плечом и безмерно меня раздражая. Щеки заливаются румянцем стыда и гнева.

Норт, тем временем, потирая пальцами глаза, опускает стекло.

— Ты что здесь делаешь? — рычу я, досадуя на себя.

Нет, ну что мне стоило пройти мимо? Не было бы неловких объяснений и этой робкой надежды, которую следует вырвать с корнем. Мне лучше вообще не иметь никаких дел с Фейрстахами. А теперь Норт меня заболтает и...

— Садись.

И, вероятно, подвезет до работы. Что, в общем, недурно.

Две секунды подумав, я все же сажусь в машину и даже по привычке машу рукой Джейдену и Надин. Только потом вспоминаю, что в нынешней ситуации это лишнее. Что-то много косяков для одного утра.

Ах да, я же проморгала собственного убийцу. Сетования на рассеянность запоздали.

Едва я успеваю устроиться поудобнее, как подпрыгиваю от грянувшей музыки. Удивительно, как машина не взрывается от криков Курта Кобейна. При таком грохоте не поговоришь. Что? Это обманный маневр? Никаких обвинений за то, что я выставила Норта вон, заставив его ночевать в машине? Никаких попыток выведать известные мне подробности?

Заметив мой настороженный взгляд, Норт улыбается в ответ уголком рта и отворачивается. Независимо фыркнув, я взбиваю волосы пальцами и отворачиваюсь. Что он затеял на этот раз?

Ломать голову приходится долго: до самого пункта назначения.

— Спасибо, что подвез, — говорю, хватаясь за ручку машины, но не дергаю ее, а медлю.

Вот сейчас грядет этот самый разговор, который я прикончу одним выстрелом: не его дело. Или этого разговора не случится, но тогда я съем на спор свою униформу официантки.

— Тиффани, — начинает он неожиданно мягко.

Бинго. Голос, который проникает прямо под кожу, минуя все защитные барьеры, заставляя меня задрожать. Я ожидала обвинений, попыток защитить Говарда Фейрстаха или... не знаю, что «или», но все равно не этого. Может, он выбрал стратегию соблазнить и растоптать в угоду папочке?

Бред. Норт может быть козлом, когда хочет, но так грязно он играть никогда не станет.

— Ты уже сказала родителям о том, что взяла академический отпуск?

Шах и мат.

Рука соскальзывает с дверной ручки, а сама я застываю с открытым ртом. Это откуда вообще взялось? А хуже всего, что он угадал. Вообще-то, семейная тема — не то, что мы привыкли обсуждать с Нортом. Своего рода табу.

— Я над этим работаю, — отвечаю я, несмотря на то, что его эта информация не касается.

В ближайшие же выходные поеду и покончу с этим. Просто мне не хватает еще чуть-чуть храбрости, состоящей из трех компонентов: среда, четверг и пятница. Seriously, умом я понимаю, что пока на моих окнах не установлены решетки, уйти оттуда я смогу в любую минуту, но... Но это не значит, что слушать мамины нападки не больно, что она не ударит меня, не обвинит, не посеет в душе страх и липкое чувство омерзения от самой себя. Да, я свободна, независима, но едва раскрывшиеся крылья такие слабые, хрупкие.

— Если понадобится помощь, ты знаешь, где меня искать.

— Норт, мне не понадобится твоя помощь.

Инстинктивное отторжение — вот что это было. Да, я призналась в том, как со мной обращается мать. Но это вообще не значит, что я готова впустить в эту часть своей жизни Норта. Тем более что разрыв у нас и без того не простой.

Прямо скажем, тем днем мои мысли заняты вовсе не работой. Я всячески уговариваю себя успокоиться. Я надеялась, что Норт отвезет мои вещи и больше не приедет. Ради этого я даже была с ним дружелюбной: пыталась не нагнетать перед прощанием, но все полетело к черту из-за этого Баса. Нет, я правда рассчитывала, что Норт уберется восвояси. У меня нет

ни сил, ни желания видаться с ним, биться с ним, хотеть его и сожалеть. А иной день я ужасно сожалею о том, что у нас все закончилось.

Так, эти мысли мы отставляем в сторону.

Бас звонил Джейдену. Он не поверил тому, что у меня связь с соседом, поэтому решил убедиться наверняка. Потому что если я с Нортом, то в деле изничтожения назойливой девчонки это все усложняет. Едва ли папа хочет избавиться от подружки сына в обход этого самого сына. Сначала придется утрясти деликатный вопрос. Наверное.

Мне было бы безопаснее оставаться с Нортом.

Стоп. Я думала о Басе, откуда в моей голове опять взялся Норт? Проехали. Еще раз: Прикрываясь личиной лейтенанта, мой убийца звонил Джейдену. Следующим этапом он позвонит мне. Как мы все знаем, актерскими талантами я не обделена, но, чтобы разыграть невозмутимость во время разговора с человеком, который пытался меня убить, требуется вовсе не средненький уровень лицедейства.

Возможно, мне следует сменить телефонный номер, чтобы выкроить себе время и как следует поработать над планом.

Ха-ха! Еще вчера мне казалось, что став серой, неотсвечивающей официанткой, я обеспечила себе должный уровень безопасности. Две недели блаженного самообмана. И они закончились.

Вообще-то, Норт задал мне прекрасный вопрос: как я собираюсь ехать к родителям? Как я смогу сесть в автобус, чтобы провести час наедине с незнакомцами? А это мой единственный вариант: денег на такси нет. Сказать нужно. Я и без того непозволительно запоздала. Будь дело только в матери, можно было бы ограничиться звонком, но папу такой способ добьет. Особенно после послания, которое я оставила ему в день Благодарения. Он же не поймет моих мотивов. Чего доброго, еще приедет искать меня в Бостон снова... Или не приедет? Где та невидимая черта, после которой даже самый любящий родитель вынужден признать: он понятия не имеет, кем или чем стал его ребенок?

Однажды, когда буду в безопасности, найду приличное жилье и устроюсь там с комфортом, я приглашу папу с Хилари на собственноручно приготовленный обед. А затем скажу, что если они хотят меня видеть и впредь, то им придется приезжать самим, потому что я не хочу видеть мать. Никогда. Не после того, что вспоминаю о ней раз за разом.

Я в таком состоянии, что когда перед глазами из ниоткуда вырастает Айрис, нахожу силы только на слабую улыбку.

— Пожалуй, я знаю, как поднять тебе настроение. Только сначала обслужи столик. — Хитро сверкнув глазами, она хватается за руку и тащит в зал.

Айрис единственный человек, от которого я не жду внезапных подлянок. Обычно она не действует напролом, убеждая, предпочитая компромиссы. Так я думаю ровно двадцать секунд до того, как оказываюсь в зале.

— Да вы издеваетесь, — говорю, едва поймав в фокус зрелище сидящего за столиком Норты.

Сверившись с часами, понимаю, что его занятия только что закончились, а значит, он из кампуса приехал сразу сюда. Я решительно оставляю Айрис в дверях служебных помещений и направляюсь к заваленному конспектами столику. Нет, все, долой дружелюбные настроения!

— Что ты здесь делаешь? — начинаю я тихонько, дабы не привлечь внимание Ларри или других посетителей. Благо их в этот час немного.

— Мне большой стакан лагте и круассан, — не поднимая на меня глаз, говорит Норт. Клянусь, я не собиралась записывать, но блокнот по привычке прыгает в руки. — И что бы ты посоветовала из горячего?

Придуривается, что пришел сюда ради позднего ланча? И этот человек однажды упрекнул меня в недостатке оригинальности?

— Пасту с морепродуктами, — цежу сквозь зубы, с трудом подавляя желание предложить ему яду.

На этот раз Норт поднимает голову, и губы его подрагивают в едва сдерживаемой улыбке.

— Как жаль, что у меня на них аллергия. Может быть, ваше заведение славится чем-то еще?

Видно, Норта немало забавляет, что я уделила внимание такой досадной мелочи, как его непереносимость морских гадов. Которой у Стефана, к слову, не имеется. Однажды я проверила это опытным путем. Как итог Стеф слопал три четверти здоровой «морской» пиццы: не покраснел и даже не лопнул.

— Тогда пусть будет карбонара, — записываю я в блокнот, на этот раз не дожидаясь одобрения.

— Благодарю, — доносится мне вслед.

Вернувшись в кухню еще более воинственной (к ужасу Айрис), я бросаю блокнот на стойку и прижимаю руки к красным от гнева щекам. Я выбрала блюдо, быстрее которого готовится разве что разогретый в микроволновой печи бургер. Быть может, тогда даже Ларри не сочтет за дерзость выгнать засидевшегося посетителя вон. Шансы невелики, но...

— Вы с тем красавчиком поругались? — доверительно спрашивает Александра, не отрываясь от сервировки блюда. Оказывается, все ребята уже в курсе, кто и к кому пожаловал. — Жаль, мне казалось, вы отличная пара.

Мне тоже так казалось! И от этого еще паршивее.

Я не отвечаю: принимаюсь протирать и без того сухие тарелки. В этот час работы на кухне немного.

И тут подает голос Айрис:

— Тиффани, я уверена, что у тебя есть причины воевать с Нортом, но вы долго были вместе, наделали глупостей, а толком так и не объяснились. Он, судя по всему, неплохой парень. Поговорите, иначе это не даст вам двигаться дальше. Речь не о том, что нужно вернуться к прошлым отношениям, но разве тебе самой не станет легче?

Мне бы стало легче, если бы Норт пришел не для того, чтобы убедиться в моей безопасности, но он всего лишь не хочет, чтобы я пострадала из-за его семьи. Или его семья — из-за меня? Мы и без этого никак не могли окончательно порвать, а теперь и подавно запутаемся. Одно я знаю точно: я не хочу, чтобы Норт приходил сюда каждую мою смену и мозолил глаза.

Не успеваю я об этом подумать, как в кухню заглядывает Ларри.

— Мне нужно уйти до конца дня, — сообщает он пафосно. — Если узнаю, что вы что-то натворили — всех уволю!

Едва услышав о том, что дракон освобождает пост, ребята предвкушающе переглядываются, что, разумеется, замечает грозное начальство.

— Еще раз... — начинает Ларри еще более свирепо.

— Все будет отлично, босс, — отвечает за всех Хью, отдавая честь лопаткой.

Подозрительно зыркнув на нас напоследок, Ларри уходит, и Айрис тут же подталкивает меня в сторону зала.

— Иди и поговори с ним — не глупи, мы с девочками прикроем.

Пару секунд я колеблюсь, но затем сбрасываю фартук и выхожу в зал к Норту, который все так же корпит над конспектами.

Близится солнцестояние, и в это время суток закатные лучи светят прямо в окна кафе, придавая нашему с Нортом разговору неуместный романтизм. Если не сказать нездоровый. В нас вообще осталось мало чего здорового.

К примеру, несколько минут мы сидим молча друг напротив друга. Поскольку я подошла по своей инициативе, то мне и начинать, но, если честно, совсем не хочется.

За то время, что мы безмолвствуем, переглядываясь, Норт успел сложить тетради в более-менее упорядоченную стопку. Он не отрывает от меня взгляда, впрочем это взаимно. Если честно, я не знаю, что ему сказать. Мы разговаривали. В тот день, когда я все вспомнила, да и после тоже, но не о том. Если не сказать ни о чем. А результат этих разговоров так и вовсе неутешителен.

За те две недели, что мы не виделись, я вспомнила множество подробностей наших встреч. Тех, что случились после падения. По итогу сошедшей на нет эйфории от нахлынувших воспоминаний о пылкой влюбленности они стали казаться едва ли не более важными, чем все прошлые. Норт пытался меня сбить, в его глазах я видела ненависть: настоящую, неприкрытую. Почти такую, с какой Стефан смотрел на Баса. Отчасти Норт хотел, чтобы я все вспомнила и стала сожалеть об утраченном, но кроме того он болезненно не хотел возвращать мне память. Он ревновал меня к Стефану на каждом шагу, пытался столкнуть нас лбами, при этом без зазрений совести наслаждаясь вниманием Мэри. Возможно, пользуясь Мэри, чтобы, когда я вспомню, стало еще больнее. К сожалению, отталкивая меня от Стефана, он оставлял меня беспомощной, незащищенной, одинокой. Не слишком ли жестокое наказание для жертвы, которая и так ничего не помнит? Только его неопределенные, неоднозначные чувства ко мне не давали природной жестокости взять верх и психологически уничтожить Тиффани Райт.

И вот он здесь, рядом, после того, как целую ночь провел в машине. А до того вроде как ненавидел меня. Что это, как не признание своей неправоты?

— Ты говорил со Стефаном, — наконец, подвожу я итог своему мысленному анализу. — И когда он все тебе рассказал, ты решил, что вел себя со мной как козел и... что? Решил исправиться? Загладить свою вину?

Осознав, что я начала с обвинений, Норт сужает глаза и откидывается на спинку диванчика. Безумно красивый и ни капли не раскаивающийся.

— Я не считаю себя безусловно виноватым. Ты лгала мне на протяжении всего времени, что мы были вместе, и искренне удивляешься, что я перестал тебе верить? Отлично, что вы со Стефаном не побывали в одной постели, но для меня это небольшое утешение.

А мне чем утешаться, Норт? Ты не предусмотрел для меня ответной любезности. В тот час, когда был мне нужен больше всего, ты решил все один и переспал с Мэри!

Вслух я, разумеется, ничего не говорю.

— Прекрасно. Это мы уже проходили и остались каждый при своем. Но что тогда ты здесь делаешь?

— Так или иначе, я в некотором роде в ответе за то, что может сделать с тобой Бас. Не

хочу всю жизнь винить себя за это.

— Ты ни в чем не виноват, — обрубаю я. — Мы заварили это со Стефом — мы со Стефом разберемся. Твоя помощь излишня, — отбрываю я гордо.

Хочется встать и уйти. Айрис была неправа, настаивая на этой встрече. Зачем я поддалась? Неужели бессознательно надеюсь на продолжение?

Ох, Тиффани, ты провалилась со своей идеей подставить Говарда Фейрстаха и слетела с крыши, тебя считали и считают наркоманкой, тебя унижало сестринство, тебя унижала полиция, тебя унижала мать, тебя даже, считай, из колледжа позорно выкинули под грифом «она не вписалась в поворот». Неужели нужны дополнительные причины называться жалкой?

— Уверена? Сопляк Стефан даже не сказал тебе имя Баса. Если бы я случайно не оказался рядом во время разговора об этом человеке, ты с огромной долей вероятности так до сих пор и не подозревала бы, кто в ответе за твой короткий, бесславный полет.

Должно быть, я краснею. *Бесславный полет?* Отличная характеристика, Норт. Мне остается только сделать так, чтобы твой отец летел со своего пьедестала еще эпичнее! И я это сделаю — так и знай.

— Предполагаешь, что своей суперсилой выявишь еще пару десятков «исполнителей» твоего отца? — Я стараюсь не выдать ярости.

— Мы оба знаем, что рядом со мной ты будешь в большей безопасности. Басу лучше думать, что мы все еще вместе. Это послужит сдерживающим фактором. Вообще-то, так лучше будет думать многим.

Стефану, например. Ага.

— Но не мне, а именно мое мнение в данном вопросе имеет приоритет.

— Тебе будет лучше переехать ко мне вновь и не рисковать безопасностью соседа.

В этом месте у меня вырывается нервный смешок. Внезапно приходит осознание, что Норт понятия не имеет о живущей с нами третьей и вовсе не лишней Надин. Особенно после вчерашнего заявления Джейдена о звонке Баса с... провокационным вопросом. Норт может сколько угодно кричать о том, какая я бессовестная лгунья, но избавлять меня от любого подозрительно близко расположенного объекта мужского пола не забывает.

— А с тобой я ничем не рискую, Норт? Давай-ка подумаем. — Я демонстративно стучу пальцем по подбородку. — Если вдруг твой отец поставит тебя перед выбором: или я, или его милость? Как ты переживешь мысль, что любимчиком станет Стефан?

Норт страдальчески прикрывает глаза и отвечает просто:

— Я не чудовище, Тиффани.

— Я в этом не уверена, Норт. Ты жизнь положил, чтобы доказать, что вы со Стефом не являетесь взаимозаменяемыми, но как только встал вопрос о том, почему я с ним на фотографии, поверил в обратное. И ты уже готов был пожертвовать моей безопасностью, лишь бы я не сблизилась с твоим братом. Кстати, если тебе интересно, я его целовала. — В этом месте я делаю паузу и наблюдаю за темнеющим от злости взглядом Норты. — И на этой болезненной для тебя теме мы можем со спокойной совестью разойтись в разные стороны.

— Предлагаешь поиграть в «кто кому наставил больше шишек»? Как ты прекрасно знаешь, пока ты прыгала по крыше, я спал с Мэри, затем — когда ты была в больнице, да и потом, когда ты бегала по кампусу, подозревая каждого встречного во всех тяжких. Я не скрываю этого и не чувствую себя виноватым. А теперь предлагаю оставить чистосердечные признания и приступить ко взрослому диалогу. Ты вляпалась по самые уши, тебе нужна

помощь. Хорошо, ты ее получишь...

Он выставляет все так, будто это мне нужно, а он так и быть...

— Норт, — зову я и жду, когда он прочувствует силу следующей фразы. — Пошел к черту.

Я бы встала и ушла тотчас, если бы не Айрис. Она невозмутимо подходит к столику и расставляет тарелки. Это все намеренно, хотя она видит, как я сердита, и расстроена этим обстоятельством. У нее даже руки подрагивают.

— Хорошо, — смерив мою подругу странным взглядом, продолжает Норт. — Тогда давай я якобы пойду на уступку. Ты соглашаешься на мои условия, а в обмен я помогаю Стефу отвязаться от отца. Идет?

— Это шантаж какой-то, а не уступка, — комментирую я флегматично.

— Я объясню: в данный момент отец уже сменил черный плащ наркобарона на белое пальто. Выборы — сама понимаешь. Теперь нужно избавиться от последнего пятна на репутации. Есть небольшая вероятность, что в память о темных делишках отца неблагонадежного отпрыска оставят в покое, но если нет... придется что-то решать. Стефа запросто могут обвинить, судить и запереть в каком-нибудь частном заведении для вида.

— Ты шутишь? Это разрушит ему жизнь. И все... ради губернаторского кресла?!

Норт неопределенно пожимает плечами.

С одной стороны, я понимаю, что это идея не его, что злиться на него за решение отца бесполезно и глупо. Но ведь он обо всем знает и не поможет брату... только если я не соглашусь на его условия. Или поможет? А вдруг небезнадежна здесь не я одна?

Внезапно меня накрывает подозрение, что это все просто проверка. Действительно ли я считаю Норта бесчувственной мразью. Ответ «нет» будет означать, что во мне слишком много чувств. Чувств, способных развязать ему руки и сделать со мной... что-то. Ответ «да» — что я ставлю на некогда любимом человеке жирный крест. На нем, на нас, на его человечности. Но ко всему прочему это развяжет Норту руки: позволит думать, что он помогает брату не совсем по своей воле. Позволит делать то, чего он хочет на самом деле. В конце концов, он подвергался психологическому давлению со стороны отца не меньше, чем Стефан. Пожалуй, даже больше. Понимает ли Норт, где заканчиваются его собственные желания и начинаются намертво вбитые установки? Он соглашался достаточно долго, чтобы ему поверили и оставили в покое...

Я до сих пор не верю, что Норту полностью плевать на брата. Не верю, что он позволит отцу так поступить. Но если для сохранения хотя бы остатков семьи Фейрстах мне нужно всего лишь отказаться от уже разрушенных отношений, я даже колебаться не стану. Тем более что все сама для себя решила.

— Я согласна, — отвечаю, поднимаюсь из-за стола и ухожу.

Теперь мне придется каким-то образом разыграть перед всеми, что я счастлива, и не поверить в это самой. О боже, что я наделала?

Приятный бонус лишь один:

— Мы выезжаем к моим родителям в субботу в восемь утра.

— Кто вбил тебе в голову мысль, что ты в этом мире единственный человек, способный о себе позаботиться?

С этими словами Надин фыркнула, ударила ладонями по столу, поднялась и скрылась в комнате. Пожалуй, мы с ней можем посоперничать за звание человека с самым отвратительным характером. Мне всегда казалось, что такое сходство должно стать залогом добрых дружеских отношения, но на деле... Или это и есть дружба? Когда люди не прочь делить с тобой жилплощадь несмотря на гонящегося за тобой персонального психопата?

Такой разговор состоялся между нами сразу после того, как я заявила, что не хочу подвергать их с Джейденом опасности со стороны Баса.

Тем вечером я была слишком уставшей, чтобы думать или не думать о переезде к Норту, а на следующее утро проснулась от того, что Джейден с Надин взялись монтировать систему видеонаблюдения прямо в квартире. Я не стала уточнять, что от Баса это не спасет, но и съезжать после этого передумала. В основном потому, что жить с Нортом казалось мне крайне небезопасным в эмоциональном плане. Несмотря на мое молчание, соседи поняли, насколько непростые у нас теперь отношения. Добавить к этому чувство вины Джейдена и... вот я все еще здесь.

Ну и что, что я эгоистка. Покажите мне того, кто — нет!

Субботним утром я встаю с дурным предчувствием и болью в голове. По графику смен мне следовало выходить сегодня. Пришлось поменяться. Ларри был недоволен, ведь он только-только вернул мне прежнюю (престижную) должность, и выражался его гнев в преувеличенных придирках. Другая смена тоже отнеслась ко мне, прямо скажем, прохладно. Несколько человек там были новенькими и первое, что они узнали обо мне... в общем, вы поняли. Репутация у меня нынче что надо. Было непросто.

А еще ехать к маме. С Нортом. Чувствую, грядет коктейль в духе нитроглицерина.

Перед выходом я, тяжело вздохнув, нацепила на безымянный палец кольцо Стефана. Мысленно отметила, что оно мне отвратительно. Другая бы на моем месте гордилась, наверное, но меня дрожь пробирает от мысли, символом чего стало для меня это колечко. Однако раз уж я еду к родителям с «женихом», то следует уделить атрибутике особое внимание.

Помните, я несколько дней назад говорила, что между нами с Нортом все запуталось? Так вот забудьте. Это сейчас запуталось. И еще сильнее запутается сегодня.

Черный ягуар уже припаркован около подъезда моего дома. Как вчера, как позавчера и так далее. Предвосхищая вопрос: Норт в нем не спит, нет. Просто он приезжает перед моим выходом из дома поугаивать на всякий разных Басов. И чтобы я не моталась по Бостону в одиночестве. Или не наделала глупостей, пожимая руки видным политикам, понимаешь.

Мое чувство юмора пережило серьезный удар, столкнувшись с новостью о настоящей личности лейтенанта, но уже идет на поправку. Да.

Норт стоит около машины, нетерпеливо дожидаясь меня, а я испытываю странное чувство острого раздвоения. Он в белой вязаной кофте с высоким воротом и светло-голубых джинсах. Я в курсе, что в его шкафу есть не только черные вещи, и я его даже видела не в черном, но... но Норт не в черном. И это разрыв шаблона. Так и хочется рассмотреть его до мельчайших подробностей. В смысле, на Стефана это выглядит так же, но есть еще жесты,

мика, внутреннее содержание в конце концов. Идет ли мягкий белый свитер характеру Норта так же, как лицу? Не уверена. И все же он ровно настолько хорош, чтобы мои мозги начали опасно разжижаться.

— Хорошо замаскировался, Стефан. — Я скрываю истинные чувства за колкостью.

Вот только Стефан никогда не закатывает глаза с таким видом, будто обращается ко вселенной с вопросом, за что ему все это. Не удержавшись, я усмехаюсь.

— Рад, что у тебя хорошее настроение, — комментирует он едко и закидывает мою скромную сумку в багажник.

На остатках позитива я залезаю в теплый салон, где негромко надывается Трент Резнор. Прежде, чем тронуть зажигание, Норт зачем-то оглядывает меня, задерживая взгляд на сцепленных на коленях пальцах. И мне вдруг хочется оправдаться за надетое кольцо. Оно не Норта, не имеет к нему отношения, но из-за нелепой случайности создается видимость, что это не так. Я будто пытаюсь присвоить человека, который мне не принадлежит.

Так, если мне правильно помнится, я не собиралась замуж за Норта. Я вообще не собиралась замуж: мое представление о семье изломано родителями.

Но!

Но если бы я не упала с крыши и Норт бы не узнал о наших со Стефаном планах, мы все еще были бы вместе в его небольшой квартирке. Счастливы и едины. Собиралась ли я менять это в ближайшем будущем? Судя по всему, нет.

Но я все равно не собиралась замуж за Норта Фейрстаха. Иначе я бы ему не лгала. Я просто хотела урвать кусочек его жизни и затолкать поглубже в карман, чтобы сохранить. Для тепла. Навсегда. Теперь я расплачиваюсь за эту слабость его холодностью. Поверьте мне, человек с именем Норт умеет морозить окружающих.

Я смело встречаю взгляд своего напарника, когда тот возвращается к лицу.

— Правильное решение. Стоит придерживаться этой версии.

Не то чтобы я испытала облегчение, но все же, вырази он недовольство, стало бы еще противнее.

— Какое счастье, что мои родители отрезаны от Бостона часом езды, — бормочу я, уныло напоминая себе: через шестнадцать часов этот день как-нибудь закончится.

Норт не комментирует последнее мое заявление. Выруливая с парковки, он поднимает другую тему.

— Бас не звонил? — этот вопрос звучит ежедневно, цепляясь стальным когтем за мои нервы в попытке их разорвать.

— Нет.

— Он планирует новое покушение, — буднично констатирует Норт.

Я уничтожаю его взглядом. Будто это было непонятно! Будто по моему затравленному виду неясно, настолько остро я осознаю опасность. Это не Норт носился по улицам с выпрыгивающим сердцем, боясь обернуться. Это не Норт стоял на крыше под проливным дождем, глядя в глаза убийцы. Норту о страхе не известно ровным счетом ни-че-го.

Бас готовится. На этот раз он осечки не допустит. И мне не может везти вечно.

— Что мне нужно знать о твоих родителях прежде, чем я переступлю их порог? — отвлекает меня Норт.

Я почти уверена: это намеренно. Он заметил, что я готова выпрыгнуть из машины на ходу, нанять такси, доехать до аэропорта и свалить настолько далеко, насколько хватит финансов.

Между прочим, пора бы уже что-то решить с колечком, потому что прятаться от Баса на Гоа куда приятнее, чем в какой-нибудь Алабаме. Хотя кого я обманываю? После оплаты квартиры и двух недель работы уборщицей в кафе у Ларри у меня и на Алабаму не хватит.

— Тебе общую информацию или... — уточняю, старательно отгоняя бредовые, но такие заманчивые мысли.

— Или, — перебивает Норт. — Общее ты не скрывала.

Запоминал намеренно? Просто обратил внимание на нестыковки? Не то чтобы я болтушка, но с Нортом я была другой. Почти счастливой, почти беззаботной, не в меру откровенной. Я могла позволить себе быть с ним собой. И что-то о своей семье я определенно рассказывала. Только вот убей не помню, что именно. Дело даже не в амнезии: просто человеческая память стирает лишнее, во избежание переполнения.

— Так и будешь молчать? — неправильно интерпретирует мою заминку Норт. — Начнем с главного: кто абьюзер?

Абьюзер. Субъект, у кого есть жертва. Я всячески избегала такого определения, но так и есть. Я жертва.

Я — жертва.

— Ты никуда не поедешь. Завтра благотворительный аукцион, и ты на нем будешь. Что тебе так срочно опять понадобилось в Бостоне, без чего нельзя прожить?

— Мама, что ты...

— Признайся уже, наконец, что едешь за наркотиками, — вопит она. — Однажды ты все равно вынуждена будешь взглянуть в лицо правде и попросить у нас денег на лечение. Если, конечно, вообще найдешь силы остановиться! Мало того, что нам пришлось платить за твое обучение, неблагодарная, так теперь еще и это! Где ты берешь деньги на наркотики? Ради них ты работаешь в своей грязной забегаловке?

На эмоциях она порывисто взмахивает рукой и по неосторожности сбивает с тумбочки лампу. Та падает на пол, раздаётся звон стекла. И я понимаю, что вот именно сейчас опять начнется: ей сорвет крышу.

— Да что ты такое вообще несешь?! — восклицаю я в ответ. — Какие наркотики?!

— Мне звонили из вашего колледжа. Рассказывали, что ты путаешься с парнем, который торгует этой дрянью.

— Кто тебе звонил?

— Девушка по имени Мэри. Из твоего деканата!

Мэри, тварь такая, про деканат наврала, но хотела, чтобы я точно знала, кому обязана «подарочком». Ненавижу! Внезапно до меня доходит, что все это время Мэри как-то слишком сильно меня ненавидела за выходку годичной давности. Больше похоже на то, что она прекрасно знает о нас с Нортом. Откуда?.. Мне становится не по себе. Потому что Мэри равно проблемы!

— Да ты хоть знаешь, кто такая Мэри, мам?! — продолжаю я на повышенных тонах. — Я увела парня из-под носа у этой Мэри. Вот и все. Вот зачем она тебе звонит, сама подумай...

Но вместо того, чтобы прислушаться, мать размахивается и бьет меня по щеке так, что я глохну на одно ухо. С такой силой она еще никогда меня не била. Не устояв на ногах, я падаю на колени, спиной к ней и поспешно отползаю. Раньше она на этом останавливалась, но на этот раз откуда-то пришла уверенность: это только начало.

— *Хватит врать собственной матери! Ты не раз говорила, что никакого парня у тебя нет. А теперь, значит, нашелся? Вместе с проституткой и наркоторговцем в друзьях. Ты ничтожество, способное только лгать и сосать из нас деньги!*

Игнорируя все ее слова, я пытаюсь встать на ноги и убежать. Она слишком разъярена, она ударит снова. Мне почти удается подняться, но в последний момент мать хватается за подол платья, и нити не выдерживают: шов на талии расходится. Охнув, я хватаюсь за близстоящую тумбочку и сильно толкаю ее прямо на маму. Та вынуждена выбирать: держать меня или спастись самой. Весьма очевидное решение, как по мне. Не став мешкать, я бросаюсь прочь из дома, едва схватив рюкзачок, который отчасти прикрывает дыру на платье.

Пару кварталов в сторону остановки я бегу по улице со всех ног, зажимая рукой горящую огнем щеку. Остановлюсь только около магазина, чтобы купить лед и приложить к месту удара. Затем набираю Стефана:

— *У меня проблемы,* — проговорила я хрипло. — *Тебе придется заехать в кафе «У Ларри» и забрать мою форму. С девочками я договорюсь.*

И еще я звоню Талисе, благодаря небеса за то, что не забрала накануне возвращенную из химчистки запасную форму. Потому что я не могу заявиться к Норту домой в порванном платье и, ничего не объясняя, убежать снова.

А к Говарду Фейрстаху нужно ехать именно сегодня.

— *Тиффани?* — мрачно зовет Норт.

Я бросаю на него полный паники взгляд и с трудом заталкиваю просьбу остановиться обратно в горло. Я почти — почти! — готова занять у него денег на богом забытую Алабаму.

— *Дай мне минуту.*

— *Я думал, флэшбеки остались в прошлом.*

— *Самые страшные припасены напоследок. Тебе повезло оказаться всего лишь посерединке.*

Норт цедит сквозь зубы нечленораздельное ругательство. Перегнула, наверное, но это неважно. Не вижу причин щадить чувства парня, который о моих позаботился со знаком минус.

— *Откуда Мэри узнала о нас с тобой?* — меняю я тему.

— *Ниоткуда.*

— *Ты сейчас шутишь или как?* — уточняю я флегматично. — *Перед самым моим падением она звонила матери, прикинувшись работником кафедры, чтобы сообщить о моей мнимой зависимости. У такой ненависти обязательно растут откуда-то ноги. Да и если так подумать, с ее подачи весь кампус получил фото нас со Стефаном с подписью даты и времени. И только ты увидел фото, как она нарисовалась на пороге твоей квартиры, чтобы «утешить». Полагаю, обилие женских вещей ее тоже не смутило.*

— *Я не монах, чтобы женские вещи в моей квартире кого-то смущали.*

— *Ночью? В выходной? Когда рядом нет хозяйки этих самых вещей? И часто ты проделываешь этот беззастенчивый трюк?*

Некоторое время Норт молчит, глядя в окно, но вовсе не по озвученной мною причине. Впрочем, и мое обвинение не было всерьез. Если мы сейчас скатимся в разбор полетов, то поубиваем друг друга задолго до того, как доберемся до дома моих родителей.

— *Мэри знала, что на фото в кровати Стефан. Ты выполнила подмену безупречно, за исключением одной детали: татуировки у меня на запястье. Ты просто о ней не знала. Да,*

она мелкая, а качество съемки паршивое, но Мэри не успокоилась, пока не разглядела, что кожа в этом месте чиста.

Это действительно промах: у Норта на запястье поверх рисунка вен набита пиковая масть. Когда я спросила, что это значит, он ответил: «предупреждение». Больше этот вопрос мы не поднимали, потому что залог сохранения своих секретов — уважение чужих. Мне было что скрывать. Норту — тоже.

— Там точно эта рука? — Я мысленно свожу воедино спальню Норта, его руку и ракурс нас со Стефаном. Похоже, татуировка действительно должна была попасть в кадр, но... И как же я раньше не обратила внимание на этот косяк? — Не сходится. Мэри бы обязательно обозвала меня лгуньей и выставила из Каппы. Я же поставила под удар ее репутацию.

Снова приходится ждать ответа, и становится понятно, что все намного сложнее, чем мне всегда казалось. Норт терпеть не может признаваться в своих слабостях и ошибках. И особенно болезненно для него это теперь, когда я вроде как предательница.

— Прежде, чем устраивать скандал, Мэри пришла ко мне. — Не без труда цедит Норт. Не знаю отчего, но сижу, затаив дыхание. — Я сказал, что у нее паранойя и это лечится.

— И она поверила? — спрашиваю я ошарашенно.

— Конечно нет. Но, наверное, я сделал только хуже. Она поняла, что раз я тебя выгородил, то ты мне стала интересна. Вышвырни она тебя из Каппы, это бы не изменилось, а ее бы выставило еще большей неудачницей. Мэри вынуждена была тебя принять и терпеть. Но если ты рассчитывала заслужить ее расположение — пошла совсем не по той дорожке. Итак, на чем мы остановились?

Резкий перевод темы даже без смены интонации выбивает меня из колеи.

— Что?

— Я спрашивал про твоих родителей. Я был так добр, что удовлетворил твое любопытство по поводу Мэри. Твоя очередь.

На мгновение я закрываю глаза, силясь отрешиться от собственных эмоций. Я сообщу уже только факты.

— В день падения я действительно ездила к родителям, но Стефан сорвал меня с места, сославшись на отъезд вашего отца. А моя мама объявила, что я еду за новой «дозой», ударила меня и порвала платье.

Норт тоже не показывает эмоций.

— Она делала так раньше?

— Она делала так с тех пор, как увидела меня без блузки с Герри Гамильтоном в машине его отца.

Судя по приподнятой брови Норта, он не так уж сильно не согласен. Хотя бы с тем, что лизаться в родительской машине топлес — не самое достойное занятие. Может, и так. Но это намного здоровее, чем наказывать жестким сексом за фотографию с другим парнем и потерю памяти. Или спать с другой мне в отместку. Короче, что бы там я ни натворила, Норт загодя дал мне сто очков форы.

А вдруг он спал с Мэри не из-за меня? Вдруг причина глубже? В конце концов, папа Фейрстах был бы счастлив видеть Мэри своей невесткой. Норт просто не собирался раньше времени ввязываться в отношения, которые так и грозят перейти в пожизненные? Вдруг он держал Мэри поблизости поэтому?

— Еще тебе следует знать, что моя мать заочно ненавидит всех Фейрстахов и называет Айрис потаскухой. Отец иногда пытается защищать меня, но это заканчивается временным

отступлением. Он под каблуком. А Хилари совсем запугана.

— Твоя мать бьет и ее тоже?

— Хилари незачем бить. Хилари не перечит. Дает читать все переписки, со всем соглашается, поддерживает иллюзию идеальной семьи. Хилари — это ты. А я паршивая овца. Я — Стефан.

— Не делай выводы о том, чего не знаешь, — неожиданно огрызается Норт.

— Верно. Мы с тобой были вместе девять месяцев. Вместе, но каждый по отдельности. Мы ничего друг о друге не знаем.

— Это не то, что должно волновать тебя в данный момент, — грубо обрубаёт Норт, и мне остается только поджать губы. Увы, это вовсе не конец допроса. — Как вели себя твои родители после того, как ты упала?

— Поначалу мама пыталась подольститься. Объятия, любимые блюда на ужин, рассказы о том, какой хорошей дочерью я была. Но стоило мне объявить о своем намерении вернуться в колледж, как последовали угрозы и шантаж. Она не дала мне ни цента. Повезло, что в кампусе сразу нашелся рюкзак с моими кредитными картами.

— Что значит нашелся рюкзак с кредитными картами?

— Я оставила его в прокатной машине, и его вернули в общежитие кампуса.

— Ты издеваешься? Почему не родителям? Почему не полиции? Кто из проката мог это сделать?

В этом месте я начинаю раздраженно пыхтеть.

— Тиффани! — угрожающе рычит Норт.

— Ладно, рюкзак вернул Джейден.

Несколько секунд в машине слышатся только скрипучие вопли Трента. Когда я уже начинаю подозревать, что сейчас Норт остановится прямо на хайвее, чтобы прикопать меня под кустом, парень выдает такое, от чего у меня встают дыбом волосы:

— *Soced* твой слишком мутный. Пожалуй, мне следует с ним поговорить самому.

— Не поздноато ли ты взялся за это дело? Чем играть в благородство, лучше разберись со своей семейкой, а друзей моих оставь в покое!

Когда я осознаю, что сказала, у меня буквально отвисает челюсть. Друзей? *Друзей?! С* какой это стати Джейден теперь мне друг? Может, еще и Надин в этот стан запишем? Язву Надин, которая терпеть не может девчонок вроде меня и почти не разговаривает с тех пор, как выяснилось, что регулярно гуляющий по нашему пристанищу лейтенант Бас — убийца-психопат. Спорю, она бы хохотала в голос, услышь мои слова!

Впрочем, Норт вообще про Надин почти ничего не знает. И к лучшему.

— Прекрасно, — оценив мое замешательство, фыркает Норт. — Полагаю, нам лучше помолчать, пока не приедем. А то Стефану ты нос уже расквасила. Будет сложно объяснить твоим родителям, откуда у меня на лице свежие побои.

— Скажу, что пошла в матушку, и дело с концом, — огрызаюсь.

Тем не менее мы молчим до самого моего дома.

За два квартала до пункта назначения Норт преобразается на глазах. Недовольно поджатые губы расслабляются, морщинки на лбу разглаживаются. Меняется даже манера вождения: с острой и выверенной на более расслабленную, провинциальную. Метаморфоза настолько удивительная, что мне становится не по себе. Это «безобидная» версия Норты. Возможно, именно она мне знакома, именно с ней я жила. Неужели он всегда со мной притворялся? Да в нем же только глаза остались прежними: цепкими.

Я, напротив, напрягаюсь, сжимаюсь подобно пружине. В день моего падения мать готова была избить меня. Всерьез избить. Хилари бы не помогла, а где был папа? Был ли он дома? Знал ли он? Хуже всего, что он *мог* об этом знать и ничего не предпринять. А впрочем, что-то я не помню, чтобы мать поднимала на меня руку при нем.

Мы лениво проезжаем мимо миссис Леман и ее маленькой голосистой собачки. Обе представительницы прекрасного пола вытягивают шеи, дабы заглянуть в машину. Скоро вся улица узнает, что бедовая Тиффани приехала домой с бойфрендом. Надеюсь, она не успеет позвонить маме и потребовать отчет. Недаром я планировала большой сюрприз.

Едва мы останавливаемся около дома, как я вижу качнувшуюся занавеску на кухне. Вот и началась новая серия триллера «семейка Райт».

— Добро пожаловать, — бормочу я себе под нос и толкаю дверь.

Забирая сумки из машины, Норт неожиданно обхватывает рукой мою талию и прижимает меня к своему боку. Жар его тела буквально обжигает, в раз становится нечем дышать. Чертов Норт — мой идеальный афродизиак, судя по всему, ибо иначе я не понимаю, как можно возбудиться перед встречей с человеком, который не гнушается поднять на тебя руку.

— Все будет хорошо, — тихо говорит мне Норт в ухо, будто бы обнял меня именно для этого, хотя, сдается мне, правда совсем другая. Что бы между нами ни происходило, ему приятна моя реакция на его близость. — Сегодня они тебя не обидят.

Они.

Это прекрасное уточнение, потому что меня обижает не только мама, но и папа, и Хилари. Они могли бы вступиться, дать почувствовать, что им не плевать, что в этом мире есть хоть кто-то мой, кто-то за меня. Но... даже после падения, когда мне так нужна была поддержка, нашла я ее совсем в другом месте! И я сейчас вовсе не о Норте или даже Стефане. *О не в меру колючих «друзьях», которые приютили меня на свою голову.*

Мама выходит нас встретить, и не нужно слов, чтобы по ее резким движениям понять: она в ярости. Я посмела привезти домой Фейрстаха! Еще и без разрешения! И почему мне все время требуется от кого-то разрешение, чтобы подвести поближе к своей жизни нового человека? Я определенно должна подумать о собственном жилье!

— Ты говорила, что это кольцо ошибка и никаких Фейрстахов в моем доме не будет, — шипит она, и не думая выражать гостеприимство.

— А откуда ты вообще знаешь, что это за парень? Ты его уже видела? — парирую я. — Считай, что я передумала. — И уже громче: — Мама, это Норт. Норт, это моя мать, Карен Райт.

— Очень приятно.

Он натянуто улыбается, остро чувствуя настроение. У мамы дергается мускул на лице, хотя перед нами все еще так называемая безобидная версия Норты. Вот когда он попытается боднуть ее капотом, а потом вызывающе улыбнется — тогда и поговорим. Я бы с удовольствием посмотрела это шоу. Попкорн бы припасла, да побольше...

— И мне... Нортон. — Это имя мама из себя выдавливает нечеловеческими усилиями.

Нортон.

Что ж, на ласковый прием мы и не рассчитывали.

Норт не скрываясь с интересом оглядывает безупречно прибранную прихожую нашего дома. Гости или нет, мать держит комнаты в идеальной чистоте. Будто бы за ней не разглядеть грязный и мерзкий секрет семьи Райт.

Когда я начинаю снимать куртку, Норт останавливает мою руку и помогает. Случается заминка, и на мгновение мы встречаемся глазами. Мое дыхание сбивается, взгляд опускается на его губы. Нет, совершенно невероятно, что даже в родительском доме я чувствую сексуальное напряжение. Спешно отворачиваюсь и вижу отца. Он разглядывает нас с плохо скрытым недоумением, даже удивлением.

Мне кажется, он пытается понять, что это за девушка перед ним. Его ли дочка? Уверяла, что между нею и этим парнем ничего нет, оставила обидное, едва ли не обвиняющее письмо, прежде чем сбежать... А теперь возвращается обратно с "женихом" как ни в чем не бывало.

— Мистер Райт, — к счастью, Норт берет неловкий момент на себя и протягивает отцу руку для пожатия.

Я ловлю себя на том, что спрятала ладони за спиной и автоматически скручиваю кольцо с пальца. *Так, стоп!*

— Неожиданно видеть вас здесь.

— Я буквально вынудил Тиффани пригласить меня, — пожимает плечами Норт. — Иначе она никогда бы не решилась.

Ой, да ладно. Мечтал он познакомиться с моей семьей, ага! Что-то слабо мечтал, раз за девять месяцев времени не нашел.

Я мысленно отделяю котлеты от мух, то есть Норта настоящего от Норта «безобидного». Затем приклеиваю на губы фальшивую улыбку и морально готовлюсь весь день умирать от желания прибить всех присутствующих. Но едва успеваю сделать шаг в сторону столовой, как меня за руку дергает из ниоткуда возникшая Хилари. Дергает — и втаскивает в гостиную. Она всегда появляется бесшумно, подобно призраку. По-другому в этом доме правду не услышать, и отчасти я ее понимаю, но иногда это всерьез стремно.

— Норт Фейрстах, — начинает она восторженно. — Ты все-таки..

— Тссс! — Я заполошно выглядываю из-за двери и натываюсь на усмешку Норта, у которого абсолютный слух на музыку и чужие секреты. Закатив глаза, отворачиваюсь к Хилари обратно и скрещиваю руки на груди. — Я передумала, — объявляю. — И кое-что вспомнила.

— То есть вы правда еще до твоего падения были вместе?

Рассказывать ли об этом, мы с Нортом не обсуждали, и, если честно, совсем не хочется вдаваться в подробности. Поэтому я лишь загадочно подмигиваю Хилари, молчаливо благословляя сгорать от неизвестности весь день, и выскальзываю из дверей раньше, чем сестренка успевает опомниться. Для большей верности обнимаю Норта за талию, с трудом отгоняя желание скользнуть пальцами под свитер.

— Уилл, покажи гостю дом, а мы с девочками накроем стол.

Я бросаю выразительный взгляд на часы, намекающие, что время не завтрака, но и не обеда, но мама уже скрывается в кухне, старательно игнорируя все намеки.

— Отстой, — комментирует Хилари ее настроение и первой устремляется следом.

Я думала, что помощь на кухне обернется для меня допросом с пристрастием, но мама, к моему великому облегчению, решила со мной не разговаривать. И как только до сих пор не догадалась, что для меня это не наказание, а подарок. Впрочем, едва я беру в руки блюда, как она вырывает их у меня из рук с такой силой, что те чуть не разлетаются по всему помещению. И выплевывает:

— Надеюсь, хотя бы твоему отцу хватит мозгов выставить вон этого мальчишку.

— У меня для тебя скверные новости, мама, Норт — не мальчишка.

И вообще хрен его выставишь. Я вон уже неделю пытаюсь.

Я дергаю блюдца обратно. Несколько секунд мы перетягиваем их, точно канат.

— Что тебя так взволновало? — задумчиво спрашиваю я, наклонив голову вбок. Мама выпускает трофей.

— Ты привела врага.

— Даже если так, моего врага, а не твоего. Это не тебя сбросили с крыши и уж точно не тебя оставили в одиночестве без гроша и памяти в незнакомом городе. Так что о том, кто здесь враг, я бы еще поспорила.

— Я просто пыталась тебя защитить, а ты все испортила! — взвизгивает она. — Только этим и занимаешься!

— Мама, у нас гости, — робко подает голос Хилари. — Не нужно им это слышать.

Больше мы не разговариваем. Когда мы с сестренкой накрываем стол, мне все еще не по себе, а она переключается будто по щелчку. Разваливается в кресле и утыкается в телефон с улыбкой, даже не подумав продолжить допрашивать меня на тему Норты. Мама все еще копошится на кухне, раскладывая по вазочкам домашнее печенье, и есть пара минут для нормального разговора.

— Это ты с Герри? — поддеваю я сестренку, пока никто не слышит.

— Герри кобель, — равнодушно отмахивается она. Ее не удивляет, что я знаю. — Мы расстались.

— Ерунда. Найди кого-нибудь, и он тут же прибежит обратно, — пожимаю я плечами.

— Правда? — на мгновение в ее глазах вспыхивает интерес, но затем выражение лица становится кислым. — Неважно, он хочет «большого», а я не хочу... с ним. Это не изменится, так что лучше не продолжать.

От удивления я сажусь на стул лицом к сестренке, но она едва отрывается от дисплея, по которому порхают тонкие пальчики.

— Герри не из тех, кто принуждает.

— Тифф, — насмешливо морщится Хилари. — Он твой ровесник, для него иметь интимные отношения с подружкой — вопрос статуса. Друзья смеются — он давит на меня. Нет, не принуждает, но к чему это? Не стану же я, в самом деле, спать с парнем, который со мной только потому, что до сих пор сохнет по тебе.

— И что тогда ты в нем нашла?

— Он мне правда нравился. Он намного старше, он был королем школы. Это тоже вопрос статуса. Чему ты удивляешься? Уж ты должна понять. Сначала Герри Гамильтон, теперь Норт Фейрстах.

Я сплываю ком в горле, поймав в коридорном зеркале отражение плеча Норты. Интересно, он просто не заметил отражение или правда не рассчитал угол? И куда, черт возьми, делся отец? Почему оставил Норту? Неужели срочный звонок по работе? Досадно, что Норт слышал наш с Хил разговор.

— Проехали. Так кому ты пишешь?

— Да так, мы с подругой собираемся в Бостон за Рождественскими подарками, заодно где-нибудь посидим, погуляем. Должно быть круто. Я сто лет не была в Бостоне. А ты меня приглашать не спешишь.

Ее укор со свистом пролетает мимо. Приглашу, ага, вместе с Басом посидим в Старбаксе, кофейку попьем. А вечером я ее отправлю на автобусе домой одну. Или, опять

же, с Басом. Потому что диван, на котором я сплю, для двоих слишком узок. И потому что Надин наложила вето на посещения. Не хочу я перед ней отчитываться за то, что привела сестру!

Кстати об этом.

— Собираетесь ехать вдвоем? На автобусе?

— Нет, она немного старше, у нее уже есть машина.

У пятнадцатилетней Хилари начинается пора, когда одногодки получают права. Довольно опасное время. Но не мне, прыгающей на досуге по крышам (и не только по), ее предостерегать.

— Так, говоришь, что ты хочешь на Рождество? — переводит тему Хилари.

Как только разговор переходит в мирное русло, в гостиной появляется, собственно, Норт. И я, весьма однозначно намекая на то, что он прокололся, делаю не совсем уместный комплимент оставленным на зеркале цветам. Букет составляла мама, оттого мои слова звучат особенно странно, но, судя по хмыканью Норты, меня поняли.

Он выбирает стул по соседству с моим, что вполне логично, и усаживается за стол, не дожидаясь особого приглашения. Однако поскольку мы пока что сидим только вдвоем, когда входит мама, у меня возникает ассоциация со школой: грозная учительница оглядывает своих нерадивых учеников.

— Вы ведь учитесь вместе с Тиффани в колледже? — начинает она разговор, вполне взяв себя в руки.

На этот раз Норт бросает взгляд на меня, и я округляю глаза, невербально запрещая бросать на моих родных бомбу таким образом.

Да, мэм, учусь, только Тиффани там больше не учится.

— В целом так, миссис Райт.

Я закрываю глаза. Мать не могла пропустить эту оговорку, и по вскользь брошенному на меня взгляду становится понятно, что мне придется, так сказать, разъяснить некоторые моменты.

— Ну, что я пропустил? — жизнерадостно спрашивает папа, появляясь в столовой, потирая руки и разом заполняя все пространство.

Мне в голову приходит неуместная мысль о том, что отец гигант даже по сравнению с Нортом. Но маму это не тронуло: скрутила в бараний рог — и была такова.

— Присаживайся, Уильям, — тянет мама так сладко, что всем становится не по себе.

Ах да, ему следовало выгнать Норту взащей, а вместо этого он оставил гостя в доме без присмотра. Да, тут в каждом шкафу по скелету, но не в материальном же смысле: не вывалятся от случайного прикосновения к створке.

И тут папа, которому явно до чертиков все это надоело, в пику матери выдает фразу года:

— Ну, Норт, пусть новость о неожиданной помолвке моей дочери и стала для меня потрясением, теперь вы почти член семьи. Чувствуйте себя как дома.

После такого заявления я начинаю кашлять. Нет, не скрывать смех за кашлем: я натурально давлюсь воздухом. У мамы, судя по цвету лица, вдвое подскакивает давление, а Хилари вжимается в кресло так, будто мечтает с ним слиться, подобно хамелеону.

— Как, говорите, вы познакомились? Вы ведь старше, не так ли? — будто не замечая каламбура, интересуется отец.

Поворот на сто восемьдесят градусов: здесь уже начинаются неадекватности со стороны

«жениха». Вот он действительно скрывает смех за кашлем, и я спешно наступаю каблуком ему на ногу. Он реагирует совсем не так, как я думала: незаметно от родителей (но не Хилари!) опускает ладонь мне на коленку. И я понимаю, что это всего-навсего совет крепиться...

— Норт, не надо... — предупреждаю я вслух.

— Видите ли, то был просто худший вечер моей жизни. Начался он с толпы девиц с непристойными предложениями, а закончился тем, что я до двух часов ночи блуждал в полной темноте по кампусу в поисках секретаря кафедры.

— Боже. — Я не только отворачиваюсь, но и грубо скидываю его руку со своего колена.

— Сестринство, в которое метила Тиффани, выставило меня в виде вступительного задания. За один только вечер ко мне успело пристать столько девиц, сколько за всю жизнь бы не набралось.

— Ну конечно, — бормочу я раздраженно.

Кое-кто явно прибудняется, намереваясь произвести положительное впечатление.

Увы, рука Норты снова оказывается на моем колене, будто бы успокаивая, но вообще-то нисколько!

— И когда на горизонте нарисовалась Тиффани и прямо заявила, что на меня открыта охота, я уже все прекрасно понимал, был порядком на взводе и повел себя немного... грубо.

Краем глаза я замечаю, как Хилари, наострив уши и предвкушающе кусая губы, подается вперед.

— В ответ Тиффани облила меня пивом.

Я закрываю глаза, но чувствую, как большой палец Норты гладит меня по колену, затянному в один лишь тонкий капрон. И в данный момент в этом ничего сексуального!

— Тиффани, — стонет папа.

— После чего она написала мне сообщение, представившись секретарем деканата, и вынудила уехать блуждать ночью по кампусу якобы для подписания бумаг. Знай я Тиффани уже тогда, ни за что бы не повелся на это сомнительное сообщение, но я ее недооценил, за что и поплатился. В общем, незабываемое вышло знакомство.

— Тиффани! — на этот раз мое имя в исполнении отца похоже на рык.

И это он еще про Стефана и обнаженку умолчал! Пожалел ведь. Но, кажется, не меня, а отца.

— Он назвал меня Трейси и обозвал скучной, пап. Нет, ужасно скучной. И оригинальности во мне «на четверку». Я просто не могла это так оставить. — Со стороны Хилари раздается негромкий смешок, который приходится игнорировать. — Ты же знаешь: в колледже нужно себя поставить, иначе будут задирать до самого конца учебы. Нельзя быть ужасно скучной, — пытаюсь я объяснить, хотя это заявление далеко от правды.

Норт напрягается и сжимает пальцы на моем колене. Я знаю, о чем он думает: о словах Хилари.

В колледже нужно найти своего Герри Гамильтона и выжать из него все, что можно. А еще лучше — из Норты Фейрстаха.

— Ну, а что было дальше? — не успокаивается Хилари, не подозревая о той яме, которую вырыла мне своими словами. — Ты узнал и собрался убить Тифф?

— Не совсем, — многозначительно отвечает Норт.

Он всего лишь открыл обратную охоту и сделал меня своей.

Я открываю дверь своей спальни и пропускаю внутрь Норты. Проходя мимо меня, он не

отводит взгляд от лица. Тяжелый обмен, от которого становится не по себе. Но, давайте честно, мне всегда это в нем нравилось. До сих пор нравится.

— Удивительно девчачья комната, — заключает он, все же отведя взгляд от хозяйки. — Как зовут животное? — кивает он на игрушку на моей кровати.

Никак, разумеется, плюшевый медведь появился у меня всего несколько лет назад. Есть возраст, после которого игрушкам не дают имена. Как правило. Но вслух я этого не говорю. Напротив, самоубийственно сообщаю:

— Стефан, конечно. Ведь Тиффани спит со Стефаном.

Покачав головой в ответ на неизвестные мне мысли, Норт продвигается дальше. Застывает перед зеркалом, рассматривая фотографии, по которым я месяц назад пыталась разобраться в том, что же представляет из себя Тиффани Райт. Теперь мне, кажется, это известно.

И, знаете, Тиффани Райт была очень даже ничего! Она прекрасно училась, умела понравиться симпатичным ей людям, добивалась своего и любила. Достаточно сильно, чтобы рискнуть всем и не позволить любимому человеку совершить ошибку, о которой он будет жалеть всю оставшуюся жизнь. Видимо, Тиффани Райт была еще и наивна. Поплатилась она именно за это.

— Не вижу здесь Герри Гамильтона, — щелкает Норт пальцами по фотографии с выпускного бала.

— Насколько могу вспомнить, его фотографиями я комнату не обвешивала.

— Моими, полагаю, тоже? — насмешливо интересуется он.

— Нет, у меня только Стефан, — указываю я на медведя.

Уголки губ Норты вздрагивают в улыбке, и вдруг он меняет тему, кажется, возвращаясь к подслушанному:

— Думаешь, я все еще не знаю, какая ты? Питаю на твой счет иллюзии? Мне всегда нравилось, что ты умеешь позаботиться о себе, даже если твои методы спорные.

— Но у тебя сразу возникли вопросы, стоило воспользоваться моими методами для помощи твоему брату, — отвечаю я, плотно прикрывая дверь.

— Думаешь, дело только в тебе? Думаешь, я не замечал, что ты ему пишешь, как он на тебя смотрит? Знаешь, что он сказал мне в свое оправдание, Тиффани?

— Я ничего не знаю о том, что вы делаете по отношению друг к другу, — отвечаю я напряженно.

Это действительно так. Мне прекрасно известно, что Норт со Стефаном общаются, но, увы, на недоступном обывателю уровне. У них какая-то особая, доступная только близнецам связь, которая равновелико притягивает их друг к другу, но в то же время отталкивает. У них разные миры, разные компании, разное отношение ко всему, но есть какие-то дела, возможно связанные с отцом, из-за которых они действуют как единое целое. Как в тот день, когда Стеф забрал меня с улицы после подброшенных наркотиков. Когда Норт в кои-то веки сумел засунуть свое особое отношение к нам с его братом в задницу и вел себя почти прилично. И сам разобрался с Мэри...

— Он сказал: «Ты не можешь винить меня в том, что я влюбился в единственную девчонку, которой до меня по-настоящему было дело».

Внутри у меня что-то больно щелкает. За нас всех троих больно. У меня были подозрения по поводу «особого» расположения Стефа, но я не хотела им верить. И недостаточно вспомнила, чтобы сделать какие-то выводы для себя. Но есть у меня теория,

что, если бы не Норт, я была бы Стефану интересна примерно так же сильно, как Джессика Пирс.

Стефан курит прямо при входе в кампус. Это делать запрещено, но ему никто не препятствует. Потому что Стеф не поддается перевоспитанию. И потому, что он Фейрстах.

— Чего тебе? — спрашивает он, нервно затягиваясь.

— Я хочу, чтобы ты продолжил то, что мы начали. — Разумеется, я говорю о тех немногих вылазках, во время которых я была просто мебелью, на которую якобы не следовало обращать внимания, если верить словам Стефана. И присутствие которой, конечно, было не просто нежелательно — опасно.

Он заявился в кампус в обычной одежде, как бывало, когда он нарывался на неприятности с администрацией. Едва я это увидела, как сразу поняла: дела опять плохи. Накануне у него снова состоялся разговор с отцом, который на самом деле не был разговором. Можно увидеть многое, если знать, куда смотреть.

— Так, слушай меня, голубоглазка. Я понятия не имею, что у вас там с моим братом, но впечатлить его с помощью меня не выйдет. Тут такая тема: либо ты из моего лагеря, либо из его.

— При чем тут твой брат? — мрачней я, не представляя, откуда он вообще знает о наших редких встречах с Нортом. Я уж точно никого в это не посвящала. И он, готова спорить, тоже не из болтливых.

— Хочешь попрактиковаться в этом бабском я-не-такая? — спрашивает он, выдохнув в сторону длинную струю дыма. Спасибо, что не в лицо. — Хрен там. Девчонки, которым от парня ничего не надо, не лезут в его постель, не фоткаются в его одежде и не трутся вокруг его родственников. Хорошая новость: у него на тебя стоит с тех пор, как ты разослала по кампусу селфи в его рубашке. Так идите и трахнитесь. Благословляю. В чем проблема?

— Окей, ты козел, — выплевываю я, но даже не думаю уходить. Ясно же, к чему эта грубость: он стыдится своей слабости и пытается меня оттолкнуть. — Но я все равно хочу, чтобы ты продолжил то, что мы начали.

Стефан впервые за разговор смотрит мне в глаза.

— Может, и козел, но не такая бездушная скотина, какой кажусь на первый взгляд, девочка. Я не хочу тебе зла. Поживи немножко, прежде чем совать голову в петлю.

С этими словами он отбрасывает сигарету, даже не затушив, и уходит. По скованности походки я вижу, что ему больно.

Я смотрю на тлеющий огонек и топчу его ногой. Поговорим еще раз, когда Стеф будет в лучшем настроении.

По-моему, Стефан вообще избегает сближаться с людьми, поскольку чувствует на себе черную тень Баса. Едва он нарушил это правило в моем случае (даже на чуть-чуть), я пострадала. Я была бы мертва, если бы не везение. Какой процент людей выживает после падения с крыши? И сколько из них не становятся впоследствии инвалидами?

— Полагаю, симпатия Стефана каким-то образом делает меня виноватой?

— Виноватой тебя делает твое вранье. Каждое слово, вылетающее из твоего прелестного ротика, необходимо проверять.

— Ты за этим навязался ко мне домой? Проверять лживость моего прелестного ротика? Вдруг я вру, что меня столкнули с крыши, что я теряла память, что мать может ударить меня

так, что Стефан заметит это даже в темноте через несколько часов и начнет расспросы?

Норт разворачивается и плюхается на мою кровать.

— Я настаивал на поездке не за этим. Нужно было кое-что проверить.

— Проверил?

— Боюсь, что да. Тебе не понравится.

С этими словами он откидывается на мою кровать и, задумчиво покрутив в руках медведя с новообретенным именем, сбрасывает его на пол. Нет, умом я понимаю, что это все демонстрация и даже провокация, но Норт просто ужасен. В данный момент мы играем в игру «оправдай самые худшие ожидания».

Я могла бы сесть в компьютерное кресло или вообще устроиться на подоконнике (уютные местечки у окна — наш общий с Хилари фетиш), но это моя кровать. И трусихой я выглядеть не собираюсь, подначивая и без того непомерное самолюбие Норты, уверенного в своей полной неотразимости. Я плюхаюсь рядом и утыкаюсь в телефон. Не Норты же мне разглядывать? Хватает и того, что я чувствую его притяжение каждой клеточкой тела. Думаю, стой я посреди комнаты с закрытыми глазами, я бы точно определила, с какой он от меня стороны. Я в самом деле его *чувствую*.

Звонка от Баса так и нет. Вообще никаких новостей.

Признаться, на протяжении двух, а теперь уже и трех недель, я ждала появления рядом с собой другого близнеца. Это было бы логично, обоснованно. Но когда выяснилось, что Норт прижал Стефа к стенке и даже выбил своеобразное признание о неровном ко мне отношении, все встает на свои места. Это то же самое братское единство с подчеркнутой уступкой места, доступное только близнецам. Но неужели Стефан не понимает, что с Нортом мне многократно сложнее? Какого черта он залег на дно? Да, наши попытки восстания против его отца не увенчались успехом (мягко говоря), но он завяз в этом деле по уши. Я буду сильно разочарована, если теперь он умоет руки, сдав меня на попечение Норты.

— У тебя плакат Lorde на стене.

— Сорвешь его, как поступил с беднягой Стефом? — уточняю я флегматично, но замечаю в окне силуэт отца. — Норт, если я тебя оставлю тут, ты сможешь не запугать до полусмерти маму и Хил, пока я разговариваю с папой?

— Мне казалось, в этом весь смысл.

Он перекачивается на бок, подставляя руку под голову, и выразительно выгибает брови. Я с трудом отгоняю наваждение и поднимаюсь.

— Смысл есть, если при этом присутствую я.

— Договорились. Компромат искать можно?

— Компромат? Ха, попробуй. — Я живо поднимаюсь на ноги, силясь не рассмеяться.

Пока я не выбралась из этой комнаты в Бостон, я вообще не представляла, что я за зверь такой. Здесь нет ничего, что характеризовало бы Тиффани Райт. Включая плакат Lorde.

У отца золотые руки, поэтому наемных рабочих в нашем доме не бывает. Или не поэтому, а из-за известной маминой прижимистости. Но факт остается фактом: несмотря на наличие в доме гостя, отец идет в сад за домом подстригать на зиму кусты. На неделе у него на это времени не найдется: он допоздна на работе.

Накинув нелепую, ярко-желтую старую отцовскую куртку, висевшую у выхода на задний двор, я выхожу на улицу, подавляя ощущение внутреннего раскола. Мой родной дом поделен на две части: на маму и папу. Первую я всей душой ненавижу, а во вторую мне хочется закутаться, как в уютное одеяло. Как... в ярко-желтую куртку с рукавами по колено.

— Папа, — зову я, подходя ближе. — Мне нужно кое-что тебе сказать наедине.

Впервые за то время, что я здесь, вижу: он до сих пор не до конца простил мне послание на день Благодарения. Он не смотрит на меня, вместо этого продолжает кромсать ветки остро заточенными садовыми ножницами.

— Не думал, что сын Говарда Фейрстаха окажется приятным парнем.

Я помимо воли бросаю взгляд на свое окно. Я до сих пор не знаю, является ли Норт приятным парнем. Наверняка он заметил меня во дворе (эту куртку не пропустишь), но дергать во все стороны занавеску не стал, оставив эту манеру маме и Хилари.

— Да, но я хотела поговорить не о нем.

— Правда? А неплохо бы поговорить о нем. Или о том, как упорно ты отрицала его предложение. Почему, Тиффани? По сравнению с Фейрстахами мы недостаточно хороши? Как я понимаю, вы уже давно вместе, но ты отнекивалась до последнего.

Мои щеки стыдливо вспыхивают, но как объяснить папе сложность всей этой ситуации с Нортом, Говардом Фейрстахом, кольцом и всем остальным?

— Я правда не помнила...

— И до падения тоже, видимо, страдала забывчивостью.

Господи, я начинаю понимать, за что Стефан ненавидит брата. Норту хватило часа, чтобы обаять моего отца и настроить против меня, даже не имея этого в мыслях. Но, знаете, я тоже ужасная и тоже могу драться больно и не слишком честно.

— Пап, а Норт точно настолько хороший, как ты думаешь? Тебя, например, не смущает, что пока я месяц валялась на больничной койке, Норт ко мне не пришел ни единого раза? И потом, когда я вышла из больницы. И что он пытался меня сбить по приезду в колледж? И что он долгое время не признавался, что мы встречались, пока я не выяснила это через третьи лица. Папа, мы с ним были какое-то время вместе, но расстались. Не думаю, что следует тревожить вас с мамой и Хил из-за каждого моего увлечения.

— Я хотел бы, чтобы моя маленькая девочка меня тревожила. Но ты уже не маленькая, и это подтверждает кольцо на твоём пальце. И письмо, в котором ты винишь семью во всех своих бедах.

— Это неправда. Просто теперь, когда я узнала, какой стала в колледже... мне эта девушка нравится больше. Будет логично равняться на себя такую.

— А меня пугает, что эта девушка спрыгнула с крыши.

— Она прыгнула не сама.

Отец отбрасывает в сторону ножницы и устало сбрасывает следом перчатки.

— Так поведай мне, Тиффани, как после таких заявлений я должен со спокойной душой

отпустить тебя в Бостон? Я успел десять раз пожалеть, что вообще согласился на твое возвращение в колледж.

Можно подумать, у него был выбор. Я собрала вещи и уехала без денег и поддержки. Родителям оставалось разве что связать меня, остальное мама перепробовала. Ну или мотаться за мной хвостом по всему Бостону. Или...

Я бы на месте родителей придумала, как заставить полицию меня задержать. Негуманно, но безопасно. Или было бы безопасно, не будь Говард Фейрстах прокурором.

— Пап, — смущенно зову я. — Да, с Нортсом у нас все непросто, но он действительно адекватный. Зла мне не желает. И... есть не только он. Ребята, с которыми я живу, с которыми работаю. Я не одинока, пап.

— Но Норт сын Говарда Фейрстаха. Человека, которому ты пожимала руку, и делала это явно неспроста, — хмуря брови, говорит с намеком отец.

— Да. — Я набираю воздух в легкие. — Тебе следует знать, что он фактически купил Бостонский колледж. Сразу после того репортажа меня отстранили от занятий под предлогом эмоциональной нестабильности. И... и я взяла академический отпуск. Продолжу обучение на следующий год. Возможно, в другом заведении.

Лицо отца на глазах старится на несколько лет.

— Напомни, почему я не могу посадить тебя под замок? — грозно спрашивает он.

— Насилие, похищение. От двадцати лет.

Шутка папе не заходит.

— Я понятия не имею, что ты делаешь, Тиффани. Но, видимо, повлиять на это никак не могу. Надеюсь, ты не зря доверяешь людям, которых выбрала себе в друзья.

А уж я как надеюсь.

— Можно мне тебя обнять? — неожиданно хлопнув носом, интересуюсь я неловко.

— Тебе никогда не нужно об этом спрашивать.

Я закидываю руки на шею отцу. Длинные рукава, которые я поленилась закатать, при этом смешно взлетают в воздух. Несмотря на тяжелый разговор, мне тепло и уютно.

Как ни удивительно, ланч прошел мирно. Как, впрочем, почти весь день. Потому что мама всячески пыталась изолировать меня от Норта, а я не препятствовала. Восторга я, конечно, тоже не испытала (при маме даже с Хил не пощечечешь), а уж оставлять отца с «безобидной и обаятельной» версией Ворчуна было и вовсе небезопасно для моей психики. И все же день, когда мы обходимся без повышенных децибел и рукоприкладства, — хороший день. Это большее, о чем я мечтала весь первый курс колледжа. А потом было лето. И число «хороших» дней устремилось к нулю.

— Норт, вы какое вино предпочитаете?

К концу дня я начала подозревать, что если я не выйду замуж за Норта, то это сделает мой папа. Они сыграли в шахматы вничью, и это окончательно убедило отца, что лучшей партии для старшенькой не сыскать на всем белом свете. Думаю, если бы ему довелось вести меня к алтарю и я бы внезапно передумала, отец бы скрутил меня по рукам и ногам, а затем передал с рук на руки будущему мужу.

— Впереди еще обратная дорога, — виновато поднимает руки Норт.

— Вы можете остаться.

— У меня завтра смена, — отрицательно качаю я головой.

Мама звякает ложкой.

— Ах, в том самом кафе. Ты туда вернулась? — мигом насаждает мама. — Когда это?

Мы с папой многозначительно переглядываемся, и он хмурит брови, не одобряя молчание. Интересно, мама вообще понимает, что, если бы не отец, семья бы уже давно развалилась? Только любовь к нему держит нас вместе.

— Как только взяла академический отпуск в колледже, — говорю я без эмоций.

— Ты сделала... что?! — взвизгивает мама, не сдержавшись, и тотчас закрывает рот ладонью. Опомнилась, что в доме посторонний. — На кухню, Тиффани, немедленно!

— Нет. Все, что ты хочешь мне сказать, говори здесь. Все свои.

Я демонстративно беру Норта за руку и только тогда понимаю, насколько ледяные у меня ладони. Его кожа чуть не обжигает. Думаю, коснись я стремительно багровеющего лица матери, получила бы ожоги второй степени.

— Уильям! Ты... ты знал!

— Тиффани предупредила меня, — выгораживает меня отец, не уточняя, когда именно я его предупредила.

— И ты ничего мне не сказал?! — Отец лишь пожимает плечами. Мама награждает его многообещающим взглядом и снова переключается на меня. — Как ты можешь быть такой неблагодарной?! Мы оплачивали твое обучение, но...

— Нет, я благодарна. И не собираюсь брать у вас ни цента на будущее обучение. Но... разве не ты настаивала, чтобы я бросила учебу из-за травмы? Вот, я это сделала.

Нет, тут что-то не сходится. Я рассчитывала, что она начнет брызгаться ядом, повторяя «я была права, я говорила», но она против. Почему она против? Потому что я не только бросила колледж, но и не вернулась домой? Или тут что-то другое?

— В этом был смысл до того, как ты вернулась в свой ужасный колледж!

Я решительно ничего не понимаю. Хмурю брови, силюсь разобраться и так напряжена, что не сразу замечаю, насколько сильнее Норт сжимает мою руку.

— Я не... — говорю, пытаюсь освободить пальцы, но он не пускает.

И только тогда я опускаю взгляд на наши сцепленные руки и осознаю, что он хочет мне что-то сказать. Что-то, что мне совсем не понравится. Мир останавливается и пропадает, жуткая догадка бьет меня с такой силой, что я рывком выдергиваю пальцы из ладони Норта.

— Ты что-то знаешь... — начинаю я, вглядываясь в самую глубину глаз Норта.

— Мой отец заплатил за то, чтобы ты не вернулась в колледж. Чтобы была принята версия о наркотиках и самоубийстве.

Я чувствую, как бледнею. Оборачиваюсь к матери и вижу, как дрожат у той губы.

И все, буквально все встает на свои места. Ее поведение с самого начала не укладывалось у меня в голове. Если бы не Хил, она действительно отрезала бы меня от Бостона. Я бы, само собой, нашла способ заработать (или заняла у того же Герри — уговорила бы как-нибудь), но это бы меня задержало, а до конца семестра и без того оставалось не так много времени. Она следила за моим расписанием, она пыталась меня вернуть и удержать дома снова после выходки девочек из Каппы. И она пришла в ужас, увидев на пороге дома Норта Фейрстаха. Это все не случайные совпадения! Да, их можно было бы объяснить ее врожденной жестокостью, но все же это слишком: она моя мать. Просто ее... купили.

— Заплатил?! — раздается вой, в котором я едва узнаю голос Карен Райт. — Они угрожали раскрыть, что ты сделала! Рассказали, что ты спуталась с мальчишкой-наркоторговцем, что украла дорогое кольцо. Официанткой много не заработаешь — все

казалось логичным. Они обещали засадить тебя за решетку, если ты вернешься в колледж. И обещали заплатить, но только если ты действительно откажешься копаться в этой истории и начнешь новую жизнь подальше отсюда.

Нет, не все так логично, как мне показалось изначально.

Засадить за решетку? Фейрстахи? Какую решетку, если на меня сразу была открыта охота? Или нет? Тот нож в сарафане был призван напугать, а вот когда не вышло, Бас попытался меня переехать. И все же браво. Отлично они все вывернули! Даже реально существующее кольцо приплели.

— Мам, речь вот об этом кольце? — спрашиваю я, стягивая с пальца омерзительный ободок и швыряя его на стол, будто раскаленный. — А тебе не кажется несколько странным, что после того, как эти люди попытались меня убить, вдруг сжалились и решили сделать хорошую мину и обратиться к закону? Почему они не пошли в полицию сразу, а начали радикально? Почему вдруг передумали? Расчувствовались? Раскаялись? Записались на курсы управления гневом? Ты вообще пыталась подумать, прежде чем приниматься отравлять мне существование с удвоенным усердием? Ты хоть раз в жизни пыталась занять мою сторону? Или ты просто пыталась выбить пощечинами из моей головы те гадости, которые сама же обо мне напридумывала?

— Карен, о чем она говорит? — грозно спрашивает отец.

— После падения она многое навоображала, — без запинки отвечает мама, а у меня отвисает челюсть. Она бледна как полотно, но все упрямо отрицает.

— Хилари...

Сестренка отводит глаза. Либо мне слышится, либо Норт тихонько чертыхается на выдохе.

— Поехали, — говорю я, не в силах выдать больше ни слова.

Я чуть не забываю вещи, прежде чем выскочить на улицу. И не успеет Норт открыть замок машины, я бы вырвала, пожалуй, дверь к чертям. Тушуюсь на мгновение только, обнаружив на сидении... медведя Стефана. Впрочем, он секундой спустя кувыркком летит назад вместе с моей курткой и рюкзаком.

Норт тоже не мешкает, понимая и принимая мое состояние. Но едва он пристегивается, как мою дверь рывком раскрывает заплаканная Хилари.

— Тиффани! — кричит она. — Прости меня, прости! Но как ты не понимаешь?! Это ты отсюда вырвалась, а мне жить с мамой, и она...

Не знаю, чем бы это могло закончиться, но Норт, не давая мне отреагировать на этот поток чистой мысли, дергает с места. Хилари буквально отрывает от машины, и дверца сама по себе захлопывается потоком воздуха. Напоследок сестра выкрикивает мое имя, и в боковом зеркале я вижу, как она хватается за голову. А потом перевожу взгляд на себя. На свое лицо. Оно даже мне сейчас кажется страшным.

Боли и потрясений слишком много. Пройдет время, прежде чем я сумею все это осознать, обработать и принять решение. В данный момент мне необходимо другое: слить избытки эмоций.

— Не думай, что я не поняла, к чему все это! — выплевываю я. — Думала, ты желаешь мне добра, приехал поддержать, но ты просто нашел единственное доказательство невинности отца и вывалил на меня его самым мерзким образом. Поверить не могу, что рассказала тебе о своей семье. О том, как оно было. Ненавижу тебя. Думаешь, выгородил его? Думаешь, теперь я отступлюсь?!

— Мой отец не такой уж и монстр, чтобы пытаться тебя убить за детскую выходку. Даже когда все свершилось, он попытался откупиться, припугнул. Но в этом ничего странного нет, учитывая, что за цирк вы устроили со Стефом. Брат все мне рассказал, совсем все. А тебе, очевидно, нет.

Опять эта гребаная братская связь, играющая против меня!

— Ты просто защищаешь своих!

— Тиффани! — рывкает Норт, останавливая меня прежде, чем я дойду до точки, за которой уже ничего не услышу. — Крыша, дождь, пистолет, Стефан и Бас. Все, что там было. Как оно было? Все в твоей голове. Вспоминай! Чем дольше ты тянешь и боишься, тем больше шанс, что наделаешь новых глупостей! Если тебе расскажу об этом я... да даже если Стеф, ты все равно не поверишь. Вы со Стефаном приехали к моему отцу изображать двух влюбленных идиотов, не знающих слова «контрацепция», что было дальше?

Едва я вижу Говарда Фейрстаха воочию, без приятной маски политика, как понимаю, что придется туго. Он сидит в гостиной, читает книгу, а рядом с ним, позвякивая бриллиантовыми серьгами, потягивает красное вино девушка лет двадцати трех-двадцати пяти. В шелковом вечернем платье, подобранном тон в тон к напитку. Прекрасная до рези в глазах. И такая же пустая. Едва Говард велит ей уйти, как она поднимается и покидает комнату, не говоря ни слова. Припомнив, что мать Норта и Стефана погибла в автокатастрофе больше пятнадцати лет назад, я слегка вздрагиваю.

— Ждите. Мне нужно дочитать главу, — первое, что я слышу от хозяина дома.

Поскольку Стеф заранее предупредил меня ни на чем не останавливать взгляд дольше двух секунд, за несколько следующих минут я успеваю измучиться. И все равно от звучного хлопка закрываемой книги пробирает дрожь.

— Чем обязан? — Говард выдавливает улыбку, проходясь по мне оценивающим взглядом с головы до ног, не имеющим никакого отношения к мужскому интересу.

Я даже задаюсь вопросом, как это Норт понизил планку до меня при такой-то мачехе и, очевидно, наследственности. Спорю, при иных обстоятельствах Говард Фейрстах мог бы пройти сквозь меня, даже не заметив.

— Папа, я хочу познакомить тебя с Тиффани.

«Как в дешевом романе, — запоздало думаю я. — Как мы могли придумать такую чушь? Понадеялись, что Говарду отшибет мозги, и он поверит из страха за свою карьеру?»

А затем себя утешаю:

«Миллионы американок залетают в колледже от неподходящего парня, и обычно это заканчивается как у Айрис. Собственно, ее историей я и вдохновлялась при создании этого идиотского сценария. Только на Айрис никто не собирался жениться и с монструозным папой не знакомил. Ей грозил академический отпуск длиной в жизнь — и все».

— И зачем же мне знакомиться с... Тиффани? — явно сделав над собой усилие, спрашивает Говард.

— Потому что у нас будет ребенок.

В этом месте Стефан берет меня за руку, показательно переплетая пальцы. Надо сказать, это очень странное чувство: держать за руку почти Норта и как Норта, но все-таки не Норта. Я пытаюсь сконцентрироваться на чем угодно, кроме этого, и вообще поменьше шевелиться.

— Так. — Говард отложил книгу и поднялся из кресла. — Пройдемте в кабинет.

Идем мы неожиданно долго. Должно быть, кабинет Говарда располагался в самой

глубине дома для того, чтобы посетители успели проникнуться величием и убранством. Впрочем, меня лишь подташнивает от страха. Что ж, образ беременной подружки становится еще более достоверным.

Но когда мы входим в кабинет, первым делом я чувствую, как пальцы Стефана впиваются в мою ладонь. В кабинете Говарда в его кресле, скучающе вертя пальцами ручку стоимостью в мое годовичное жалование, сидит практически эталонно красивый человек. По реакции Стефана я сразу понимаю, кто он. Не поднимая на нас глаз, мужчина скользким движением вытекает из кресла и прилипает к книжному шкафу. В его движениях мне чудится что-то нечеловеческое. Он пугающе хорошо владеет своим телом.

— Еще раз: что, вы говорите, здесь происходит? — Говард плюхается в освободившееся кресло и брезгливо возвращает на место ручку.

— Зачем здесь он?

В присутствии своего мучителя Стефан буквально на глазах выцветает, и я чувствую, что план начинает разваливаться.

— Потому что он лучше меня управляется с безголовыми юнцами вроде вас. Я еще раз спрашиваю: что здесь вообще происходит? — тон Говарда становится угрожающим.

— Я уже сказал, отец, что просто решил донести до твоего сведения, что мы с Тиффани ждем ребенка и обручились.

— Ясно, — задумчиво стучит Говард пальцами по столу. — А с Нортом вы это уже согласовали?

Он жестикулирует на первый взгляд свободно и открыто, будто ничего подозрительного не ощущает, но моя тошнота усиливается.

— При чем здесь Норт? — выплевывает Стефан. На этот раз у него получается очень достоверно.

— При том, что по моим источникам, если мисс Райт и беременна, то от него. Хотя... ты можешь удивить меня, сын. Впрочем, возможно, это не столь существенно. Ребенок точно будет похож на вас обоих. Уж как-нибудь разберетесь со своими бразильскими страстями.

«Сами разбирайтесь со своими проблемами», — так и слышу я голос Норты, хотя на самом деле у меня в ушах нарастает звон разлетающегося на осколки плана. Он знает, кто я. Он знает, с кем я на самом деле! Он понимает, что мы пришли за чем-то другим.

— Меня волнует не это. Что есть у мисс Райт на твой маленький секрет?

Говард вроде бы и обращается к сыну, но смотрит на меня. И я понимаю, о каком секрете речь: он говорит о торговле наркотиками. Он знает, что я ездила со Стефаном по клиентам.

— Вы хотите сказать, на ваш маленький секрет, — вступаю я в игру. Черта с два я буду юлить.

— Я хочу сказать, что не имею никакого отношения к действиям Стивена.

Я непонимающе моргаю, силясь понять, кто такой Стивен. И только потом осознаю, что речь о Стефане. Выходит, он так ненавидел дом и своего отца, что даже изменил звучание имени вне его стен. И Норт... мой Норт, который якобы не поддерживает брата ни в чем, это понимает и уважает. Сдается мне, человек, которого оба они ненавидят по-настоящему, сейчас передо мной.

— Да, это я понимаю. Стефан, — подчеркиваю голосом, — не стал бы связываться с наркотиками сам.

Мой сопровождающий, велевший мне молчать и не вмешиваться, до боли впивается в мою руку ногтями, и я раздраженно ее вырываю. Будто еще есть шанс, что кто-то поверит, что мы вместе!

Говард смеется.

— Какая страстная особа. Я почти понимаю, что в вас нашли мои сыновья, мисс Райт. — От этого заявления я хмурюсь. — Но смею сказать: вы не знаете ни одного из них. Это сейчас Стивен против меня, а раньше не был. Он мальчишка, который привык к роскошной жизни. Думаете, его заботят нормы морали? Он просто устал подчиняться, максималист, который хочет жить по собственным правилам. Да сами подумайте: Стивен использует вас, чтобы помочь себе, осознавая риски. Мой второй сын — приспособленец, и я с этим уже смирился. Как и с тем, что без моей твердой руки он попросту пропадет. Вы же сами выбрали из них двоих Норта, потому что прекрасно понимаете, насколько он надежнее. Он способен выстроить собственное будущее, я это признаю. Но, увы, у меня плохие новости: вас он для себя не выберет. Он всегда занимает мою сторону. Или свою собственную, что одно и то же. А вы при всей вашей идеалистичности и горячности ничего из себя не представляете. И мне жаль, что эти качества — причина, по которой придется так поступить...

Он щелкает пальцами и указывает на меня. Его цепной пес чуть ли не одним движением оказывается рядом со мной.

— Проводи гостью и позаботься, чтобы я ее больше не видел, — велит Говард. — А ты, Стивен, останься.

Я напряженно гляжу на побелевшего Стефана. И вздрагиваю, неммыслимым образом пропустив момент, когда холодные пальцы вцепляются мне в подбородок, поднимая голову выше, к свету.

— Интересно, — слышу я задумчивый, но в остальном лишенный эмоций голос.

Я знаю, о чем он. Но все равно не ожидала, что след от материнской пощечины все еще настолько заметен даже в электрическом свете лампы.

— Идемте, мисс.

Он хватая меня за локоть стальной хваткой и ведет к выходу. И я понимаю, что это совсем не конец.

Бас вышвыривает меня за дверь, и я едва не бегом направляюсь к машине. Вваливаюсь внутрь салона, бросаю рюкзак на соседнее кресло. Нужно ли мне предупредить Норта о том, что его отец все знает? Я мечтаю, чтобы он меня успокоил, но не понимаю, как все объяснить.

И еще не могу позволить себе эту отдушину, потому как понимаю: со мной не закончили. Басу мало сделать мне внушение. Он будет запугивать, загонять, как жертву. Едва я трогаюсь, как замечаю в зеркале заднего вида свет фар. Господи. Куда ехать? К Норту? В кафе? Только в кампус. Там нет никого, кто мне близок. Я пишу Стефану, где меня искать.

Я вынуждена бросить рюкзак в машине, чтобы быть быстрее. С собой беру только припасенный пистолет и телефон. Если вдруг Норт все-таки откликнется, я должна об этом узнать!

Я выскакиваю под дождь, захлопываю дверь машины и бегу. Бегу куда-то к корпусам. В спину мне бьет свет фар автомобиля преследователя, освещая путь. Или не давая затеряться в ночи. Я не понимаю, вышел ли он из машины, оставив свет для устрашения,

или все еще в ней, наслаждается зрелищем затравленной жертвы, сидя внутри. Я не оборачиваюсь, чтобы это проверить.

Я бегу к библиотеке. Я проводила там столько времени, что изучила основной зал от и до, я смогу там сориентироваться в темноте. И там есть сигнализация. Если я выбью стекло, придет полиция. Меня могут обвинить в мелком хулиганстве, но это лучше, чем попасться в руки преследователю.

Спокойно, Стефан меня найдет.

По пути к библиотеке я вымокаю до нитки. Выбить стекло, оказывается, ничуть не просто! Я раз за разом пытаюсь это сделать локтем, но результат неутешительный: только рука немеет. Я истерически оглядываюсь и вижу, как в свете фар ко мне медленно, вальяжно движется мужская фигура. Бежать по кампусу кругами я не могу: мою выносливость не сравнить с мужской. Я могу поскользнуться на вымокшей траве. И Стефану, чтобы меня найти, нужна однозначная точка.

К черту, пусть увидит пистолет, Тиффани!

Паника накрывает с головой, я стреляю, а потом выбиваю остатки стекла ногой. Буквально рыбкой юркаю в проем, уже не заботясь особо о том, чтобы не сильно удариться. Лишь бы преследователь меня не догнал!

Спрятавшись за одной из многочисленных книжных полок, я напряженно смотрю на окно. Сигнализация визжит, заглушая все звуки, поэтому я не могу просто затаиться и слушать. А если не буду точно знать, где мой преследователь, — сойду с ума. Мужчина не озадачивается кувырками, как я. Он обматывает тканью руку и вытаскивает осколки, прежде чем влезть в окно. Он обладает грацией безумного хищника. У меня от одного его силуэта бегут по коже мурашки.

Он устремляется к полкам — благо не тем, где я, — и по мере его приближения, я начинаю различать то, как он насвистывает мелодию. Мелодию, пробирающую до печенок.

Он скрывается из виду, и меня начинает душить настоящий ужас. Я зря выбрала библиотеку. Этот человек может стоять в любом из проходов, дожидаясь, когда я выйду из-за стеллажей. Мне ужасно хочется посмотреть в телефон: нет ли новостей от Норта, не сдох ли сотовый вообще под таким дождем? Но едва дисплей загорится — меня найдут. Я вынуждена мучиться неизвестностью.

Сигнализация воеет. Приедет либо Стефан, либо полиция. Надо только дождаться.

Нельзя стоять на одном месте: так он меня точно обнаружит. Я тихонько дохожу до конца стеллажа и выглядываю. Страх пробирает до костей. Оглядываюсь, потому что именно так в фильмах обычно подкрадываются к героям маньяки: сзади.

Юркаю в другой ряд. Там тоже чисто. Мне нельзя стоять на месте, нельзя стоять! Не свернув в третий раз, в четвертый, я начинаю понимать, что мужчина будто испарился. Незнание давит на психику еще сильнее присутствия, и я не выдерживаю. От страха я дышу все чаще и понимаю, что так недалеко до гипервентиляции. Если бы не крик сигнализации, преследователь бы уже вычислил меня по этому пыхтению.

О лестнице, ведущей наверх, я вспоминаю не сразу, дважды подумать о правильности своего поступка я уже не могу. Сбрасываю обувь и, оглядевшись, шмыгаю к ней, а затем почти бесшумно взбегаю по металлическим ступенькам. Я надеюсь, что искать меня он не станет.

Тиффани: Я на чердаке библиотеки.

Это я пишу Стефану прямо перед тем, как слышу доносящийся снизу свист... и шаги на

лестнице.

Я сижу на чердаке библиотеки, скованная ужасом перед своим охотником и высотой одновременно. Я часто ощущала себя жертвой, которую загоняют в угол, но не буквально. Мне всегда было куда бежать, куда вырваться, к чему стремиться. Но я в тупике, на высоте, которой боюсь до дрожи, и все равно куда меньше, чем его. Я не должна бояться, мне нужно подумать. Я достаю телефон и проверяю в последний раз, нет ли звонка от Норта. А потом, вытерев ладонями мокрое лицо, действительно открываю засов, потому что надеюсь проскочить обратно в библиотеку, прикрытая стеной дождя или с помощью пистолета, и оставить этого человека на крыше. Пусть полиция разбирается с ним, когда придет. Кстати, где она? Почему так долго?!

Дождь льет сплошным потоком. Моя одежда уже промокла до белья, и я должна быть синей от холода. И страха. Каждый шаг по крыше дается мне с таким трудом, будто к ногам по центрнеру привязано. Развернувшись, я достаю пистолет и беру на мушку дверь. Но выходит он, и я застываю истуканом, парализованная, не в силах двинуться вове.

Норт обещал меня удержат и не взял трубку. Почему? Будь здесь он, у меня был бы шанс. Хотя бы шанс!

Я направляю на своего мучителя пистолет дрожащими руками. Выстрелить... смогу ли я выстрелить?

— Отдавай, — говорит убийца, протягивая руку.

Я пячусь назад. Рациональная часть меня понимает, что крыша закончится, идти некуда, надо остановиться, но страх сильнее. Я выпрямляю руки до максимума. И мой убийца, закатив глаза, преодолевает расстояние между нами в пару шагов, вырывает пистолет и швыряет его на крышу.

Отлично: я не могу выстрелить в человека даже перед угрозой жизни. Если мне нужен был ответ на вопрос, похожа ли я на маму, то вот он. Моя щека горит болью даже под холодными струями дождя. Человек, который может сделать такое с собственным ребенком, — выстрелит. Наверное. А я не могу.

— А теперь телефон, — велит тот, кто, как я теперь знаю, зовется Басом.

Я начинаю мучительно соображать сквозь липкую пелену страха: он не выстрелил в меня. Допустим, не хотел огнестрельного ранения, но заставляя меня отдать телефон... Он мог бы сбросить меня с крыши или ударить и отобрать, но он ничего из этого не делает.

Я напряженно отдаю ему мобильный и смотрю, как он удаляет запись с Говардом, а может, и не только ее. Он избавляется от улики. Что-то будет.

— Дрожишь? — ужасающе улыбается мужчина. — Ты заслуживаешь немного страха.

— Вы не собираетесь...

Он смеется. Скрипуче, неприятно. Он как прекрасное в своей красоте алое яблоко, насквозь гнилое внутри. В нем нет ничего красивого, кроме оболочки.

— Ну ты же не придешь к Говарду Фейрстаху еще раз, если он пожелал тебя не видеть? Я бы мог сбросить тебя с крыши в любой момент, и я бы с удовольствием это сделал, не сомневайся. Но нам ни к чему сейчас трупы. Впрочем, предвыборная кампания длится не так уж долго, поэтому веди себя как хорошая девочка, мисс Райт. Ах да, и не приближайся больше к его сыновьям. Ни к одному из них, ясно? Мы друг друга поняли?

Я помимо воли вздрагиваю, чувствуя, что угроза отнюдь не пустая.

— Отойди от нее! — слышу я ледяной голос Стефана. Занятая уже-вроде-как-и-не-

убийцей я даже не заметила, как он очутился на крыше, куда я его настойчиво зазывала еще несколько минут назад.

— Так-так-так, — с выражением блаженства на лице говорит мужчина. — Моя милая комнатная собачка явилась. Что это ты здесь делаешь? Разве тебе не положено умывать руки в другом месте?

Стефан направляет на мужчину пистолет. Тот пистолет, что недавно был в моих руках.

— Стеф, не надо, — говорю я громко, понимая, что за грохотом дождя он не слышал ни слова из речи Баса. — Он...

Но мужчина хватается за локоть и рывком тянет вперед. Я кричу от страха, ведь мы на мокрой, скользкой крыше, и я дошла почти до самого края.

— Зачем ты здесь, Стивен? — спрашивает мучитель. — Ты никакой не герой. Подставил ни в чем не повинную девчонку, подружку своего брата, а теперь спохватился и собрался спасти? Разве так поступают герои?

— Мне плевать, — хрипло говорит Стефан, на его лице выражение полного безумия. И я понимаю, что игры кончились. Он держит на мушке человека, который мучил его годами, который сломал его. И этот человек теперь в его власти. Стефан — выстрелит. — Отпусти ее.

— Ты пришел ради нее? Зачем? Думал, что мой приказ — от нее избавиться? Хотя... Ради чего вообще весь этот идиотский спектакль? — внезапно он начинает смеяться снова. — Кажется, я все понял...

— Тифф, отойди от него! — рывкает Стефан, перебивая мужчину.

Я могла бы рвануться в сторону, но — еще раз — мы на мокрой, скользкой крыше, и даже если мой страх высоты притуплен происходящим, я тем не менее осознаю это каждой клеточкой тела.

— Тифф, — передразнивает мужчина. — А ведь нет никакого секрета, Стивен. Она тебе небезразлична, как и все, что есть у твоего брата. И когда следовало ее отпустить и остановиться, ты просто не смог дать задний ход. Понимал, что твой отец не позволит себя шантажировать, но как не попытаться? Как предстать перед девчонкой, которая тебе нравится, трусом? Даже если это твоя суть.

Стефан с рыком снимает пистолет с предохранителя.

— Если ты настолько веришь, что я трус и не выстрелю, то зачем держишься за Тиффани, как за страховочный трос, грозя утащить ее с собой с крыши?

— И верно, — пожимает плечами мой мучитель и... отпускает меня.

Я бы никогда в это не поверила, ведь одно дело я — человек посторонний, и совсем другое — Стефан. Тот, кто ненавидит всей душой и даже больше...

Ноги не держат, поэтому я сажусь на колени и немного отползаю от края. Кажется, на эти два простых действия уходят все оставшиеся силы.

— Прощай, — слышу я ровный голос Стефана и щелчок спускового крючка...

Щелчок — и все. Мгновение на понимание, и я вскрикиваю от ужаса, потому что была осечка.

— Порох промок... — бормочу я обреченно. За то время, что пистолет лежал на крыше, а потом просто мок под дождем в руке Стефана, порох промок достаточно, чтобы не загореться. И мужчина, который совсем не выглядит болтуном, это знал. Он знал, что Стефан выстрелит. Это чудовище все просчитало!

— Не трус, но дурак. Что ж, я преподам тебе еще один урок послушания. Надеюсь, последний.

Мужчина хватает меня за волосы и рывком поднимает на ноги. Вскрикнув, я гляжу в безжалостные глаза, в которых нет ни проблеска колебаний, прежде чем он одним рывком притягивает меня к себе и отшвыривает на самый край. Истошный крик Стефана, который зовет меня по имени. Пальцы в последний момент цепляются за мокрый, скользкий выступ. И я срываюсь. Вниз.

Я просыпаюсь от толчка остановившейся машины со Стефаном на коленях. В смысле с медведем. Пока я гуляла с отцом по саду, Норт, как оказалось, перенес его в машину, очевидно подозревая, насколько хреново закончится этот вечер. Может, хотел таким образом поднять настроение, может, оставить мне напоминание о доме. Догадывался, наверное, что я туда больше не вернусь.

О том, что я вспомнила, мы не говорили.

Игнорируя стоны затекших мышц, я оглядываюсь по сторонам и понимаю, что Норт со свойственным ему упрямством привез меня к себе. Зря задремала. Надо было следить за каждым его действием. Фейрстах же все-таки.

— Разворачивайся. Я поеду домой.

Нынче мой дом у Джейдена. Который еще и друг. На пару с Надин. Ага. Жизнь на ст восемьдесят за сутки. Тиффани Райт в своем репертуаре.

— Нет, — отвечает Норт и красноречиво вытаскивает ключи из зажигания.

— Неужели нельзя было хоть сегодня засунуть твоё упрямство в известное место и не заставлять меня ехать на такси? — спрашиваю обреченно.

— Сначала мне нужно тебе кое-что показать.

— Показывай. Для этого обязательно подниматься к тебе?

— Обязательно!

Уже знакомый мне консьерж встречает нас с Нортом удивленной, но радостной улыбкой. Счастливое воссоединение как оно есть. Он делает комплимент медведю, полагая, что это такой милый мне подарок. Я любезно сообщаю, что медведя зовут Стефаном. Норт старательно делает вид, что ничего странного не происходит, что к нему в квартиру не шляются в произвольном порядке то шатенка, то рыжая, то снова шатенка (без ключей при том), то снова рыжая, то еще раз шатенка, но с медведем с именем брата Норта в руках. Глупая такая шатенка, очень-очень глупая.

Как я могла не догадаться, что мать продала меня за тридцать сребреников?

Поднявшись в логово Норта, я застываю столбом на пороге, обозначая свое нежелание проходить и даже задерживаться. До поры до времени меня так и оставляют, но, «настроив эфир», мой настойчивый сопровождающий зовет меня пройти. Правда, едва я приближаюсь, он закрывает крышку экрана, делает жест, не позволяющий начать возмущаться.

— Прежде я скажу тебе вот что: как будущий юрист ты много раз допускала непростительную ошибку. И сегодня она ударила по тебе рикошетом, — говорит он, после чего все же открывает крышку ноутбука, и мной завладевает злость.

Только на мгновение, потому что если первое, что мне бросилось в глаза: обнаженное тело (мое), то дальше включился мозг, и я разглядела остальное. Отметины на коже. Свежие синяки. Фотографии с проставленными в углу датами. Мозг флегматично отмечает, что за то время, что я была у Норта, мама била меня пять раз. К лету случаи участились.

Мне живо вспоминается момент, когда однажды ночью я проснулась и увидела, что Норт меня фотографирует. Я не поняла зачем, а он не растерялся и превратил все в пикантную фотосессию. Ее он, слава богу, хранит отдельно, иначе у меня от одних воспоминаний жар к щекам приливает.

Оказывается, запечатлел Норт вовсе не мою красоту. Он собирал улики. Возможно,

доказательства своей невиновности.

— Я видел пару чеков, — говорит он негромко. — Билеты на автобус ты покупаешь безналично. Если закажешь выписку по карте, то, соотнеся даты, сможешь доказать, что фотографии свежих отметин совпадают с посещениями родительского дома. И это должна была сделать ты. А еще лучше обратиться в больницу, чтобы были врачебные свидетельства. Не спрашивать Хилари, психика которой исковеркана так же сильно, как твоя.

Да, с Хил я ошиблась. Поддержи она меня, и ничто бы не остановило мать от того, чтобы ударить младшую дочь, стоит отцу переступить порог дома.

Я поворачиваюсь к нему онемелая, оцепенелая. У меня закончились эмоции, закончилось удивление. Пару секунд Норт смотрит на меня, явно прикидывая, стоит ли вообще со мной сейчас разговаривать. И делает вывод, что это бесполезно.

— Так, ладно, — говорит он. — Сейчас ты ляжешь спать. Здесь.

Он явно рассчитывал, что я начну спорить, но день оказался ровно настолько изматывающим, что теперь я покорно разворачиваюсь и плюхаюсь на диван, притягивая к груди медведя.

Я помню, что долго не могла уснуть, но не помню ни мыслей, ни конкретики. Где-то там за моей спиной несколько раз проходил Норт, но я на него не реагировала. Я вообще ни на что не реагировала. Я прижимала к себе медведя, как маленький ребенок (боже, я впервые с ним спала), и мне было... никак. В какой-то момент Норт бросил мне подушку и плед. Кажется, он что-то говорил, но я не стала слушать.

Утром все становится серым. Особенно это заметно в монохромной квартире Норты. Если она всегда была серой, то все остальное нет. Улица, на которую я смотрю, например, серой не была. Я не была серой. И мои эмоции по поводу отстоя, именуемого моей жизнью, тоже не были серыми. Только теперь все стало совсем безрадостно.

Все знакомое и незнакомое одновременно. И вид за окном тоже. Помню, как выходила из этого самого подъезда на смену. До того, как отсюда выходила Мэри.

Я постоянно думаю о Норте и Мэри. Как бы я ни отрицала этого, его предательство больно по мне ударило. Наверное, я понимаю, что он чувствовал, увидев на фото нас со Стефаном... с одной разницей: человек, которого я любила, действительно мне изменил.

Он изменил мне в этой квартире, возможно на этом самом месте. Память подсказывает, как однажды, пусть и в темноте, Норт любил меня прямо у окна. Должно быть, я совсем не соображала, раз согласилась на такое. С Мэри он проделывал то же самое? Он целовал ее как меня? Так долго, что это невозможно было вытерпеть? Подхватывал ее прямо на пороге, не давая даже раздеться? Прятал ее одежду, заставляя спать обнаженной?

Сглотнув горький ком, я неторопливо достаю из рюкзака телефон и среди шквала звонков от родных обнаруживаю два деликатных пропущенных от Джейдена, шесть вовсе не деликатных от Надин и даже одно сообщение.

Надин: Ты либо мертвая, либо эгоистка. Либо мертвая эгоистка.

Я отключила звук, чтобы никто из родных не дозвонился. Следовало бы их кинуть в чс, а не блокировать весь остальной мир (чем, собственно, займусь, как найдется минутка), но я не подумала, что будут волноваться друзья:

Тиффани: Просто эгоистка. Извините, ребята. День выдался тяжелый.

Тут же раздается обратный звонок, во время которого я без особой конкретики пытаюсь объяснить, что случилось у меня дома. Это не просто, и оттого мне прилетает еще одно

неприятное прозвище: изворотливая эгоистка.

Разбуженный моим бормотанием в трубку Норт появляется именно в этот момент. В одних джинсах, из-под которых выглядывает резинка белья. Я выгляжу ничуть не более достойно, оттого нервно одергиваю юбку, которая после сна превратилась в невразумительную гармошку, и возвращаю на место съехавшую кофту с широким воротом, закрывая бретельку бюстгальтера.

Интересно, мы с моими вещами хоть когда-нибудь в какой-нибудь точке пространства пересечемся? Раньше они были тут, а я у Джейдена, теперь — наоборот. Если вы все еще думаете, что вам нечего надеть, взгляните на меня!

— Девятый час, мне нужно за формой, — говорю я, пытаюсь попасть ногой в сапог, при этом не завалившись вбок.

— Что за девчонка тебе звонила? Ты же не впутала Айрис?

— Эээ... Надин, — отвечаю я неловко, с трудом отводя взгляд от слишком безупречного мужского пресса.

Я достаточно подавлена, чтобы не кинуться на Норта, как в прошлый раз, когда видела его без одежды, и это победа. Но до спокойствия мне как до Луны пешком.

— Кто такая Надин?

— Тебе не все равно?

— Баса ты уже проморгала, — напоминает мне Норт со всей серьезностью, делая вид, что не замечает, как безуспешно я стараюсь не опускать взгляд ниже его подбородка.

— Ясно. Надин Крайчер. Редактор «Бостон Колледж Мэгазин».

— Та язва, которая любит полоскать нас со Стефаном? — мрачнеет Норт.

— Ну... полоскать она любит Стефа, а что сделал ей ты — пока не знаю. Спрошу. Хотя ты уже одним своим задраным носом многих бесишь. Надин таких не любит.

— Хочешь сказать, ты нос не задираешь?

— Нет, я не утверждаю, что Надин любит меня.

Подумав, Норт кивает, не найдя, к чему придраться.

— Постой, я переоденусь и отвезу тебя.

— Я спешу.

— Я быстро, уж всяко быстрее такси, которое ты еще не вызвала. Заодно познакомлюсь, наконец, как следует с соседом Джейденом.

Подтверждая слова, он сдергивает с полки первую попавшуюся футболку (и это оказывается трофеем с концерта AC/DC), обувается, подхватывает ключи и уже открывает дверь, но внезапно застывает вместо того, чтобы меня пропустить.

— Стефана заберешь или мне оставишь?

Представив лицо Надин, когда я появляюсь на пороге с мягкой игрушкой в руках... я возвращаюсь и, конечно, беру медведя. Мои старания, увы, остаются неоцененными, так как соседка нас не встречает, вместо этого кричит с кухни:

— Ты пропустила свою очередь готовить. Опять. За это возьмешь на неделе все завтраки за Джейдена. И даже не пытайся ссылаться на то, что тебе на смену к одиннадцати, а нам в колледж к девяти. Это никого не волнует.

— Полагаю, это и есть Надин? Говоря, что она тебя не любит, ты не врала, — негромко фыркает Норт. Он доволен, как объевшийся сметаной кот.

Ах точно, он только что узнал, что мы с Джейденом живем не вдвоем. Даже то, что он видел Надин с нами у подъезда, не подвело его к мысли, что у нас тут тройничок.

— Я говорила не это, — огрызаюсь досадливо.

— Да ладно, я не против готовить, — доносится неуверенный голос Джейдена.

— Зато против все, у кого есть вкусовые рецепторы!

Я со вздохом бросаю медведя на свой диван, и только тогда Надин, не дождавшись никакого ответа, высовывает голову из кухни, чтобы проверить, действительно ли это я. А не, скажем, Бас.

Впрочем, увиденное ее, судя по всему, радует еще меньше, чем появление потенциального убийцы.

— Вот и еще одно нарушенное правило, — заключает она, перехватывая лопатку на манер ножа, и, оглядев не в меру помятого Норта, спрашивает: — Надеюсь, это хотя бы не Стефан?

— Нестефан к вашим услугам, — ничуть не теряется тот. — А вы, как я понимаю, Неджейден.

Помимо воли оценив шутку, Надин хмыкает.

— А ты чего это такая тихая? — неожиданно переключает соседка на меня все внимание.

— Н-неважно, — отвечаю я, морщась, и протягиваю соседке захваченные по дороге булочки к завтраку.

Знала, что для меня порции не найдется, и позаботилась о завтраке заранее. Кстати, тут на всех, в чем бы ни обвиняла меня Надин.

— Взятка? — беззастенчиво сует она нос в пакет. — Так и быть, сварю тебе кофе, — заключает она удовлетворенно.

Смерив Норта подозрительным взглядом, она почти отворачивается, все же не предложив расщедриться ради явившегося без приглашения гостя. Но тот скалится и вкрадчиво произносит:

— Пож-жалуйста.

Еще один взгляд, полный неприязни, и Надин уходит.

— Значит, вы живете с Джейденом, — не спускает мне недомолвки Норт.

— С ним, точнее *у него*. Просто живу *у него* не одна. И ты уже видел Надин, между прочим. Мог бы догадаться.

— Не мог. Я никогда не жил в *общезитии*.

Я недобро щурюсь. Одно слово: Фейрстах.

— Конечно, нет. Ты жил в борделе. Там, где твой брат, всегда бордель.

— Да будет тебе известно, что до того, как вы со Стефаном осквернили мою кровать, бордель был только за пределами моей комнаты!

— Я от тебя устала, — завершаю я этот бессмысленный спор и, выдернув из-под подушки форму, направляюсь в ванную переодеваться.

Если честно, я надеюсь, что за время моего отсутствия Надин от Норта избавится, ведь его основная проблема решена: я живу не с парнем, а с парнем и девчонкой. Но мой маневр не работает или работает, но недостаточно результативно. Несмотря на то, что Надин единственный человек, который может соревноваться с Нортом в язвительности в той же весовой категории, довести гостя до нужной кондиции у нее не выходит. И это при том, что я использовала свои законные двадцать минут в ванной по максимуму.

На кухне висит запах сваренного кофе и назревающего конфликта.

— Ты все-таки решила от нас съехать к нему? А я уж думала, поузнела.

— Нет! — отвечаю я слишком быстро и... выходит каламбур.

Нельзя ответить односложно на оба заявления так, чтобы не подставиться. Нечасто я видела Норта хохочущим, но это именно тот случай. Надин тоже хмыкает. И только Джейден вежливо уточняет.

— Нет, не переезжаешь или нет, не поумнела?

Острое желание побиться обо что-нибудь головой становится почти непреодолимым. Но добивает меня не это.

— А ты точно решила спать со Стефаном *здесь*? — невинно уточняет Норт.

Что?

— Простите?! — взвизгивается Надин.

— Так это и был твой план? Ты поэтому его забрал? — шиплю я на Норта, не обращая внимания на шокированных соседей.

Если он реально такой гений многоходовок, то я плюну на гордость, перееду к нему и буду ждать, когда Бас самоубьется с подачи маэстро.

— Ха, ты сама подставилась, — услужливо отвечает он, и я почти в печали. Было бы так мило посидеть, ничего не делая! Разнообразия ради. — Я просто подумал, что с твоей ненормальной семейкой даже животное оставлять негуманно.

— Еще слово про мою семью, и ты получишь в ответ десять о своей!

— Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? — рявкает Надин.

В этом месте я мстительно наливаю себе кофе и запикиваю в рот целый круассан, демонстрируя, что говорить в ближайшие пару минут не только не собираюсь, но и не могу чисто физически. Только после этого понимаю, что допустила ошибку и Норт может понарасказать такого, о чем я буду жалеть до конца жизни.

Вздыхнув, Норт поднимается со стула, уходит, а возвращается уже с медведем.

— Тиффани уверяет, что это Стефан. И, по-моему, он куда симпатичнее моего братца.

Осознав, что он только что сказал (ведь их со Стефом, как бы, не различить), так и не успевшая дожевать круассан я мычу и показываю поднятый вверх большой палец. Норт закатывает глаза и отвечает мне средним.

— А с семьей Тиффани что не так? — опасливо спрашивает Джейден.

— Кроме того, что мой отец заплатил ее матери, чтобы дочка не вернулась в колледж выяснять правду, и, когда не вышло остановить Тиффани, мамаша выставила ее из дома без денег?

— Норт! — рявкаю я, проглотив остатки круассана так быстро, что те чуть не встают поперек горла.

— Не ты ли меня уверяла, что за такое поведение стыдно должно быть не жертве, Тиффани? — ничуть не тушует он.

— Но я не подразумевала проход по улицам с плакатом «Ее обидели»!

— Извини, но только вчера ты назвала этих людей своими *друзьями*, к которым мне запрещено лезть. Или у тебя есть еще кто-то на примете? Не стесняйся — сообщи, я уже начинаю привыкать к таким сюрпризам.

В этом месте я начинаю стремительно заливаться краской.

— Да только потому, что я не знаю, как тебе объяснить: мне не нужна твоя помощь!

— Замолчите! — неожиданный громкий восклик Джейдена приводит в ступор всех присутствующих. Джейден никогда не повышает голос. Это против законов природы. — Судя по тому, что я вижу, у нас всех будет вот какое будущее: вы двое поженитесь, Надин

станет подружкой невесты, а я буду снимать свадьбу на видео. На правах рекламы: я в этом чудо как хорош. Но все это будет после того, как мы с вами разберемся с этим «нелейтенантом» и всеми остальными, кто угрожает Тиффани. — В этом месте Джейден смотрит на Норта. И вроде как мы и обалдеваем от сказанного, но тот все же кивает, принимая намек на своего отца. — Ребят, я уже говорил Тиффани и готов повторить для Норта: я дико извиняюсь, что все вам испортил той фоткой, я реально вообще о вас не думал. Но давайте вы хотя бы на время прекратите цапаться, тем более что ничего ведь не было и...

— Это у меня ничего не было, — вставляю я, сводя на нет все старания Джейдена.

— Ты мне систематически врала.

— Ты влез, куда я тебя не просила. И вообще разболтал о моей семье. Ты — никто мне!

Ты просто заносчивый сын политика, прущийся от собственной важности. Все вы пожертвуете мной, если потребуется. Иди ты к черту, Фейрстах. Ничего разрушительнее твоего внимания со мной пока не случилось!

— Я тебя об этом предупреждал. Но это не значит, что я собираюсь это так оставить. Я никогда не обещал кинуть тебя наедине с проблемами. И, какого хрена, да, я Фейрстах, сын продажного политика и прочее, прочее, не надо делать круглые глаза, будто ты об этом не догадывалась. Ты сама далеко не девочка-одуванчик, Тиффани Райт.

— Норт, — подает голос Надин, прерывая наш град обвинений. — Отвези Тиффани на работу, иначе она опоздает.

Глянув на часы, я буквально вскакиваю на ноги из-за стола и, чертыхаясь, выхватываю у Норта медведя. Мне он так осточертел, что единственное, что остается — подарить его Дафне.

Кстати, за такую мотивацию мне еще долго будет стыдно.

Вечером нам с Нортом приходится вытерпеть сеанс психоанализа в исполнении Надин. И, знаете, очень хорошо, что она не психолог, потому что будь на нашем месте человек с меньшим самообладанием (куда уж меньше, когда мы вдвоем в четырех стенах), то он бы ее уже задушил. Повезло, что, когда ее особенно заносило на поворотах, вмешивался Джейден. И все равно закончила Надин неожиданно, потребовав присутствия Стефана. Ну, потому что он третье колесо разломанного драндулета, которое нужно приколотить на место. Он всю эту дрянь заварил наряду со мной, он знает Баса лучше всех. Так где он? Почему все решается без него?

Норт скрипнул зубами, но обещал привлечь брата.

Надин скрипнула зубами и сказала, что на порог своего жилища Стефана не пустит.

Я скрипнула зубами и объявила, что раз так, то мы все пойдем к Стефану. Не к Норту же, в конце концов. У Весельчака и места побольше, и угнетающих воспоминаний поменьше.

Таким образом мы всей честной компанией оказываемся у огорошенного новостями парня уже на следующий день. Его предупредили, но переварить новость не дали, да еще опустили ряд подробностей. К примеру, каким мы идем составом. Я ведь понимала, что присутствию Надин он особо «обрадуется». Короче, он рассчитывал увидеть нас с Нортом, но у нас с Нортом были иные планы.

Когда Стеф открывает дверь с зажатой в зубах сигаретой и проходится по нам обалделым взглядом, мне отчетливо вспоминается фразочка из друзей Оушена:

«Надеюсь, вам дали групповую скидку в такси».

И едва парень отходит от первого потрясения, как Надин сносит его с порога бодрым

паровозом и принимается командовать. Норт поднимает бровь и объявляет, что до этого момента был уверен, что я что-то напутала и квартира, в которой мы обитаем, принадлежит все-таки не Джейдену.

Джейден хмыкает.

Норт хмыкает.

Я хмыкаю.

Стефан смотрит на нас как на идиотов и идет варить всем отраву кофе.

Разговор начинается тоже примечательно. Во-первых, потому что ситуацию берет на себя Надин. Полностью. А во-вторых, потому, что начинает она со слов:

— Итак, ты торгуешь наркотиками.

Джейден давится.

Норт давится.

Я даплюсь.

— Не надо вот этого, — строго заявляет госпожа Главный редактор, повелительно взмахивая рукой и уничтожая нас одним взглядом. — Нам нужно все выяснить.

По мученическому выражению лица Норты я понимаю, что он только что поставил крест на этих переговорах. Но Стефан удивляет всех, подойдя к вопросу серьезно. Вообще-то, серьезным он бывает примерно раз в году, поэтому выглядит еще более впечатляюще.

— Хочешь сказать, расспросив меня, ты поймешь, как помочь Тиффани?

Он угрюмо оглядывает меня с ног до головы, и мне становится не по себе. Виноват в этом не Стеф. Просто слова Норты и Баса, будь неладны эти оба два, заедают в голове, точно поцарапанная пластинка.

«Думаешь, я не вижу, как он на тебя смотрит?»

«А ведь нет никакого секрета, Стивен. Она тебе небезразлична».

Есть ситуации, когда это вот вообще не лестно, и Стефанов случай именно такой. Особенно потому, что я понимаю: ну не во мне тут дело! Он давно и болезненно хочет вернуть в свою жизнь брата. Вот кого он любит на самом деле. А я — мостик. Я — средство. На моем месте могла бы быть любая другая. И если я в чем-то и выигрываю у той «любой другой», так это в количестве неприятностей на свои вторые девяносто. Так себе достижение.

Намного интереснее ставить диагнозы самому Норту. Что там в его голове, я вообще без понятия. Спортивный интерес, стремление к полной независимости или все-таки чувства? Боюсь, я никогда этого не узнаю.

— Если это вообще в моих силах, — тем временем отвечает Надин.

— Ради Тифф или потому, что политический скандал — билет в светлое будущее для любого журналиста? — ехидно интересуется Стеф. — Хотя нет, не отвечай. Мне плевать на причины, пока цель одна.

Он откидывается в кресле и водружает ногу на журнальный столик опасно близко к чашке брата. Норт стойчески не реагирует на провокацию. Впрочем, что-то я не заметила, чтобы он сделал хоть глоток отравы (давайте честно: отравы). Переводя взгляд на Стефа снова, я замечаю в его глазах вызывающий блеск. Режим «я самый плохой парень колледжа» включен на полную катушку. Чувствую, после этого разговора Надин станет ненавидеть его на двести процентов сильнее.

А если взглянуть ретроспективно, по факту могу сказать, что мы все после этого разговора возненавидим Стефана на двести процентов сильнее.

— Я продаю наркотики, но не стоя на улице с заначкой в кармане, подставляясь под любой полицейский рейд. За крайне редким исключением, когда конченому высокопоставленному торчку требуется позарез вот прямо сейчас, я доставляю дурь в номера-люкс пятизвездочных отелей. Как правило, на вечеринки политиков и их отпрысков, где те развлекаются с эскорт-девицами. Я знаю их имена, их передозы и имена врачей, которые откачали их, и за сколько тысяч долларов. Меня следовало бы убить за эти знания, и, уверен, однажды это случится.

— Тогда зачем ты это делаешь? — зрит в корень Надин.

Я вижу на ее лице необычайную серьезность, ни тени насмешки. Она тоже вошла в роль: в роль безупречно профессионального редактора университетской газеты. Полудохлая надежда на благополучный исход мероприятия робко поднимает голову.

— Видишь ли, какое дело, — заявляет Стеф. — Это бизнес отца, а я так, посредник. — Он закидывает руки за голову и смотрит в потолок. — Аррр, как бы это объяснить? Отец занимается такого рода делами, при которых во избежание разоблачения необходимо иметь средство давления (шантажа) даже на собственных детей. Не знаю, что у него есть на брата, и знать не хочу, но на меня пришлось... сделать. Вот он и сделал. А я, как водится, в семье не умный, а красивый — и не понял, что пахнет паленым. Два щелчка фотоаппарата, и я отцовская марионетка.

Сидя здесь, я не знаю, то ли смеяться, то ли плакать, то ли благодарить Стефана за подобную откровенность. С чего вдруг он вываливает такие подробности на человека, у которого наверняка диктофон за пазухой?

— А у тебя на него что?

Стеф сверкает белозубой улыбкой дурачка, от которой девчонки, как ни странно, толпами ему в ноги валяются. Надин, к ее чести, только морщится.

А мне вдруг приходит на ум, что может быть у Стефана на отца. Например, такая же папка с побоями, как у Норта на ноутбуке. Или медицинские свидетельства. В одном Весельчак прав: Надин это не касается.

— И ты, значит, решил завязать.

— Точно.

— И при чем тут Тиффани?

— Все просто: мне нужен был шантажный перевес. Я пару раз привозил ее с собой на мероприятия толстосумов. Это как красная тряпка для быка. Я связан с отцом, она — нет, с чего бы ей молчать? Я хотел, чтобы эти ублюдки пожаловались отцу. Он бы попытался ее прижать или даже организовать покушение. Но быстро передумал. Решил, что за стервозность плата высоковата.

Он подчеркнуто невозмутимо достает сигарету, которая уже секунду спустя окажется смятой в кулаке Норта. Надин тем временем хмурится, явно пытаясь сложить все воедино.

— Но как же тогда получилось, что Тиффани, пусть и вышла из игры, оказалась на крыше?

Стефан усмехается, крутит в руках новую сигарету, чтобы позлить брата... и заталкивает ее обратно в пачку, вдоволь насладившись эффектом.

— Мы сейчас говорим о восемнадцатилетней авантюристке.

— Девятнадцатилетней, — поправляю я на автомате.

— Нет, когда ты шалтаилась-болтаилась за мной по всему кампусу, уговаривая не гробить свою жизнь столь чудовищным способом, тебе было восемнадцать. Но да, ты уже

успела справить девятнадцатилетие к тому моменту, когда я сдался на милость этой твоей назойливости. — Мне остается лишь напомнить себе, что Стефан весь в образе. Он не имеет в виду то, что говорит. — И я подумал, а чем черт не шутит? Развела же она нас с братом как последних недоумков. Похлопала глазами, скинула блузку, сыграла под дурочку — и вуаля, лежит Норт как миленький у нее в кармане. А где два Фейрстаха, там и все три. Вероятно, у нас бы получилось повернуть это дельце, не будь тех злополучных пары раз, что я возил с собой девчонку по нарковечеринкам. Ее отследили задолго до того, как мы затеяли шпионские игры.

— Окей, — деловито поджимает губы Надин. Мы с Джейденом обмениваемся понимающими улыбками: — То есть вы решили сыграть в аборт. Тиффани считает это глупостью, но я не соглашусь. С твоим образом жизни странно, что у тебя еще нет вывода внебрачных детей. — В этом месте журналист выключается, уступая место обиженной подружке. Не успев отвести взгляда от Джейдена, я замечаю, насколько несчастным он становится после этой фразы.

Бинго. Я так и знала, что он к подруге неровно дышит.

— Спасибо, — искренне умиляется Стефан. — Приятно, что есть люди, которые не сомневаются в моей... силе. Тем не менее отец не поверил, и не будем об этом.

Надин готовится задать следующий вопрос, но неожиданно Норт останавливает ее одним жестом. Еще раз. *Норт затыкает Надин одним жестом.*

— Брат, у тебя остался чек от кольца, что вы с Тиффани купили?

— Не уверен, ты же меня знаешь, — хмыкает он.

— Прекрасно знаю, что ты любишь прикинуться идиотом в дело и не в дело. Чек сохранился? Давай его сюда.

Стеф чертыхается, но уходит и быстро возвращается: он точно знал, где искать.

— И зачем он тебе? — раздраженно спрашивает Весельчак.

— Затем, что отец пригрозил обвинить Тиффани в краже ювелирного украшения в том случае, если она вернется в колледж. Этот чек — возможно, единственное доказательство, что кольцо не украдено. Повезло, что ей хватило ума не пытаться его продать.

Мы со Стефаном удивительно синхронно бледнеем, потому что он советовал мне продать кольцо. Потому что я чуть было не понесла его в ломбард, чтобы закончить обучение на эти деньги.

— Зачем тебе чек? Я все равно оставила это кольцо у родителей.

— Я его забрал, — спокойно говорит Норт.

Едва представив лицо мамы в тот момент, когда я вылетаю из дома, а Норт спокойненько так сгребает со стола кольцо и машет ручкой, я пытаюсь сдержать смех. И ничего у меня не выходит.

— Это истерическое. Женское, — понятиливо поясняет Надин.

— Думаю, ма-мамочка уже успела придумать, куда пристроить вырученные тысячи долларов, а тут... тут такой облом. Извините.

Вытерев рукавом слезы, я обнаруживаю две одинаковые и совсем не веселые физиономии близнецов, которые в той или иной степени понимают, что творится за закрытыми дверями семьи Райт.

— Безопаснее, если оно пока побудет у меня. Вместе с чеком, — объявляет Норт.

— Охренеть, а? Спер ее кольцо и мой чек и делает вид, что так и надо.

С этими словами Стеф плюхается обратно на диван. Я же давлю подозрение, что

больше никогда уже кольцо не увижу. Потому что это кольцо от другого парня, а у Норта явный пунктик на этот счет.

— Как ты узнал про кольцо? — подозрительно щурится он.

— Миссис Райт сама призналась.

— А в том, что отец замешан?

Норт морщится, явно не желая отвечать, но четыре пары испытующих глаз делают свое дело.

— Через несколько дней после падения ко мне явилась Сейди, — глянув на наши вопросительные физиономии, он неохотно поясняет: — Мачеха наша. В общем, ко мне явилась Сейди в своей классической тревожной вариации, но с банковской распечаткой на руках. Якобы ее личной кредиткой кто-то расплатился без ее ведома. Сняли много. И как сказать отцу, куда делись деньги, что делать, боже мой? «Норт-Норт, помоги мне разобраться с банком и заблокировать будущие платежи», — удивительно забавно имитирует он женский писк и заламывание рук. — Вот я и разобрался. Думал сначала, что это компенсация за проваленное расследование, чтобы нас не привлекали. Ты же на фото, черт возьми! Но затем декан при нас сказала, что родители не пускали Тиффани в колледж и не оплатили следующий семестр...

— Ребят, давайте перейдем к конкретике, — прерывает близнецов до этого молчавший Джейден. — Нам нужно решить, как заставить вашего отца отвязаться от Тиффани.

Следует гробовое молчание, во время которого мои соседи (не имеющие актуальной информации о моих флэшбеках) переводят с одного на другого потрясенные взгляды.

— Класс, — первым отмирает Норт. — Давай, Тиффани, кайся.

— Эм, вот в чем дело. Когда Стефан рассказывал мне о событиях памятной ночи, он забыл упомянуть, что меня столкнули с крыши не по приказу Говарда Фейрстаха. Меня напугали, удалили записи из телефона и... собирались отпустить. Но Стефан собрался выстрелить в Баса, и тот ответил ему в своей манере, столкнув меня.

— Кто из них двоих тебе это сказал? — насупившись, спрашивает Надин, пока Пулитцеровская премия машет ей ручкой из последнего вагона.

— Моя память, — вздыхаю я.

Стефан бросает на меня острый взгляд, проверяя, действительно ли я вспомнила все, но я старательно игнорирую его внимание и краем глаза замечаю, как он замыкается.

— Значит, все еще проще: надо решить, что делать с Басом, — обрадованно сообщает Джейден.

Я никогда бы не подумала, что это возможно, но Норт со Стефаном начинают ржать как один. Синхронно, абсолютно одновременно.

— Ты не понял, парень, — сквозь слезы говорит Стеф. — Чувак, это не круто, а наоборот, полное дерьмо. Потому что, в отличие от Баса, у нашего отца хоть какие-то тормоза имеются. А этот человек — настоящая машина для убийства.

И больше уже никому не смешно.

В этом месте я опускаю большую и самую, как водится, малосодержательную часть нашего полилога. Каждый со своего места выкрикивает идеи, что делать с недолейтенантом, а остальные набрасываются на него как пираньи. Критики не выдерживает ни одна. Единогласно сошлись пока только на том, что Джейден снимет на видео... а вот что именно, мы обсуждаем уже три часа.

С тех пор, как за кофемашину взялся Норт, дело пошло значительно бодрее. И злее.

Быстро осознав, что к чему-то конкретному придут не скоро, я теперь помалкиваю, слушаю ребят вполуха и бесстыдно наслаждаюсь зрелищем Норта, который в пылу спора скинул джемпер, закатал рукава рубашки и даже расстегнул пару пуговиц. У него высший бал по судебным дебатам, и это точно неспроста: он способен докопаться до всего на свете. И едва ли в мире найдется много девчонок, которых это возбуждает.

— Надо от него избавиться, — наконец заявляет Надин.

Джейден давится кофе.

— От Баса? Ты предлагаешь его убить?

На самом деле, все наши идеи носят исключительно мирный характер: его нужно сдать властям, но так, чтобы наверняка были весомые улики. Обсуждают, как добыть именно их. Заманить, спровоцировать, заснять — сдать. И будто я одна понимаю, что к такому человеку не подберешься с транквилизатором в шприце.

— От Норта! — рывкает она на соседа так, что тот отскакивает назад на шаг.

А? Сюрприз. Но говорю же, въедливость Норта нормальных людей бесит.

— Пока он тут, мы так ни до чего и не договоримся.

— А вы точно ни про кого не забыли? — ехидничает Норт. — Или меня тоже скрутите и сдадите? Я бы на это посмотрел.

— Я им помогу, — тут же услужливо вмешивается Стефан.

Я просто хватаюсь за голову, потому что это может длиться вечно и, разумеется, ничем путным не закончится. И только стоит об этом подумать, как оживает мой телефон.

На часах половина пятого, на минуточку. Я после смены, и вообще.

Мне не нужно даже глядеть на дисплей, чтобы понять, кто это. Норт первым замечает мое выражение лица.

— Тихо! — рывкает он — и становится тихо. — Бас?

— Да, — отвечаю я шепотом и принимаю вызов.

Но неожиданно Надин подскакивает ко мне и ловко вышибает из рук аппарат.

— Что ты ему скажешь? — шепчет она.

— Надин, — вздыхаю я. — Если бы он решил соблюдать инкогнито и дальше, то звонил бы днем.

Стоит мне это сказать, как Джейден поднимает и протягивает аппарат. Не видя смысла скрывать разговор, я включаю громкую связь.

— Я слушаю, — стараюсь я говорить как можно более ровно, но голос хриплый, и никакая трубка этого не скроет.

Неожиданно я чувствую, как Надин берет меня за руку.

— Мисс Райт, — слышу я знакомый голос. Как я его не узнала раньше? Как? От него же замерзают даже льды Арктики! — Вам стоит проверить крыльцо.

— Я не дома... — отвечаю я с облегчением, представляя, как Бас стоит на пороге квартиры Джейдена. И как уйдет ни с чем.

Однако...

— Мне это известно. Я предложил вам проверить крыльцо дома, в котором вы находитесь сейчас.

А вот теперь меня начинает ощутимо трясти. Теперь становится по-настоящему жутко. Он следит за мной, он знает, где я, он знает, что я знаю о нем. Это конец. Маски сорваны.

Крыльцо, к счастью, проверяю не я. Эту роль берут на себя близнецы. Один открывает дверь, а второй — страшует. Но ничего криминального они не находят: всего лишь конверт.

— Мне вскрыть? — спрашивает Норт.

Я отрицательно качаю головой и протягиваю отчетливо дрожащую руку. На секунду я хмурюсь, совершенно ничего не понимая.

В конверте билет на рождественское представление театральной труппы Бостонского Колледжа. И еще записка: «Советую прийти, мисс Райт, если вы хотите увидеть свою сестру».

Я прекрасно знаю о том, что в случаях, когда не удастся добраться до жертвы, убийца может воспользоваться ее слабостями. Но еще до этого момента я никогда не верила, что это может случиться со мной.

Хилари.

Жертвы похищений с шантажом очень редко остаются в живых, но речь не о выкупе. Ее похититель нам известен, но еще защищен полицией и политикой. Как ни смешно, я впервые всему этому рада.

Потому что иначе последнее воспоминание обо мне у Хил будет такое: я отказываюсь с ней говорить. А Норт со свистом покрывшек трогается с места, вырывая из ее руки дверь машины, отчего сестра едва удерживается на ногах.

С моей стороны эгоистично было просить ее подтвердить перед папой мои слова. У меня самой ни разу не хватило смелости рассказать ему о поведении матери. Норт во всем был прав: если я готова заговорить о рукоприкладстве, то не в кругу семьи, а в полиции. Иначе смысла во всем этом никакого. У всех членов моей семьи имеется деформация, потому что полностью скрыть насилие никогда не выйдет. Этот яд просачивается и отравляет на подсознательном уровне. Отец не просто не замечал, но и не хотел замечать, оправдывая перед собой и всем миром женщину, которую выбрал матерью своих детей. А что еще ему остается? Иначе недолго сойти с ума! И Хилари... Хилари просто хочет безбедно закончить школу и свалить из этого кошмара. Кто бы ее осуждал?

— Мистер Райт, — слышу я и вздрагиваю, обнаруживая, что Норт разговаривает с моим отцом. — Я прошу прощения за звонок в такое время, но у нас есть информация о том, что Хилари пропала.

Норт успел добыть номер моего отца. Норт разбудил моего отца в шестом часу, чтобы поставить его в известность о том, что через два месяца после того, как его первая дочь была сброшена с крыши, пропала вторая.

Я могла бы многое сказать Норту, но от шока у меня заканчиваются слова, и я ловлю ртом воздух, пытаюсь облечь нецензурные мысли во что-то связное. Осознав, что сейчас рванет, Норт разворачивается и отходит на безопасное расстояние, а затем и вовсе скрывается из виду.

— Дыши, Тифф, — выдает Стефан со смешком. И так ехидно: — Некого винить: ты сама с ним связалась.

Пользуясь отсутствием бдительного брата, он наконец вставляет в рот сигарету, раскуривает, глубоко затягивается и выпускает в потолок длинную дымную струю.

— Кайф, — комментирует он.

— Это марихуана? — брезгливо уточняет Надин.

— А ты не знаешь запах марихуаны? Тебе следует чаще посещать студенческие вечеринки.

У Надин дергается мускул на лице. Все здесь присутствующие знают о той вечеринке, на которой Стеф ее кинул. Возможно, последней, на которой она побывала. В любом случае, намекать на это невежливо, и у Джейдена тотчас начинают ходить желваки на скулах. Мне хочется обозвать Стефа мудаком, но Надин может постоять за себя не хуже. Собственно, она уже открывает рот, чтобы ответить, как вдруг вмещивается тихоня Джейден.

— Скажи-ка, чувак, — начинает он, прищурившись. — А как вышло, что Бас узнал, что мы в курсе его личности? И как вышло, что он понял, где мы сейчас находимся?

Не могу сказать, что меня очень напрягает этот вопрос: понятно, что рано или поздно Бас бы догадался. *Или мое удивление меркнет на фоне пропажи Хилари? Господи, хоть бы отец сказал, что сестренка дома в своей постели и никуда не собирается ближайшше лет — дцать.*

Стефан хмыкает и затягивается снова, но в глаза никому не смотрит. *Он не смотрит в глаза!*

— Ты сказал ему? — вмиг хрипну я.

А может, и следует выяснить, как именно узнал Бас!

— Нет. Стефан не знал, зачем мы идем, не мог предупредить Баса. Думаю, здесь прослушка, — подсказывает Джейден то, до чего мой парализованный мозг не додумался. — Бас все это время нас слышал и знает, что мы строим планы против него.

— Стефан?

Я хватаю его за плечо, разворачивая к себе. Несколько мгновений мы смотрим друг другу прямо в глаза. Я вижу в них буквально все: этот разлом, который рос годами и расширился на бесконечность после того, как меня сбросили с крыши из-за его ошибки. И вижу эту огромную уязвимость, ожидание, что я сейчас сделаю ему больно — и поделом. Он ждет привычного наказания за поступок, который сам же считает аморальным.

Это то, что называется «если не можешь победить — присоединяйся»? Или все еще можно исправить?

— Стефан...

Я не могу скрыть в голосе разочарование. Я считала его другом, я... Он с силой вырывается из моей хватки и обводит нас взглядом, в котором читается ненависть и уже знакомая мне жажда саморазрушения.

— Вы все малолетние придурки! — взрывается Стеф. — Решили переиграть профи?! Он годами пытал и убивал людей. Вы не знаете, что это за человек! Он не считается ни с кем и ни с чем, кроме моего отца. И то лишь потому, что тот готов прикрывать любой учиненный *и м* беспредел. *Он* не только не попадет в вашу ловушку, но и сделает так, чтобы она захлопнулась, оставив вас внутри. Вы хотели знать, как выманить Баса? Я за вас это сделал. Теперь топайте, куда сказано, снимайте на видео все, что хотите, и доказывайте его вину, как хотите. И не забудьте про мое «спасибо».

Не сдержавшись, я с отвращением отступаю на шаг. Но неожиданно Стефан сокращает расстояние между нами и наклоняется так, что его злое дыхание обжигает мне переносицу.

— Что, принцесса, недостаточно чистенький план? Зато действенный. Пока твой драгоценный Норт всеми силами пытается не замараться, я уже все сделал.

Оглушенная новостями, обескураженная предательством и неподдельной злостью Стефана, я до последнего не замечаю, как к нам подходит Джейден. Он стучит пальцами по плечу парня, заставляя обернуться, а затем, к нашему с Надин общему изумлению, хватает его за грудки и удивительным образом перекидывает через островную столешницу.

Как?! Еще раз: это сделал худосочный Джейден, который уверил меня в своей невинности именно внешней безобидностью.

Мы с Надин встречаемся взглядами, и я понимаю, что для нее такой поворот — не меньший шок.

Если любовь действительно творит чудеса, то я только что видела одно из таких!

Джейден давно хотел врезать Стефану за Надин. Сегодня его мечта сбылась.

— Стеф, а ты уверен, что Бас такой уж монстр? Только что тебе наcostылял парень, который на полголовы тебя ниже, — не могу удержаться я от шпильки.

В этом месте, как ни странно, к Весельчаку возвращается его безбашенность. Не делая попыток встать, он со смешком осматривает свою изломанную сигарету и достает следующую.

— Решил отдохнуть, брат? Ни на минуту нельзя оставить.

О, а это Норт. Несмотря на саркастичный тон, он обводит нас цепким взглядом, явно прикидывая, кто из здесь присутствующих опасный тип, уложивший его копию на лопатки.

— Что ты узнал? — спрашиваю я полупшепотом.

— Хилари уехала в Бостон с подружкой за подарками, как тебе и говорила, но вечером не вернулась. Твои родители насторожились, но решили, что она осталась у тебя, и бить тревогу до утра не станут. Твой отец как раз собирался ехать вас искать, потому что ты не берешь трубку.

— Я кинула их всех в черный список, — признаю я виновато, не сдержав всхлип.

— Родители в черном списке? — присвистывает Стефан, успешно занявший сидячее положение. — Мое восхищение.

— Заткнись, — огрызаюсь я.

Норт снова хмурится, но вопросов не задает.

— Может быть, она осталась у подружки? — делаю я жалкую попытку найти еще одно объяснение.

— Это едва ли. — А вот теперь лицо Норта по-настоящему темнеет.

— Что ты знаешь?

— Что подругу, с которой она уехала в Бостон, зовут Мэри.

Мы с Нортом задерживаемся у Стефа и выходим чуть позже Джейдена и Надин. Но едва мой спутник делает пару шагов по направлению к машине, я выставляю руку в сторону, не позволяя ему пройти дальше. Потому что вижу, как Надин, которой этот вечер дался совсем не просто, с несвойственной ей уязвимостью говорит что-то другу, а тот ласково гладит ее по плечу.

Как бы мне ни было плохо, эта самая ночь — звездный час Джея. Накостылять старому обидчику любимой девушки? Она под впечатлением и может наконец его заметить. Такой момент нельзя испортить.

Я набираю в легкие воздух, поворачиваюсь к Норту и нарушаю все свои планы и обещания:

— Я переночую у тебя? — спрашиваю я напряженно.

Он смотрит туда же, куда и я пару секунд назад, и без объяснений понимает, что есть причина моей переменчивости.

— Само собой, — говорит он спокойно, но после этого убирает мою руку и безжалостно нарушает уединение парочки: — Поехали.

До дома Джейдена мы доезжаем в молчании. Никто не говорит ни слова, хоть это и необходимо. Про Стефа. Про его поступок. Впрочем, подозреваю, сначала лучше обсудить это с Нортом. Он же еще не знает. И может многое объяснить. Связь близнецов, помните?

— Тифф? — спрашивает сосед, заметив, что я не делаю попыток выйти вместе с ними с Надин.

— Я поеду к Норту.

Я выдавливаю ненатуральную улыбку, не в силах перестать думать о Хил. И о Стефане. И о том, сколько дерьма в моей жизни благодаря гребаным Фейрстахам. На прощание Джея я отвечаю сдавленным кивком.

— Хочешь поговорить о Хилари? Я уверен, что пока в деле мой отец, ей ничего не угрожает, — говорит Норт, не делая попыток тронуться с места, но сжимая руки на руле.

— Нет, я не хочу говорить о Хилари.

Интуиция твердит, что сестренка вне опасности. Пока. Хотя в случае с Басом моя интуиция сбивает, как сорвавшийся с частоты приемник.

Я просто убита этой новостью. Сейчас все стократ хуже, чем в тот день, когда я узнала о предательстве матери. Потому что Хилари — бесспорно моя вина. И только моя.

— Ты уже водила машину после падения? — меняет тему Норт, разбивая мои мрачные мысли внезапностью и нелогичностью.

— Нет, а что?

— Сейчас начнешь.

Он неожиданно бросает мне ключи. Я, заторможенная страхом и отсутствием сна, не успеваю их поймать и долго шарю рукой по сиденью. За это время на водительском месте становится пусто. Приходится выбираться на улицу тоже.

— Что? — запоздало спрашиваю я. — Я запомнила, или ты никогда не пускал меня за руль своего... раритета?

— С твоей памятью порядок.

Норт обходит капот и встает рядом со мной, но я не спешу следовать его примеру.

— Но...

— Тиффани, у меня выпускной курс. Я встаю задолго до учебы, чтобы сделать задания, и ложусь после того, как возвращаю тебя сюда со смены. Сплю по четыре часа уже неделю. И сегодня... я рискую вырубиться прямо за рулем.

Мне становится стыдно. Если он таким образом пытается надавить на мое чувство вины, то у него прекрасно получается.

— Я тебя ни о чем не просила, — напоминаю я мрачно. — Ты в любой момент волен...

— Да-да-да, и я тебя ни в чем не обвиняю. Кроме того, что из-за твоей гордости мне приходится мотаться дважды в день на другой конец Бостона при том, что кафе, где ты работаешь, находится на соседней улице с моим домом!

С этими словами он так дергает дверцу, что я удивляюсь, как она вообще не остается в его руке. Вот что значит прорвало. Впрочем, и я хороша. Помощью Норты пользуюсь, а в ответ только гордостью своей тычу. А ведь он объективно мне помогает, хотя рассчитывала я только на Стефа. Дорассчитывалась.

— Садись в машину, — заканчиваю я этот ужасный разговор.

Я не водила достаточно давно, чтобы передачи переключались рывком, но Норт не делает никаких замечаний. И, бросив на него очередной взгляд, я обнаруживаю, что он действительно заснул. Выходит, руль отдал мне не зря. Я не бужу его до самого приезда и даже потом позволяю себе пару минут полюбоваться. Во сне Ворчун кажется не таким колючим, но и расслабленным не выглядит. Быть может, это все неудобство позы. Или он попросту не способен переключиться из-за нервного перенапряжения. Норт — тоже человек, как бы странно это ни было.

Норт как чертово Стефаново кольцо. Вроде и есть у меня, но что с ним делать —

непонятно. И еще хуже, что не поймешь, чего от него больше: пользы или опасности.

Я готова спорить, что если бы сейчас захотела вернуть Норта в свою жизнь, то у меня бы получилось. Не сразу, не без доли хитрости, но он все еще не может мне сопротивляться. Что-то бы у нас точно вышло. Увы, я не могу ему сопротивляться тоже. Несмотря на все препоны, меня безумно тянет к нему. До него я не влюблялась. Герри Гамильтон и в подметки ему не годится. Больше — Норт сделал меня другой. Настолько другой, что я потеряла связь с этой версией себя вместе с памятью о последнем годе жизни. Годе, в котором был Норт. Я вернулась к прагматичной, жесткой версии Тиффани. А сейчас снова жажду большего: свободы от общественного мнения, дружеского смеха и прикосновения любимых губ.

В этот момент я понимаю, что Норт уже не спит. И не просто не спит, он отрывается от спинки и тянется к моим губам. Я жду этого поцелуя, по-настоящему жду... и отворачиваюсь, как только он приближается, сама себя не понимая.

— И что это было? — Норт обдаёт меня арктическим холодом.

— Я... я не могу, — отвечаю я сбивчиво.

— Что же изменилось? — А здесь впору захлебнуться сарказмом.

Полагаю, он намекает на Стефана? Если бы. Попадись нам сейчас Стефан перекапотом, я бы его с большой долей вероятности переехала.

— Ты спал с девчонкой, которая похитила мою сестру, чтобы отвезти прямиком к моему убийце. Ты действительно победил. Я едва ли смогу это принять, несмотря на последовательность событий.

Норт резко откидывается назад. И совершенно неожиданно, несмотря на все прошлые злые и обидные слова, чертыхается.

— Сначала я хотел отомстить тебе. А когда узнал, что ты упала, думал, что после содеянного не заслуживаю большего, чем сучка Мэри. Спасибо, что с лихвой подтвердила это.

Сказав это, он вылезает из машины. Порывы откровенности Норта меня каждый раз пугают, потому что я понятия не имею, что с ними делать. И чувство вины его работает тоже... интересно. Трахнуть Мэри, а потом продолжить трахать Мэри, потому что Мэри такая сука, что самому тошно от того, что ее трахнул? А точно ли все так, а не проще? Трахнул, потому что хотел. И продолжил, потому что понравилось? Игры подсознания штука интересная, знаете ли.

Поправив волосы, чтобы дать себе время, я нервно выдергиваю ключи из зажигания и неминуемо толкаю дверь.

Как бы то ни было, извиняться я не буду. Душевные терзания Норта не отменяют фактов.

— Можешь занять кровать, — предлагает Норт, стоит нам переступить порог.

— Ты хотел выспаться.

— Как скажешь.

Вот ведь! Даже уговаривать не стал.

Я закатываю глаза и плюхаюсь на диван. Одна минута — и мне на голову приземляется уже знакомая подушка. Кажется, кто-то сильно обиделся на мой отказ. Но улыбка с лица стирается мгновенно и бесследно.

Я не должна улыбаться, поскольку моя сестра у похитителя. И до Норта мне дела тоже сейчас быть не может.

Я встаю в районе полудня. Разбитая, голодная и с мечтами о душе. В первую очередь — о душе. Может, не будь у Надин регламента на двадцать минут, я бы постеснялась занимать чужую ванну, но он есть, а я дико хочу смыть с себя напряжение прошедшей ночи. Уверенная, что Норт в колледже, я распахиваю незапертую дверь и застываю с открытым ртом, созерцая абсолютно голого хозяина квартиры. Единственное, что в нем прикрыто: подборок. Пенной для бритья. Но вместо того, чтобы тотчас выйти вон, я жадно оглядываю его с головы до ног. Дюйм за дюймом. И только потом, когда живот скручивает спазмом неуместного возбуждения, я осознаю, что делаю, и... наконец-то захлопываю дверь, из-за которой доносится отчетливый смешок.

Прислонившись к стене спиной, я прикусываю губу и закрываю глаза, чтобы веками, как ластиком, стереть вопиюще соблазнительное зрелище. Честно ли это вообще, что ему досталось такое тело в комплект к незаурядным мозгам? С закрытыми глазами впечатление оказывается внезапно ярче, потому что никакая другая картинка не отвлекает меня от воспоминаний о бронзовой коже, стянувшей тугие мышцы. И откуда-то берется дикая мысль вернуться и досмотреть порнофильм о том, как Норт бреется. Я даже примерно представляю, как этот фильм закончится: я буду сидеть голая на тумбе перед ним и слизывать языком остатки пены для бритья.

— Извини, я думала ты в колледже, — ну, хоть голос звучит достаточно спокойно. — Ты не запер дверь.

— Не имею такой привычки. И я пропустил занятия. После бессонной ночи толку от меня не будет. Решил, что едва ли один пропущенный день сильно пошатнет мой средний балл.

Пока пошатнулась только моя гордость от того, что я пялилась на Норта, как идиотка. Серьезно, будто впервые увидела его голым. Просто существуют, видно, зрелища, к которым нельзя привыкнуть. А ведь за год можно было бы подостыть. Подостыть...

Я накрываю ладонями грудь, делая себе мысленную пометку сегодня же съездить за бюстгальтером с самым толстым поролоном. Дыши, Тиффани и лучше всего думай только об одном Фейрстахе: Говарде.

— Так и вижу, как судейская мантия трещит по швам, — отвечаю я, болезненно морщась, дабы отогнать лишние мысли. — Ммм, ты вчера не слышал разговор, но Стефан подтвердил, что в его доме прослушка и Бас слышал каждое наше слово. Якобы помог выманить. Как тебе?

Дверь распахивается и на пороге обнаруживается Норт в одних низко сидящих джинсах, из-под которых резинки белья отчего-то не видно. Зато пена для бритья еще на месте. И есть еще очень много кожи, к которой меня так и тянет прикоснуться.

— Зайди, — бросает он коротко и возвращается к зеркалу. — Я не считаю, что Стефан неправ.

Он правда считает, что так выглядит сильно порядочнее? Я обреченно вздыхаю и прохожу в пропахшую Нортом ванную. Подавляя порыв то ли стукнуть Норта, то ли скользнуть под его рукой и прижаться к разгоряченной груди, я выбираю, разумеется, третий вариант: нейтральный. Наиболее разрушительный для моей психики.

— То есть нормально подставлять людей без их ведома?

Сделав очередное опасное движение бритвой, он морщится.

— Твои друзья понятия не имеют, с кем столкнутся. Как бы они придумали механизм

воздействия на Баса?

Болтая, он не бреется, чтобы не порезаться. Такими темпами мы тут час проторчим.

— Заканчивай, тогда и поговорим. Я тоже хочу в душ. И завтрак. И понять, что мне делать с похищением моей сестры. Твое не в меру эротичное бритье не вписывается в мое плотное расписание.

Норт насмешливо приподнимает бровь.

— Приятно, что ты оценила, — однако сообщает он.

Может, напомнить ему, что я завралась по уши, бегала к его брату ночами и сделала вид для его отца, что залетела от Стефана и собираюсь за него замуж?

Дьявол, я была хорошей подружкой. Такой даже достоверного криминала не пришьешь.

Оставшись в душе наедине с грезами о своем бывшем парне, я старательно гоню их прочь вместе с негативом прошлого дня. Насильно пытаюсь переосмыслить то, что сделали близнецы. Сговорились или нет? Еще вчера я считала варианты выманивания Баса наивными, но оказалась не готова сообщить Басу о том, что мы знаем, кто он есть на самом деле. Думала, что в этом наш козырь. А Стефан взял и слил его, ни с кем не посоветовавшись. Я еще удивлялась его откровенности...

Я стираю рукой пар с запотевшего зеркала и вижу свою мрачную мину. Так-то лучше. Трезвая голова нужна мне сейчас как никогда.

— Что касается Стефана, — заявляет Норт, протягивая мне чашку с кофе. Он, слава богу, оделся, что не может не радовать. — Плану с Хилари он не помешал и не поспособствовал. Просто выиграл нам время и посмешил Баса детскими идеями его поимки — а они детские. Пусть недооценивает нас дальше. Сейчас мы переберемся в нормальное место и...

— Ты знал.

— Подозревал, что такое возможно. Но какая разница, если место выбрала ты сама? Лишь бы не тут и не со мной, ага?

Скрипнув зубами, я выхватываю у него кофе и делаю большой глоток. Механически отмечаю, что все в точности, как я люблю. Я бы сама не сделала лучше. Норт смотрит на меня с едва заметной улыбкой, будто знает, что я ищу любой повод прицепиться — и не найду.

— Почему ты думаешь, что твой отец не позволит Басу убить Хилари? — заговариваю я о том, что действительно меня волнует.

— Как минимум потому, что ему вовсе не нужны скандальные драмы, связанные с твоей семьей. Журналисты хуже полиции: докопаются куда угодно. Им платят за сенсации, а не за закрытые дела.

Я тру глаза. Что ж, мы с Нортом думаем в одном направлении, что приятно, учитывая, насколько высоко я ценю его дедуктивные способности.

— Она в безопасности, — повторяет Норт.

— Пока Бас подчиняется Говарду — быть может. Но все равно она пятнадцатилетняя девочка в глухом подвале без окон, и виновата в этом только я.

В этом месте Норт кривится.

— Может, и нет. Она может быть также с моим отцом или Мэри. Если честно, я склоняюсь к первому варианту.

— Уж лучше бы подвал.

Мы с Нортом обмениваемся далекими от доброжелательности улыбками, потому что

представления о Говарде Фейрстахе у нас совершенно разные. Не понимаю, как Норт все еще его защищает, учитывая, что меня пригласили на спектакль не вальс станцевать.

— Твой отец хочет убить меня. И сделать это так, чтобы никто не заподозрил его участие, — говорю я, не отпуская взгляда Норты.

— Значит, придется заставить его передумать, — упрямится он. — Это не должно быть так уж сложно, учитывая, что есть как минимум четыре человека, которые знают, что он замешан.

— Как, черт возьми, ты договариваешься со своей совестью?! — не выдерживаю я и грохаю чашкой по столу, расплескивая кофе.

— Слушай, а какой у меня выбор, Тифф? — рычит он. — Для вас со Стефаном все только черное и белое, но он мой отец, а ты... — тут выходит наполненная смыслом заминка. — Кем бы ты ни была, я не готов позволить ему тебя уничтожить. Даже если для этого мне придется заставить тебя кровью подписать бумаги о пожизненном молчании в обмен на безопасность.

В этом месте мы оба замолкаем. Норт в каком-то смысле себе верен: ему плевать, что там происходит с миром, пока он в своей зоне комфорта. Совру, если скажу, что мне неприятно оказаться частью этой его зоны, но все-таки мы со Стефаном и нашей общей на двоих жаждой справедливости выглядим достойнее. *Мне* подписать бумажки *недостаточно*. Я хочу, чтобы Говард Фейрстах был уничтожен в политическом смысле.

И, если честно, я не должна сомневаться в Норте, потому что один раз он уже переступил границу, став на мою сторону. С Мэри.

— Мне следует поблагодарить тебя за то, что ты помог разобраться с Мэри? — негромко спрашиваю я, хотя память прекрасно иллюстрирует, каким образом Норт выбил из меня свое «спасибо». Жаловаться ему уж точно не приходится.

— А какие есть варианты? — приподнимает он бровь.

Варианты множатся, но на почве недавних потрясений в них слишком много пены для бритья. И не я одна это понимаю.

Момент рушит телефонный звонок.

— Да, мистер Райт, — мгновенно отвечает Норт, а я холодею. — Нет, Тиффани не пропала. Она здесь, со мной. Но Хилари не объявлялась, нет. Вам определенно следует обратиться в полицию. Отсчитайте сутки с момента исчезновения дочери и действуйте. Да. Нет, я говорю с точки зрения закона и никоим образом не в стоворе с собственным отцом.

На его лице написано подчеркнуто безграничное терпение, что вызывает у меня слабую улыбку. Неожиданно Норт кидает на меня подозрительный взгляд.

— Я могу дать трубку Тиффани, но я не уверен, что она ее возьмет.

Клянусь, в любой другой ситуации я бы разговаривать с отцом так скоро отказалась, но Хилари пропала. И пусть я зла, что папа не поверил мне на слово, это не отменяет тот факт, что ему хреново и подливать масла в огонь не следует. Не время.

Это как у нас с Нортом: все хреново, но мы пытаемся существовать в одной квартире ради благой цели.

— Да, — говорю я сипло, нервно натягивая рукава кофты на ладони.

Затравленный взгляд блуждает по кухне и останавливается на Норте. Он — моя точка опоры, несмотря ни на что. И он пьет свой кофе так, будто этот день самый обычный, самый рядовой. Оперевшись бедрами о стол, в мятой футболке Led Zeppelin. Норт Фейрстах из моей прошлой жизни, Норт Фейрстах, каким знаю его я.

— Тиффани, почему ты не отвечаешь на звонки? — угрюмо спрашивает отец.

— Ты прекрасно знаешь, почему я не отвечаю, — выдыхаю я. — Я с тобой разговариваю только ради Хил.

— Это неправильно.

— Пап, — устало говорю я, с трудом подавляя желание подойти к Норту и прижаться щекой к его груди. Так мне стало бы намного легче. Увы, временно. — Давай сейчас не будем рассуждать о правильности. В общем, Хил похитил тот же человек, который столкнул меня с крыши. Он работает на Говарда Фейрстаха. Хилари им не нужна — только я. Поэтому ее отдадут в обмен на меня через три дня.

— Ты никуда не пойдешь! — рывкает папа.

— Тебе не удастся меня остановить. Ты даже не знаешь мой бостонский адрес.

Я намеренно не говорю, что он не знает бостонский адрес Норта. На меня накатывает усталость и беспомощность. Как бы то ни было, они вышвырнули меня в Бостон и только сейчас, когда опасность приобрела материальную форму, забеспокоились.

— Значит, придется приехать к тебе на работу!

С этими словами он первым сбрасывает звонок. От неожиданности такого поступка я дважды смотрю на дисплей, удостоверюсь, что действительно довела своего флегматичного отца до бешенства. И только потом отдаю мобильный Норту.

— Знаешь, кинуть отца в час было не худшей твоей идеей, — подводит итог Норт, сиюсь подавить улыбку.

— Заткнись! — рычу я и внезапно начинаю смеяться. Приходится напомнить себе о Хилари.

— Все будет нормально, — без вопросов понимает меня Норт и вытягивает руку, приглашая в свои объятия.

Если честно, я слишком обессилена, чтобы продолжать сопротивляться. Это полный сюр, но только сейчас, устроившись у его бока с чашкой остывшего кофе в руках, я впервые с момента падения чувствую себя *дома*.

Раздается дверной звонок.

— Это Бас? — спрашиваю я флегматично. — Твой отец? Мэри? Или еще какой страшный ужас?

— Не говори ерунды.

Он идет к двери — я не отстаю ни на шаг. Если там кто-нибудь из перечисленных персон, я достану из рюкзака пистолет, и все закончится здесь и сегодня. Но когда Норт открывает дверь, на пороге оказываются всего лишь Стефан, Джейден и Надин. Тоже есть в кого пострелять, в общем-то, но на моей безопасности это никак не скажется.

— Насчет страшного ужаса ты угадала, — комментирует Норт. — Что вы здесь делаете?

— Как вы втроем поместились на мотоцикл?

Вопросы мы с Нортом произносим хором, и он поворачивается ко мне с явным намерением проверить, все ли со мной хорошо. А со мной точно что-то не в порядке, потому что это явный перегруз. Мне нужно отдохнуть от творящегося вокруг дурдома. Наверное, меня настигли последствия травмы, жизнь в условиях напряжения каждого нерва и вообще, но я определенно теряю контроль над ситуацией, и это критично.

Когда все закончится, я продам чертово кольцо и спущу все деньги на отдых на каком-нибудь тропическом курорте!

— Так, ребятки, — бодро говорит Стефан. Он распахивает плечами нас с Нортом,

проходит внутрь и жизнерадостно хлопает в ладоши. Единственный выглядит так, будто не строил теории заговора ночь напролет. Сказывается тусовочный опыт, однако. — А теперь мы садимся и разрабатываем нормальный план без лишних ушей и этого мальшачьего бреда, который нам с братом пришлось слушать всю ночь.

— Мое «спасибо» отменяется! — рывкаю я на Норта, осознав, что близнецы действительно были в сговоре.

Он флегматично пожимает плечами, будто не особо рассчитывал.

— Прости, Тифф, — привычно легко извиняется Стеф за двоих и переключается на другую тему.

Он сияет. Потому что, возможно, впервые за много лет они с братом заодно. Ничего не понимая, я устало усаживаюсь на диван и принимаюсь слушать.

Только что я поняла, что Стефан лучший актер из нас всех вместе взятых.

— У тебя стало многовато посетителей, Райт, — щурит Ларри свои маленькие глазки, пока я в мыле бегаю между залом и кухней, старательно улыбаясь посетителям кафе ради чаевых.

Родители приехали. И время они выбрали неудачное.

— Прости, Ларри, у меня семейные проблемы.

— И с бойфрендом, и с политиком тоже. Знал бы, что ты нынче стала такая проблемная, ни за что не вернул бы тебе место!

Я знаю, что Ларри больше лает, чем кусается, но слышать такое все равно обидно. Мне и так несладко. Неприятно знать, что и рассчитывать на поддержку не приходится. Тем более, что я усердно работаю, не пропускаю смены и уж точно не пренебрегаю обязанностями ради болтовни с посетителями. Просто Ларри не нравится думать, что его сотрудники — живые люди.

— Он не всерьез, — тут же вмешивается деликатная Айрис.

— Все нормально.

Нет, ни разу не нормально!

Я автоматически поправляю фартук, наливаю две чашки кофе (сама, не привлекая ребят) и направляюсь в зал.

— За мой счет, — скупно бросаю Ларри, проходя мимо, и ставлю на столик перед родителями по чашке. Пусть сидят тут и ждут, когда я освобожусь. Иначе, если не будет заказа — Ларри точно попросит их на выход.

Мои родители смотрятся в кафе инородно. Они почти никогда не выходят в подобные заведения. Романтики между ними давно не осталось, да и мать рассматривает обеды вне дома как пренебрежение обязанностями жены. Все ее нечастые вылазки случаются с подругами. У отца ситуация чуть лучше: некоторые деловые встречи он предпочитает проводить в менее формальной обстановке. И иногда он тайком возил нас с Хил поесть мороженого. Сейчас же, глядя на родителей за столиком кафе, я понимаю, что им вдвоем на редкость некомфортно.

— Привет, — начинаю я сухо и по-деловому. — Вам придется подождать, когда схлынет наплыв посетителей.

— Тиффани, у тебя есть новости от Хил? — спрашивает отец, мягко перехватывая меня за запястье.

подавляя укол вины, я отрицательно мотаю головой. После моего ответа он разом сникает. На всхлипнувшую мать я стараюсь не смотреть вовсе. На этот раз мне удастся уйти

беспрепятственно.

Освободиться удастся примерно через час, в течение которого Ларри чуть ли не хвостом за мной ходит, проверяя, не стану ли я отлынивать от своих непосредственных обязанностей. Даже ребята начинают раздражаться. И мне бы точно не удалось уйти, не вмешайся Хью: он уводит Ларри на склад обсуждать продукты и незаметно мне кивает. Приходится принять как факт: мне попадет, возможно, будет штраф, но сейчас это не главное.

Хилари — вот что имеет значение.

Я невольно отмечаю, что родители выбрали тот же столик, что и Норт неделю назад (всего неделю?). Кофе давно выпит, они сидят за пустым столом. Перед отцом разорванная в клочья салфетка. При моем приближении он поднимается и неловко пытается сгрести ее рукой, прежде чем пересесть к маме.

— Оставь. Я уберу, — говорю я сухо.

Но опережает меня Айрис: стоит мне сесть, как она подходит и, доброжелательно улыбаясь, сметает обрывки на поднос.

— Спасибо, Айрис, — благодарю я, намеренно провоцируя мать.

— Не за что! — звонко отвечает она. — Может быть, что-нибудь принести?

— Чай? — предлагаю я родителям.

— Нет, — оскорбляется мама, осознав, кто именно нас будет обслуживать. Даже сейчас, когда не время точить ножи, она не в силах отказаться от своих предубеждений.

— Значит, на двоих.

А отец на маму зол. Не потому ли она такая тихая?

— Фруктовый, — выбираю я свой любимый, зная, что папа не станет возражать.

Айрис мне согласно подмигивает и бойкой птичкой уносится в кухню.

— Милая девушка, — замечает отец и продолжает задумчиво: — Может, и стоило отпустить тебя в Бостон.

Мама поджимает губы и опускает голову ниже. Не зная, что на это сказать (особенно после субботнего застолья), я перевожу тему.

— Как дела с полицией?

— Я уже несколько раз звонил твоему Норту. Он сообщил, что фамилия Мэри, с которой уехала Хил, очевидно, Кравиц. Но Мэри Кравиц не подтвердила, что была с ней тем днем или даже вообще знакома. А больше пока ничего.

— Это она, — вздыхаю я. — Мэри Кравиц ненавидит меня, пап. Это Мэри подбросила мне наркотики и сообщила о них в полицию. — Я сглатываю. — Норту удалось доказать, что это ее рук дело, но у Мэри куча денег. Она вышла под залог. Было бы глупо думать, что она не попытается отомстить.

— Я одного не понимаю, Тиффани, как ты ухитрилась за один год вне дома нажить столько врагов? Ты же хорошая девушка...

В этом месте я мрачно усмехаюсь и смотрю на маму. Она тиха, как мышь, и выглядит просто ужасно. Интересно, окажись на месте Хил я, она бы так же переживала? Очень сомневаюсь. Мне вспоминаются слова Норты о том, что она заставила врачей перевезти меня из Бостона поближе к дому ради собственного удобства, хотя имелись противопоказания. По-моему, эта женщина попросту никогда меня не любила. Но она любит Хил.

— Нет, папа, я умею быть не очень хорошей. И большинство встреченных мной людей не столь великодушны, как братья Фейрстахи. Они не прощают выходки, считающиеся в нашей семье нормой.

От этих слов мама вздрагивает, будто я ее ударила. Она едва ли взглянула мне в глаза за все время пребывания здесь.

— Объяснись, — гневно хмурится отец.

— Мы с Хил привыкли выживать любыми способами. За это нужно благодарить не тебя, пап, но когда ты на работе, а ты там проводишь много времени... — я выдерживаю наполненную смыслом паузу, — дома бывает по-настоящему стремно. Помнишь, как мама пыталась отобрать у меня чемодан, когда я собиралась уехать в Бостон? — Отец бросает на жену мрачный взгляд. — Мы с Хил давно перестали понимать, что такое хорошо и что такое плохо. И зачастую мы выбираем себя в ущерб окружающим. Мне потребовалось время, чтобы научиться различать оттенки добра. Время, которое было у меня здесь, в Бостоне. К сожалению, ошибок я наделала еще в самом начале. И одна из них — Мэри Кравиц.

— Что ты ей сделала?

— Ничего, о чем ты не знаешь. Я нанесла сильный удар по ее репутации и увела парня, в которого она была влюблена.

— Но зачем? Ради Норта Фейрстаха?

— Нет, папа, едва ли полтора года назад я была девушкой, способной влюбиться. Мэри высмеивала меня из-за моего финансового положения. А для меня это, как ты можешь догадаться, большая мозоль. Пожалуй, я отомстила ей несоразмерно жестоко. Потому что могла и не видела причин шадить ее чувства.

Отец замыкается и опускает глаза. Мама упрямо поджимает губы, не глядя на меня.

— Так ты упала из-за Мэри?

— Нет, пап, — вздыхаю я и тру глаза пальцами. Я по-настоящему устала от этой путаницы. — Я говорила: меня столкнул человек Говарда Фейрстаха. Мэри не имела к этой истории отношения, пока не похитила Хилари. А теперь именно Бас — мой убийца — обещал выменять Хил на меня.

Внезапно отец поднимается и тянет меня за руку.

— Идем. Ты должна рассказать все полиции.

— О том, как собиралась шантажировать Говарда Фейрстаха? — спрашиваю я истерично, тщетно пытаюсь вырвать запястье из его пальцев. — О том, как хотела вытащить его сыновей из дерьма, в которое он их загнал? О том, как смыла в унитаз наркотики, что подбросила мне Мэри, уничтожив улики? Это я выйду виноватой из всей этой ситуации, папа. Потому что Говард Фейрстах прокурор, контролирующий этот штат вместе со всей полицией. Я пойду на встречу с его человеком и займу место Хил. Это не обсуждается!

В этот момент из дверей кухни появляется Айрис. Надо мной нависает разгневанный, обеспокоенный отец, мамыны глаза мечутся между нами двумя. Она как будто растеряла всю свою храбрость с тех пор, как отец узнал о драках под нашей крышей. То, что она доехала до Бостона ради Хил, — уже своего рода достижение.

— Я все же принесла три чашки, — невозмутимо говорит Айрис, и отцу приходится посторониться, чтобы пропустить ее к столу.

Помимо чашек она ставит на стол блюдце с тремя дольками шоколада. Я вижу, как мама поднимает на нее изумленные глаза и получает в ответ все такую же приветливую улыбку. *Да, мам, в мире есть люди, которые не отвечают на зло злом. Например, Айрис. Например, ненавистные тебе Фейрстахи. И еще новая Тиффани, простившая Джейдену поступок с фотографией, уничтоживший ее первую и единственную любовь.*

Я должна попробовать достучаться до родителей еще раз.

— Я не буду в этом одна, — говорю я, на этот раз переводя взгляд с отца на маму. — У меня прекрасные друзья. Это Норт, Стефан, Джейден и Надин. В данный момент они пропускают колледж, чтобы придумать, как вытащить нас с Хил.

— Я одного не понимаю, Тиффани, с чего вдруг ты решила шантажировать Говарда Фейрстаха?

— Он ублюдок, который позволяет избивать одного из своих сыновей до полусмерти, торгует наркотиками и держит в страхе и беззаконии город, жонглируя полицией так и эдак. Его нужно гнать из губернаторского кресла взашей.

Пригубляя лучший чай из меню «У Ларри» под разъяренным взглядом владельца, я совершенно отчетливо понимаю, что теперь избавлением нас со Стефаном от гнета Говарда дело точно не ограничится. Я не остановлюсь, пока он не ответит за свои действия. И как минимум Стефан с Надин — тоже.

Долгий разговор с родителями не привел нас к единому мнению. Узнав, что я не собираюсь действовать в одиночку, они немного успокоились, но так и не дошли до мысли, что биться с полицией бесполезно. Поэтому они решили остаться в Бостоне и попытаться счастья, насев на детективов. Папа не оставил попыток отговорить меня жертвовать собой ради Хил, но ему никогда не понять, что я чувствую. Не думаю, что я смогу жить как прежде, если не встречу со своим убийцей лицом к лицу и не закрою эту страницу навсегда. В общем, пусть обивают пороги полицейских участков: они заняты. На меня меньше времени останется. Да и вдруг случится чудо, и из этого выйдет что-то путное.

Сразу после их ухода у нас с Ларри состоялся серьезный разговор о моем самоуправстве на рабочем месте, в результате которого я пришла к мысли искать запасной вариант. Например, по специальности. Как юрист-недоучка я мало кому приглянусь, но, опять же, вдруг случится чудо, и из этого выйдет что-то путное. Да, я не властна над своей жизнью в данный момент, да, работодатель не обязан входить в положение. Но мне столько раз угрожали за последний месяц, что любой ультиматум воспринимается как повод послать всех по небезызвестным адресам!

Я не просто устала, я выгорела морально. И появилось ощущение осторого одиночества, несмотря на все заверения.

За прошедшие три дня ребята стали как будто близки. Никто не поменялся, но компания удивительным образом спелась и спаялась. Надин так и не полюбила Норта и все еще волком поглядывает на Стефана, но она их внимательно слушает и больше не считает напыщенными зазнайками. Стефан не перестал ее задирать по поводу скудной социальной жизни, но в нос еще не получил ни разу, что для этого парня огромный прогресс. Джейден... Джейден уникал, который поладил со всеми. Впрочем, он сейчас просто счастлив, несмотря на обстоятельства. Его коронный маневр с перекидыванием Стефа через кухонные тумбы немного подпортил планы: я рассчитывала на более горячее продолжение ночи (утра?) для них с Надин, но оказалось, что, тягая парня в полтора раза тяжелее себя, Джей повредил спину и мисс Главный редактор в благодарность его попросту лечила. Хотя как она это делала, история умалчивает, потому как теперь она иногда краснеет от взгляда своего лучшего друга. Но всем нам далеко до единства, с которым действуют Норт и Стефан. Даже мы с Хилари никогда не достигали такого взаимопонимания. Нет, поймите правильно, никто из братьев не поменялся, они даже не перестали умалять достоинства друг друга при любом удобном случае, но в отличие от нас, им не требуется объясняться чуть ли не на пальцах по пять минут. Они наверняка обмениваются информацией с помощью невидимых антенн.

Во всем этом балагане лишняя именно я.

На меня никто не делает ставку. Я приманка, цель которой — не облажаться и выжить. Как? Никто не знает, потому что никто не знает, что на уме у самого Баса. Стефан считает, что рождественский спектакль был выбран местом действия из-за толпы. Никто не должен усомниться в том, что мое самоубийство не подстроено. Норт больше не защищает отца, а это значит, что он согласен.

Короче, все рассчитывают на мою легендарную способность к импровизациям, а я боюсь сказать, какой ступор и ужас у меня после того, как стало известно, что под

угрозой моя сестра.

Самое поганое, что я даже не в курсе плана, потому что Бас может заставить меня расколотся. Стало быть, ребята общаются, пока я на смене в кафе. Иногда мне немного дискомфортно от мысли, что они там одни, а я сама по себе, но, наверное, это к лучшему.

Я и так всех подставила.

Если бы не я, Хилари не оказалась бы в опасности. Если бы не я, Джейден и Надин бы не вмешались. Если бы не я, даже Стефану доставалось бы меньше. А теперь еще и Норт, который рушит свое амплу идеального наследника империи Фейрстах.

Кстати о Норте: либо я схожу с ума, либо с тех пор, как я отказала ему в поцелуе, сославшись на Мэри, он сделал своей целью меня соблазнить. После его пламенного монолога о тяготах няньки для Тиффани-на-другом-конце-города, я сглупила и, сдавшись на милость чувства вины, временно поселилась в квартире Норта. И немногим позже поняла, что он вовсе не случайно оказался голым в незапертой ванной, потому что за этим последовала целая вереница весьма изобретательных способов обольщения. Мне даже вспомнились слова Стефана о том, что его брат ни за что не отступится от меня, пока есть шанс, что я могу оказаться с ним — со Стефом. И тот отказ лишь подлил масла в огонь. Ну что за дура? Еще со времен памятной вечеринки Каппы следовало понять, что Норт из тех, для кого неудача — лишь повод проявить больше упорства. Его работодателя можно будет поздравить с лучшим приобретением в его жизни. Увы, в личном плане эта черта — полный отстой!

Приведу пример. Из плана от меня не сумели скрыть только одно: что в какой-то момент близнецы хотят сойти за одного человека. Для этого Норт проколол ухо. Ну а поскольку Норт даже при всем своем самомнении остается человеком, его ухо закономерно гноится. Вчера его обрабатывала я. Сразу после смены, еще не успев переодеться. И только наклонилась, как вдруг «случайно» споткнулась и оказалась почти лежащей на Норте. Губы в полудюйме друг от друга, сбившееся дыхание, совершенно отчетливая твердость в районе ширилки. Если бы я уже не подозревала Норта во всех тяжких, не была так зла, устала и расстроена, я бы точно не сдержалась.

В каком-то смысле мне даже польстило бы такое поведение, но сейчас только бесит. Потому что худшего времени для попыток вернуть меня в свою постель Норт придумать просто не мог! Моя сестра, пусть и косвенно, в заложниках у его отца.

В общем, для взрыва мне не хватает одной капли. Я непривычно не уверена в себе, чувствую одиночество и вину. Поверьте, нет ничего более кислотного, чем чувство вины. Меня буквально разъедает изнутри, выжигая все положительные качества.

Поэтому, когда вместо Норта меня после кафе встречает Стефан, я разрываюсь от облегчения, обиды и раздражения. Да, еще пятнадцать минут Норт не будет пытаться затащить меня в постель — это плюс, но он спешит закончить с моими друзьями планирование, пока я не вернулась. Друзьями, которые уйдут, стоит мне переступить порог квартиры. Потому что поздно, с моим приходом дела заканчиваются, утром им в колледж, нужно выспаться. А я опять останусь один на один с Нортом в искрящей от напряжения квартире и с мыслями о том, что от моей способности импровизировать напрямую зависят моя жизнь и благополучие Хилари.

Гул из квартиры слышен еще из-за двери, потому что я мрачнее тучи еще до того, как переступаю порог. Джейден, Надин и Норт сидят на полу вокруг переставленного в центр комнаты журнального столика. На нем четыре тарелки с кусками пиццы разной степени

обглоданности. Мисс Главный редактор так рьяно жестикулирует, что даже не замечает моего прихода, несмотря на то, что единственный, кто сидит ко входу спиной, — это Норт. Первым реагирует Джейден, одним жестом останавливая переговоры. Бросив ребятам сухое приветствие, я мысленно молю провидение о том, чтобы у меня в скором времени выпала возможность остаться одной и нормально подумать о сложившейся ситуации, и направляюсь в ванную. Плещу в лицо водой, силясь успокоиться. До срыва мне хватает ровно капли.

— Это временно, — говорит Стефан, застревав в дверях ванной и складывая руки на груди.

— Я знаю. — Не вижу смысла делать вид, будто не поняла, о чем речь. — Но я человек действия и совсем не умею ждать.

Стефан бросает взгляд через плечо.

— Тифф, мне ведь не кажется, что Норт пытается все исправить?

— Тебе не кажется. Но я его энтузиазм не разделяю. Мы оба наворотили.

— Тогда скажи ему, что это не сиюминутное решение.

Я хмурюсь. Конечно, не сиюминутное, но когда это я успела обсудить со Стефаном наши отношения с Нортом? Что ему вообще может быть известно. Или ему известно то, что до сих пор неизвестно мне?

— погоди, что ты хочешь сказать? — мрачною я.

— Шалтай, ты собиралась уйти от него. Ты до сих пор не помнишь? — Стеф удивленно вскидывает брови.

— Что?! — мой голос взлетает на октаву.

Разговоры прекращаются во всей квартире. Я хватаю Стефана за локоть и, ни на кого не глядя, буквально силком вытаскиваю его на улицу.

— Стефан, тратить такую сумму на кольцо на один день — безумие. Ты всерьез считаешь, что кто-то будет проверять, не врем ли мы, оценивая подлинность камней?

Не знаю, что думает о нас продавец ювелирного магазина, но мы определенно тянем на самую странную пару в его практике. Парень в косухе, девчонка в форме колледжа в субботу. Они рассматривают украшения на самой дорогой витрине и спорят, причем против — она.

— Ну же, Тифф, давай. Если так угодно, представь, что на моем месте Норт, и выбери себе кольцо. Хочешь, я сделаю более мрачную мину? Люди говорят, мы похожи.

— Вы не похожи, — говорю я, бледнея.

И я никогда не буду выбирать кольцо с Нортом.

— Нет, Тиффани, мы похожи. Мы однояйцевые близнецы. Нас все путают. Кроме тебя. Как так вышло?

— Может, потому что я сплю с твоим братом и знаю все его гримасы?

Я намеренно преуменьшаю значимость наших с Нортом отношений, потому что в какой-то момент они стали для меня слишком многим. Затопили без остатка, а в таком признаваться как минимум стыдно. И нельзя допускать мысль, что это нормально. Нельзя!

— Это не так. Ты нас различала еще до того, как стала с ним встречаться, — последнее слово он подчеркивает голосом, явно намекая на то, что не считает наш союз чем-то несерьезным.

Стефан легкомысленно опирается локтем о витрину, где лежат миллионы долларов, и смотрит на меня с интересом. Любому другому на его месте сделали бы замечание, но Стеф уже успел засветить свою платиновую кредитку, и продавщица все терпит. Включая

то, что мы ввалились за две минуты до закрытия.

— Вот это, — тыкаю я наугад, не желая отвечать. Я выбираю то самое кольцо, что было у меня в рюкзаке.

Стефан делает жест продавщице — мол, берем.

— А теперь давай продолжим разговор. Мне стало интересно.

Это, чтобы вы понимали, максимально неловкая ситуация при том, что я прекрасно понимаю, как Стефан относится ко мне на самом деле. Когда он напивается, он не умеет скрывать эмоции. Совсем. И даже если считать его направленный на мои губы взгляд и сбивающееся дыхание случайностью (ну, с каждым парнем бывает, особенно по пьяни), то однажды во время танца меня толкнули прямо на Стефана, и я узнала... больше. А теперь это чертово кольцо. Мне следовало придумать план, не включающий фиктивную помолвку.

— Стеф, ты не хочешь знать.

— Да ладно, Тиффани, мы же почти семья, — говорит он с преувеличенно непринужденным смешком, знакомо сверкая глазами. Иногда мне кажется, что Бас развил в нем мазохистские замашки.

— Ты сломан, а он нет. Это очень заметно.

Веселье с Весельчака сдувает сию же секунду.

— Да уж, о пощаде чувств ты не слышала.

— Извини. Просто то, что с тобой происходит, мне знакомо не понаслышке.

— Знаю, — мигом смягчается он. Удивительно незлопамятный парень. — Иначе я бы никогда не согласился на твой безумный план. Или если бы я не видел, как ты изменилась.

— Изменилась?

— Год назад ты готова была ради членства в сестринстве переспать с первым попавшимся парнем перед камерой, а сейчас мнешься, не в силах выбрать фиктивное помолвочное кольцо. Еще бы не изменилась.

Я нервно дергаю плечом.

— Дело не только в этом.

— Нет?

— Я никогда не хотела замуж. Мне все это отвратительно.

Стефан хмурится.

— А Норт об этом знает?

Я начинаю смеяться.

— Стеф, прежде чем предложить мне отношения, твой брат практически прямым текстом сказал, что это временно. Если бы меня этот вариант не устраивал на сто процентов, я бы никогда не согласилась.

Я качаю головой, а в душе признаюсь перед самой собой, что все это в прошлом. Теперь я хочу большего. В смысле, я все еще не мечтаю получить кольцо от Норты Фейрстаха, но, черт возьми, он стал частью меня, изменил химические реакции в моем организме. Без него набор вырабатываемых моим телом гормонов не станет прежним. А значит, он действительно как наркотик, к которому я возвращаюсь снова и снова. И еще он может погубить меня не менее верно. Мать не так уж неправa, обвиняя меня в зависимости.

Я не представляю, как собраться по кусочкам после того, как мы расстанемся. Это все равно что взять и оторвать часть себя. И не какую-то там руку или ногу, как любят пафосно изъясняться в романчиках, — нет. Просто взять и выдрать часть каждой клеточки, каждого вдоха, каждого воспоминания. Взорваться на миллион атомов,

рассыпаться и собраться снова. Собраться уже другим человеком, совершенно другим. Эмоциональным инвалидом, если угодно. Я не знаю, какой станет Тиффани Райт после Норта и без Норта, сможет ли она нормально функционировать дальше.

Летом, не имея возможности видеть его, я срывалась с места и бежала в Бостон. Вне зависимости от дня недели, времени суток или погоды, я бежала к нему. Я влетала в его квартиру, открывая дверь своими ключами, и припадала к его губам. Он довольно смеялся, относился к этому философски и был так же страстен, как в первый раз. Но я-то нет. Во мне этот пожар горел все ярче, сжигая часть прежней меня раз за разом. Он за мной не бежал, бежала — я. И я начала понимать, что все это может закончиться очень печально. Потому что в наших отношениях всегда была масса ограничений в виде его отца, Мэри и убивающей невозможности встречаться где-то помимо стен его квартиры. О нас даже никто не знал!

Быть может, поэтому я придумала аферу именно с кольцом и абортom. Я понимала, насколько болезненно это ударит по Норту. И я пошла на эту жестокость. Отомстила за свою слабость. Ненавидя то, насколько стала от него зависима. Рано или поздно он бы узнал о нас со Стефаном, он бы...

Я замечаю в стоящем на витрине зеркале свое отражение: одна щека синеватая от удара матери, другая бледная, как мел. И черные провалы глаз.

— Спасибо, — лаконично благодарит Стефан продавца, и я понимаю, что мое состояние от него не укрылось.

— Выберете коробочку? — осторожно предлагает девушка за витриной.

Глянув на меня исподлобья, Стеф отрицательно качает головой и выбирает мешочек. Мы оба понимаем почему: в мешочке может лежать что угодно, а в коробочке... ее может найти Норт. Если, конечно, Норт вообще будет после этой ночи.

До каршеринга мы добираемся в молчании. За стойкой сидит парень, которого я несколько раз видела в колледже. Кажется, он снимает для газеты, но я не уверена, ведь он не из тех, с кем я могла бы пересечься. Он что-то мне говорит, но я не в том состоянии, чтобы вести себя адекватно. У меня ужасно болит половина лица, но еще больнее от того, что я собственными руками рушу отношения с парнем, который стал для меня центром вселенной. Я совершенно не ожидала, что будет так тяжело. Дело не только в нервах.

Кажется, парня из каршеринга задевают мои односложные ответы, и в итоге его отношение меняется на менее дружелюбное. Несколько раз он подозрительно смотрит на Стефана, затем снова на меня. Будто прикидывает, по какой причине мы здесь вместе, и я не выдерживаю:

— Какие-то проблемы?

Он вздрагивает и хмурится.

Через десять минут он сфотографирует нас со Стефом у выхода и пошлет фотографию Мэри Кравиц. Еще через полчаса она придет к Норту в квартиру, а еще через час я оставлю ему голосовое сообщение с мольбой о помощи. Мольбой, которую должна держать в себе, особенно после того, как решила с ним порвать. Слабачка.

— Итак, что происходит? — спрашивает Стефан, усаживаясь за руль взятого напрокат авто. Там неожиданно хорошая звукоизоляция, и тишина давит на мои барабанные перепонки.

Я мотаю головой.

— Тогда начну я: ты хочешь порвать с моим братом, потому что...

— Он узнает о том, что мы сделали, и со мной расстанется.

— Хрена себе ты придумала, — фыркает Стефан и стучит пальцами по рулю. — Тина нашла себе оправдание. Девочка, так не делается. Если что-то не клеится, то взрослые люди об этом говорят, а не манипулируют партнером в своих интересах.

— Как видишь, Стеф, не так уж я и изменилась, — огрызаюсь я.

— Я вижу, что наш план разваливается уже в самом начале.

— Я отыграю свою роль — об этом не беспокойся. Я всегда отыгрываю...

Когда речь не идет о Норте. С ним притворяться не получается, и эта открытость наносит мне раны. Он сорвал все брони с моего сердца уже после того, как я решила, что у меня такового вообще нет. И не открылся сам.

— Что-то не так. Я беспокоюсь о тебе, — неожиданное мягкое признание Стефана заставляет меня напрячься.

— Это не то, в чем ты можешь помочь.

— Брат обидел тебя? Он тот еще говнюк.

— Он был со мной ровно настолько мил, насколько это вообще для него возможно. В том и дело. Он все время начеку. Мне через это не пробиться.

— Делаааа...

Стефан сгребает меня в медвежьи объятия. Я в очередной раз отмечаю, что он пахнет совсем не похоже на Норта. Минут пять мы так сидим. Он напрягается первым:

— Нам лучше ехать по отдельности.

Выходит и пересаживается на мотоцикл, а я трогаю зажигание.

Через полтора часа я упаду с библиотечной крыши и чудом останусь жива.

Чем ближе день X, тем больше курит Стефан. Стоя у подъезда Норта, он приканчивает уже третью сигарету.

— Разберись с этим дерьмом до того, как у Норта снова сорвет от тебя крышу, — внезапно неодобрительно заключает Стеф. — Передай ребятам, что я уехал.

Едва его мотоцикл скрывается за повтором, оглашая улицу характерным ревом, как в дверях появляется Норт.

— Что это было? — спрашивает он, хмуря брови.

Мы встречаемся глазами, и, с трудом проглотив ком, я проскакиваю обратно в подъезд, ничего не объясняя.

Нет ничего хуже следующей ночи. Последней перед рождественским спектаклем. До двух часов я борюсь со своими мыслями за сон. Увы, они мечутся, отгоняя спасительное забытие, между тревогой за Хилари, страхом перед Басом и Нортом. Нортом, которого я оказываюсь, собиралась оставить. Как получилось, что, узнав о нашей со Стефаном афере, я ни разу не задалась вопросом, что собиралась сказать по этому поводу Норту? Не мог же он не узнать об этом так или иначе. Выходит, я продумала и это тоже. Увы, мои чувства в данный момент слишком далеки от того слепого обожания, коим сквозит воспоминание о вечере перед падением, и я себя не понимаю.

Истерический порыв девочки, которая поняла, что не может контролировать свои чувства? Или я увидела в Норте что-то такое, что натолкнуло меня на мысли о его нарастающей холодности? Увы, из подсказок у меня только свершившиеся факты.

Не в силах больше лежать без сна и терзаться загадками своего прошлого, я откидываю одеяло и бесстыдно направляюсь в спальню Норта. Дверь немного скрипит, и со стороны кровати тут же слышится шорох одеяла.

— Я тебя разбудила? — спрашиваю я шепотом.

— Проходи.

Он не отвечает на вопрос, но, судя по голосу, Норт тоже так и не сумел заснуть.

На этот раз я оставляю за дверью все кокетство и упрямство и, преодолев разделяющее нас расстояние, без приглашения присаживаюсь на кровать.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов о той страшной ночи, Норт, — признаюсь я.

Тонко почувствовав мое состояние, он приподнимает одеяло, приглашая юркнуть внутрь теплого кокона в его объятия. Если честно, я не в том состоянии, чтобы сопротивляться или заниматься самообманом: сейчас мне это нужно. Я прижимаюсь спиной к его груди и напряженно гляжу в темноту, собираясь с мыслями.

— Ты можешь их задать. Но не удивляйся, если я не захочу на них отвечать, — прямо у меня над ухом хрипловато говорит Норт.

По одной этой интонации я понимаю, что несмотря на выбранную тему, он возбужден, и старательно это игнорирую. Как и отклик собственного тела.

— Ты видел мои звонки или просто забросил телефон так далеко, что не услышал?

Не знаю, удивляет ли его такое начало разговора, но по долгому молчанию понимаю, каким будет ответ и зажимаюсь.

— Видел, — подписывает Норт себе приговор.

И это мой ответ. Потому что я бы на его месте не поставила свои сиюминутные эмоции выше его благополучия. Если бы ему потребовалась помощь среди ночи, я бы сорвалась с места и побежала. Дьявол, я в тот же день сделала это для Стефана — всего лишь брата Норта. При том, что знала, как отреагирует моя мать. Что мне после этого думать, делать? Надо встать и уйти. Сейчас я это и сделаю, не дав ему ни шанса.

И я малодушно не нахожу в себе сил на то, чтобы окончательно убедить себя в необходимости разрыва. Лежу с ним в постели и теряю драгоценные секунды, продолжая себя обманывать.

— Но даже сними я трубку, я бы не приехал. Я был чертовски зол и пьян в стельку. Почти не соображал, — отвечает Норт, и я напрягаюсь.

— Ты был пьян? — напрягаюсь я всем телом. Я никогда не видела Норта пьяным. Он не напивался ни разу, ни на одной вечеринке. Для него потеря контроля равносильна самоубийству.

Норт молчит достаточно долго, чтобы я повернула голову, силясь разглядеть в темноте его лицо. Он старательно держит маску непроницаемости, но ее недостаточно, чтобы полностью скрыть раздражение. Не знаю человека, который так же сильно не любит признаваться в собственных слабостях.

— По-моему, у меня был весомый повод, — говорит он холодно. — Девушка, в которую я был влюблен, якобы уехала к родителям, но вдруг оказалась ночью на фото с моим братом, да еще в другой одежде.

Если бы я искала Норту оправдания, то я бы определенно записала алкоголь в смягчающие обстоятельства.

Словно в расплату за откровенность он кладет ладонь мне на живот, сминая тонкую ткань пижамной майки. Пальцем нагло скользит вдоль резинки шорт по обнажившейся коже. И вдруг ныряет ниже.

— Норт!

Силясь вывернуться, я перекатываюсь на живот, но добиваюсь прямо

противоположного эффекта: его рука оказывается прямо подо мной, и Норт прижимает меня сверху. Я окружена им, как коконом. Его горячего тела и запаха сразу становится слишком много: пожар внутри меня разгорается даже раньше, чем пальцы Норты находят особую точку. От остроты ощущений я инстинктивно подаюсь бедрами назад и чувствую твердость, отделенную от моего тела всего парой слоев тонкой ткани.

— А ты ждала иного, явившись ночью в мою постель?

— Да! Я хотела поговорить без участия твоего члена! — шиплю я, памятуя о том, как мы выясняли подробности произошедшего в прошлый раз.

— В жизни большего вранья не слышал.

Всего одно круговое движение пальцев, и я с шипением вцепляюсь в простыни, выгибаясь вперед и потираясь ставшей слишком чувствительной грудью о матрас.

— Так что еще ты хочешь знать? — выдыхает Норт мне в ухо и проводит по нему языком. — Когда уже дойдем до вопросов про Мэри? Или, может, предложить тебе показать наглядно?

Сквозь сладкую дымку до меня доходит, насколько он зол. К собственному стыду, меня не настолько отрезвляет сказанное, чтобы отважиться заехать локтем Норту по ребрам. Я все еще позорно сама вжимаюсь бедрами в его ладонь.

— Это не то, что меня интересует, — слышу я свой осипший голос, сбивающийся от каждого нового движения Норты. — Я хочу... понять другое.

— Отчего же? Недавно ты говорила, что именно Мэри не дает тебе вернуться в мою постель. А теперь опять какие-то новые обстоятельства? Не слишком ли много причин, по которым ты меня не хочешь?

Его голос по сравнению с моим звучит до тошноты спокойно, лишь легкая хрипотца намекает на желание. Эта мысль мелькает в моей голове и ускользает, когда вторая рука Норты находит мою грудь.

— Или, может быть, ради разнообразия побудем честными, Тиффани? Ты хочешь меня так же сильно, несмотря на то, что мы друг другу сделали.

Я должна что-то сказать, но мысли разлетелись, перепуганные внезапным напором.

— Это не меняется. Ничего не меняется. Ты застряла во мне, а я — в тебе, и ни в одном из нас не хватает сил на сопротивление. Мы оба прекрасно знаем, что все твои горделивые трепыхания рассыпаются в пыль, стоит мне по-настоящему тебя коснуться.

Словно подтверждая свои слова, он проникает в меня пальцами, и из моей груди вырывается стон. Его губы опускаются на мою шею, щетина царапает кожу. Ощущения топят остатки здравого смысла и всех третьих, стоящих между нами. Я трусь щекой о подушку, уже не стараясь сдерживать крики. Но едва стоит пружине внутри меня сжаться в ожидании развязки, как Норт срывает с меня остатки одежды. Горячий спазм в животе, толчок — и сладкое ощущение наполненности, которое слишком быстро сменяется толчками. Достаточно быстро, чтобы поначалу причинять дискомфорт, а затем установиться в идеальном для меня темпе, вырывающем из груди стоны.

Норт заставляет меня повернуть голову, впивается в мои губы жестким поцелуем и сразу за этим раздвигает языком зубы, жая мой рот, изливая в него злость вместе со страстью.

— Видимо, я никогда не перестану хотеть тебя.

Ни слова о любви, но я все равно сминаю в кулаках простыни и за несколько минут достигаю оргазма.

День перед спектаклем тянется невыносимо медленно. Норт настоял на том, чтобы Надин с Джейденом от и до изучили помещения, отданные под постановку. И пока они копаются в театральной пыли, мы коротаем время втроем. Долгие часы дня. Это словно насмешка: стоило только Стефану меня предупредить, как я оказалась в постели Норты. И если я уверена, что виной тому эмоциональное напряжение, а наше прошлое оставляет слишком много вопросов, то он уверен, что я никуда не денусь. И все же на этот раз, когда он бреется, я позволяю себе скользнуть к нему, прижаться всем телом и втянуть носом будоражащий ментоловый запах пены для бритья. После такого, конечно, мистер Самоуверенность задирает нос еще выше.

Даже сейчас, утром, мне кажется произошедшее неизбежным. Двое людей, чувства которых так и не отгорели, заперты в одной квартире наедине друг с другом и бессонницей. Завтра один из них может погибнуть. Не странно, что вместо болезненных и тщетных попыток уснуть мы до утра занимались сексом.

Стеф не комментирует наши вроде как возобновившиеся отношения, равно как и не пытается говорить со мной тет-а-тет снова, но пару раз я ловлю его взгляд. В нем отчетливо читается неодобрение.

Апогеем становится момент, когда я в очередной раз обрабатываю все еще не зажившее ухо Норты. Он обхватывает рукой мои бедра, задирая платье, в которое я переоделась задолго до выхода (из-за нервов). В этот момент сидящий на подоконнике и курящий в окно Стефан (Норт ему позволил эту слабость ровно на один день) поворачивается к нам и отчетливо хмурится.

— Стеф, как получилось, что у Норты есть татуировка, а у тебя ни одной? Тебе они вроде как больше по статусу, — интересуюсь я, чтобы отвлечь и вообще восстановить контакт.

Он хмыкает и вставляет сигарету в зубы.

— Что, правда хочешь знать? Точно?

Несмотря на то, что я начинаю сомневаться в правильности своего решения, киваю. Потому что я не люблю отступаться от задуманного, какой бы глупостью это ни оборачивалось.

— Еще в старших классах я пустил слухок, что первой татуировкой наколю имя девчонки, которая делает лучший горловой минет.

Я моргаю в растерянности, но стараюсь не выдать замешательства:

— И? Ни одного достойного?

— Шалтай, — почти сочувственно тянет он. — Учитывая, сколько было прекрасных попыток и есть до сих пор, рисунки на теле мне не грозят.

Хмыкнув в ответ на мое теперь уже очевидное смущение, он отворачивается к окну и стряхивает пепел, словно невзначай роняя:

— Моя демонстрация мудрости «борись за то, что любишь».

Не сдержавшись, я фыркаю и возвращаюсь к своему занятию. И всячески стараюсь не думать о том, что это, возможно, последняя забавная история в моей жизни. Мы с Нортом успеваем обменяться всего одним взглядом, прежде чем Стеф завладевает моим вниманием вновь.

— Тиффани.

От его необычайно серьезного тона я вся напрягаюсь, как пружина. *Он не назвал меня Шалтаем.*

— Я не собираюсь тебя пугать, но сегодня ты встретишься с Басом, и я не хочу, чтобы у тебя остались иллюзии на его счет.

Стефан засовывает руки в карманы и запрокидывает голову. Он глубоко дышит, будто собирая все ресурсы для этого разговора. Я слабо улыбаюсь этой картинке: несложно догадаться, почему девчонки сходят по нему с ума. Он классический плохой парень, уязвимый внутри. С личными демонами, на которых так и тянет взглянуть сквозь приоткрытое окошко в эмоциональной броне. Он умеет быть открытым и обаятельным, умеет грубо отталкивать окружающих. И даже я, я — девушка его брата, ничуть на Стефа не похожего по внутреннему содержанию, — не удержалась от искушения сунуть нос в его жизнь.

Для парней — весельчак с самыми потрясающими вечеринками во всем колледже, богатый и безбашенный приятель. Для девчонок — ящик Пандоры, который нельзя не открыть. Но какой Стефан на самом деле — не знает никто вообще. Но, быть может, разгадка в Басе.

— Когда Бас впервые вошел в наш дом, мне было двенадцать, — глухо начинает Стефан, игнорируя то, что им с Нортм обоим было по двенадцать. Это его история, слишком личная, чтобы делить ее с братом. — Его вышвырнули из спецназа после грандиозного скандала с избиением. После многих лет зверских издевательств его жена каким-то образом нашла силы сбежать. Она подала в суд, у нее на руках были доказательства. Она называла Баса не иначе как чудовищем. Бледная тень человека, не представляю, как она нашла в себе силы дать отпор, после многолетних запугиваний. До суда не дошло: за несколько дней до него она свернула шею, когда упала, выходя из душа. В ее крови нашли наркотики, и дело приняло совсем иной оборот. Ничего не напоминает? Доказать вину Баса не смогли, хоть все и понимали, что случилось. В деле не было ни одной улики. Единственный человек, которого эта история не оттолкнула, а восхитила — наш отец. Впервые в его практике очевидного убийцу было не взять никакими средствами.

Таким образом однажды за ужином Бас появился в нашем доме и больше не исчезал. Я прекрасно помню этот день. Я сразу почувствовал, что он другой. Но страшнее то, что он тоже меня почувствовал. Я каждой клеточкой тела ощущал его тяжелый, проникающий под кожу взгляд. — Я вздрагиваю, потому что чувствовала абсолютно то же самое. Неужели... неужели это натура жертвы так отвечает на флюиды агрессора? Мне хочется обернуться к Нортму, хочется спросить, чувствовал ли он что-то подобное, ведь если кто и не ассоциируется у меня с виктимностью, то именно он. Но сейчас это неуместно. Сейчас соло Стефана. Максимальная откровенность о самом большом страхе его жизни, которую нельзя спугнуть. — С приобретением Баса отец как будто стал поддаваться его безумию. Если до этого дня Говард Фейрстах держал в руках и тайне свои темные порывы, то потом проникся идеей безнаказанности и перестал бояться чего бы то ни было. Он начал торговать наркотиками, брать взятки, контролировать полицию...

Однажды я собственными глазами видел, как он расплачивался со своими кредиторами Сейди. Они сидели и смотрели, как Бас наяривает ее прямо у бильярдного стола сзади. Как она кричала. На следующий день я подарил Сейди кругосветный тур на два места, чтобы взяла кого-нибудь из подруг в компанию. Пока я вез ее в аэропорт, она не проронила ни слова. Конечно, за это меня избили. Но черта с два я об этом жалею.

Он впивается злым взглядом в Норта, как будто говоря: ты же тоже все это видел, во всем этом участвовал. Как мог ничего не предпринять? И впервые мне хочется отодвинуться

от любимого человека подальше. Будто почуяв мой порыв, Норт сильнее сжимает пальцы на моем бедре, и мне остается только опустить глаза.

— Что еще сказать тебе, Шалтай, чтобы помочь? Я не знаю слабостей Баса, кроме его жестокости. Твои невинные друзья не представляют, с чем готовятся столкнуться. Законно Баса не победить — не надейся. Даже если нам каким-то чудом удастся его поймать и обезвредить, отец его вытащит. Я бы не пожалел, если бы сел за убийство. Потому что, может, это единственный способ избавить мир от них с отцом. И единственный шанс избавиться от них — для меня тоже. Если бы не предвыборная кампания... — Кадык на шее Стефа дергается, когда он проглатывает следующие слова, не выпуская их в мир. — Норт сказал, что он вошел в квартиру, где ты живешь, под видом лейтенанта. Видимо, ты каждый раз была там не одна, когда он приходил, не так ли? Иначе ты бы едва ли стояла здесь сейчас. — Он с некоторой болезненностью во взгляде смотрит на меня, закусив губу. Будто ему больно думать о том, что могло со мной случиться. Случиться — потому что он пытался скрывать правду слишком долго. — Мы не можем сегодня облажаться, — наконец, выдает он хрипло.

С этими словами он подходит ко мне и протягивает герметичный мешочек с какой-то белой пылью.

— Вдохнешь — заснешь вместе со всеми, кто будет в комнате, — сообщает он буднично.

Обрывки откровений Стефана кружатся в моей голове, цепляясь за уже известные факты и составляясь в цельные картинки.

Я пыталась вспомнить, но памяти оказалось недостаточно: чтобы приблизиться к правде, мне пришлось увязнуть в долбанутой семейке Фейрстах и признать, что Норт неспроста советовал держаться от них подальше.

Я появляюсь в кампусе за пятнадцать минут до начала представления. Одна. Норт и Стефан заняты своим, а к Надин и Джейдену я не хочу привлекать лишнее внимание. Кажется злой насмешкой, что мне приходится обыденно оставить вещи в гардеробе и смешаться с толпой, дожидаясь начала представления. Потому что никаких указаний нет.

На меня снова смотрят. И вовсе не потому, что я прекрасно выгляжу (более того, я уверена, что это не так). Все дело в моей печальной известности и том, что никто, кроме Баса, меня бы не пригласил. Я стараюсь не отвечать на взгляды, достаиваю кивка только декана — для местного ужатника она женщина на удивление непредвзятая. Есть в жизни моменты, когда это очень ценится.

В толпе я замечаю торчащую обманчиво-неряшливую макушку Стефана. Он окружен поклонницами плотным кольцом и явно не дает им скучать. Невозможно догадаться, что Стеф готовится к драке.

Но стоит мне начать искать в толпе и Норта, как на телефон падает сообщение от «лейтенанта Баса»: *обойди зал справа и скройся в служебных помещениях.*

Тиффани: сначала покажи мне Хилари.

Едва я успеваю нажать «отправить», как справа раздается ее звонкий крик:

— Тиффани!

Мэри обманчиво мягко сжимает локоть Хил в своей когтистой лапе, и я сама буквально кожей чувствую эту хватку. Они разворачиваются и уходят в указанном мне Басом направлении. Но не успеваю я сделать и шага следом, как из ниоткуда за спиной появляется Норт и удерживает меня за запястье. Не позволяет уйти вот так, не попрощавшись. Я знаю, что он думает о том же, о чем и я: возможно, мы видимся в последний раз.

— Выкури пару сигарет, прежде чем переодеваться в Стефа, — говорю я напоследок.

Я вынуждена отвернуться прежде, чем меня затянет в водоворот страха в его глазах. Я никогда раньше не видела в Норте страха, но сейчас он боится своего отца и боится Баса. Сейчас, когда угрожают — не ему.

Не думай, не думай, не думай, — чеканю я шаг, продираясь сквозь почти сомкнутые плечи людей. И толкаю выдавшую виды черную дверь.

Помещения, в которых я оказываюсь, пыльные и удивительно немногочисленные. Это странно, учитывая, что здесь повсюду должны сновать дергающиеся перед спектаклем актеры. Налево или направо? Куда? Я заглядываю в телефон в поисках распоряжений.

Голову пронзает боль удара, и мир заволакивает чернильной пеленой.

Я просыпаюсь от щебетания Хилари.

— Тифф, Тиффани, Тифф...

Она связана по рукам и ногам, а я нет. Интересно. Наверное, чтобы не было следов от веревок на найденном теле. В конце концов, врезать Басу и убежать я даже не рассчитываю. Это тупой метод, а мне нужно быть намного изобретательнее. На порядок.

Боль в голове такая, что едва удастся соображать. Едва взглянув на обрадованную моим пробуждением сестренку, я поворачиваюсь и вижу два мужских силуэта. В полутьме лиц не разобрать, но и не нужно: это Говард Фейрстах и его верный Бас. Клатч с пистолетом и мобильным телефоном валяется на столе подле моих мучителей. Порошок, данный

Стефаном, я положила в бюстгальтер. За поролоном его вроде не нащупать, но Баса нельзя недооценивать. Как бы проверить? Интересно, я почувствую грудью инородный предмет, если начну просто двигаться?

— С пробуждением, мисс Райт, — преувеличенно бодро приветствует меня Говард, разворачивается и идет в мою сторону. Явно понял, что раз Хилари замолчала, то дозвалась. Я изо всех сил давлю в себе инстинкт сжаться в комок или вообще отползти подальше от этого отвратительного человека. Но он просто протягивает мне руку для пожатия. Я дерзко отвечаю, и в этот момент он разворачивает ладонь тыльной стороной к себе. — Что-то, смотрю, вы сегодня без кольца. Неужели на этот раз не собираетесь замуж ни за одного из моих сыновей? А то я уж было привык к этой дурной традиции!

Если мне что и нравится в чертовом Басе, так это полное отсутствие мерзких смешков в ответ на такие вот заявления. Говард хотел забрать кольцо прежде, чем разберется со мной, иначе могли бы возникнуть неуместные вопросы. А если нет кольца, то нет и помолвки. Пойди докажи обратное.

Кольцо, отсутствие веревок... Они действительно готовят убийство-самоубийство.

— Отпустите мою сестру, как и обещали, — произношу я громко и отчетливо.

— Непременно. Самое удивительное, мисс Райт, что я действительно собираюсь сдержать свое обещание и отпустить вашу сестру. В отличие от вас, конечно. Думаю, вы все сами понимаете. Это политика, ничего личного. Но все позже. Я приехал на спектакль и собираюсь его увидеть, пусть он и будет так же плох, как все предыдущие. Что ж, мне пора: Норт уже заждался меня в первом ряду.

Упоминание имени Норты режет наживую, потому что, как бы то ни было, он так и не выбрал сторону. И он действительно может дожидаться отца в зале несмотря на то, что я тут обезоруженная и с раскалывающейся от боли головой.

— Бас.

Это короткое слово звучит не то как имя, не то как приказ. И тут же дверь за Говардом Фейрстахом захлопывается. Я силуюсь отогнать картинку того, как он обнимает Норту, прежде чем опуститься в соседнее с ним кресло, но она никуда не уходит. Может, там по другую его руку еще и Мэри? Семейная идиллия.

— Что теперь с нами будет? — не выдерживает Хилари, явно посчитав, что главный монстр покинул сцену.

И, если честно, по моему скромному мнению, она права. Бас — лишённая чувств и эмоций машина, а настоящий маньяк управляет ею. Как Норт может этого не понимать?! Есть у меня ощущение, что Бас готов уйти в самоволку только из-за Стефана. Он его рычаг, на котором рвет тормоза. Не будь Стефа, Бас бы подчинился Говарду беспрекословно. Или наоборот: не будь Стефа как главной любимой игрушки Баса, не было бы у Говарда и самого Баса.

— Твоей сестре придется умереть, — отвечает «лейтенант» так, будто речь идет о погоде. — По правде говоря, она должна была умереть два с половиной месяца назад и уже давно живет в кредит.

К восточному побережью США направляется циклон. Он принесет с собой кровавый дождь, который затянется до обеда.

— Да что вы такое говорите?! — выкрикивает Хилари, еще незнакомая с наиболее современными политическими методами решения проблем.

— Ты слишком громкая.

С этими словами Бас, морщась, берет в руки тряпку и направляется к Хил. Умом я понимаю, что это глупо, но все равно пытаюсь его остановить, защитить свою маленькую сестренку. Одно неуправляемое движение, его локоть ударяется мне в висок.

Я вроде бы и сознание не теряю, но из памяти вылетает здоровый кусок времени, намекая, что так поступать с травмированным мозгом нельзя. Не меньше полминуты требуется, чтобы вернулась ясность мыслей. Если меня не стесняясь избивают, значит, собираются устроить что-то, способное скрыть побои. *Еще одно падение. Они хотят выставить меня психически нестабильной, заиклившейся на идее сброситься вниз.* Вопреки боли в голове, все становится кристально ясным. *Они хотят, чтобы я сбросилась вниз на глазах у всей толпы. Стефана. Норта. И Джейдена с Надин.*

Поднимаюсь я с огромным трудом. Хилари связана по рукам и ногам, кляп во рту. Как Говард собирается заставить моих родителей молчать? Решил, что если один раз выкупил у них жизнь дочери, то и со второй выйдет? У меня для него неприятный сюрприз: если моя теория верна, за Хилари мать возьмет с него куда больше. Эта мысль поселяет на моем лице неуместную улыбку.

Я медленно перевожу взгляд туда, где в прошлый раз стоял Бас, и несколько раз недоуменно моргаю: на столе рядом с моим клатчем сидит Мэри с телефоном в руке. В другой расслабленно болтается пистолет. Серьезно? Ее оставили нас сторожить? А вот это уже интересно.

— Какой пин-код? — буднично спрашивает Мэри. Ах, так она сидит с *моим* телефоном.

— Хочешь поиграть в угадайку?

Она направляет на меня пистолет. Присмотревшись, я обнаруживаю, что глушителя на нем нет. Это значит, что либо он такой же игрушечный, как и мой (или мой — я слишком далеко, чтобы разобраться, а Мэри вполне могла прихватить из клатча не только телефон), и наша угроза не так серьезна, либо он настоящий, но тогда на шум сбежится весь персонал.

— Тебе запрещено в нас стрелять. Или разрешено только в одном случае: если ситуация выйдет из-под контроля. *Им* нужно, чтобы на моем теле не было ничего, кроме ударов.

— Ты всегда была умненькой, Райт, — пожимает плечами Мэри. — Но запретили или нет — пистолет именно у меня. А ты даже не представляешь, как мне хочется сделать тебе больно. Только повод дай.

— Ты уже справилась, — киваю я на Хилари. — Поздравляю.

Мэри задумчиво поджимает губы, явно смакуя новую идею... и направляет дуло на мою сестру.

Ого, а с пистолетом она правда осмелела. Или просто скатилась на самое дно за ненадобностью остатков моральных принципов?

— Так какой пин-код?

В этот момент мне очень хочется достать волшебный порошок Стефа, который, судя по ощущениям, на месте. Жаль, что я не сумею утащить Хилари прочь, тем более с больной головой. Или попробовать шепнуть ей задержать дыхание? Дьявол, даже если она задержит — развязать ее, не дыша, я не сумею. Интересно, где там ребята и их, черт подери, гениальный план, который пока что ни на грош мне не помог?! Ведь Джейден и Надин неспроста исследовали театральные помещения...

— У меня на пин-коде Норт. Отгадай.

Откуда-то я знаю, что ничем не рискую. Выстрели сейчас Мэри в нас из прихоти — Говард ее живьем закопает. Даже если она больше не мечтает о Норте, над ней висит

дамокловым мечом будущее слушание. То есть прокурор ей нужен очень, а пин-код нет. Пусть развлекается переборами, как я когда-то.

— Это ты поиграть со мной решила? — спрашивает она это уже после того, как вбивает цифровые дубли букв, принятые на старых аппаратах, и остается ни с чем.

Сорвавшись с места, она приближается к нам и направляет пистолет точно в лоб моей сестры. Хилари истерически мычит, а у меня начинается паника. Да, пистолет в ее руках мой, но, если мне не изменяет память, при выстреле в упор ни одно оружие не может считаться безопасным. *Тем более если приставить его к голове. Нужно срочно что-то придумать.*

Давай, Тиффани, думай! Все рассчитывали именно на твою суперспособность превратить самый дерьмовый расклад в опупенный результат.

— Ты просто не умеешь подчиняться, Райт, верно? — спрашивает Мэри, не сводя с меня безумного взгляда. Едва ли она способна флегматично нажать на курок, глядя в другую сторону, даже если совсем сорвется. Психология говорит об обратном. Только состоявшиеся убийцы или даже профи смогут так сделать! А еще вероятнее — мужчины. Нельзя допустить, чтобы Мэри от меня отвернулась. — Даже если это идет вразрез с безопасностью и здравым смыслом. Но тогда скажи мне, каково это: знать, что ты собственными руками все разрушила?

— Ты скажи, — огрызаюсь я. — Ты ведь точно так же, как и я, из-за своей опрометчивости упустила Норта. Забавно, да? Заканчиваем тем, с чего начинали.

— Поправь меня, но не ты ли трахалась со Стефаном за его спиной?

— Поправлю: в отличие от тебя, не трахалась.

Серьезно, я пальцем в небо, но Мэри меняется в лице, и я понимаю, что это действительно так! Собственно, теория у меня простая, как дважды два: что еще могло заставить Норта годами динамить Мэри вопреки воле отца, как не его болезненная ревность к брату? Он бы и воздух пополам разрезал, если бы это было возможно. Он реально словил кайф от моей аферы с подменой близнецов не только потому, что она была сыграна по нотам и ради него: просто я ко всему отшила Стефана. Без этой маленькой детальки он бы черта с два стал меня спасать от Мэри и так далее. И, само собой, венцом его восторга явилось то, что он обскакал не только брата, но и вообще был у меня самым первым.

А Мэри... Мэри так и не поняла, что именно переспав со Стефом, превратилась из потенциального трофея в способ потешить самолюбие. И Норт годами за ее счет развлекался, пока я не устроила его мозгам короткое замыкание, заставившее обратить внимание на ту, которая считалась чем-то второсортным.

— Сука! — взвывается Мэри и переводит пистолет с Хилари на меня.

Вот, уже намного лучше.

Я вижу, как на виске рыжеволосой стервы бьется жилка, руки подрагивают, глаза заполняются чернотой. Да, вот так ведут себя люди, решаясь на первое в своей жизни убийство. Кажется, она понятия не имеет, что оружие не огнестрельное. Интересно, что мне будет, если она выстрелит? Повезет мне получить травму, совместимую с жизнью, или нет?

Неужели все будет так глупо? Ведь я выжила после падения с крыши. Напрасно ли?

Выстрел гремит на долю секунды позже, чем я замечаю смазанное движение. Хилари, связанная, но все же не привязанная, с силой лягает Мэри в голени, и та падает, как подкошенная. Пуля пролетает мимо. Пользуясь моментом, я бросаюсь к сестре и, ломая ногти, дергаю веревки, силясь развязать их. Ничего не выходит. Остается надеяться, что я

хоть чуть-чуть их ослабила. По истерическому мычанию понимаю, что Мэри поднялась и уже за моей спиной.

— Задержи дыхание. Поймешь когда.

Для того, чтобы это сказать, требуются драгоценные секунды, и я пропускаю удар, заваливаюсь на бок. После двух ударов по голове подряд комната и без того плывет. Контролировать ситуацию почти невозможно. Мы с Мэри примерно в одной весовой категории, но даже без головокружения в моем теле после месячного пролеживания на больничной койке и скудной двухнедельной физиотерапии недостаточно сил, чтобы оказать серьезное сопротивление. Она дерется как девчонка, хватая за волосы и царапая лицо, но, поверьте, этого совсем не мало. И я отвечаю не менее «цветочно», вонзая зубы в ее руку. Я вижу, что есть сил, чтобы кто-нибудь пришел и услышал, но пока безрезультатно. И совершаю глупейшую ошибку, откатываясь туда, где лежит пистолет, потому что я рассчитываю на другое оружие.

Приложив меня затылком об пол (ну сколько можно?!), она вскакивает на ноги и хватается за пистолет. Я судорожно копаюсь в бюстгальтере и извлекаю оттуда порошок. Один взгляд на Хилари, сдавленный кивок, и я разрываю пакет. Недостаточно быстро: резиновая пуля задевает мою руку... и заставляет инстинктивно вдохнуть. Немного, ведь я готовилась. Но достаточно, чтобы мир расплылся и закачался пуще прежнего. Я едва не пропускаю момент, когда Мэри с грохотом врезается в пол.

Из хорошего лишь то, что Хилари достает сил освободиться после того, как я ослабила веревки. И она же вытаскивает меня в коридор. Сгибается пополам, судорожно вздыхает, кашляет.

— Тиффани, — хрипит она. — Тифф, не засыпай! Надо убираться. — Я не засыпаю, но ужасно заторможена. — Я слышала, как они говорили, что эти помещения отрезаны от остальной части ремонтом. Сюда никто не придет. Кроме *них*. Ну же, Тиффани.

Чертыхнувшись, Хилари хватается за мою травмированную руку и, не обращая внимания на мой вскрик, поднимает меня на ноги.

— Не знаю, что это за гадость, но тебе точно надо на воздух — продышаться.

— Через двери... нельзя. В женском туалете есть небольшое окошко, — с трудом выговариваю я.

До туалета мы доходим, никого не встретив, потому что совсем рядом. Но в туалете, увы, не одни. Хилари приходится притвориться, что она привела меня, чтобы смыть кровь с лица. Я уже не думаю о загубленной репутации: здесь все считают меня ополоумевшей наркоманкой.

Достойная пара Норту Фейрстаху.

Только девушки, кинув на нас не меньше дюжины взглядов, выходят, Хил тянет меня в кабинку и помогает добраться до окошка. И, должно быть, я совсем не в себе, раз понимаю, насколько сестренка обессилела за последние дни, только когда она не может без моей помощи. Мне приходится упереться в стену больной рукой, сжать зубы и вытащить ее из помещения.

Мы обе лежим на заиндевевшей траве без верхней одежды и не можем пошевелиться.

— Хил, — облизывая пересохшие губы, зову я. — Как ты, сестренка?

Я слышу отчетливый вскрик. В нем страх, боль и... облегчение.

— Я не думала, что выберусь живой. Они не делали ничего плохого со мной, но мне никогда в жизни не было так страшно. Я просто ослабела. Все хорошо.

Все хорошо. Да, я тоже так думала, вернувшись из комы. Но это не так. Это останется навсегда.

Холод пробирается под кожу, жая острыми иглами тело. И оставаться здесь небезопасно. У меня нет мобильного, его нужно где-то взять, позвонить родителям, передать им Хилари... и ждать, когда полиция узнает о том, что она вернулась, и сообщит Говарду Фейрстаху. Чтобы он придумал еще какой-нибудь способ навредить мне и моим близким.

Я закрываю рот рукой, понимая, что эта круговерть не закончится здесь и сейчас. Мы планировали этот день, нас пятеро. В следующий раз я останусь одна. Буду лежать в постели, в которую воткнут нож, или не сумею добраться до края здания, который спасет меня от мчащегося автомобиля, или не выживу после нового падения, или выживу, но останусь безмолвным, запертым внутри собственного тела парализованным страхом инвалидом...

Мне нужно оставить Хилари, а самой вернуться и покончить с Говардом и Басом.

Как? Как я могу оставить сестру? Я не могу позволить ей мотаться по улицам Бостона в одиночестве, когда их наводняют монстры с человеческими лицами.

— Сейчас ты пойдешь и спрячешься в машине Норта. Задняя левая дверь этой раритетной рухляди неисправна: если нажать на ручку и немного приподнять, замок отщелкнется сам по себе, — говорю я глухо и бесцветно. — А я вернусь в зал.

— Нет!

Она вцепляется в мою руку ногтями, оставляя борозды. После всего, что со мной случилось, боли вообще не ощущается. Или это порошок Стефана? Он приглушил ощущения? Что вообще было в пакете? Я обдолбана? *Бас обрадуется.*

— Мама и папа в Бостоне. Норт знает, где именно. Он отвезет тебя к ним. Если вдруг он сядет в машину с отцом... не высовывайся ни в коем случае.

— Поверить не могу, что ты собираешься...

Но по глазам я вижу, что она верит. *Понимает.*

— Я люблю тебя. И совсем не сержусь за то, что ты не призналась отцу в действиях мамы.

Это подлый прием, призванный напомнить Хилари, что она передо мной виновата. Я накосячила куда сильнее, но сейчас она не сможет это проанализировать и сдастся. *Мне просто нужно, чтобы она поддалась.*

По усилившимся потокам слез я понимаю, что трюк сработал. Иногда я себя ненавижу.

Я напряженно гляжу в спину сестре, сомневаясь в правильности решения ее не провожать. Но... если вдруг Бас знает, где мы, он вернет мою сестру в любом случае.

Из холода в тепло — и отравы (или травмы? Я не знаю) начинает туманить разум с новой силой. Я лишь урывками фиксирую свои следующие действия: как захожу с парадного входа, обхожу зал теперь уже с левой стороны и совершенно беспрепятственно проникаю в помещения на этот раз не ремонтируемые. Судя по замолкающим при моем приближении людям, я выгляжу, как призрак. Растрепанная, в платье с порванной бретелькой (спасибо Мэри), с расцарапанным лицом. Если до этого дня я сомневалась, стоит ли возвращаться в Бостонский колледж после академического отпуска, то теперь наверняка знаю, что не вернусь сюда даже под дулом пистолета. Встреть я девушку в таком виде, сама бы не поверила, что передо мной не наркоманка.

Если бы Бас мог сдохнуть от счастья, увидев меня такой...

Меня никто не останавливает: народ просто не понимает, что делать. Может, зовут охрану, которой требуется время? Да плевать. Я просто хочу попасть за кулисы. Билет на

спектакль остался в клатче: другим способом мне в зал не попасть. Зачем в зал? Потому что там мой враг. Там *Говард*. Нужна же девушке цель!

Мне везет: в «плохом» спектакле рождественская ночь и свет приглушен. Значит, я могу выглянуть из-за кулис и увидеть, действительно ли Норт сидит как ни в чем не бывало рядом со своим отцом...

Я почти дохожу до края кроваво-красной ткани, прежде чем меня хватают две пары мужских рук. Рывок назад, и мой уже неоднократно потревоженный мозг отправляет меня в забытье. Снова.

Подо мной гремит удивительно фальшивый хор (ну, или мне так только кажется в моем состоянии). Это все, что есть моя действительность на данный момент. Я ничего не понимаю. Пытаюсь сесть... и с трудом давлю крик, потому что я на высоте, на уровне подвешенных декораций. На платформе фут на фут и без каких-либо бортиков.

Как меня вообще сюда засунули, не прерывая спектакль?

Я с ужасом подползаю к краю, опираясь лишь на одну руку, и гляжу вниз на макушку елки в виде Рождественской звезды и поющих впереди студентов. Такие песни — верный признак, что представление движется к неизбежному финалу.

Как и я.

Перед глазами плывет, сцена будто приближается. Это последствия черепно-мозговой или просто паника? Я по глупости рывком поднимаю голову и чуть не теряю равновесие. Взгляд размывается и фокусируется на каретке за первой кулисой, подвешенной на одном уровне со мной. В ней стоит... Стефан. Или не Стефан. Это не так важно, как приставленный к горлу нож. Зажатый в руке Баса.

Для этого лучше подходила Хилари, а не Стефан. Если, конечно, там не Норт. Бас знает, кто перед ним?

От одного только взгляда на такое я начинаю медленно истекать кровью. От страха ничего не соображаю: меня сейчас просто им вырвет. Прямо на елку и поющих студентов.

Я смотрю на этого парня в руках Баса и не понимаю, который из близнецов он. Который?!

Какое это имеет значение? Будто если я узнаю, что там Стефан, откажусь сделать то, чего они хотят. А хотят они, чтобы я спрыгнула. Иначе пострадает дорогой мне человек. Стефан? Норт? К черту, мне дороги оба. По-разному, но все равно. Нет, если бы у меня был выбор спасти Норта или Стефа, я бы не стала искушать судьбу и играть в благородство, как киношная героиня, но тут совсем другое. Эгоистично выбрать себя можно, но какой в этом смысл, если через день, неделю или месяц меня все равно уничтожат? У них бесконечное множество попыток.

Разумеется, я не могу это слышать, но прекрасно понимаю, что Бас говорит: «Прыгай». Я слышу в своем мозгу его голос так отчетливо, будто он шепчет это в ухо мне, а не пойманному близнецу. Который, кстати, мотает головой.

Мой прыжок, конечно же, идет вразрез с планом, но я все равно опускаю голову. Прыгнуть на елку у меня не выйдет: она слишком далеко позади. Да и какой, опять же, в этом толк? Прыгнуть так, чтобы не разбиться, для них все равно, что не прыгать вовсе: опасность никуда не денется. Либо мне помогут ребята, либо...

Нож Баса вдавливается глубже, и я вижу выступающую кровь. Это не шутка. Даже если там, в каретке, Норт, Бас может думать, что перед ним Стефан. Или сказать Говарду, что так думал. Что *его* в этом убедили. А Говард Фейрстах и без того готов пожертвовать *этим*

СВОИМ СЫНОМ.

Игры разума, но я отчетливо вижу довольную ухмылку Баса, который не только собирается, но и по-настоящему хочет вдавить нож глубже. Стоит мне дать повод — он это сделает. Даже Мэри выстрелила, а без пистолета она трусливее мыши.

Он хочет, чтобы я встала. И я это делаю, потому что, что бы там ни напридумывали ребята, у меня нет причин думать, что меня спасут. Они скрыли от меня все подробности.

Ноги дрожат, кружится голова, приходится пользоваться только одной рукой, а платформа покачивается, но я все делаю. Примерно шаг в каждую сторону. Отлично. Из зала доносится женский визг, затем еще крики, топот ног. Я попадаю прямо под софиты, и движение не прошло незамеченным. Особенно движение платформы под моими ногами.

Я без труда вижу улыбку Баса и совсем не представляю, какое выражение лица у его заложника. Нож уходит чуть глубже, кровь уже затекает за ворот футболки. Бас все просчитал: каретки не видно. Она скрыта в тени кулис на высоте. Да и кто будет смотреть в темноту, если главное действие спектакля подсвечено и как на ладони?

— Закрывай! — спохватываются снизу. — Закрой!

Кроваво-алая ткань схлопывается довольно медленно, и в этот же момент каретка Баса со скрежетом устремляется вниз. Что? Так и должно быть?

Во всем зале гаснет свет.

Я одна. В крошечной темноте. На высоте. Испытываю головокружение. От пропасти меня отделяет один фут.

Моя жизнь давно не сахар, но я не уверена, что в ней был момент страшнее.

Сесть я осмеливаюсь только после того, как понимаю, что снизу доносятся какие-то странные звуки. Топот, глухие звуки ударов. Попавшие в драку актеры кричат, уносятся со сцены — сдается мне, за мобильными телефонами, которыми можно подсветить основное действие, — но подойти снова не решаются. Едва ли они сумеют что-то рассмотреть. Мелодичный звон и звук бьющегося стекла подсказывают, что произошло столкновение с елкой. Если она рухнет, качнется ли моя ненадежная платформа? Я с трудом осознаю, что распласталась на животе, вцепилась в край и с ужасом вглядываюсь в темноту. Я не знаю, что происходит, но догадываюсь, что это драка между Басом и кем-то из близнецов. Кем-то одним? Или обоими?

Персонал все еще светит фонариками из-за кулис, но выйти отчего-то не решается. По моему, дело в качающейся елке. Разве она сверху не закреплена тросами? Я не видела креплений, но что я вообще в своем состоянии могла разглядеть?

Новый звон, удар, еще удар... Звук льющейся воды...

— Свет! — слышу я крик и понимаю, что он принадлежит... Надин?!

На мгновение вспышка озаряет сцену, выхватывая из темноты две мужские фигуры, одна из которых странно дергается. Но, увы, это всего одна вспышка, потому что из-за разлитой воды что-то коротит.

Я зажимаю обеими руками рвущийся наружу крик, запоздало понимая, что произошло. Кто-то из близнецов накинул елочную гирлянду на шею Баса за мгновение до того, как другой человек дернул рубильник.

Я никогда не узнаю, кто именно из четырех моих друзей отважился без промедлений убить ради меня человека. Наверное, это хорошо. Я не хочу это знать.

Меня сняли с платформы спустя двадцать минут после произошедшей внизу трагедии. Все это время я лежала в самом центре в позе эмбриона, баюкая покалеченную руку. Когда в моем распоряжении оказались свет, время и способность думать, я обнаружила, что предплечье посинело и раздулось вдвое. Трещина?

Увидев перед собой лицо не кого-нибудь, я именно декана, я отчего-то не выдержала и заплакала. А женщина, опешив от такой реакции, все же притянула меня к себе, бормоча что-то вроде: «Все хорошо, все закончилось». Мне потребовалось минут пять, чтобы прийти в себя, собраться и узнать, что со Стефаном.

Это действительно был он. И если бы не я, его бы едва ли обнаружили достаточно быстро. Потому что, откатившись подальше от искрящего Баса, Стеф запутался в задней кулисе, а выбраться, ослабев, уже не смог. На его теле насчитали одиннадцать колотых ранений, ведь у Баса был нож. Однако среди них не обнаружилось пореза на шее.

Я могла потерять сегодня Норта. Я чуть не потеряла Норта.

И все равно первое, что я услышала от Стефа:

— Шалтай, эта мразь сдохла.

Несмотря на боль, он улыбался мне во все тридцать два зуба. Тогда мне захотелось растянуться на полу рядом с ним, прижаться к его боку и плакать. Ведь никто, кроме Стефана, не поймет, что это для меня. Но даже я не в силах объять счастье, которое испытал он. Взявшись за руки, мы оставались на полу под взглядами персонала до самого приезда скорой.

А потом начались новые испытания: только когда меня запихали в машину вместе со Стефом, заторможенный мозг сообразил, что я понятия не имею, что за порошок он мне дал.

Наверное, вы скажете, что я идиотка, что здоровье дороже репутации, что едва я вспомнила свое прошлое после обширной черепно-мозговой, как получила два удара по голове и дозу какой-то гадости, и как бы не до выпендрежа, но... Но у меня психологическая травма на фоне бесконечных обвинений в употреблении, и меня трясет от одной мысли, что это все начнется с начала. Сдала анализ волос и пустилась во все тяжкие, ага. Миссия выполнена.

Если бы я могла сбежать из больницы, я бы, наверное, так и поступила, но у меня не осталось ни шанса, поскольку в отделении травмы ко мне еще на входе подбежали родители. Оказалось, Норт повез мою сестру не к ним, а в ближайший травматологический центр, куда через пятнадцать минут доставили и нас.

Хилари отделалась обезвоживанием, синяками и прочими свидетельствами жестокого обращения и легкой формой анемии на почве недоедания. Мудак Говард Фейрстах посчитал, что пленница будет более покладистой, если у нее не останется сил на сопротивление. Норту повезло чуть меньше: ему наложили на шею швы и отпустили с миром. А нас со Стефом запихнули прямиком в отделение интенсивной терапии. Его — из-за ножевых и жуткого рентгена, показавшего годы побоев. Меня — из-за травмы головы поверх наисерьезнейшей прошлой. И еще я на диализе. Потому что тот порошок, который дал мне этот придурок — дрянь, за которую почки спасибо не скажут. Я, наверное, ненормальная, но я очень обрадовалась тому, что это не наркотики. И еще тому, что в интенсивную терапию не пускают посетителей. Я не готова отвечать на множественные расспросы. Тем более

расспросы полиции.

Совсем недавно я мечтала просто полежать, ничего не делая. Теперь лежу. Ох, бойтесь своих желаний!

— Как ты? — спрашиваю я, слабо улыбаясь Стефану.

Он сунул молодому врачу купюру, и теперь наши койки стоят рядом. Честно говоря, я его компании очень рада. Этой ночью я едва ли сумею заснуть, а за разговорами время летит вдвое быстрее. К тому же, я безумно счастлива, что все закончилось, и просто хочу провести время с человеком, чье общество меня нисколько не напрягает. Напрягающие придут завтра.

— Так обдолбан, что почти не чувствую боли, — отвечает он, с улыбкой, лениво поворачивая голову на подушке и едва приоткрывая глаза. Выглядит как обтрескавшийся кот. — Поэтому фильтруй все, что я буду говорить в ближайшие часы. — И вообще без паузы: — Похоже, мне теперь нельзя называть тебя Шалтаем-Болтаем, да? Ты же не прыгнула.

— Тебе никогда нельзя было называть меня Шалтаем-Болтаем, — ворчу я прежде, чем успеваю себя одернуть. Сейчас не время занудствовать, да и привыкла я к этому дурацкому прозвищу.

— Напротив, можно и нужно, — все так же беспечно отвечает Стефан. — Мне же нужен буфер, чтобы не приближаться к девчонке брата, в которую я влюблен.

Слова ударяют меня под дых, и я прячу глаза в своих сцепленных руках. На одной из них теперь шина. В кости небольшая трещина: к работе официанткой я в ближайшее время не вернусь. Пора искать новое место. Вынужденным больничным я точно исчерпаю лимит терпения Ларри.

— Ты же все знаешь, — продолжает он как ни в чем не бывало. — Это ни к чему не обязывает ни тебя, ни его. Но если вдруг ты все же соберешься от него уйти, как в прошлый раз...

Меня начинает пугать этот разговор. Фильтровать не получается.

— Шалтай, — фыркает Стефан и отворачивается. — Это шутка. Не у одного Норты есть самоуважение. Я тоже никогда не соглашусь, чтобы во мне видели того, на кого я всего лишь похож. Тем более что я объективно лучше как человек.

— Вот это чистая правда, — соглашаюсь я с облегчением. И я отнюдь не пытаюсь подсластить пилюлю.

Стефан довольно улыбается, но вдруг становится серьезен.

— Спасибо. Не думаю, что мы с Нортой могли бы хотя бы начать общаться после всего, что было с нами в детстве.

Его глаза становятся черными. Я не отважусь спросить, о чем именно он вспоминает. Видимо, очень и очень многое. Если даже Стефан признает, что нормальные взаимоотношения между ними без пинка невозможны... А ведь он так легко все прощает. Он вообще очень приятный и ненапряжный человек. Что нужно было сделать, чтобы заставить его разочароваться в брате?

Проживу, пожалуй, и без этого знания.

— Стеф, — зову я. — Какие есть доказательства тому, что твои действия против Баса — не самооборона?

— А? Так четыремя футами над тобой висел с камерой твой вихрастый сосед. Не заметила? Он там все заснял. В том числе как Бас резал горло Норте. В смысле мне. Никто ж не должен был узнать, что наш будущий судья вообще участвовал в этой маленькой

авантюре. Я довольно быстро догадался, для чего тебя вызвали именно в театр, поэтому мы хорошо подготовились, Шалтай. Можешь меня похвалить.

Я начинаю смеяться, но делаю, что он просит. Все молодцы, но Стеф, конечно, особенно. Так или иначе, но мне пришлось полностью положиться на ребят, вслепую! И они меня не подвели — ни один.

— И, знаешь, ты меня надоумила. Я решил сделать татуировку, — снова пьяно меняет тему Стефан.

— Я боюсь спросить, чем именно я тебя надоумила, если учесть твой грязный вызов всем девчонкам мира.

— Да ну тебя, — отмахивается он. — Я никогда всерьез не собирался сдерживать то школьное обещание. На моей татуировке будет Бас.

— Боже мой, я надеюсь, не его обугленное тело?

— Нет. — На этот раз он отвечает без улыбки. — Только чем он стал для меня лично.

На самом деле, я понятия не имею, чем стал Бас для Стефана. Никто не знает. Полагаю, он его личный яд. Человек, который его сломал, разрушил. И человек, которого он победил своими силами. Он эту кашу заварил, но умудрился пройти по тонкой леске над пропастью и переиграть абсолютного профи. Такую победу, пожалуй, стоит увековечить в виде рисунка на теле.

— Будет очень больно, может поддержишь меня за ручку? — спрашивает он, снова довольно шурясь.

— Ну раз очень, то обязательно, — притворно серьезно обещаю я.

Не зная, что сказать, я перевожу тему в более безопасное русло.

— Как думаешь, что значат пики на руке у Норта?

Стефан бросает на меня острый, полностью осмысленный взгляд, без намека на замутненность сознания обезболивающими. Сейчас он похож на брата больше, чем когда-либо, если так можно сказать про близнецов. Я заранее понимаю, что ответ мне не понравится.

— Это своего рода послание окружающим его людям. «Не приближайся». — Нам обоим становится сильно не по себе от сказанного и роли этих пик в моей судьбе. Кажется, Стефан пытается смягчить ситуацию легкомысленным: — Но вообще, если ты согласишься посмотреть толкование этой масти во всяких гадальных справочниках, то обнаружишь, что она описывает человека, очень похожего на моего брата. Ему подходит.

Мы довольно продолжительное время лежим в тишине под мерное пиканье приборов.

— Если ты все для себя решила, передумала и теперь хочешь с ним остаться, я не скажу ему ни слова о твоём желании его бросить. Тебе не нужно бояться. Но ты ведь так ничего и не решила.

— Пока я летела с крыши, он трахал Мэри, Стеф!

— Он не трахал Мэри, — закатывает тот глаза и морщится, будто преодолевая боль. Спорю, она не имеет никакого отношения к колотым ранам. Просто говорить об интимной жизни собственного брата — не то, к чему привык Стефан. — Он был пьян как скотина и ни хрена не соображал, а она ему отсосала.

Прекрасная версия!

— Ты держал свечку? — не сдерживаю я иронию.

— У Джесс уши как локаторы и язык без костей, — поясняет он ядовито.

Даже странно, что эта девчонка его так бесит. Хотя... как там Норт цитировал? Я —

единственная девчонка, которой по-настоящему было до Стефана дело. А разные Джессики Пирс его не видели и даже не пытались, влюбляясь в тщательно продуманные маски, за которыми он привык прятаться. Какая уж тут любовь? Не странно, что Стеф не очень уважает свой фан-клуб.

— Думаешь, меня вышвырнут на улицу, если я закурую?

— Да, — отвечаю, параллельно силясь переосмыслить услышанное. — Это сделаю я.

Каждый раз говоря о Мэри, Норт пытался мне что-то сказать. Сказать, что все-таки не был с ней по-настоящему той ночью. Он хотел, чтобы мне было настолько не все равно, чтобы я задала этот вопрос прямо в лоб. Может, с криками, может, с попытками его исколотить, но он совершенно точно ждал, когда я спрошу о *них* сама. Но я гордая. Слишком гордая. Слишком упрямая. Мэри им воспользовалась, как неоднократно пользовалась девочками из Каппы. И у Норта было два пути: спать с ней дальше или послать ее и ждать, когда она расскажет мне. А я, как он думал, его предала.

И будь все так, как Норт решил для себя изначально, мы были бы в расчете и разбежались в разные стороны... Только дело в том, что цели это предательство не достигло и повисло над его головой грозовой тучей из вины и раскаяния. Меня той ночью не стало, даже если это означает всего лишь потерянную память. Все сделанное обесценилось, мое предательство тоже померкло на фоне случившегося кошмара. И сделанное им не изменилось, вернее даже усугубилось.

И Норт остался со своей ненавистью и чувством вины один на один. Он действительно не простил себе эту (почти?) измену и действительно решил для себя, что не заслуживает большего, чем сучка Мэри. Но это не так. Конечно, он заслуживает. Только я-то заслуживаю тоже! Доверия, помощи в трудную минуту и чтобы к моему мнению прислушивались. Ведь если бы он изначально допустил с моей подачи мысль хоть чуть-чуть поучаствовать в судьбе брата, ничего бы не было. Вообще ничего.

Так что меняет новость о Мэри? Многое. Достаточно ли этого для второго шанса? Я не знаю.

— Я спать, — заявляет Стефан и нажимает кнопку на пульте, раскладывая койку в горизонтальное положение. — Уже больше двенадцати. Сегодня сочельник. Думаешь, у тебя получится тут задержаться, чтобы вместе встретить Рождество?

Вместо ответа я слабо улыбаюсь, и Стефану этого достаточно. Он кивает чему-то и отворачивается. Я, разумеется, не сплю.

Если бы у меня был мобильный, я бы на эмоциях уже написала Норту, но тот остался в пыльном театре. Я до самого утра сижу и разглядываю собственные сцепленные пальцы, потерянная в своих мыслях. Достигнув одной из двух своих целей, я больше не знаю, в каком направлении двигаться. Потому что вся остальная моя жизнь напоминает запутанный клубок с потерянным хвостиком.

Рождество мы со Стефом встречаем вместе. Празднуем... кислородными масками. Кислород в больших дозах не пьянит, а наделяет суперспособностью словить кайф даже на пустом месте. Иногда Стефа хочется стукнуть за подобное легкомыслие.

Меня переводят в обычную палату через два дня. Два дня блаженной тишины, прерываемой лишь визитами врачей и безмятежной болтовней. Интересно, можно ли влюбиться в человека, с которым тебе комфортно? Лежа на соседней со Стефом койке я думаю, как чертовски упростилась бы моя жизнь, если бы меня не потянуло в какой-то момент к мрачному и сложному Норту.

Ах да, это ж невозможно. Чтобы я, Тиффани Райт, — и вдруг просто частичка фан-клуба? Не смешите меня.

Стефан все еще в реанимации. Бас задел ножом его печень, и врачи опасаются за его состояние. В общем, расклад неплохой: печень восстанавливается, а еще для Стефа сто процентов найдется идеальный донор в случае ухудшения, но алкоголь ему в ближайшее время противопоказан. И это реально смешно. И поэтому же кислород.

Впрочем, думать о судьбе Весельчака мне не приходится, потому как едва я оказываюсь в доступе — ко мне начинают ломиться посетители. Родители, Хил, Джей и Надин... и полиция, которую я разворачиваю еще с порога на основании пятой поправки. Я не буду свидетельствовать против себя. Я вообще не буду свидетельствовать.

Полицейские недоуменно переглядываются, но я избегаю на них смотреть. Без показаний одного из главных пострадавших вести дело будет туго. Только вот действительно ли они хотят вести дело? У меня нет ни одной причины с ними сотрудничать. После того, что показал мне Джейден, вся вина падет на Баса. Даже если кто-то укажет на связь между этими людьми: Говард ни при ком не озвучивал приказ о моем убийстве; Хилари не держали в доме Говарда; сам прокурор сидел в зале все представление и причастным быть не может. Он в худшем случае пришел пообщаться со знакомым перед представлением, а что до связанной девчонки в дальнем углу комнаты: поди докажи, что он в темноте вообще разглядел Хил. Не Мэри же будет за нас свидетельствовать. На Говарда Фейрстаха ничего нет. Он вышел сухим из воды. И он все еще контролирует бостонскую полицию.

Спасибо хоть фотографии Джейдена вину Баса при всем при этом доказывают! А то еще Стефана бы посадили, прости господи.

Мне, конечно же, советуют подумать и передумать, но я уже сейчас знаю, что этого не будет.

— Тиффани! — рычит отец. — Что ты творишь? О чем ты думаешь?

— Честно? О том, как полиция копалась у меня под юбкой, снимая это на видео, и отдала фото Мэри Кравиц. О том, что Бас показывал мне реальный значок лейтенанта. А еще о том, что он мертв, а значит, мне плевать, осудят его или нет посмертно. И о том, что единственный человек, который мне все еще угрожает, не будет привлечен к этому делу. Он это знает, и он даст добро свалить все на Баса. О том, как меня прополощут в суде, обвиняя в наркозависимости, вывернут все грязное белье отношений с Нортом, отношений со Стефаном, отношений в Каппа, обнародуют фото, где я без блузки (увы, такое есть), сделают все, чтобы представить меня максимально ненадежной... Я уже вытерпела достаточно унижений и не хочу проходить через все это ради того, чтобы полиция «разобралась». И еще мне не по карману нормальный адвокат, в то время как у всех остальных он будет.

— Тиффани, разумеется, мы найдем тебе адвоката, — отрезает папа.

— Чтобы потом мама припоминала мне это всю оставшуюся жизнь? Я ведь тогда опять стану вам обязана, а с меня долгов хватит.

— Какие долги?! Ты наша дочь, и ты в беде...

— Вашу вторую дочь сегодня выписали из больницы. Вот ей действительно нужны ваша помощь и поддержка. Наймите на эти деньги не адвоката, а хорошего психотерапевта. *Не купленного.* — *Мисс Клосс — вот кто еще вышел из этой истории не замаравшись.* — Я выжила в чужом городе после попытки убийства и потери памяти без вашей помощи. Теперь, когда у меня на хвосте не висит материальный убийца и я все помню, станет еще проще.

— Тиффани, — неожиданно зовет меня мама. — Я правда не думала, что тебя хотели убить.

— Я знаю, — отвечаю я. — Ты же как заведенная твердила, что я наркоманка и самоубийца, пока не появились неопровержимые доказательства обратного. То есть мать мне не верит, а полиция станет?

Мы встречаемся взглядами, и я знаю, что она отвернется первой. Потому что я сильнее. И еще я на своей территории. Она *отворачивается* первой.

Помимо необходимых мелочей родители снабдили меня новым телефоном. Точнее старым: тем самым аппаратом Хилари, с которым я имела счастье познакомиться после падения. Мой конфисковала полиция. Я очень стараюсь не думать о том, что они там найдут. Благо видео, где я развожу Стефана на секс, а затем отключаюсь, удалено, и очень давно.

В новом аппарате у меня снова два гнома, и одному из них я пишу.

Тиффани: Ты не приходишь ко мне в больницу.

Ворчун: Мне нужно время подумать.

Тиффани: Неужели?

Меня задевает этот ответ.

Ворчун: Ты чуть не прыгнула.

Ворчун: Из-за меня.

Тиффани: Я не знала, кто из вас напротив. Но я бы прыгнула в любом случае.

Ворчун: Вот об этом я и говорю.

Ворчун: Скажи мне, ты дура?

Ворчун: Ты не должна была прыгать, ехать к моему отцу, влезать в дела Стефана. Какого черта ты рискуешь по любому поводу?!

Тиффани: Если бы я не рисковала по любому поводу, то я бы не подставила тебя ради Каппы, не согласилась с тобой встречаться... Мы бы просто просуществовали абсолютно параллельно, доучились и разошлись. Ты бы никогда меня не заметил. Ты этого хочешь?

Ворчун: Иногда. Иногда я думаю, что это бы все упростило.

Тиффани: Пики на запястье.

Я пишу это, откладывая телефон и откидывая голову на подушку. На душе скребут кошки. Вокруг Норта снова образовалась непрошибаемая стена.

Мне было удобно жить в Бостоне, сохраняя в тайне от родителей свой адрес, но в данный момент папа единственный человек, который может забрать меня из больницы на машине. Он, конечно же, пытался настоять на моем возвращении домой, но я отказалась. И неожиданно получила мамину поддержку. Кажется, впервые с момента моего рождения между нами протянулась тонкая ниточка взаимопонимания. Не в том плане, что она вдруг внезапно все осознала и раскаялась: просто она признала за мной право на независимость. Признала, что без нее мне лучше. Сейчас она ищет себя в том, что усерднейшим образом опекает Хилари. Сестра на нее исправно жалуется, но я прекрасно понимаю, что ей такая забота приятна.

В дочерней душе расцветает робкая надежда на то, что однажды мы с мамой сможем нормально общаться. Вот она: неисправимая жажда родительской любви. Я мысленно швыряю ее на пол и топчу каблуками. Хватит с меня иллюзий.

Я вынуждена вернуться к Джейдену и Надин на какое-то время. В смысле на несколько дней — не больше. Seriously, судя по встречам в больнице, они пока не приняли того, что

сделали ради меня, и не готовы простить. Увы, такова цена свободы. Сможем ли мы с ними сохранить те крупницы дружбы, что зародились между нами за прошедший месяц, решать теперь не мне. Они сделали свой выбор, теперь им предстоит еще один. Мне остается смириться.

Папа ничего не говорит при виде моих разбросанных по гостиной чемоданов и оставшегося незаправленным узкого дивана, но я понимаю, что для него это шок. *Я живу в проходной комнате без намека на шкаф или уединение.*

— Эм, спасибо, — говорю я неловко, пока он сгружает перед диваном сумки.

— Не хочешь сходить на ланч? — спрашивает отец, справедливо полагая, что в таком «общежитии» (©Норт), не ровен час, останешься голодной.

Меня выписали днем, соседи в колледже, и нет причин отказываться. Я неловко киваю, но сообщаю, что поблизости нет никаких заведений — придется ехать довольно далеко. Например, в «У Ларри». Если честно, мне не очень хочется видеть коллег сейчас, но когда-то нужно показаться, и чем не повод? Тем более что не придется пробираться по многолюдному метро с поврежденной рукой.

Едва нам стоит переступить порог, новость буквально разносится, и первым высовывает нос хозяин. Так и слышу его подозрительное: «Что-то ты стала больно часто умирать, Райт». Мне приходится пройти в кухню и со всеми обняться, обменяться последними новостями. Ребята, конечно же, в курсе. Весть о феерическом рождественском представлении в Бостонском колледже облетела все сводки. Нужно быть глухим, чтобы пропустить, как безжалостный убийца, уже привлекавшийся ранее к суду, но избежавший обвинительного приговора, на этот раз погиб вследствие самообороны одного из сыновей Говарда Фейрстаха. И о том, что Тиффани Райт подверглась шантажу и чуть не спрыгнула с высоты. Снова.

Надин Крайчер даже опубликовала короткое интервью с моим участием, в котором я в меру честно признаюсь, как все было. Там хороший кусь цензуры, конечно, потому как я не могу заявлять об участии Мэри или Говарда Фейрстаха. После такого особенно странно отказываться от сотрудничества с полицией, но моей семье нужно это утешение, а мне нужно расположение будущих работодателей. Потому что я не хочу на каждом собеседовании отвечать на тысячу вопросов о том, что к чему, без малейшей доказательной базы.

Все еще лелею надежду на успешную карьеру. Это так наивно. Мне бы хоть место в кафе сохранить с такой бедовой репутацией.

Впрочем, ребята проявляют искреннее сочувствие и понимание, а Ларри многозначительно косится на мою руку в шине. Он точно меня не оставит. Я чувствую себя ужасно подавленной. Понятия не имею, где я буду жить: хоть к Стефану просись! Мне все-таки придется рискнуть и продать кольцо, иначе скоро я останусь на мели и на улице. Надеюсь, меня на сцапают при попытке продажи ювелирного украшения стоимостью как моя жизнь...

Вот ведь, как я раньше не догадалась? Нужно попросить Норта это сделать за меня!

Тиффани: Будет очень большой наглостью попросить тебя продать кольцо? Проблем ведь не будет? У тебя есть на него чек.

Я пишу это прежде, чем вернуться к отцу. Несколько секунд жду прочтения сообщения, но Норт не у телефона. Чертыхнувшись, толкаю дверь.

— Я взяла на себя смелость и заказала, не посоветовавшись. Ты не пожалеешь: я

выбрала самые удачные блюда.

Папа сдержанно кивает, подтверждая свою непритязательность, и заводит привычную шарманку:

— Ты точно не хочешь вернуться домой?

— Однозначно.

— Я тебя не отговариваю, но жить в таких условиях, как там...

— Не переживай, папа, я не собираюсь жить с Джейденом и Надин. Они теперь вроде как пара, и я точно лишняя. Найду другое жилье.

— На жалование официантки? — усмехается он горько. — Тифф, возьми деньги.

— Нет, — мотаю я головой.

Я понимаю, что таким образом наказываю отца за слепость в отношении моей матери и ее обращения со мной. И это нечестно. Но я пока не готова его полностью простить. Да и если уж громко объявлять о своей независимости, то точно не принимая передачи под столом во время семейного ужина.

— Папа. — Я обхватываю его ладонь своей. — Ты не должен думать, будто таким образом я отказываюсь от вас с Хилари, но мне определенно нужно ограничить вмешательство семьи в мою жизнь. Отказ от денег — доказательство серьезности намерений.

— У тебя трещина в руке. Потребуется время, чтобы она зажила. Ты пока не можешь работать. И я очень сомневаюсь, что у тебя есть хоть сколько-нибудь серьезные накопления.

— Я обязательно решу этот вопрос. У меня есть план.

— Какой? Жить с Норттом Фейрстахом?

От такого прямого вопроса у меня дергается глаз. Мы встречаемся глазами, и отец совсем не тушует и не смягчается. Я вижу неодобрение. Едва ли оно вызвано моральной стороной вопроса: просто никто и ничто не отменит тот факт, что папаша Норты собирался меня убить. Это сильно уменьшает кредит доверия моего «жениха», каким бы славным он ни сумел показаться.

— Ты жила с ним до падения. Не думай, что я не догадался.

— Между нами не все просто. Об этом ты наверняка догадался тоже. Я не буду с ним жить. — Эх, была не была. — Я собираюсь продать помолвочное кольцо.

— Но...

Я останавливаю его одним движением.

— Тиффани, — выдыхает отец, уверенный, что таким образом я сообщаю ему о разрыве помолвки. Помолвки, которой никогда и не было. — Не руби с плеча. Все может наладиться. А если ты продашь кольцо...

Я ничего не могу сделать, губы сами собой расплываются в ласковой улыбке. Отец замолкает, озадаченный моей реакцией.

— Пап, все будет хорошо. Я все понимаю лучше, чем ты думаешь.

— Когда ты успела так вырасти? — недоуменно бормочет отец, заставляя меня улыбнуться шире.

В этот момент мой телефон вибрирует.

Ворчун: Сделаю к вечеру. Заедь ко мне.

Сердце в груди предательски екает, потому что, если Норт так официально зовет меня к себе, значит, грядет разговор. Предсказать его итог у меня ни за что не выйдет, да я и не знаю, что хотела бы услышать. Потому что, вопреки всему, я не могу разлюбить Норты. И не

знаю, готов ли он попытаться измениться ради нас. Насколько вообще весомо для него это «мы»?

Я убираю телефон в карман и возвращаюсь к разговору с отцом, но мысли мои уже очень и очень далеко. И когда аппарат вибрирует снова, я выхватываю его быстрее, чем Джеймс Бонд — пистолет.

Джейден: Тифф, не знаю, хочешь ли ты еще посидеть в машине, на которой ездила к Говарду Фейрстаху, но она вернулась в гараж. Сообщи мне.

Я прекрасно понимаю, что вспоминать мне больше нечего. Но зачем-то иду к Джейдену на работу. Около получаса мне приходится ждать, когда он вернется из колледжа, но только он входит, одаривая меня уже привычно-напряженной улыбкой, как начинает деловито суетиться. Все последние дни (в больнице) я стараюсь быть настолько ненапряжной, насколько это вообще возможно, но прекрасно понимаю: этого недостаточно. Чтобы зажило, мне нужно исчезнуть навовсе. И я обещала им разобраться с жилищным вопросом в течение недели. Но, видимо, Джей с Надин надеялись, что я съеду от них к родителям или Норту сразу по выписке из больницы.

Тифф, хватит терзаться чувством вины! Ты не по своей вине мозолишь им глаза. Будь твоя ситуация проще, ты уже жила отдельно. А будь она еще проще, у тебя не было бы персонального убийцы. Получишь деньги за кольцо и съедешь уже через пару дней. Нужно всего лишь пережить разговор с Нортом.

Я морально готовлюсь к тому, что он тонким слоем раскатает меня с моими неуместными чувствами и нелепыми претензиями.

Но все это ровно до того момента, как сажусь в машину, захлопываю дверь и включаю дворники, налаживая себе 5D эффект переноса в прошлое.

И тогда совершенно внезапно меня захлестывает эмоциями сильнее, чем в любой другой из флэшбеков.

Норт открывает дверь на мой стук и, едва завидев меня, застывает на пороге, до скрипа сжимая зубы. Я не вернулась в квартиру Джейдена: несмотря на сильный дождь, потерянно моталась по улицам, пока по моим меркам не настало понятие «вечер». Тогда я направилась домой к Норту.

— Это ты так отмечаешь возвращение из больницы? — заводится он с поборота, глядя на жалкое и мокрое зрелище, которое я собой сегодня являю.

Мой взгляд фокусируется на шраме на его шее, и я, ни о чем уже не думая, прижимаюсь к Норту всем своим промокшим телом, даже не сняв одежду. Он ведь живой. И даже невредимый. Рана не в счет: у меня их больше, и ничего — не рассыпалась. Но я чуть его не потеряла, и это останется со мной навечно. Либо я, либо он. Говард Фейрстах как будто приоткрыл окошко в наше будущее, намекая на вполне определенные последствия неправильных решений.

— Эй, — неожиданно мягко говорит Норт и обнимает меня в ответ.

Должно быть, если я простою так достаточно долго, с меня натечет лужа из дождя и слез. На безупречный Фейрстаховский паркет. *Я и сама как эта грязная лужа, уродливая лужа на снежно-белой репутации их семейки.*

— Тиффани, — первым отстраняется Норт, насильно размыкая мои руки. — Тебе нужно раздеться, если ты не хочешь обратно в больницу.

В больницу я не хочу и только поэтому позволяю Норту неожиданно бережно снять с меня пальто. Он подцепляет пальцем воротник, обходит со спины, а дальше отводит в сторону мокрые пряди волос, чтобы не зацепить. Почти полная темнота гостиной и его действия должны иметь совершенно определенный эффект. Для меня не является неожиданностью, когда он, обойдя кругом, заключает мое лицо в ладони. Прикосновение губ, точечное касание рук: шея, плечи, талия. Я млею от каждого движения, впитываю его порами, трансформирую внутри себя во что-то большее. Моя новая доза.

Лицо снова в его ладонях.

— Тиффани, — хрипло говорит он, обводя длинными пальцами мои скулы. — Я хочу, чтобы ты была со мной. Как раньше.

Подумал, значит, решил.

Он говорит это, и я чувствую, как мое лицо неумолимо кривится в новом всхлипывании. Не зная, как еще не дать ему это увидеть, я снова безрассудно обхватываю руками шею Норты, не обращая внимания на слова врачей побережись, и крепко-крепко прижимаюсь.

— Но этого не хочу я, — отвечаю я на пороге слышимости. Впрочем, ухо Норты так близко, что он не может пропустить мое признание.

Его руки с силой смыкаются вокруг моей талии, будто силясь удержать.

— Почему? — спрашивает он хрипло, даже не пытаясь заглянуть мне в лицо.

— Все не так, как ты думаешь, Норт. Я не хочу того, что было прежде. И ты не можешь рассчитывать, что с тем же набором исходных данных получишь другой результат. Соглашаясь встречаться с тобой на условиях, что ты мне выдвинул, я была совершенно другим человеком. Ты же знаешь, я была... как Хилари с Герри Гамильтоном. Мне было приятно, лестно, черт побери... я никак не думала, что останусь с тобой на целых девять месяцев или сумею тебя полюбить по-настоящему. Когда это случилось, я начала понимать, что наши отношения вовсе не сила. Они — слабость. Посмотри на Джейдена с Надин и посмотри на нас. Посмотри, куда мы пришли. Тем, что мы называли любовью, как постыдной связью воспользовались другие люди, чтобы причинить нам вред. Твой отец, Мэри, Джейден. Им это удалось, потому что мы это допустили. А ведь мне нечего было стыдиться, Норт. Но ты с самого начала вел себя как сноб, и сперва мне было совершенно на это плевать, но время шло — и ничего не менялось. Тебя не интересовали мои настоящие проблемы, ты даже не заметил, что я пытаюсь помочь твоему брату. Не поинтересовался, *почему* я ему пишу, *почему* он на меня смотрит, *почему* мы с ним временами болтаем в кампусе, *сколько* раз я зависала с ним по вечерам, разрабатывая план. Расскажи я тебе, ты бы ответил, чтобы я бросила заниматься ерундой. Ты бы меня просто не услышал. И ты едва ли сорвался бы с места ночью помогать мне, не будь того фото со Стефаном. Я надеялась победить твое стремление ни от кого не зависеть, но, увы, стала зависимой от тебя, и я не собираюсь к этому возвращаться.

— Не говори этого, — неожиданно сипло произносит Норт.

— Я знала, что, узнав о попытке шантажа твоего отца, ты меня не простишь. Я уже тогда собиралась уйти. Я не передумала. Потеряв память, я долго разбиралась в загадке по имени Тиффани. И пришла к выводу, что заслуживаю большего. Я пришла сказать «прощай».

Говорят, что время лечит. Я с этим не согласна. Ни черта оно не лечит, оно всего лишь топит воспоминания в белесой дымке, лишая их остроты и красочности. Накладывает новые, новые и новые впечатления. Но стоит чуть подковырнуть... Прошел почти месяц, а раны такие же свежие, как в первый день. Потому что у меня теперь очень много свободного времени для этого самого ковыряния. А как не ковыряться, если ты застрял на месте и не знаешь, что впереди? Только в прошлом и остается искать ответы.

Долгое время никто не знал о нашем с Нортм болезненном разрыве. Может, и до сих пор в курсе только Стеф — я не спрашивала. Я вообще веду к тому, что намеренно все скрывает. Переезжая от Джея и Надин уже через два дня после выписки (как человек порядочный, Норт отдал мне деньги за кольцо, несмотря ни на что), я щебетала птичкой, всячески изображая крайнюю степень воодушевления и беззаботности. Я даже себя уверила, что очень счастлива снять маленькую квартиру в хорошем районе и поселиться в ней в гордом одиночестве. В очень и очень маленькой квартирке, потому что мне теперь приятна мысль видеть каждый ее угол в любой момент времени (не прячется ли в тени Бас? Мне очень трудно осознать, что с ним действительно все), а еще неясно, как сложится моя судьба и сколько мне потребуется для оплаты обучения. В дурном же районе, где меня могут преспокойно сбить в любую минуту, потому что вокруг — ни души, я больше жить ни за что не стану.

Квартиру я сняла на полгода, а оставшиеся деньги положила в банк под процент. И если кто-то решит, что эта сумма — плата Говарда Фейрстаха за молчание, то, пожалуйста, пусть проверяют его счета со всей дотошностью. Я первой подскажу обратить внимание на банковские выписки его жены! *Сейди*.

Джейден с Надин не сумели скрыть облегчение, избавившись от моего общества. Они убили человека. Нормальные люди не в силах принять такое в один день. Даже если речь о чудовище, лишь прикрытом маской мужчины.

— Спасибо, ребят, если бы не вы, жить бы мне на лавочке в парке. Но все же какое счастье иметь возможность торчать в ванной не по двадцать минут, — попыталась я пошутить на прощание.

— Знаю я таких красоток, как ты, — скривилась Надин. — Вам и целого утра в ванной мало.

Так мы попрощались. И они ушли. Из моей квартиры и жизни.

Вместе с Тиффани Райт на новом месте поселилось сосущее чувство одиночества. Его не заполняли работа (а она у меня осталась благодаря коллективной угрозе моих коллег уйти вместе со мной, стоило Ларри об этом заикнуться), Айрис с Дафной, переписки с Хилари звонки отца и даже шутливые сообщения Стефана.

Оттого я жадно впитывала новости о предвыборной кампании Говарда Фейрстаха в надежде узнать что-то о Норте и хотя бы понять, действительно ли он обо мне забыл. *Полный штиль по всем фронтам*. Я даже заскучала по переписке Каппы, в которой раньше изредка мелькали фотографии близнецов и окошки в их личную жизнь.

И тогда поняла, что время ни хрена не лечит. Жизнь простой официантки-одиночки оказалась настолько скучной, что спустя десять дней я обнаружила себя за учебниками по праву, выписывающей прецедентные случаи, как это делал Норт. А спустя еще неделю

написала Джессике Пирс в фэйсбуке.

Тиффани Райт: Привет.

У меня не было ни малейшей уверенности в том, что она ответит. И некоторое время после прочтения сообщение просто висело. Когда экран ответил мне значком, возвещающим о том, что Джесс пишет, я уже успела растеребить до крови большой палец на руке.

Джессика Пирс: Привет.

Закусив губу, я продолжила:

Тиффани Райт: Давно ничего не слышала о вас с девчонками. Джесс, после того сообщения в полицию ты не пострадала?

Джессика Пирс: Нет. Мило, что ты интересуешься.

Мило? Действительно?

Джессика Пирс: Я теперь главная Каппа.

А вот это как-то не очень. Недолго Джесс продержится на этом посту с ее бесхитростью.

Но, разумеется, написала я совсем другое.

Тиффани Райт: Я тебя поздравляю.

Джессика Пирс: Может, наконец, Стеф обратит на меня внимание.

Мне захотелось побиться головой о стену. Она просто переняла модель поведения Мэри, надеясь, что если таким образом захомутали Норта, то и с его братом получится. Но Стефан совсем другой. С ним как с Нортом нельзя: нельзя давить статусами, нельзя манипулировать (по крайней мере, топорно) и нельзя обманываться его словами и действиями. Джесс бы оттолкнуть его с этими обманчивыми знаками внимания и посмотреть, что выйдет. А то Стеф только вид делает, что он заинтересован в ней больше, чем в других! Но разве она послушает? Да и нужно ли помогать ей заполнить Стефана, которого она настоящим никогда и не видела?

Впрочем, чем я лучше слепо влюбленной Джесс, если не могу удержаться от следующего вопроса?

Тиффани Райт: А Норт как поживает? Опять один?

Джессика Пирс: Ой, как Мэри исключили, к нему теперь подбираются все, кому не лень. Но он держится, будто Эверест проглотил. Как обычно.

Я не ожидала, что Джессике удастся меня рассмешить, но так оно и есть. Потому что характеристика у нее вышла очень емкая и образная.

Тиффани Райт: Спасибо, Джесс.

Я сама не знаю, за что благодарю. То ли за то, что заговорила со мной, то ли за этот смех, то ли за то, что я узнала о Норте, что хотела. А я действительно хотела услышать, что он не заменил меня за прошедший месяц. Конечно, его внешняя холодность не отменяет тот факт, что он мог найти себе новую тайную подружку. И все равно приятно уже хотя бы то, что он не пустился во все тяжкие. Стефану в моем понимании спать с кем попало можно. Норту — нет.

Я — собака на сене.

Джессика Пирс: Ты-то как после всего?

Тиффани Райт: Лучше всех. Мне ведь больше никто не угрожает.

Но я не знаю, не угрожает ли. И еще я понимаю, что заключила сделку с совестью, оставив Говарда Фейрстаха в покое. Но после падения я уяснила одну простую вещь: в одиночестве мир переворачивают только в фильмах. Живым, дышащим людям нужна

поддержка друзей. Они могут не захотеть видеть тебя в своей жизни после того, как дернут рубильник, но они необходимы. *Я ничего не сделаю с грязным политиком, пока остаюсь одна.*

И вот не знаю, сколько бы продлилось мое сомнамбулическое состояние, если бы в один прекрасный январский день над входной дверью кафе не звякнули колокольчики и внутрь не вошел оппонент Говарда Фейрстаха.

И опять немного предыстории. После смерти Баса позиции *грязного политика* сильно пошатнулись, и судмедэксперт Айлан Хопс ускакал вперед на целых десять пунктов. Что, в общем и целом, ничуть не пошатнуло решимость Говарда. Скорее наоборот.

За шоу, в которое он превратил предвыборную кампанию, наблюдать было очень интересно. Даже меня впечатлило при всей моей ненависти к этому человеку. Выписка Стефа из больницы была освещена всеми изданиями Америки и подкреплена щедрым пожертвованием в фонд борьбы с насилием. Норт при этом стоял по другую руку от отца, будоража своим наличием воображение всей женской части страны. Красавцы-близнецы — клише, работающее безотказно в ста процентах случаев. Жена Говарда тоже была там, но она скорее разбивала семейную идиллию, чем наоборот. Она столько раз посмотрела на Стефана с выражением искренней заботы, что у меня не осталось сомнений в том, что — а точнее кто — именно удерживает ее рядом с Говардом Фейрстахом до сих пор. Плюс, стоит вспомнить рассказ о том, как наш Весельчак о ней позаботился после изнасилования... Думаю, тут все понятно без дополнительных разъяснений.

Группе Бостонского колледжа и всем, кто был на сцене, Говардом Фейрстахом были оплачены сеансы у психотерапевта. Не знаю, является ли мисс Клосс по одному из множественных дипломов на ее стене специалистом в этой области, но в этот момент мне стало страшно, что таким образом эта сучка станет раскапывать подробности произошедшего у Джейдена и Надин. Я на всякий написала им сообщение быть с этой мымрой настороже, но в ответ получила только скупую благодарность.

Далее в прессу неведомым образом попали вроде как засекреченные материалы дела жены Баса. Затем кто-то якобы видел, как Бас преследовал Тиффани Райт в ночь ее падения. Выяснилось, что он выдавал себя за лейтенанта полиции, преследовал «мисс Райт» и запугивал. Но самым тошнотворным стало то, что на него повесили ко всему прочему и наркodelишки Мэри. Якобы она действовала по его указке и тоже жертва. Ее парафиновые слезы с экрана ноутбука чуть не заставили меня нарушить свое слово и пойти в полицию давать показания. Короче, смерть Баса сделала его удобным козлом отпущения. Он насобирав на себя все преступления последних лет, как магнит металлические щепки.

В итоге целый месяц после Рождества я открыв рот наблюдала, как разрыв в голосах между Говардом и Айланом неумолимо сокращался. Но появление последнего все равно явилось для меня полной неожиданностью.

— Тифф, там тебя просят обслужить столик.

На этот раз Александра не выказывает никакого удивления, едва отрываясь от телефона. Потому что за три недели ко мне не приходил вообще никто. И ничего интересного со мной тоже не происходило. Я вышла на работу сразу после нового года и прекрасно слилась с коллективом, снова став совершенно скучной и серой. Устраивающей даже Ларри. И то самое время, которое не лечит, припорошило белесой дымкой парадное шествие посетителей, спрашивающих именно Тиффани Райт.

В общем, никто не обратил внимания на представительного светловолосого мужчину в

дорогом костюме, и очень зря.

Айлан Хопс проигрывал Говарду Фейрстаху уже в одном антураже. У него не было прозрачных глаз, в которые хотелось вглядываться часами, красавцев-сыновей и молодой жены с обложки “Вог” (немаловажно, что первая супруга — мать близнецов — умерла, а не подала на развод). Он просто был порядочным семьянином без трагедий в прошлом и объективно обаятельным человеком, которому в политике самое место. Но все мы знаем, что обаятельный мерзавец всегда выигрывает у обаятельного хорошего парня хотя бы потому, что ему приходится скрываться вдвое тщательнее. В общем, пока Говард в глазах общественности героически судил отъявленных негодяев и совсем не героически ловил хайп на несчастьях собственных близких (в которых был виноват сам), Айлан просто следовал намеченному плану, параллельно на работе вскрывая трупы убитых людей, а избиратели относятся к такому выбору профессиональной деятельности... с понятной осторожностью. Короче, Хопс был в заведомо невыигрышном положении. Требовалось это исправить.

— Мисс Райт, — начал он, скуповато улыбаясь. — Рад с вами познакомиться. Я Айлан Хопс.

— Мне известно, кто вы, мистер Хопс. Но я не совсем понимаю, для чего вы пришли ко мне.

Выстраивая модель общения, я следую вполне понятной логике: то, что Фейрстах мерзавец, не исключает тот факт, что и Хопс — тоже. Наши с ним дорожки еще не пересеклись, чтобы сделать какие-либо выводы.

— Правда не понимаете? — улыбается он и внезапно смотрит так, будто без скальпеля вскрывает мой мозг и достает оттуда все мои секреты.

Сойти под дурочку-официантку не выйдет. Эту тему отбрасываем.

— Допустим, я догадываюсь, — невозмутимо пожимаю я плечом.

— Вот и прекрасно. Тогда я приглашаю вас на поздний завтрак.

Он глазами указывает на место напротив себя.

— Мой работодатель крайне не любит, когда персонал отлынивает от работы, — пытаюсь я воспротивиться, хотя на самом деле мне безумно интересно, что он скажет. И хочется, и колется.

Айлан многозначительно оборачивается и обводит глазами помещение. Еще слишком рано: мы только-только открылись, и занято всего три столика. У меня даже щеки краснеют. Нет, конечно, работа по кухне всегда найдется, но сейчас ее явно не пруд пруди.

— Я с лихвой компенсирую ему убытки, причиненные вашим отсутствием, — говорит он на полном серьезе. — И конечно же, сделаю то же самое для вас.

Мне чудится в этом обещании больше, чем просто щедрые чаевые.

— Мисс Райт, весь этот месяц я ждал, что вы выступите с официальным опровержением информации в прессе, но этого не случилось. И только недавно я заподозрил, что вы настолько напуганы, что не пойдете на это. Он угрожал вам?

— Мы недостаточно знакомы, чтобы это обсуждать, — отвечаю я, качнув головой.

— Позвольте мне вам помочь, — уговаривает он вкрадчиво. Я невольно отмечаю, что голос у Хопса более харизматичный, чем его обладатель.

— Я прекрасно понимаю, что вам нужно мое заявление для победы на выборах, но у меня нет ни малейших доказательств причастности Говарда Фейрстаха, а я, вопреки распространенному мифу, не самоубийца. Простите.

Я поднимаюсь из-за стола и делаю шаг к кухне, но разворачиваюсь и спрашиваю:

— Как, кстати, вы на меня вышли? — Если он сейчас скажет, что меня выслеживали детективы...

— Мне подсказал его сын.

— Стефан? — искренне удивляюсь я. Как-то странно. Хотя, учитывая, что он явно сейчас подвергается абсолютному прессингу со стороны отца...

— Нет, второй.

— Норт?!

Я застываю с открытым ртом. В моей голове никак не складывается услышанное. Да приплести политику — очень похожее на Норта решение, но он не собирался вредить карьере любимого папы. Он хотел, чтобы я оказалась в безопасности, — и не скрывал этого. Я вообще не понимаю, с какой стати ему участвовать в моей дальнейшей судьбе, учитывая, что я отказалась продолжать с ним отношения.

— А у Говарда есть еще дети? Расскажите мне об этом, мисс Райт, и я выиграю выборы.

От потрясения я возвращаюсь за столик, в основном потому, что ноги не держат.

— Повторите еще раз, что дословно вам сказал Норт Фейрстах.

— Он сказал, что если я хочу выиграть гонку, мне стоит поговорить с мисс Тиффани Райт. И дал адрес этого кафе.

Я зажмуриваюсь.

— Еще раз: любое мое заявление окажется абсолютно голословным.

Даже если привязаться к банковскому переводу со счета Сейди, можно при желании выставить все так, будто Фейрстахи помогали с лечением семье подружки одного из сыновей.

— Возможно. Но, может, и нет, если на вашей стороне выступят сыновья Говарда. С которым у вас был роман? Пресса говорит о Стефане, но я не склонен им доверять.

— С которым бы ни был у меня роман, он закончился. И связь мы не поддерживаем.

— Значит, это Норт, — делает совершенно правильное умозаключение Айлан. И, отвечая на мой вопросительный взгляд: — Когда я сказал, что к вам меня направил сын Говарда, вы предположили Стефана, потому что не поддерживаете связь со вторым братом. С тем, с которым был роман.

Он так буднично пожимает плечами, будто все это само собой разумеющиеся выводы. И вдруг достает визитку, кладет на стол, впрочем не побуждая ее взять:

— Из-за прокурора Фейрстаха вас чуть не убили.

Я добровольно беру статусный пластиковый скругленный по углам квадратик. Не могу понять, тот ли это человек, которому можно довериться? Тот ли шанс, которого я ждала целый месяц? Хопс может мне помочь, но и навредить может ничуть не менее вероятно!

— Вот именно.

— Я не прокурор, мисс Райт, но у меня хватит связей, чтобы вас защитить. И не только вас, но и всех, кто вступится за вашу историю.

— Слишком напоминает политическую браваду.

Айлан наклоняется ко мне и негромко, вкрадчиво заявляет:

— Мисс Райт, я судмедэксперт и прекрасно вижу, что творится в прокуратуре в последние годы. Окружной прокурор ест с рук Говарда, потому что тот поставляет ему наркотики, используя своего сына.

— Вы знаете про Стефа, — говорю я хрипло. — И не обнародовали это.

— Это мой последний козырь, мисс Райт, последнее средство. Я не хочу его вскрывать.

Дайте мне повод им не воспользоваться.

— Вы шантажируете меня судьбой Стефана? — спрашиваю я, едва удерживаясь от того, чтобы опрокинуть на него столик.

— Нет, конечно, мисс Райт. Я просто готов на все, лишь бы Говард Фейрстах не занял губернаторское кресло. Неужели вы сами не понимаете, как важно, чтобы такой человек не получил еще больше власти? И еще: я не требую от вас незамедлительного ответа. Подумайте до конца недели.

Он выразительно смотрит на часы:

— Мы с вами разговаривали двадцать минут. Что я вам должен?

— Разговор с человеком, который ведет вашу предвыборную кампанию. Если он мне не понравится, я не буду рассматривать наше сотрудничество. И мне нужно обсудить все с братьями Фейрстахами.

Хопс понятиво кивает и уходит, даже не спросив мой номер телефона. Только когда я возвращаюсь на кухню и вижу вопросительный взгляд Хью, мол, что готовить, запоздало вспоминаю, что так и не приняла заказ. А ведь Александра передала мне столик. Приходится пожать плечами и сослаться на сильную занятость посетителя. Мда, неловко вышло.

Распроставшись с Айланом Хопсом, я позволяю себе взять паузу на обдумывание, прежде чем начинать что-то выяснять у Фейрстахов. Ночь, я сижу на заваленном подушками подоконнике своей квартирке-студии с чашкой какао в руках. С неудовольствием отмечаю, что вместе с появлением в моей жизни политики опять вернулись тревоги и бессонные ночи.

Тиффани: Ты сдал меня Хопсу. Так дела не делаются. Нужно было предупредить.

Ворчун: Боялся, ты подготовишься и с порога ему свои гражданские права зачитаешь.

Я морщусь. Пятую поправку мне будут припоминать еще долго.

Тиффани: Ему нужна не я, а вы со Стефаном, и ты не можешь этого не понимать. Он прямо спросил, с кем из вас я встречалась и на чью поддержку могу рассчитывать.

Ворчун: Думаешь, Стеф не выступит с заявлением, пока не увидит тебя голой?

Тиффани: Думаю, что Стеф выступит, увидев голым даже тебя, но если ты по одну сторону, а он по-другую, то как бы ни закончилась политическая гонка, после нее ваш отец подчистит всех предателей. Не метафорически. А по поводу #мойпапанеубийца можешь больше не распыляться: мы все удостоверились, что это не так.

Тиффани: Или ты нынче придерживаешься пресс-версии, что во всем виноват один Бас и даже наркоту мне подкинул именно он?

Норт мне не отвечает, а я, досадливо щелкнув языком, слезаю с подоконника и иду в постель. Я хотела, чтобы он ответил, что выступит ради меня на стороне Хопса. И он этого не сделал. Опять кинул меня один на один с моими проблемами.

Ну же, Тиффани, тебе девятнадцать. Давай, поднажми и к двадцати перестань верить в Санту, Зубную фею и любовь, которая способна побеждать все обстоятельства.

Весь следующий день я варю себе кофе прямо на плите, думаю, как быть, и неспешно собираюсь на празднование дня рождения Александры. Если вы одинокая девушка в свой выходной день, не имеете друзей-сверстников и каких бы то ни было отношений, то можете себе позволить немного полениваться. При условии, конечно, что вас в данный момент никто не убивает.

Коллеги восприняли идею встретиться в баре, не являющемся собственностью Ларри, с огромным воодушевлением. Только Айрис расстроилась и вынуждена была отказаться из-за

Дафны. Если честно, как только она слилась, напряглась и я тоже: Александра придет с мужем, Тали продолжит подбивать клинья к Хью, а я останусь пятой лишней? Я колебалась достаточно долго, чтобы Александра поняла мои опасения и пообещала решить эту проблему и пригласить ребят из своего нерабочего окружения. Мне оставалось только сдаться. Тем более что пятничный вечер, в кафе другая смена — не сидеть же дома одной.

Я как раз докрашиваю губы, когда на телефон падает сообщение.

Весельчак: Тебе настолько грустно, что ты переписываешься с Джесс? Серьезно? Дуй ко мне домой. У нас тусовка по поводу окончания сессии.

Осознав, как все удачно сложилась, я фоткаю себя в зеркале и отправляю селфи Стефу.

Тиффани: Ничего не выйдет. У меня другие планы.

Весельчак: Огонь.

Весельчак: Но обойдемся без ответной любезности, потому что я голый, и ты это вряд ли оценишь.

Тиффани: Голый во время тусовки? В самом начале?

Весельчак: *подмигивающий смайл*

Тиффани: А меня пригласил оценить твоё неглиже лично? Смотри, я буду краснеть и смущаться. И наверняка присоединюсь к твоему фан-клубу.

Весельчак: Святотатство. Никак нельзя допустить подобного.

Подумав, я решаю, что была не была. На днях мне нужно дать Хопсу ответ, и глупо сыпать предположениями о том, кто из близнецов согласится, а кто нет. Я могу гадать сколько угодно, но обстоятельства намного вернее любой вероятности. Особенно в свете давления Говарда. В конце концов, пока я сама не дам отмашку Айлану — ничего не начнется. Стефан имеет право решить за себя. Значит, надо с ним это обсудить. И не по телефону.

Тиффани: Раз ты нынче не пьешь, я согласна этим воспользоваться в полной мере. Приезжай ко мне завтра к десяти часам утра. Есть разговор.

Весельчак: Десять утра? Да ты прикалываешься. Это в какой такой компании ты собралась веселиться, что встанешь бодрчком в такую рань? Я нынче хоть и трезвенник, но не намерен лечь раньше пяти.

Тиффани: А я разве настаиваю? Можешь не ложиться. В смысле спать: остальным хоть всю ночь занимайся.

Я закатываю глаза. На фоне Стефа каждый раз становится очевидно, какая ужасная я зануда. Но хоть не ханжа — и на том спасибо.

Тиффани: Айрис попросила меня посидеть с Дафной во второй половине дня, поэтому только так. Но мне очень нужно с тобой поговорить. С меня завтрак и нормальный кофе.

Не так уж много времени дал мне Хопс, если вдуматься. А если учесть несговорчивость братьев плюсом к моей, то выходит, что и вовсе чуть.

Весельчак: Ну все, ты меня соблазнила.

Весельчак: Жди. И только попробуй зажать завтрак.

Усмехнувшись, откладываю телефон и напоследок взбиваю волосы пальцами. Все, можно идти.

Я намеренно прихожу на пятнадцать минут позднее положенного, чтобы ни в коем случае не остаться нечетной в компании. Но опасения беспочвенны: на торжество кроме знакомых мне ребят предусмотрительно приглашена сестра Александры и двое молодых мужчин, один из которых припасен, видимо, для меня. Я еще не оказывалась в компаниях,

где имеет место сватовство, поэтому немного обескуражена.

В кухне Ларри давно поняли, что между нами с Нортом черная кошка пробежала, и, видимо, Але решила подсуеетиться. Сидящий с краю парень молодой и в меру симпатичный. Если честно, до этого дня я даже не думала попытаться ввязаться в новые отношения, так истрепали мы с Нортом друг другу нервы. Да и все мы знаем, что к выбору парней я раньше всегда подходила с длинным списком критериев, первым из которых является статусность. Как будет дальше? Не знаю. Все изменилось. Я изменилась. Но сначала было бы неплохо поставить галочку напротив надписи: «Я разлюбила Норта Фейрстаха».

И все же грех не воспользоваться возможностью завязать новые знакомства. Вдруг таким образом удастся занять время? В общем, я искренне благодарна Александре и даже по-своему оптимистично настроена. Ровно до фразы: «Мне кажется, я где-то тебя видел. Может, ты модель?».

В этот момент я нервно хватаю со столика коктейль и опрокидываю его едва ли не залпом. Уверена, что видел он меня в репортажах о смерти Баса, а это совсем не то, что мне хочется слышать при знакомстве. Но года два таких встреч мне точно обеспечены, пока не забудется. В общем, когда коктейль заканчивается, я принимаюсь за следующий, стараясь изгнать таким образом из головы лишние мысли. Или хотя бы стать веселой: на студенческих вечеринках это мне всегда помогало. Ловлю удивленный взгляд Хью и отвечаю на него улыбкой. И черта с два останавливаюсь.

На следующее утро наступает она: неминуемая расплата. Я не могу встать ни в восемь, ни в девять, несмотря на обещанный Стефану завтрак. И будит меня уже только дверной звонок. Кое-как подняв себя в вертикальную плоскость и подавляя приступ тошноты, я понуро плетусь к двери и даже не бросаю взгляд на часы. Мне слишком плохо, чтобы соображать как следует.

— Стеф, ты действительно не ложил... — начинаю я и осекаюсь, натыкаясь взглядом на совершенно незнакомого человека. Человека, который держит в руке направленный пистолет.

— Вы поедете со мной, мисс Райт, — говорит он, для большей убедительности снимая оружие с предохранителя.

— Опять Говард Фейрстах? — спрашиваю я удивительно флегматично. У меня вся эта история действительно в печенках.

— Телефон, — отвечает мужчина и протягивает ладонь. — А теперь идите переодевайтесь. Десять минут.

Бросив затравленный взгляд на кухонные часы, я обнаруживаю, что сейчас всего четверть десятого. Стеф приедет через сорок пять минут. Мы в любом случае разминемся.

подавив порыв выругаться в голос (ибо ничем мне это не поможет), я направляюсь в комнату и делаю то, что сказано. Хотя нет, не только. Якобы уронив за диван туфлю, я выуживаю из тумбочки старый аппарат Хилари (оставшийся у меня с больницы до того, как полиция вернула мой) и пишу Стефану.

Тиффани: Sos. Меня везут к твоему отцу.

Но он, конечно, еще спит. Сообщение не прочитано.

Я снова в доме Говарда Фейрстаха. За прошедшие несколько месяцев он не стал ни менее помпезным, ни более уютным. Склеп как он есть. Не странно, что Норт и Стеф такие мрачные.

— Мисс Райт! — слышу я непростительно бодрое приветствие. — С добрым утром. Пойдемте со мной. Попьем вместе чаю.

Что здесь происходит? Меня начинает колотить от понимания, что, что бы ни задумал Говард, Стефу ни за что не успеть сюда примчаться достаточно быстро. Во-первых, он сначала должен узнать, куда меня отвезли, а во-вторых, я намеренно назвала десять утра с расчетом, что после вечеринки он опоздает на полчаса. Он это легко. Очень может быть, что до сих пор не встал и не увидел сообщение. Или вообще не заметил после бессонной-то ночи.

В кабинет прокурор снова проходит первым, подчеркивая мое униженное положение. Но я не против. Я чувствую приступ необъяснимой паранойи: кажется, что за массивным столом я опять увижу Баса. Только когда убеждаюсь, что там пусто, а верный пес действительно мертв, нахожу в себе силы двигаться дальше.

— Располагайтесь, — бросает Говард, указывая в кресло прямо напротив стола, а сам его обходит и садится в огромную обитую кожей мечту любого большого начальника. — Знаете, что самое забавное? После того, как вы отказались давать показания, я было подумал, что вы поумнели. Что можно оставить вас в покое. Дать моим не в меру чувствительным сыновьям то, чего они хотят. Ведь что-то они в вас разглядели, раз взялись опекать, точно бестолковые куры свой выводок. Но Айлан Хопс? Честное слово, вы так хорошо держались. Зачем было все портить?

И тут мне в душу опять закрадываются сомнения по поводу того, действительно ли Норт дал мои контакты из добрых побуждений. Мне нечего сказать Говарду. Мы оба знаем, что наши точки зрения никогда не пересекутся. Да и что я могу? Упрекнуть его в распространении наркотиков? Жестоком обращении с сыновьями? Да он же прекрасно знает, что все это неправильно, иначе не пытался бы засунуть свои делишки поглубже под белое пальто. В прошлый раз я уже пыталась кидать ему в лицо обвинения. Он им не внял. Разговаривать с Говардом еще раз совсем не хочется. Да и головная боль, лишь усилившаяся на фоне последних событий, отнюдь не помогает.

Мы довольно долго молча друг друга рассматриваем взаимно неприязненно. Но затем Говард резко поднимается и перегибается через стол, наклоняясь к моему лицу ближе. Он *действительно* меня оценивает, точно корову на рынке.

— Нет, я правда не понимаю, чем вам удалось покорить Норта. Стефан никогда не отличался избирательностью, но и старшенький определенно разочаровывает. Ладно, может, еще поумнеют. Кто не ошибался в свои двадцать три, верно?

— Укажете им на ошибку, прислав мою голову бандеролью?

— Ну что же вы. Нужно быть элегантнее, мисс Райт. Так, где же наш чай?

Он нажимает кнопку на коммутаторе, которые обычно стоят только в офисах, и кабинет обнаруживает в себе вторую дверь, из которой к столу шагает Мэри с подносом в руках. Мэри?! Мэри с подносом? На подносе действительно чайник и две чашки?

Меня начинает мелко потряхивать. Раз мы имеем дело с заядлой отравительницей, я даже знаю, что в моей чашке... Или не знаю, потому что когда Мэри ставит на стол поднос,

в меру кровожадно улыбаясь, я обнаруживаю, что внутри пусто. Отравлен весь чайник?

— Разлей, милая, будь добра, — просит Говард Мэри, и та, бросив на него полный обожания взгляд, берется за ручку.

Подвоха не может не быть, потому что эта рыжая стерва никогда не станет молча меня обслуживать, если в том нет ее собственной выгоды (радости?). Налив чашку для Говарда, она куда более резко плещет чай в мою. Пара капель попадает мимо: на блюдце.

— Не обижайтесь на неприветливость Мэри, мисс Райт. У нее были не лучшие недели в больнице. Она еще не до конца восстановилась.

Она пробыла на диализе так долго? Стефан что, рассчитывал своим порошком укокошить всю честную компанию? Впрочем, сейчас я об этом думаю едва-едва. Мое внимание сосредоточено на жидкости, в которой обязан быть яд. Но Говард берет свою чашку и делает глоток. Я вижу, что это не притворство: уровень жидкости и действительно уменьшился. Но как? Мэри разливала из чайника. Может, там потайные отделения, как в шкатулке у фокусника?

Спорю, она спит и видит, как мне отомстит.

— Холодноват, — вздыхает прокурор. — Знаете, я никогда не любил кофе. Десять лет назад я бросил его пить вовсе. И каждый раз удивляюсь, что это мое равнодушие унаследовал не тот сын. — Прекрасная формулировка. Есть Норт, есть «не тот сын». — Ну что ж вы не составите мне компанию, мисс Райт? Наверное, предпочитаете сладкий? Девушки часто любят сладости.

С этим словами он лезет в ящик своего стола и достает оттуда фарфоровое блюдце из того же сервиза, что и чашки, только с двумя круглыми таблетками посередине. Разумеется, это вовсе не сахар.

— Мэри, будь добра, еще раз.

И правда элегантно. Мысль появляется и пропадает, когда «добрая Мэри» опрокидывает обе таблетки в чай. *На этот раз мимо чашки ничего не летит.* Таблетки растворяются с едва заметным шипением. Должно быть, одна — полный улет. Две — абсолютный передоз.

— Я не буду это пить, — говорю я сипло.

Прокурор подчеркнуто раздраженно вздыхает.

— Мисс Райт, вы, разумеется, можете отказать мне в такой любезности, но у вас так много слабостей. Начиная от вашего упорного стремления сохранить свою репутацию и заканчивая близкими, коих вы развели просто непозволительное количество. Если вы сейчас проявите неуважение, я могу сломать жизнь любого из них. Но на этом все не закончится. Чай или нет, рано или поздно вы сдадитесь.

Мэри вдруг наклоняется ко мне и шипит прямо в ухо:

— Ты выпьешь его и перестанешь отравлять всем жизнь, ничтожество!

— Мэри, не будь грубой! — сердито одергивает ее прокурор. А ведь и правда: за все время наших встреч я ни разу не видела, чтобы Говард вышел из себя. Он всегда подчеркнуто над событиями и простыми смертными. *Его ничто не раздражает.* Потому что без ложной скромности все контролирует. — Я предпочитаю добрую волю.

Мой мозг лихорадочно ищет пути решения этой проблемы. Я могу встать и выйти из кабинета, не притронувшись к напитку, я могу выплеснуть этот чай в лицо Мэри и посмотреть, не разъест ли его кислотой. Но я совершенно точно понятия не имею, как победить сидящего напротив человека. Его обещания — совсем не пустые. Он действительно

не успокоится, пока не отберет у меня все, что мне дорого.

Совершенно неожиданно на меня накатывает такое отчаяние, что впору взять чертов чай и опрокинуть залпом. Сколько еще мне барахтаться в этом кошмаре, силясь выплыть? Следовало цепляться за Хопса как за последнюю спасительную ниточку, но я не смогла ему довериться. Я вообще очень настороженно отношусь к людям, особенно политикам. Но ведь Хопсу точно выгодно, чтобы я жила, а Говарду — напротив. Почему я не подумала об этом раньше? Самонадеянно полагала, что опасность миновала? Что прокурор узнает не сразу?

Он смотрит на меня удовлетворенно, с предвкушением. Даже Мэри заметила мое колебание. Мне нужно, как с матерью, дать им то, чего они хотят. Сделать вид. Если я достаточно быстро опустошу желудок — это поможет? Ах да, можно же в таком случае совсем не выпить чай, выйти из кабинета и направиться к Хопсу. Но сюда уже едет Стефан: я его позвала, подставила. И ничто на этот раз не помешает Говарду дать в СМИ слезливую новость о его сошедшем с праведного пути сыне.

— Мисс Райт, — теряет терпение Говард, глядя, как я застыла с чашкой в руке.

В этот момент дверь с грохотом распаивается, и я оборачиваюсь, надеясь и боясь увидеть Стефана, но... но это же не Стефан. Черная одежда может быть совпадением, но черта с два тот оденется так официально. И выражение лица. И этот брошенный на меня острый взгляд.

— Нортон, — рычит Говард. — Ты прекрасно знаешь, как я не люблю, когда в мой кабинет врываются без приглашения.

— Значит, наше недовольство обоюдное. Нехорошо, что мой отец встречается с моей девушкой без меня уже в... который раз?

Что происходит? Это как вообще понимать?

— Второй, — подсказывает Говард, намеренно опуская случай в театре. — Но не принимай близко к сердцу, наш разговор сугубо делового характера.

Норт отрывает взгляд от меня и моей чашки, едва заметно хмуря брови, и обводит глазами остальной кабинет.

— Мэри? Да неужто дела настолько плохи, что ты взялась подавать напитки?

В этот момент я понимаю, что рыжие действительно краснеют фееричнее всех остальных мастей. Она становится не просто красной — равномерно красной. Лицо, уши, шея, руки — все. Думаю, алыми стали даже пальцы у нее на ногах. Мэри мне ничуть не жаль, но Норт умеет быть жестоким. И в этом он в отца.

— Впрочем, в труде официанта нет ничего недостойного, — задумчиво добавляет он, глянув на меня.

Несмотря ни на что, я с трудом сдерживаю улыбку. Он наверняка припоминает, как я обвинила его в снобизме в нашу последнюю встречу.

— Мэри, принеси третью чашку, — распоряжается Норт тем временем, вынуждая «секретаршу-официантку» задохнуться от гнева.

Я, ничего не понимая, хлопаю глазами. Это мне снится? Это галлюциногенный бред? Последствия интоксикации алкоголем?

— Норт, я не звал тебя, — резко говорит Говард.

— Очень жаль, но раз уж я здесь, не вижу причин не отвезти Тиффани. Или у вас какие-то особо секретные дела? Как со *Стефаном*?

Говард впивается в сына ледяным взглядом, но я уверена, что уж в этом Норт ему не уступит. Он же *Норт. Настоящая ледышка*.

— Нет, сын, — отвечает Говард наконец. — Присаживайся. Мэри, принеси третью чашку.

— Знаешь, пап, я передумал. Не нужно гонять Мэри. Она на новую должность заступила совсем недавно, и, уверен, ей будет очень сложно найти посуду в таком большом доме. Для такого требуется опыт.

Щедро отхлестав словами бывшую подружку еще разок, Норт энергично направляется к бару и, придирчиво понюхав стакан, возвращается с тем к столу.

— Боюсь, Мэри не рассчитывала на еще одного гостя и чай закончился. Недостаточный опыт, знаешь ли.

— Ну что ж вы так негостеприимно? Я ожидал большего от твоих сотрудников, отец. А если бы Тиффани захотела добавки?

Мы все понимаем, что Тиффани бы не захотела. Единственное, чего Тиффани хочет: провалиться сквозь землю. Или телепортироваться на уютный диван в своей квартирке.

— Что ж, придется нам поделить то, что имеется.

С этими словами Норт бесцеремонно вытягивает из моих пальцев чашку и выливает содержимое обратно в чайник. Затем: отцовскую.

— Ты сегодня решил нарушить весь возможный этикет, Норт? — вроде бы раздражается Говард. Но ровно настолько, насколько себе позволяет.

— Мы почти семья, отец. Или я еще не говорил тебе, что собираюсь сделать Тиффани предложение? Пора уже познакомиться как следует.

У меня внутри что-то болезненно лопается. Напряжение, наверное. Я все еще ничего не понимаю, но уверена, что теперь все будет хорошо. Если за дело взялся Норт — он точно доведет дело до конца. Не знаю, откуда такая уверенность, но она есть.

Чай он наливает сам. Повернувшись ко мне, смотрит, правда, не в чашку, а мне в глаза. Я вижу в его взгляде абсолютное понимание ситуации. Губами он шепчет мне одно лишь слово. Вернее, имя: *Сейди*. Выходит, мне помогла его мачеха. Девушка, которая в первый момент показалась мне круглой душой. Я моргаю в ответ и позволяю течению по имени Норт Фейрстах нести себя дальше в одном ему известном направлении. Когда он наклоняется к чашке отца, я не сомневаюсь, что он говорит что-то и ему тоже, потому что после этого Говард становится блее мела.

— Ну, за торжественное и долгожданное знакомство, — говорит Норт, поднося к губам свой стакан.

И ни один из нас троих не делает глоток.

— В чем дело, пап? Тебя настолько не устраивает Тиффани, что ты отказываешься пить чай? *Или есть еще другая причина этого не делать?*

— Конечно же нет. Потрясающие новости, сын.

С этими словами он моментально опустошает чашку. По правилам игры мы тоже должны это сделать. Но я трусливо опрокидываю свою последней.

— У тебя есть еще какие-то дела к Тиффани? — невозмутимо продолжает Норт, сгружая посуду обратно на поднос и вручая его Мэри.

Все еще бледный как полотно, Говард качает головой. Едва дождавшись этой отмашки, Норт буквально выдергивает меня из кресла и тащит за собой по огромному дому долбанутой на всю голову семейки Фейрстах. И уже тогда начинает накрывать. Стефан встречается нам на крыльце. Он бежал бегом от ворот и едва успевает затормозить, чтобы не врезаться в брата.

— Норт? — опешивает он.

— Ты за руль, — коротко говорит тот и бросает ключи. Бросает — не туда.

— Какого... — подобрав ключи, начинает Стефан.

— Сделай анонимный звонок и затребууй проверку кандидатов на содержание наркотических веществ в организме.

— Отец под наркотой? Ты уверен? — охреневает Стеф, но берет брата за плечи и заглядывает в глаза, а потом с опаской посматривает на меня тоже. — Дерьмо!

Он распахивает для нас ворота. Мы садимся в машину... А дальше начинается какой-то полный сюр.

Память фиксирует события урывками. Но это, как ни странно, чистый кайф. Под спиной что-то вибрирует, иногда — потряхивает, но я все игнорирую, лишь хнычу от скольжения *его* губ по моей шее. Все остальные ощущения мелкие, незначительные. Я кричу в голос, растворяюсь в *его* горячей коже. И плачу, когда кто-то силком меня откуда-то вытаскивает в дикий холод. Его больше нет рядом. Нет на мне и во мне. Моя спина врезается во что-то, больно прилетает по голове. Меня с силой швыряет в сторону. На этот раз я лежу на твердом и прохладном, немного скользком. Сверху наваливается горячее тело. Это же Норт. *Норт*. Я бесстыдно развожу ноги, обхватывая его торс, каблук застревает где-то в одежде, и я с хныканьем дергаю ногой, пытаюсь его вытащить. Ответом прилетает какая-то грубость. Его голова меж моих ног, и я кричу в голос, срывая связки, бессвязно умоляю о чем-то, сама не понимая, что несу. Одежда давит и тут, и там. Снизу юбка собралась гармошкой, сверху футболка стянута с плеча. Ткань врезается в кожу. Лишняя одежда, лишняя! Особенно когда тело изгибается под неестественным углом, чтобы *его* губы могли дотянуться до груди... и не только. От собственных стонов звенит в ушах. Внизу живота пожар, который терпеть совершенно невозможно. Но я слишком дезориентирована, не понимаю, как сделать так, чтобы он утих. Однако губы о чем-то просят, минуя разум и всяческое понимание. Облегчение наступает внезапно с чувством непривычной наполненности. Но его все еще недостаточно. Резкие толчки заставляют меня от напряжения кусать губы в кровь. Руками я цепляюсь за *его* горячую кожу, раздираю ногтями, не переставая что-то бормотать, просить. В *нем* мое спасение, освобождение, кажется целый мир. Мне больше никто не нужен. Нарастающее напряжение, и я инстинктивно задерживаю дыхание, чтобы затем сделать один последний вдох... Мое тело мучительно сладко умирает, содрогаясь до основания. Я разрываюсь: хочу остаться в этом моменте навечно и чтобы он поскорее закончился, потому что эти ощущения — не то, что можно пережить и остаться прежним. Наверное, я просто теряю сознание от наслаждения, потому что все, что есть дальше, — чистый лист.

— Тиффани.

Глаза открываются через боль. Все тело чужое, деревянное. Мышцы будто бы натянуты на коклюшки, и теперь кто-то их старательно перекручивает между собой.

Рядом с кроватью на корточках сидит Норт и держит меня за руку. Память подсказывает, что чай мы пили вместе, доза тоже одна. Но он выглядит куда бодрее. Почему? Норт намного больше меня, и, стало быть, доза для него не такая критичная? Наверное, так. Я уж точно в этом не спец.

Всхлипнув, как маленькая, я не встаю, а, наоборот, подтягиваю колени ближе к груди. Из одежды на мне какая-то сильно длинная футболка, точно не моя. Я неловко тяну ее вниз,

чтобы прикрыть бедра. Норт не делает попытки мне помочь или помешать. В его глазах застыло безрадостное выражение, возможно вызванное тем, что не одной мне хреново. Ну или пониманием серьезности нашего положения.

С трудом сориентировавшись, я понимаю, что все это время спала в бывшей спальне Норта. *Мы у Стефана.*

Как бы ни было мне плохо, начинают выплывать наружу воспоминания о том, что мы делали еще недавно, и становится еще хуже. Щеки словно огнем лижет. Беру свои слова о Мэри назад: сейчас я точно более пунцовая, чем она. Мы занимались сексом в машине, которую вел Стеф? А потом... неужели на его кухонном столе?

Говард, где там чай по твоему особому рецепту?

Застонав, я закрываю глаза руками и, к собственному ужасу, обнаруживаю, что голос сорван. Вместо нормальных звуков выходит хрип.

— Да уж, Стеф со мной не разговаривает, — «утешает» меня Норт, правильно истолковав причину моего смущения. — Как ты себя чувствуешь?

Будто это и без того не очевидно. Мотнув головой, я утыкаюсь в подушку и собираюсь так и лежать. Не подумайте, я счастлива видеть Норта, даже если это ничего не значит, но в данный момент мне дико хочется, чтобы он оставил меня в покое. И еще вкатить претензию за то, что разбудил. Вдруг бы удалось проспять эти ужасные часы?

— Нам нужно поговорить обо всем.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, стараясь медленнее дышать. Даже это сложно. — «Все» — это твой отец? Я не вижу причин обсуждать его действия. С ними и так все понятно. Ох, прости, я не сказала тебе «спасибо».

— Тиффани, мы поговорим о моем отце, о причинах, по которым он тебя отпустил, о том, что я ему наговорил, о Хопсе и так далее. Мы вообще о многом теперь будем разговаривать.

— Ты сейчас что имеешь в виду?

Потерявшись в его рассуждениях, я собираю волю в кулак и медленно сажусь на кровати, чтобы заглянуть в лицо. Лежа получается что-то не то.

— То, что больше я тебя одну не оставляю, в какую бы позу ты ни встала.

Я должна возмутиться, но внутри так тепло от этих слов. Но правда, с чего это Норт вдруг так резко переменялся? Мои мысли разбегаются, чтобы собраться в несколько нестыкуемых фрагментов головоломки. На одном из них Говард с его угрозами, на втором Хопс, на третьем Стефан с кольцом, на четвертом наш разрыв... Что из этого нужно составить вместе, чтобы получить представление о причинах принятого Нортом решения. Но прежде, чем у меня выходит хоть что-то путное, он поднимается выше и накрывает мои губы своими, давая весьма и весьма однозначный ответ на этот вопрос. Этот поцелуй можно было бы назвать даже нежным, если бы не его пальцы, собирающие на бедрах футболку.

— Нет! — Я сбрасываю его руки и отползаю подальше. — Я не позволю тебе проделывать трюк, на который ты подбивал Стефана с Джесс. Мы разговариваем либо нормально, либо никак.

Кстати, он уже проделывал со мной что-то подобное неоднократно. Так он заставил меня переехать к нему, например.

Норт закатывает глаза, но поднимается и садится на кровать рядом со мной.

— Давай начнем с простого: Хопс. Я ему позвонил. Завтра мы с ним встретимся. Я к нему пойду, даже если вы со Стефаном сольетесь.

— Ты же не собирался. Что изменилось?

— А я не собирался? — выразительно приподнимает Норт бровь. — Есть у меня одно наблюдение: люди очень редко задают правильные вопросы, предпочитая делать собственные выводы. Поэтому я всегда повторяю: чем усложнять — лучше спросить. — И, прищурившись: — Скажи мне, как, на твой взгляд, я получил независимость, которой столько лет завидовал мой брат?

Я лишь неопределенно пожимаю плечами.

— Ты давал отцу то, чего он хотел.

— Отчасти это так, — вздыхает он. — Например, я сразу выбрал своей специализацией право, как хотел отец. И зная, как важны ему абсолютно преданные судьи, решил двигаться именно в этом направлении. Хотя, врать не буду, душа лежала. Но это только верхушка: помимо прочего я отказался от отцовских денег. Поначалу использовал их для игры на бирже, выводил процент на собственный счет. Затем просто вернул «не свое». И это как раз не то, что отцу понравилось. Это независимость, с которой ему пришлось смириться. Иначе я мог бы точно так же, как брат, оказаться перед выбором: либо живу на выручку с нелегальных, выгодных отцу сделок, либо лишаясь финансирования полностью. Я пошел по второму пути раньше, чем решение приняли за меня.

— И теперь ты едешь на убитом ягуаре и живешь в арендованной небольшой квартирке, — заканчиваю я.

— Точно. А наследник огромного оффшорного состояния у нас Стеф. — Норт придвигается ближе, и на этот раз я не отклоняюсь. — Как тебе? Уже жалеешь, что попросила меня продать колечко?

— Точно. И как же это я могла так ошибиться в выборе? — говорю, не в силах сдержать улыбку. Это должно было прозвучать ядовито, но, увы, на выходе чистый флирт. Потому что меня так и тянет коснуться пальцами любимого лица. Этот порыв откровенности сметает все выстроенные мною преграды.

— Но на этом мои проделки не заканчиваются, — продолжает Норт, явно удовлетворенный результатом. — Зная, что отец попытается вернуть надо мной контроль, я начал готовиться заранее. Проще всего было начать с Сейди: я занялся ее налогами. И сорвал джек-пот. Где-то раз в месяц она присылала мне по электронке банковские выписки, и я сверял их по датам с текущими делами отца. Со временем разобрался и выяснил: на его имя не зарегистрировано ни одного оффшорного счета. Если запахнет паленым, все проблемы начнутся у Стефа и нашей мачехи. Однажды я решил аккуратно расспросить ее, сколько ей известно о том, что происходит, оказалось, некоторые из счетов открыты без ее ведома и участия. Сейди когда надо не дура (позвонила же она мне, услышав, как отец отдал распоряжение доставить тебя к нему), но только если дело не касается цифр. Конечно, если все эти махинации вскроются, первой пострадает она, но отцу точно придется в срочном порядке сматываться из страны: рано или поздно докопают и до него. Потому как не надо много ума догадаться, что Сейди вся эта грязь по барабану. У нее один метод решения финансовых проблем. Хотя было бы жаль ее подставлять, конечно... — Норт неожиданно усмехается, не глядя на меня. — Тебе это едва ли понятно, но живя под фамилией Фейрстах, начинаешь очень отчетливо понимать, что значит фраза «меньшее зло». Так вот, возвращаясь к Хопсу: если понадобится, я обнародую финансовые махинации отца. И это будет ответом на правильный вопрос, по какой причине он отпустил тебя из своего дома сегодня ни с чем. Забавно, для того, чтобы дать тебе понять, как я приехал так быстро, и

объяснить отцу, что случится, если он не прекратит свои игры с тобой, мне потребовалось сказать одно и то же имя.

— То есть он знал, что ты делаешь?

— Он определенно знал. Но не верил, что я пойду с этим против него, ведь и он в ста процентах случаев был на моей стороне. А готовить запасные аэродромы для нашей семьи — норма. Отец скорее гордится этой моей способностью, чем наоборот. Просто он никогда бы не подумал, что в числе моих планов «Б» окажешься ты.

Норт невозмутимо пожимает плечами. Однако я вижу, что это решение далось ему отнюдь не просто. Как бы то ни было, Говард его отец. И мне это абсолютно понятно, иначе почему я до сих пор не пошла в полицию заявить на свою мать? *Мы не выбираем родителей, и тем не менее генетически запрограммированы их любить. Какими бы ужасными они ни были.*

— Что мы скажем Хопсу? — спрашиваю я.

Губы Норты складываются в улыбку.

— Мы, Тиффани?

— Конечно, мы. Ты же не думаешь, что я рисковала ради твоего брата, но спрячу голову в песок, как только речь пойдет о тебе?

— Конечно нет. Стоит Тиффани Райт почувствовать неприятности — она тут как тут.

С этими словами он опрокидывает меня на кровать и глубоко целует. Ровно на двадцать секунд меня отключает от действительности: все проблемы начинают казаться далекими и надуманными. Однако Норт отстраняется, но недостаточно, чтобы позволить мне встать или сбежать:

— И все же ты должна понимать, что впереди самое сложное. Выйти из тени с такой историей не будет просто. На оставшееся от предвыборной кампании время нам с тобой и Стефаном придется превратиться в звезд реалити-шоу. Люди отнесутся к этому совершенно по-разному, учитывая противоречивые заявления в прессе, приписывающие тебе роман то со мной, то со Стефаном, то вообще с нашим отцом. Будет намного менее болезненно, если к тому моменту ты будешь замужем, отсекая все вопросы.

Секунду я ошалело таращусь на Норту, а затем собираю всю силу, чтобы его оттолкнуть. Поверить не могу в то, что слышу.

— Полагаю, ты не Стефана и не своего отца подразумеваешь, не так ли? — Норт выгибает бровь, будто спрашивая, неужели я задала вслух этот очевидный вопрос. — Ты надо мной издеваешься? — спрашиваю я раздраженно. — Месяц назад я послала тебя, помнишь?

— Не то чтобы послала, но в остальном на память не жалуюсь. И, если мне правильно помнится, основанием для этого выступил недостаточный пиетет. По-твоему, я не встал на путь исправления?

В этот момент мне хочется плакать, потому что это, похоже, действительно так. Но за прошедшие сутки жизнь слишком сильно изменилась, чтобы все переосмыслить. Как вообще можно принять такое решение, тысячу раз все не взвесив? Нет, ну конечно после всех перипетий с чертовым кольцом я думала о том, что было бы куда логичнее, символизируй оно отношения с Нортом. Но брак? Не просто проживание в одной квартире, а еще возня с детьми после десятичасового рабочего дня, совместные ужины с родителями (отличный у нас на этот счет прошлый опыт), домик в пригороде (меня аж передергивает) и все решения — пополам. Да боже мой, меня всерьез пугает эта перспектива!

— Я не хочу! — выпаливаю я в панике. — Черт, я понимаю, как именно это звучит, но я

правда к такому не готова! Да и мои родители... — Я опускаю голову и качаю ею.

— Мои не лучше. — Норт зеркально отражает мой жест.

— Знаю.

— Тиффани, послушай, по сравнению с тем, что у нас уже было, изменится лишь то, что у тебя появится новая фамилия, и все станет честно и открыто. Даже более открыто, чем ты хотела, но только на какое-то время.

— И все? — переспрашиваю я глупо.

— Все, — явно сдерживая усмешку, отвечает Норт.

— Мне надо подумать.

— Отлично. А пока ты думаешь, Стефан соблаговолил одолжить нам свою сауну. Говорит, должно стать лучше.

— Постой, — говорю я хрипло, облизнув губы. — Прежде, чем я начну думать... Ты хоть любишь меня? Или любил? Или...

— А неужели ты не знаешь? Я влюбился в тебя в тот момент, когда понял, как ты меня продинамила на вечеринке. И сходил с ума, думая, что ты переспала с моим братом. Я иррационально жалел, что не оказался на его месте, хотя и понимал, что попробуй ты добиться выигрыша честным путем, я бы развернул тебя еще на подходе. Когда я нашел то видео на твоём телефоне, я чувствовал себя настоящим мазохистом. И не поверил своим глазам, осознав, что ты прокатила Стефа тоже. С того самого дня у тебя не было против меня ни единого шанса. Я бы в любом случае придумал способ тебя добиться.

— И все равно был со мной так холоден, что порой хотелось уйти, — это не вопрос.

— А ты не подпускала меня к своей семье, в то время как я видел на твоём теле следы физического насилия. И делала вид, что все хорошо. Я ждал, что ты об этом заговоришь. Но этот секрет ты доверила не мне, а моему брату. По крайней мере, я был уверен, что писала ты ему об этом. До того, как Мэри прислала мне фото.

Он почти невозмутимо пожимает плечами, хотя полностью застарелую злость ему скрыть не удастся. И мне приходится опустить голову, признавая за собой эту вину. Я могла бы сказать ему, что знаю, как все было у них с Мэри на самом деле, но не думаю, что это теперь важно. Или не важно именно в разговоре о доверии. Хотя, конечно, мне легче!

— Все равно... больше никогда не смей со мной так поступать, — говорю я, обнимая себя руками. — Я в эти ваши игры с дележкой территории играть не стану.

— Я знаю. И я никогда тебя об этом не просил.

Мне приходится откашляться и свернуть разговор, в котором радость смешалась с чувством вины.

— Что ж, сауна, — возвращаюсь я к прежней теме.

Прислушавшись к ощущениям, я обнаруживаю, что, когда немного отвлеклась, — уже полегчало. Но стоит подняться на ноги — накатывает дикая слабость. Так и тянет прилечь снова.

— Стефан говорит... Так Стефан говорит или Стефан с тобой не разговаривает? — прищуриваюсь, скрывая слабость.

— Написал мне в WhatsApp. Он принципиальный.

С этими словами Норт подхватывает меня на руки. От неожиданности я вскрикиваю и намертво вцепляюсь в его шею.

— Поставь! Ты уронишь меня!

Это я, конечно, памятуя о чае, который пила не одна, а в компании. Так-то пусть

таскает сколько хочет. Это даже приятно.

Но Норт мои опасения игнорирует и уже несет меня по коридору, а затем дальше — вниз по лестнице, к кухне. От одного взгляда на стол (странным образом не пострадавший), я краснею снова.

— А еще он написал, что подарит мне этот стол как запоздалый подарок на Рождество, — задумчиво добавляет Норт и зачем-то добавляет: — Нам на этаж ниже.

Я выхожу из душа намного позже Норты. Надин нанесла мне серьезную психическую травму, вынудив на протяжении целого месяца укладываться в двадцать минут времени, и теперь я компенсирую лишения.

И снова я у Стефа в безразмерном халате, босиком и с мокрыми волосами. Становится какой-то дурной традицией.

Братьев приходится искать, но через какое-то время я обнаруживаю их на балконе, выходящем на задний двор с бассейном мечты. У каждого в руке по сигарете. *Это что еще за новости?*

— Привет, — говорю я, не в силах скрыть удивление таким раскладом.

— Я все еще ненавижу вас обоих, — отвечает Стеф, не оборачиваясь. — И разговариваю только потому, что Норт рассказал мне о Хопсе.

— Ты согласился?

— Помнишь, как ты сказала, что он согласится, даже если увидит меня голым? Не прогадала, — хмыкает Норт и глубоко затягивается.

— Ты меня раздражаешь, — я одариваю Норту убийственным взглядом. Нет, ну неужели нельзя было промолчать. — И с каких пор ты куришь?

— Со школы. Но я бросал и честно держался до самого рождественского спектакля, — хмыкает он. — Или ты думаешь, у меня электрогитара и татуировка от образа жизни пай-мальчика?

— Ты же был футболистом, — припоминаю я награды в его комнате.

— Только из-за отца. Я это ненавижу. Просто привык все делать хорошо.

Когда я говорила, что недостаточно хорошо знаю Норту, я не думала, что настолько.

— Короче, — вздыхаю я и перевожу тему обратно. — Стеф, ты согласился?

— Да, — отвечает он.

Наконец, отталкивается от перил, оборачивается. По глазам я вижу, что он действительно на нас злится. Но блин... Теперь-то я поняла, что он имел в виду, говоря, что студенты идут в койку только для того, чтобы оправдать желание накачаться под завязку. Впрочем, повторять совсем не тянет.

— Ты понимаешь, что Хопс намеревался обнародовать твою причастность к наркоторговле, если бы мы не согласились.

— Да, — все тем же тоном. — Шалтай, не трудись. Я все прекрасно понимаю. Но так или иначе с нашим отцом надо что-то решать, иначе он не даст жизни никому из нас теперь уже троих. Кстати, где твои оболтусы? Они в теме?

— Какие оболтусы?

— Вирхрастый и писака.

— Ты про Джея с Надин? Они со мной не общаются с самого спектакля.

— Серьезно? Ути-пути, какие нежные, — и сплевывает. — Ручки замарали — и в кусты. Звони им, брат.

Никогда не слышала такого приказного тона у Стефана. Но еще удивительнее, что Норт тотчас берет в руки телефон и набирает номер.

Еще раз: жизнь на сто восемьдесят за сутки? Легко.

— Что, прям взял и уволил? — возмущается Стефан, узнав о том, что Ларри отреагировал на мою просьбу о дополнительном выходном дне не совсем адекватно.

— Нет. Сначала наорал, — поясняю я с кислой улыбкой.

По пути на встречу с Айланом и главой его предвыборной кампании мы с Нортом, Стефом, Джейденом и Надин обсуждаем что угодно, но только не прошлые и будущие события. Да-да, вы не ослышались, когда мы скромно предложили поучаствовать в деле свержения диктатора нашим бравым журналистам, те согласились не задумываясь. На их временном отсутствии никто не заостряет внимания. Понятно, что их пренебрежение — всего лишь следствие эмоционального потрясения.

Вот и не трясем лишний раз.

— Эх и везет тебе на мудаков, Шалтай, — говорит Стеф, незаметно для Норта указывая пальцем на его спину.

— Я все вижу, — ровно отвечает он.

— Так и знал, что у тебя глаза на заднице.

— Ребят, я только что поняла, что по вам не скучала, — выплевывает Надин.

Я улыбаюсь, потому как точно знаю, что это не так. Перед тем, как сесть в машину этим утром, Надин посмотрела на меня, будто желая что-то сказать. Извиниться или признаться, что именно скучала на протяжении последнего месяца... Но она так и залезла в машину. Я не удивилась: за сантиментами нужно идти не к Надин. Кстати, в пути подвеска выдавшего виды ягуара скрипела и стучала так же натужно, как нервы Норта.

— Купите уже себе машину, — пробормотал он, с трудом дотерпев с этой тирадой до пункта назначения.

— Как раз присматриваю. И это будет тачка получше твоего корыта, чувак, — хлопнул его по плечу Джейден и вылез быстрее, чем бедняга Норт успел опомниться.

И только мы выползли гуськом на свет божий, как ослепли от сияния хромированных труб новехонького мотоцикла Стефа. Норт аж зубами скрипнул, заставив меня захохотать в голос. Высокие братские отношения — это про Фейрстахов.

Хопс на встречу не опаздывает, доказывая тем самым, что намерения у него самые что ни на есть серьезные. Глава его предвыборной кампании — интеллигентного вида немолодой тощий еврей в квадратных очках и с залысинами на висках. Он оглядывает нас цепким взглядом и первое, что выдает:

— Я так понимаю, младшая мисс Райт не присоединилась. Жаль.

— Не будем впутывать детей, — обрывает его Хопс, заслуживая мою отдельную благодарность.

— Посмотрим, — уклончиво отвечает тот.

— Он мне не нравится, — шепчу я на ухо Норту.

— Главы предвыборных кампаний — всегда козлы, которые никому не нравятся, — легко парирует тот.

— Что ж, — начинает Хопс. — Быть может, для начала чай? Кофе?

— Нет! — хором отвечаем мы с Нортом с отчетливым ужасом в голосе, чем вызываем у окружающих объяснимое недоумение.

— Что ж, — быстро берет себя в руки Хопс. — Давайте тогда сразу проясним

некоторые моменты: если кто-то из здесь присутствующих сомневается в принятом решении или находится здесь не по доброй воле, он встает и уходит сейчас же. Потому что я вынужден требовать от вас максимальной откровенности, чтобы составить полноценную картину происходящего и понять, как это преподнести. Речь не только о предвыборной кампании. По роду моей деятельности у меня есть причины полагать, что Говард Фейрстах заслуживает куда более серьезного приговора, чем лишение его права быть избранным губернатором штата...

Он говорит что-то еще, но я уже не слушаю. Я смотрю только на застывшее каменной маской лицо Норты. Ему только что сказали, что его отца могут посадить. Наверное, людям, которые не знают Норты так хорошо, как я, неочевидно, насколько жестокая борьба идет внутри него в данную минуту. Мне почти физически больно за ним наблюдать. Но длится это не так уж и долго. В тот момент, когда Стефан начинает рассказ за всех присутствующих, повествуя о торговле наркотиками, начавшейся в день его совершеннолетия, я вижу, как рука Норты поворачивается ладонью вверх. Отвечая на приглашающий жест, я вкладываю в нее свою поверх наколотых воинственных пик. И мне странным образом становится спокойно, как никогда с момента падения.

Айлан слушает нас внимательно, вдумчиво, почти не перебивая. Еврей же до поры до времени и вовсе занимает исключительно наблюдательную позицию. По мере развития действий к рассказу подключаются все присутствующие. Мы действительно почти без утайки вываливаем на Айлана подробности. Но последний вопрос, который он задает нам, звучит закономерно и все же подобен выстрелу.

— Понимаю: это непросто. Но я должен знать, кто именно дернул рубильник, — говорит он, обводя нас взглядом и на одно и то же время задерживаясь на каждом.

Молчание длится не меньше десяти секунд, прежде чем Надин вскидывает голову и отчетливо произносит:

— Я.

Увидев Айрис с двумя косичками и в белых гольфах, никто бы в жизни не сказал, что этой девушке двадцать три года и у нее трехлетняя дочь. Или что подруга старше меня. Едва заметив ее сегодня утром на парковке перед университетом, я натурально застыла с открытым ртом. И до сих пор никак не отойду.

— Вот так, — говорит она, поигрывая плиссированной юбкой. — Если вдруг меня опять возьмется соблазнять какой-нибудь местный красавчик, я скажу, что собираюсь заявить на него за растление несовершеннолетних.

— Отличный план. Тебе поверят, — вот и все, что удастся мне сказать.

Как вы, наверное, уже догадались, мы начинаем новый семестр. В Бостонском университете, откуда когда-то ушла в академический отпуск Айрис. Если совсем честно, после оглушительного политического скандала, в результате которого Говарда Фейрстаха таскают по судам на протяжении нескольких последних месяцев, мое имя на слуху у каждой массачусетской собаки. И, наверное, попытайся я уехать в поисках лучшего американского образования, доступного мне по интеллектуально-материальным соображениям, меня бы приняли много куда с такой-то известностью, но Норт получил аспирантскую стипендию именно в Бостонском университете. И Айрис, пристроив Дафну в сад, решила продолжить обучение. Теперь нас трое. Трое — намного лучше, чем один. Это я уяснила железно. Но что еще более железно, так это кольцо на моем пальце. Норт — не тот человек, который смирится с моим многомесячным отсутствием. “Тебе больше не будет со мной холодно”, — гласит надпись на ободке. Как после такого причинить холод в ответ?

В общем, все хорошо у всех, кроме Ларри, который попрощался уже с двумя толковыми официантками. Он вроде как даже оттаял по отношению ко мне и милостиво согласился взять меня назад, но я его послала. И не зря: спустя пару недель тесного сотрудничества Хопс предложил мне место помощника юриста. Сказал, что после победы на выборах ему понадобятся надежные люди. Он не прогадал: выборы он выиграл. Не скажу, что работать с этим человеком легко, но и я, как известно, не хожу по пути наименьшего сопротивления, предпочитая что позаковыристей. Спустя какое-то время мы нашли контакт и собираемся продолжить в том же духе.

Впрочем, Хопс подсуетился не только в отношении меня. Он переманил и Надин Крайчер. Сейчас она строчит для него пресс-релизы. Даже щелкает как орешки — дар у нее такой, видимо. И, как я слышала, для нее уже готовят отличное местечко, ведь она на выпускном курсе. Джейден, с которым Надин все еще в отношениях, выиграл какой-то конкурс и теперь бегает по улицам Бостона с камерой, снимая документальное кино. А Стеф уехал в Калифорнию, пустив четырехлетнее обучение коту под хвост и сменив специализацию на бизнес. Сказал: «Душа к юриспруденции никогда не лежала — это все была отцовская воля. Трахайся, братец, с этим один». Клянусь, провожая его в далекий путь (на мотоцикле через всю Америку, Карл!), я рыдала громче, чем его пресловутый фан-клуб, пока Норт ревниво не пригрозил мне успокоительным. Стеф уехал за месяц до начала обучения, чтобы по дороге остановиться в каждом заинтересовавшем его городе. И каждый раз присылал нам по открытке с достопримечательностями. Под конец этого славного путешествия Норт участливо посоветовал брату провериться на венерические. И да, теперь они общаются. Эту свою маленькую победу я храню в особой шкатулочке в своем сердце.

У моей семьи все по-старому. За исключением того, что Хил получила права и гоняет на отцовской машине в Бостон каждые выходные, а мама нашла себя в волонтерской деятельности. Я их, как и обещала, своими визитами не балую.

Слишком идеально, чтобы быть правдой? Ладно, ловите и ложку дегтя. Мэри Кравиц получила пару месяцев условно и с подачи любимых родителей уехала завершать свое обучение в Европу, где про ее проделки еще никто не знает. А мисс Клосс, как и раньше, терроризирует наркотемой студентов Бостонского колледжа.

В моем кармане вибрирует телефон, и, взглянув на дисплей, я начинаю улыбаться: на фото Стеф на своем уже не таком сверкающем мотоцикле, в очках и кожаной куртке напротив пальм, флага с Калифорнийским медведем и какого-то еще, специфического, университетского наверное.

Весельчак: Как они тут живут? На такой жаре не выйдет быть крутым, как ни старайся. Придется переоблачиться в идиотские шорты и рубашки поло.

Тиффани: Уверена, ты найдешь способ. Попробуй островную тему. Расстегнутые рубашки с принтами и цветочные бусы. Или носи с собой везде доску для серфинга. Все любят серфингистов.

Написав это, запикиваю телефон в карман, поднимаю голову и вижу трех нимф, плывущих навстречу, причем опасно близко. Блондинка, брюнетка и рыжая, но в остальном типаж абсолютно одинаков. И на лицах лежит несмываемая печать очередной буквы греческого алфавита.

— Тиффани Фейрстах, не так ли? — начинает блондинка — та, что посередине. — Укротительница грязных политиков и жена одного из новеньких преподавателей юридической кафедры? Я Лиззи, это Хейли и Ванесса, — представляет она так, что я ни черта не понимаю, кто есть кто, за исключением главной.

— Мы хотим, чтобы ты вступила в сестринство, — продолжает брюнетка как ни в чем не бывало. — Ты ведь состояла в печально известной Каппе Мэри Кравиц.

Я утвердительно киваю, стараясь удержать на лице доброжелательно-нейтральное выражение, скопированное, вообще-то, у Норта.

— Отлично, — принимают мой кивок за согласие, да и как может быть иначе? Все же мечтают попасть в сестринство.

Еще несколько секунд нас с Айрис изучают взглядами. Меня — удовлетворенным, ее — недоуменным, потому что оделась она, конечно, слишком своеобразно.

— Только есть одно условие, — кокетливо тянет на этот раз рыженькая, стреляя глазами в кровожадно улыбающуюся блондинку. — На предпоследнем курсе учится один парень...

Тут она замолкает, лицо вытягивается.

— Да мать твою! Ни на минуту нельзя оставить! — раздается грозный рык из-за моей спины, и уже в следующую минуту Норт Фейрстах — новенький преподаватель юридической кафедры — подхватывает меня за талию и уносит подальше от этих чванливых пираний.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net